

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ
ПРОЦЕССЫ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АМЕРИКЕ
И МЕКСИКЕ**

НАЦИОНАЛЬНЫЕ
ПРОЦЕССЫ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АМЕРИКЕ
И МЕКСИКЕ

Академия наук СССР

Институт этнографии
имени Н. Н. Миклухо-Маклая

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКЕ И МЕКСИКЕ

Издательство «Наука»
Москва 1974

Редакционная коллегия:

С. А. ГОНИОНСКИЙ (ответственный редактор),
И. Ф. ХОРОШАЕВА

И $\frac{10602-030}{042(02)-74} 115-74$

© Издательство «Наука», 1974 г.

Введение

С. А. Гонимонский

Мексика и страны Центральной Америки завоевали независимость в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Хронологически процесс формирования мексиканской, гватемальской, гондурасской, костариканской, никарагуанской, панамской и сальвадорской наций начался после свержения в этих странах испанского колониального ига, хотя необходимые предпосылки этого возникли еще в колониальную эпоху.

Конкретный материал об особенностях национальных процессов в Мексике, Гватемале, Гондурасе, Коста-Рике, Никарагуа, Панаме и Сальвадоре читатель найдет в соответствующих разделах книги. Во «Введении» сделана попытка рассмотреть некоторые общие проблемы истории развития этих этнических образований, причем преимущественно на примере Центральной Америки, т. е. в государствах, возникших в первой четверти XIX в. на развалинах испанской колонии — генерал-капитанства Гватемала.

Специфика исторического и национального развития этих стран состоит в том, что они довольно быстро восприняли современную цивилизацию. В начале прошлого века, как и большинство народов Латинской Америки, они уже создали независимые государства, в них возникли предпосылки формирования будущих наций, в частности — новые испаноязычные этнические общности. Процесс национального развития был длительным, сложным и многообразным. Возрастал и активизировался обмен продуктами материального производства, обмен духовными ценностями, преодолевалась местная замкнутость. Утверждение высшей формы товарного производства — капитализма — создало основу экономической целостности этнической территории. Одновременно возникли и развились общенациональные экономические и политические

интересы. Все признаки нации — этнической общности нового типа — преобразовывались, опираясь на буржуазные экономические отношения. По мере экономической и политической консолидации нации становились все менее употребительными местные диалекты и создавался общенациональный язык, развивалась национальная культура, укреплялось национальное самосознание. Диалектика развития в данном случае состояла в том, что формирование национальной культуры, национальных традиций в свою очередь содействовало экономической и политической консолидации. Важным аспектом развития нации являлось возникновение и упрочение ее национальной государственности. Отсутствие национальной государственности или ее замедленное становление сдерживало развитие нации.

В период независимого существования пять центральноамериканских республик — Гватемала, Гондурас, Сальвадор, Никарагуа и Коста-Рика — в силу ряда причин, о которых речь пойдет ниже, неоднократно пытались политически объединиться. В их исторических судьбах много общего. Национальное развитие их северного соседа — Мексики — шло самостоятельным путем.

Мексика, особенно Центральная и Южная, была одним из центров испанской колонизации, в то время как, например, даже густозаселенное нагорье Гватемалы было колонизационной окраиной, не говоря уже о других областях перешейка. Исключение составляла благодаря своему географическому положению лишь Панама, которая вплоть до начала XX в. административно входила в состав Колумбии.

Однако, несмотря на свою обособленность, по основным демографическим, территориальным социально-экономическим и политическим признакам она составляла неотъемлемую часть Центральной Америки.

Центральная Америка, являясь географическим центром Западного полушария, занимает исключительно важное стратегическое положение. Она соединяет Северную и Южную Америку, ее омывают на западе Тихий океан, а на востоке — Карибское море.

Территория современной Центральной Америки равна почти 500 тыс. кв. км, а население ее составляло в 1973 г. около 18 миллионов человек. Гватемалу, Гондурас, Коста-Рику, Никарагуа, Панаму и Сальвадор принято считать

небольшими государствами, однако это понятие относительное. Коста-Рика, территория которой равна 50 900 кв. км, больше таких европейских государств, как Дания, Швейцария, Голландия, Бельгия.

В последние годы в советской историографии исследование кардинальных вопросов истории развития Латинской Америки в целом и отдельных, наиболее крупных стран континента заметно активизировалось, однако комплексное изучение проблем Центральной Америки находится в зачаточном состоянии. В разное время были опубликованы исследования, посвященные различным проблемам истории и экономики отдельных стран Центральной Америки, а в 1972 г. появилось серьезное исследование Н. С. Леонова «Некоторые проблемы политической истории Центральной Америки XX столетия»¹.

Что же касается этнической истории, то Центральная Америка — один из наименее изученных районов американского континента.

Очень затрудняет исследовательскую работу сравнительно слабая археологическая изученность территории центральноамериканских стран. Некоторое исключение составляет Гватемала. О многих племенах и народах сохранились лишь упоминания в ранних хрониках, скудные и отрывочные сведения.

В советской литературе первая попытка изучения этнической истории Центральной Америки и Мексики была предпринята группой авторов в капитальном труде «Народы мира»².

С серьезной заявкой на изучение этнических общностей Центральной Америки в колониальный период выступила И. Ф. Хорошаева, опубликовавшая в 1964 г. статью «Население Центральной Америки в колониальный период», где отмечалось, что «Центральная Америка, несмотря на то, что через нее прошли предки создателей величайших южноамериканских цивилизаций — чибча и инков, несмотря на то, что ее север (Гватемала и частично Гондурас) входил в ареал „Древнего царства“ майя, оказалась заселенной ко времени конквисты сравнительно отсталыми земледельческими народами и мелкими племенами охотников-собирателей. Основной приток населения в период перед испанским завоеванием шел с севера, из мексиканских и гватемальских центров высоких цивилизаций»³.

В последние годы в связи с глоттохронологическими исследованиями языков коренного населения Америки появилась новая возможность реконструировать этническую историю бесписьменных народов или народов, чья письменность еще не прочтена. Интереснейшая попытка подобной реконструкции, основанная на новейших глоттохронологических и археологических данных, предпринята в статье Р. В. Кинжалова, помещенной в этой книге.

Территорию Мексики и Центральной Америки до испанского завоевания населяли многочисленные индейские племена и народы, уровень развития которых был неоднороден. У некоторых народов к приходу испанцев уже сложилось раннеклассовое общество, имелись первые государственные образования, высокого уровня достигли ремесла и искусство; другие же находились на стадии первобытнообщинного строя, занимались примитивным земледелием, собирательством и охотой. Эти индейские племена и народы говорили на языках по крайней мере десяти различных лингвистических семей.

Завоевание европейцами Средней Америки так же, как и всего континента, означало радикальное изменение судеб племен и народностей, населявших эти районы. Появились новые этнические компоненты. Развитие этнических общностей коренного населения пошло по иному пути.

Появление в 1501 г. испанских конкистадоров у берегов Центральной Америки положило начало трехсотлетнему колониальному периоду. С 1513 г. началось завоевание Центральной Америки, причем испанцы сразу же оценили стратегическое и торговое значение самой узкой части перешейка — Панамы. В 1519 г. они вторглись в Мексику. Таким образом, завоевание Центральной Америки началось с юга — из Панамы и с севера — из Мексики. «Наступление европейцев на индейцев было стремительным, жестоким и безудержным», — пишет У. Фостер в своей работе «Очерк политической истории Америки»⁴.

К концу первой четверти XVI в., несмотря на упорное сопротивление многих индейских народов, испанцы проникли во все наиболее освоенные индейцами районы Центральной Америки. Поначалу Христофор Колумб и другие конкистадоры были убеждены, что Централь-

ная Америка необычайно богата золотом, но когда их надежды не оправдались, они потеряли всякий интерес к этому региону. Однако колонизация перешейка продолжалась, но она приняла особую форму: Центральная Америка превратилась в поставщика рабов. Конкистадоры захватывали индейцев в плен, клеймили их и торговали ими как рабочим скотом. Обезлюдели целые районы.

Колонизация большей части Гватемалы, где имелось сравнительно развитое земледельческое хозяйство, происходила так же, как и колонизация Центральной и Южной Мексики. Плодородные земли Мексики и Гватемалы были быстро поделены между завоевателями. За вновь приобретенными поместьями были закреплены огромные массы индейцев. Так насаждалась энкомьендарная система. Позднее началось образование латифундий и долговое закрепощение индейцев. Аграрно-сырьевая экономика в колониальный период работала исключительно на метрополию, в отрыве от мирового рынка. Принудительный труд местного населения и феодально-военная организация общества — таковы характерные черты застойной экономики колониального периода. Колонизация привела к тому, что индейские общества постепенно втягивались в новые феодальные, а затем — капиталистические отношения.

Завоевание Центральной Америки закончилось в основном к 1570 г., хотя огромные территории, особенно вдоль карибского побережья, еще оставались вне пределов испанского господства.

Приход испанцев в Центральную Америку достаточно быстро отразился на этническом составе, ибо сразу же началась метисация, — смешение белых с индейцами. Конкистадоры вступали в законные, а чаще — незаконные браки с индейскими женщинами, заводили наложниц. Смешанное испано-индейское население быстро росло. Таким образом, характерной чертой этнической истории большинства стран Центральной Америки являлся этот очень рано начавшийся процесс метисации. С тех пор и вошли в обиход слова «метис» и «ладино», обозначающие людей испано-индейского происхождения. В большинстве своем метисы пользовались испанским языком, в их материальной и духовной культуре были очень ощутимы испанские элементы. В социальном плане они занимали промежуточное положение между испанцами и

креолами *, с одной стороны, и индейцами — с другой. Метисы составили базу мелкого крестьянства, хотя надо иметь в виду, что социальный состав их был пестрым.

На первом этапе колонизации метисное население концентрировалось вокруг городов, где селились испанцы, но постепенно продвигалось во все новые и новые районы Центральной Америки.

В формировании современных наций в Центральной Америке участвовали не только индейцы и испанцы. В этом сложном процессе приняли участие и негры. Первые африканцы появились в Центральной Америке уже в начале XVI в. — в качестве слуг, сопровождавших испанских завоевателей. Позднее, когда колонии стали нуждаться в рабочей силе, начался ввоз негров-рабов из различных, преимущественно западных районов Африки. Следует, однако, заметить, что влияние негров на формирование центральноамериканских наций, если не считать Панамы, было значительно меньшим, чем влияние испанцев. Общее количество африканских негров, ввезенных испанцами в Центральную Америку, было незначительным.

Воздействие негритянского компонента на современное население стран Центральной Америки, кроме Панамы, отражают сохранившиеся у отдельных групп негроидные признаки. Большинство же негров, ввезенных сюда в колониальный период, было ассимилировано индейским и метисным населением.

В Панаму же в силу географических и экономических условий, было завезено сравнительно большое число негров. Они использовались для обслуживания «королевской дороги», соединявшей два океана. Большую роль в истории Панамы, как и других стран Центральной Аме-

* Термин «креол» условен и неточен. В Америке креолами называли чаще всего людей, родившихся здесь от «чистокровных» европейцев. На самом деле большинство креолов имели примесь индейской, а подчас негритянской крови. Большую часть помещиков, колониальной интеллигенции, низшего духовенства, офицеров составляли креолы. Формально креолы пользовались равными с уроженцами метрополии правами. В действительности же они подвергались дискриминации и очень редко «пробивались» на высшие должности. В свою очередь креолы презрительно относились к индейцам и вообще к «цветным», третировали их как представителей низшей расы.

рики, сыграли беглые черные рабы, так называемые «симарроны». Их частые восстания представляли угрозу для испанских властей.

К концу колониального периода численность индейского населения Центральной Америки, пережившего катаклизм порабощения, заметно уменьшилась. Картина расселения его в разных районах перешейка выглядела поразному.

Самым многочисленным было оно в Гватемале, в других районах оно почти полностью исчезло.

Решающие изменения произошли в этническом и расовом составе населения, который стал к тому времени более пестрым и сложным — за счет смешений и пришлых групп. Необходимо, однако, отметить, что уже в то время вследствие географической изолированности, отсутствия дорог и средств сообщения, специфики хозяйства, локальных языковых и психических особенностей, и т. п. сложилось шесть совершенно независимых ареалов расселения смешанных в расовом отношении испаноязычных групп (в Гватемале, Гондурасе, Коста-Рике, Никарагуа, Панаме и Сальвадоре). Внутри каждого из этих ареалов начала складываться этническая общность, языковой основой которой был испанский язык. Этому способствовала и система административного управления колониями, введенная испанской короной. В 1535 г. было образовано вице-королевство Новая Испания, куда вошли Мексика, Центральная Америка и Вест-Индия. В 1560 г. было создано генерал-капитанство Гватемала, включавшее пять провинций центральноамериканского перешейка и части нынешней Мексики.

Вопрос о численности населения Центральной Америки без Панамы, т. е. генерал-капитанства Гватемала, к началу испанской колонизации очень спорный. В оценках имеются серьезные расхождения. По некоторым подсчетам, население Центральной Америки доходило чуть ли не до 10 млн. человек, согласно другим предположениям — индейцев было 3 миллиона. Наконец, по сведениям специального американского справочника, посвященного индейцам Средней Америки и вышедшего в 1966 г., население перешейка составляло 736 тыс. человек⁵. Последняя цифра нам кажется наиболее вероятной, она логичнее других связана с данными первой официальной переписи, проведенной в странах Центральной

Америки в 1803—1804 гг. Эти данные таковы ⁶:

индейцев	578 236
метисов	318 370
испанцев и креолов	140 815
Всего	<hr/> 1 037 421

Стало быть, в целом в начале XIX в. в Центральной Америке все еще преобладало индейское население. Однако уже тогда в некоторых районах — например, в Сальвадоре — метисы составляли 54,1% населения ⁷.

Индейцы внесли огромный вклад в формирование большинства современных наций Центральной Америки. Все духовные и материальные ценности, накопленные индейцами за тысячелетия самостоятельного развития и за последующие столетия, являются неотъемлемой частью культуры народов Центральной Америки. Некоторые индейские орудия труда, применявшиеся и до прихода испанцев, и во время колонизации, в ходу и поныне. Индейцы Мексики и Центральной Америки создали замечательные сельскохозяйственные культуры — например, такую, как кукуруза. Кроме того, индейцы выращивали фасоль, тыкву, перец, помидоры, табак. Им принадлежит честь открытия каучука, изобретения способа его добычи. Индейские языки оказали некоторое влияние на грамматический строй испанского языка ⁸. Индейские слова прочно вошли не только в испанский и португальский, но и в английский, французский и некоторые другие европейские языки. Названия таких государств, как Мексика, Гватемала, Никарагуа и Панама, — индейского происхождения. Индейский язык, индейский фольклор, индейская литература — неразрывная часть культуры современных наций и Мексики, и Центральной Америки.

Эпоха господства Испании отмечена непрерывными индейскими восстаниями, расшатывавшими колониальную систему. Героическая борьба индейцев против конкистадоров явилась предвестником революционно-освободительной войны 1810—1826 гг., в которой индейцы тоже сыграли выдающуюся роль.

Война за национальную независимость в испанских колониях Америки вспыхнула в ночь на 16 сентября 1810 г., когда мексиканский патриот Мигель Идальго —

скромный священник из деревушки Долорес — ударом в колокол призвал народ к борьбе против испанских колонизаторов.

Как мы уже отмечали, история и национальное развитие Мексики освещены в отечественной литературе, поэтому мы сосредоточиваем внимание лишь на процессах, происходивших в странах Центральной Америки. Необходимо подчеркнуть, что борьба за независимость в Мексике вызвала подъем освободительного движения в Центральной Америке. В 1811 г. знамя восстания подняли сальвадорцы под руководством Николаса Агилара и Матиаса Дельгадо. И хотя восстание было потоплено в крови, освободительную войну на перешейке уже было не остановить. Никарагуанские патриоты тоже взяли за оружие. Борьба продолжалась 10 лет и увенчалась успехом. 15 сентября 1821 г. народы Центральной Америки приняли «Декларацию независимости». Восторжествовала идея создания единого государства, объединяющего всю Центральную Америку. Началась подготовка к выборам в первый федеральный конгресс, и сразу же произошел раскол между сложившимися политическими группировками. Землевладельцы образовали консервативные партии, они выступали за ограничение избирательных прав, за установление имущественного ценза для занятия должностей. Они опирались на мощную поддержку церкви и армии.

Война за независимость создала благоприятную почву для расцвета демократических идей. Началось формирование либеральных партий. Прогрессивно настроенные элементы из интеллигенции и торговой буржуазии выступили за федералистскую форму правления, за земельные реформы. Конгресс решил создать федеральную республику, сохранив, однако, за провинциями определенные права. По мнению ряда исследователей, именно это решение явилось одной из причин, обусловивших впоследствии нарушение единства Центральной Америки. Следовало, утверждают они, раздробить пять имевшихся тогда провинций на более мелкие административные единицы. С момента провозглашения независимости проблема объединения стран Центральной Америки в той или иной форме была и остается одной из самых жгучих, одной из наиболее трудно разрешимых; периодически эта проблема оказывалась в центре всей политической жизни Центральной Америки.

В ноябре 1821 г. диктатор Мексики Агустин Итурбиде пытался захватить всю Центральную Америку, его войска вторглись на перешеек. Созданная в Гватемале реакционная хунта объявила о присоединении всего бывшего генерал-капитанства к Мексике. Но сальвадорцы решительно воспротивились этому решению. Тогда мексиканские войска вторглись в Сальвадор и захватили его. В это время в самой Мексике произошли важные события: в марте 1823 г. Итурбиде был свергнут. В Гватемале была созвана новая ассамблея, принявшая «повторную» Декларацию независимости, и 1 июля 1823 г. уния с Мексикой была разорвана. В результате этой акции пять бывших провинций генерал-капитанства Гватемала объединились в новое государство — Соединенные провинции Центральной Америки.

В декларации Национальной учредительной ассамблеи объявлялось, что центральноамериканские провинции «составляют суверенную нацию». Но существование «нации» было лишь провозглашено, практически население этого района не объединялось сколько-нибудь существенными социальными, экономическими, этническими и другими связями.

По конституции федерации, провозглашенной 22 ноября 1824 г., двухпалатный конгресс, представлявший пять республик, наделялся верховной властью; он состоял из 17 человек, избравшихся всенародным голосованием. Первым президентом федерации стал Мануэль Хосе Арсе. Учредительное собрание отменило рабство и объявило свободными всех беглых рабов, находившихся на территории федерации.

Свержение испанского владычества и завоевание независимости содействовали национальному развитию центральноамериканских стран. Однако процесс этот происходил в сложных условиях: на разных этапах брали верх то объединительные, то сепаратистские тенденции. Кроме того, очень большую роль играли внешнеполитические факторы — заинтересованность «великих держав» в политической раздробленности перешейка.

В 1829 г. лидер либералов, представитель гондурасского народа Франсиско Морасан возглавил отряды патриотов, разгромил консерваторов во всей федерации и приступил к проведению радикальных реформ. Консерваторы и церковь не смогли смириться с утратой привилегий.

Церковники, пользуясь своим влиянием на суеверных индейцев, стали натравливать их на либералов. Когда в 1836—1837 гг. началась эпидемия холеры, священники с амвона убеждали индейцев, что в ней повинны либералы. В результате вспыхнуло восстание, которое возглавил метис Рафаэль Каррера. Гватемала вышла из федерации, и в 1839 г. федерация развалилась.

Центральноамериканская федерация просуществовала всего 17 лет — с 1821 по 1838 г., и все эти годы шла отчаянная борьба за сохранение единства центральноамериканских народов. Особая роль в этой борьбе выпала на долю Франсиско Морасана, последнего президента Центральноамериканской федерации. Он до конца отстаивал идею единства и погиб на эшафоте в Коста-Рике в 1842 г.

С 1839 г. Гватемала, Гондурас, Коста-Рика, Никарагуа, Сальвадор существуют как независимые республики.

После распада федерации государства Центральной Америки все более попадали под влияние Великобритании и США. Слабые, раздираемые внутренними противоречиями и борьбой за власть, они становились легкой добычей империалистических держав. «Владычица морей» еще в XVII в. захватила часть генерал-капитанства Гватемала — Белиз (Британский Гондурас). Этот поросший тропическим лесом клочок земли долгое время был местом стычек между испанскими конкистадорами, прибывшими туда в начале XVI столетия, и английскими пиратами, часто наведывавшимися в фактории поселенцев. С достижением независимости граничащая с Британским Гондурасом Гватемала также предъявила свои права на эту землю. Однако Лондон не собирался отказываться от территории, расположенной в 10 тыс. километров от английских берегов. В 1740 г. англичане закрепились в Москитии, а в 1796 г. захватили остров Роатан и прилегающие мелкие острова.

В XIX в. между Великобританией и США развернулась борьба за контроль над центральноамериканским перешейком как территорией, через которую должен пройти межокеанский канал. В 1841 г. Англия установила протекторат над Москитовым Берегом, а в 1849 г. захватила остров Тигре в заливе Фонсека (Тихий океан), обещав себе таким образом контроль над предполагавшейся трассой канала.

Принципы внешней политики США в Латинской Америке были изложены президентом США Джеймсом Монро 2 декабря 1823 г. в послании конгрессу, в котором под видом защиты независимости молодых латиноамериканских государств провозглашалось исключительное право США на вмешательство в дела любой страны Западного полушария. Своей односторонней акцией Соединенные Штаты установили нечто вроде опеки над южными соседями и использовали в экспансионистских целях любой повод для вмешательства в их внутренние дела. Всего через два года после провозглашения доктрины Монро, в 1825 г. американские солдаты высадились в Пуэрто-Рико, а десять лет спустя — в Перу. В 1846 г. был установлен американский контроль над Панамским перешейком. С этого года США вели агрессивную войну против Мексики и аннексировали почти половину мексиканской территории.

Новой Гранаде (так называлась тогда Колумбия) они навязали договор «о мире, дружбе, торговле и мореплавании», по которому получили право беспопытного транзита через Панамский перешеек.

В результате длительной дипломатической борьбы в 1850 г. между Англией и США был заключен договор Клейтона-Булвера о строительстве и обороне канала. По условиям договора, все межокеанские пути были открыты как для Англии, так и для США. США и Англия обязались не подчинять своему влиянию и не оккупировать какую-либо часть Центральной Америки. Хотя Соединенные Штаты заключили такое «перемирие» с Великобританией, они тем не менее продолжали теснить своего соперника. В 1850—1855 гг. они построили на территории Панамы железную дорогу, соединившую два океана.

К этому же периоду относятся попытки США захватить новые территории и аннексировать всю Центральную Америку. В 1852 г. американский авантюрист Уильям Уокер с группой головорезов высадился в Нижней Калифорнии, принадлежавшей Мексике, и, заявив об аннексии мексиканского штата Сонора, провозгласил «независимую республику Сонора». Это была попытка повторить прием, при помощи которого в 1836 г. мексиканский Техас превратился в «независимую республику».

Мексиканский народ выступил против агрессивных акций, инспирированных правящими кругами США, и вско-

ре банде Уокера пришлось покинуть страну. Но на этом дело не кончилось, Уокер решил попытать счастья в Центральной Америке, в независимых странах которой бушевали тогда междоусобные войны. В июне 1855 г. он с группой наемников высадился в Никарагуа и установил над нею фактический контроль⁹. 12 июля 1856 г., окончательно сбросив маску, Уокер провозгласил себя «президентом» Никарагуа. Правительство США тотчас признало американского гражданина Уокера «законным» президентом.

Опасность, нависшая над народами Центральной Америки, вызвала ответные действия, привела к объединению усилий никарагуанского народа. На помощь ему пришли другие страны перешейка — в первую очередь Коста-Рика и Сальвадор. Началась война справедливо названная «Национальной» (1856—1857). Выдающуюся роль в ней сыграл тогдашний президент Коста-Рики, человек прогрессивных взглядов, Хуан Рафаэль Мора. В 1857 г. под ударами объединенных народных армий Уокер был изгнан из Центральной Америки. Позднее он еще дважды пытался вернуться к власти. В 1860 г. Уокер был расстрелян гондурасскими патриотами. Национальная война против американских захватчиков закончилась победой народов Центральной Америки. Эта война имела не только военно-политическое значение, она оказала огромное влияние на самосознание народов Центральной Америки, ускорила процессы национального развития. Начальный этап процесса становления наций в Центральной Америке, совпавший с завоеванием политической независимости, консолидацией территории стран и достижением определенной степени зрелости национального самосознания, приходится именно на 1820—1860 гг.

При этом следует иметь в виду, что силы объединения, представлявшие самые различные слои населения, приходили в столкновение с факторами глубокой отсталости, с провинциальной замкнутостью, косностью и недоверием к соседям.

Что касается отдельных стран, то их позиции в вопросе об объединении были различными. Так, Гватемала стремилась к воссоединению, надеясь играть ведущую роль в федерации; активно поддерживали идею единства Гондурас и до некоторой степени — Сальвадор. Однако Коста-Рика и Никарагуа решительно выступали против.

Коста-Рика, экономически более развитая, чем ее соседи, не хотела терять достигнутого, а правители Никарагуа, надеясь, что на территории их страны будет построен межокеанский канал, ни с кем не хотели делить предстоящие возможные выгоды. Как бы то ни было, безуспешные попытки объединения стран Центральной Америки, столь необходимого для противоборства империализму США, продолжались ни много ни мало сто двадцать лет.

Между тем, американские компании, все глубже проникавшие в экономику перешейка, опасались единения народных сил и потому натравливали народы стран Центральной Америки друг на друга, провоцировали братоубийственные войны. Спор о границе между Сальвадором и Гондурасом из-за территории общей площадью 800 кв. км тянется с 1861 г. Споры и войны между Никарагуа и Гондурасом, Никарагуа и Коста-Рикой, Никарагуа и Сальвадором омрачают историю Центральной Америки.

С середины прошлого века происходили определенные изменения в этническом составе центральноамериканских стран, росла численность населения.

Страны	Численность населения в тыс. человек	
	в 1850 г.	в 1900 г.
Гватемала	850	1450
Гондурас	350	443
Коста-Рика	125	285
Никарагуа	300	448
Сальвадор	394	1168

Помимо роста абсолютной численности населения, для большинства стран был характерен быстрый рост этносоциальных групп смешанного происхождения — метисов. Определились также локальные группы метисов со специфическими чертами данного района. Новая особенность этого периода состоит во все большем соприкосновении метисов с индейцами и в размывании этой последней группы. Однако часть индейцев по-прежнему почти не имела контактов ни с метисами, ни с «белыми», ни с неграми. «Дикие» индейцы оказали упорное пассивное сопротивление ассимиляции.

Все посвященные этому периоду социально-экономические исследования, появившиеся как в XIX в., так и

в наше время, свидетельствуют о том, что и в новых независимых государствах индейцы находились на самой нижней ступени социальной лестницы. С середины прошлого века правительствами стран Центральной Америки издавались законы, предусматривавшие защиту элементарных прав индейцев, но на практической деятельности административных органов эти законы почти не отражались. «Защита» индейцев ограничивалась общими декларациями.

В этот же период в странах перешейка, как и в большинстве латиноамериканских стран, были приняты законы о гражданстве и натурализации. Иностранец мог натурализоваться либо женившись на женщине, имеющей местное гражданство, либо прожив в данной стране несколько лет, либо приобретя недвижимое имущество. Однако, несмотря на все эти поощрительные меры, заметного роста населения за счет притока эмигрантов не наблюдалось.

С победой освободительных революций в первой четверти XIX в. центральноамериканские страны оказались включенными в систему мирового капиталистического разделения труда в качестве поставщиков сырьевых и продовольственных товаров. Переход домонополистического капитализма в его империалистическую стадию предшествовал началу испано-американской войны 1898 г., которая развернулась вблизи от Центральной Америки и привела к углублению зависимости стран перешейка от империализма США.

Основой экономики стран Центральной Америки, как и в наши дни, являлось сельское хозяйство, точнее — производство нескольких культур: кофе, хлопка, бананов; они же составляли главные статьи экспорта этих стран преимущественно в США. Поскольку бананы являлись когда-то основой экономики Центральной Америки, империалистическая пресса США презрительно именovala центральноамериканские страны «банановыми республиками». Центральная Америка стала поставлять бананы в США с начала 70-х годов прошлого века. Началось с того, что в 1870 г. американец Бэйкер, капитан рыболовной шхуны, отведав в одном из портов Центральной Америки бананов, нагрузил свою шхуну этими экзотическими фруктами и отвез их домой в Джерси-сити, где продал и получил такой барыш, о котором и не помышлял. С того времени

началась «банановая лихорадка». Две американские «банановые» фирмы, поначалу соперничавшие, в 1899 г. объединились: так возникла знаменитая «Юнайтед фрут компани» (ЮФКО), захватившая миллионы гектаров плодородных земель и господствовавшая в экономике ряда стран Центральной Америки в течение десятилетий. В погоне за прибылью дельцы из ЮФКО не стеснялись в выборе средств. На территории плантаций этой компании действовали особые законы. Фактически ЮФКО была государством в государстве. Более того, американские военные корабли и морская пехота часто использовались компанией для организации государственных переворотов в этих странах¹⁰. Об этом в одном мексиканском журнале было сказано: «Для достижения своей цели компания не останавливается ни перед чем. Если необходимо разорить целую нацию, то нация будет разорена»¹¹.

ЮФКО вместе с 67 дочерними компаниями располагала капиталом в 400 млн. долларов. В Латинской Америке она действовала в основном в Гондурасе, Коста-Рике, Панаме, Гватемале, а также в Колумбии и Эквадоре — контролировала от 16 до 92 процентов всего производства бананов в этих странах.

Американский журнал «Нэйшн» писал в 1970 г.: «Юнайтед фрут» — это империя, созданная на крови и поте республик Центральной Америки... Она не любит, чтобы ее называли спрутом, но в Латинской Америке иначе ее не называют»¹².

Конец XIX и начало XX в. характеризуются, как уже указывалось, усилением экспансии США в Центральную Америку. Этому способствовала и победа в испано-американской войне.

После захвата Кубы, Пуэрто-Рико и Филиппин особенно актуальным стал вопрос о Панамском канале. Руководители американского правительства призывали захватить Панамский перешеек. В декабре 1898 г., вскоре после окончания испано-американской войны президент Мак-Кинли заявил: «Постройка межокеанского канала в настоящее время является, как никогда, необходимой для быстрой связи между нашими восточными и западными берегами, необходимой в силу оккупации островов Гавайи и перспективы распространения нашего влияния и торговли на Тихий океан. Наша национальная политика требует сейчас, как никогда, чтобы каналом владело наше

правительство»¹³. Не менее характерным является и высказывание Теодора Рузвельта четыре месяца спустя после окончания войны 1898 г.: «Мы не можем сидеть в пределах своих границ и открыто признавать себя просто преуспевающими торговцами, которые не интересуются тем, что делается в мире. В борьбе за морское и коммерческое превосходство мы должны крепить нашу мощь вне наших границ. Мы должны построить межокееанский канал и захватить все преимущества, которые дадут нам возможность сказать свое слово при разрешении судьбы океанов Востока и Запада»¹⁴.

Экономическая и стратегическая заинтересованность США в Центральной Америке, изменение в пользу США обстановки в зоне Карибского моря и в Центральной Америке после испано-американской войны привели к тому, что США активизировали свое вмешательство во внутренние дела латиноамериканских стран и провозгласили так называемую «политику большой дубинки». В первую очередь американский империализм обратил свои взоры на страны Центральной Америки. В поисках новых рынков, дополнительных источников сырья и сфер выгодного приложения капитала США торопились со строительством трансконтинентального канала. Со стратегической точки зрения постройка канала также представляла для США огромный интерес; экспансионисты США рассматривали строительство канала как исключительно важную предпосылку для установления господства на континентах Запада и Востока.

Чтобы заняться практическим осуществлением строительства Панамского канала, США прежде всего необходимо было избавиться от некоторых статей договора Клейтона-Булвера, заключенного с Великобританией в 1850 г. В это время неудачи в англо-бурской войне нанесли чувствительный удар по международному политическому престижу Англии. Кроме того, англо-бурская война началась в момент очередного обострения англо-французских и англо-русских отношений. Американская дипломатия решила этим воспользоваться.

18 ноября 1901 г. был подписан новый договор Хэя-Паунсефота, ознаменовавший полную победу США над Англией. Англия отказывалась от всяких претензий на Панамский канал и признавала гегемонию США на Панамском перешейке. США получили право строить канал,

эксплуатировать его и управлять им. Президент Колумбии Маррокини по этому поводу заметил: «Исчезли препятствия на пути так называемого американского империализма, и правительство США может осуществить свой суверенитет в Центральной Америке, располагая терпимым отношением или согласием европейских правительств»¹⁵.

Начиная с 1856 и до 1903 г., т. е. в течение почти 50 лет, Панама была блокирована военными кораблями США. За этот период США 14 раз оккупировали Панаму. Однако панамский народ не смирился, он неустанно боролся за создание самостоятельного государства, и в 1903 г. Панама завоевала, наконец, независимость, отделившись от Колумбии. Это было 3 ноября, а уже 18 ноября 1903 г. США навязали небольшой беззащитной стране колонизаторский договор, согласно которому Панама разрешила Соединенным Штатам в так называемой «зоне канала» — полосе земли шириной 16 км, проходящей через всю территорию Панамы, строить и затем эксплуатировать межконтинентальный канал. С тех пор американские государственные деятели и юристы пытаются доказать, что США являются сувереном в зоне Панамского канала. В действительности территория этой зоны не была передана Соединенным Штатам. В договоре нет ни единого слова ни о передаче территории, ни о передаче суверенитета над зоной канала Соединенным Штатам.

Отделение Панамы от Колумбии определялось целым рядом факторов. Колумбийско-панамские связи никогда не были особенно прочными, что в значительной мере объясняется географической обособленностью Панамы, отсутствием коммуникаций, а также своеобразием ее исторического развития. На протяжении многих лет центральная власть душила развитие перешейка и экономика Панамы переживала глубокий кризис, чему способствовали также «гражданские войны», усилившие разруху. Следует учесть и давнее стремление панамского народа к независимости. Образование независимой республики дало мощный импульс развитию панамской нации.

XX век в Центральной Америке характеризуется форсированным проникновением империалистов США, военной оккупацией большинства стран и установлением долготлетних проамериканских диктатур. В 1911 г. США высадили части морской пехоты в Никарагуа; два года

спустя, при активном участии морских пехотинцев в Никарагуа были проведены президентские «выборы», а 5 августа 1914 г. в Вашингтоне был подписан кабальный договор, по которому правительство Никарагуа предоставило США «на вечные времена» и без всяких налогов исключительные права на сооружение и использование канала по реке Сан-Хуан и по Великому озеру. «Для охраны своих интересов» США получили в аренду сроком на 99 лет острова Большой и Малый Корн, а также право на постройку морской базы на территории Никарагуа. За это США обязались уплатить правительству Никарагуа 3 млн. долларов.

При обсуждении договора в сенате США даже некоторые сенаторы были смущены его откровенно грабительским содержанием. Так, сенатор Бора заявил: «Я никогда не считал, что договор с Никарагуа — это договор с никарагуанским народом. Мы просто заключили договор сами с собой. Мы заключили договор с правительством, которое было нашим орудием»¹⁶.

Накануне первой мировой войны президент США Уильям Тафт провозгласил новую политику, получившую название «дипломатии доллара». Суть ее сводилась к использованию экономической мощи Соединенных Штатов (кабальные займы, кредиты и т. п.) для проникновения американского капитала за границу — в первую очередь в страны Латинской Америки. Иначе говоря, откровенную военную интервенцию американские империалисты дополнили интенсивным экономическим вмешательством. «Дипломатия доллара» в сочетании с политикой «большой дубинки» приносила американским монополиям и банкам огромные прибыли. Поддерживая антинародные режимы в Центральной Америке, нефтяные, медные, алюминиевые и другие монополии, банки и железнодорожные компании США расхищали природные богатства латиноамериканских стран, становясь своего рода государствами в государствах.

Осенью 1914 г., ценой многих человеческих жизней (на строительстве канала погибло более 60 тыс. рабочих) американцам удалось завершить постройку Панамского канала. 16 августа 1914 г. по каналу прошло первое судно, но открытие канала задержалось на долгие годы из-за оползней. Официальное открытие состоялось лишь 12 июня 1920 г.

Панамский канал мог бы явиться могучим средством укрепления связей между народами всего мира, стимулом экономического развития многих стран и в первую очередь стран Латинской Америки. Но зона канала фактически превратилась в колонию США, в их крупнейший опорный пункт в Карибском бассейне.

Вторжение североамериканского капитала в экономику страны, постоянная дискриминация панамцев и упорный отказ правительства США признать суверенитет Панамы над зоной канала вызвали у панамского народа бурное возмущение. Об этом свидетельствует вся история его освободительной борьбы начиная с 1904 г.

Первая мировая война, ослабив мировую капиталистическую систему, подготовила и в Латинской Америке благоприятную почву для восприятия революционных идей, для распространения марксистско-ленинской теории.

Огромную роль в пробуждении самосознания народов Латинской Америки сыграла Октябрьская революция.

«Социалистическая революция в России,— писал У. Фостер,— ... была лучом света и надежды для миллионов угнетенных и эксплуатируемых рабочих и крестьян во всех странах западного полушария, от Канады до Аргентины»¹⁷.

Проникновение капиталистических отношений в экономику стран Центральной Америки способствовало процессам национальной консолидации. Развитие стран Центральной Америки в этот период происходило под знаком борьбы против монополий США и местной реакции: ускорился процесс классовой дифференциации, росло классовое сознание пролетариата. Так, в Панаме в 1919 г. начал выходить прогрессивный журнал, в котором помещалось много материалов об Октябрьской революции, о В. И. Ленине. В 1920-х годах под идейным влиянием Октябрьской революции здесь возникли революционно-патриотические течения. В уставе Всеобщего профсоюза трудящихся Панамы нашло отражение концепция классовой борьбы. Возникшее в те годы прогрессивное рабочее движение крепло, его авангардом стали Народная (коммунистическая) партия Панамы и Профсоюзная федерация трудящихся. В 1920 г. произошли первые забастовки сальвадорских трудящихся. В 1923 г. в стране возникли первые профсоюзы и секция Коммунистической партии Центральной Америки (с 1928 г. она стала называться Коммунисти-

ческой партией Сальвадора). Вскоре была создана Конфедерация трудящихся Центральной Америки, сальвадорские профсоюзы тоже объединились в единую мощную федерацию трудящихся.

В начале двадцатых годов положение во всех странах Центральной Америки было напряженным. То там, то тут вспыхивали мятежи и восстания. Очередная попытка создать федерацию стран Центральной Америки не удалась. Как и раньше, этому мешали США. В декабре 1922 г. в Вашингтоне открылась конференция стран Центральной Америки с участием США. Было принято решение не признавать правительства, пришедшие к власти «в результате государственного переворота или революции, направленной против существующего правительства, до тех пор, пока выбранные народом представители не закрепят законным путем политические изменения в стране»¹⁸. Вашингтонское совещание приняло еще одно решение — о создании в странах Центральной Америки «национальной гвардии», иными словами, жандармерии. Постановление это предполагало, что вновь создаваемый военный корпус будет находиться в полной зависимости от Пентагона и «присматривать» за ним будут американские инструкторы. Вашингтонские решения привели к дальнейшему укреплению влияния США в странах Центральной Америки.

Особенно это показательно на примере Никарагуа. Много раз США вмешивались во внутренние дела этой страны и сажали на пост президента своих агентов. Но в середине 1927 г. никарагуанский народ поднялся с оружием в руках на борьбу против американских захватчиков. Народное восстание возглавил Аугусто Сесар Сандино. Его слова «Лучше умереть, чем жить в рабстве, мы не сложим оружия до тех пор, пока землю Никарагуа не покинет последний солдат морской пехоты США»¹⁹, облетели весь мир.

Семь лет вел Сандино трудную, упорную борьбу. 12 тыс. вооруженных до зубов американских захватчиков не могли сломить сопротивление партизанской армии, насчитывавшей не более 2 тыс. человек. «Высшей честью для меня, — писал Сандино, — является то, что я вышел из числа угнетенных, я плоть от плоти своего народа...»²⁰ События в Никарагуа получили широкий международный отклик. Выдающиеся деятели культуры — Ромэн Роллан,

Анри Барбюс, чилийская поэтесса Габриэла Мистраль, гватемальский писатель Мигель Анхель Астуриас — горячо поддерживали борьбу никарагуанских патриотов.

В 1933 г. американские войска вынуждены были покинуть Никарагуа, но оставили там банды вооруженных наемников во главе с выгучеником американской разведки генералом Анастасио Сомосой. 21 февраля 1934 г. Сомоса заманил Сандино в ловушку и приказал расстрелять.

С тех пор в Никарагуа у власти находится наследственная диктатура семьи Сомосы.

Впрочем, нечто подобное было характерно для всех стран Центральной Америки (за исключением Коста-Рики). Проамериканские диктаторы не гнушались никакими средствами, лишь бы усидеть подольше в президентских креслах. Так, в Гондурасе с 1933 по 1942 г. у власти находился Тибурсио Кариас Андино, Сальвадором с 1931 по 1944 г. правил М. Эрнандес Мартинес, Гватемалой с 1898 по 1928 г. — М. Эстрада Кабрера, а с 1931 по 1944 г. — Хорхе Убико. Всякий протест они топили в крови. Только при подавлении восстания в Сальвадоре в 1932 г. по приказу диктатора Мартинеса было зверски убито свыше 20 тыс. крестьян.

Диктаторы XX в. в отличие от своих предшественников стали опираться на США и американские монополии. «Центральная Америка, — пишет Н. С. Леонов, — видела немало диктаторов и в XX столетии, но это были, как правило, представители двух основных соперничавших сил: консервативной земельной олигархии, поддерживаемой церковью и реакционной военщиной, с одной стороны, и либеральной буржуазии, интеллигенции и других неконформистских элементов, с другой. В условиях затянувшегося конфликта между этими силами институт диктаторов был почти неизбежной попыткой одной из группировок, находившихся у власти, сохранить господствующее положение, не подвергать его риску испытания «свободными выборами» и т. д. В этот период диктаторы, если можно так выразиться, были своими, «доморощенными». Поскольку они опирались на хорошо им известные внутренние силы, то и политическое кредо их было предельно ясно...

С проникновением в Центральную Америку американских монополистов меняется природа и характер центральноамериканского политического деятеля. Отныне

политические лидеры подчиняют свою практическую деятельность, а зачастую и программные установки, в огромной, если не в решающей, степени интересам США и американских монополий»²¹.

Демократическое движение в Центральной Америке получило мощное развитие под влиянием побед Советского Союза во второй мировой войне. Наиболее яркой страницей истории тех лет является гватемальская революция 1944 г.

В течение многих десятилетий в Гватемале бесцеремонно хозяйничали американские монополии. Особое место в жизни страны занимала американская «Юнайтед фрут компани», обосновавшаяся там в 1906 г. Но гватемальский народ выступил с оружием в руках и сверг проамериканскую диктатуру Убико. С этого момента свержение демократического правительства Гватемалы стало одной из главных задач американской дипломатии. Только за период с 1946 по 1950 г. гватемальская реакция с помощью североамериканского оружия предприняла более 30 попыток свергнуть законное правительство. Но несмотря на все ухищрения Белого Дома и Пентагона, на президентских выборах 1950 г. ставленник американских монополий потерпел полное поражение; президентом был избран Хакобо Арбенс. Правительство Арбенса ограничило деятельность американских монополий. 17 июня 1952 г. национальный конгресс принял закон о демократической аграрной реформе. События в Гватемале всерьез обеспокоили империалистов США, и североамериканская разведка начала готовить свержение революционного правительства Арбенса. Документы, попавшие в руки правительства Гватемалы, неоспоримо свидетельствовали о связи заговорщиков с вашингтонскими властями.

Из вооруженных банд гватемальских эмигрантов и из вашингтонских агентов на территории Гондураса и Никарагуа была сколочена так называемая «Армия освобождения». Вооруженная интервенция началась 18 июня 1954 г.

Гватемальская армия остановила продвижение интервентов, а в ряде мест обратила их в бегство. Тогда агенты американской разведки во главе с послом Соединенных Штатов Перифуа подготовили заговор и свергли демократическое правительство. После этого были запрещены политические, профсоюзные, молодежные прогрессивные

организаций, тысячи людей были брошены в тюрьмы, расстреляны.

Гватемальская военщина и феодальная верхушка, установившие в стране террористический режим, пользовались и пользуются поддержкой американской военной миссии, по существу, выполняют ее указания. И в наши дни американские военные советники и солдаты частей специального назначения — «зеленые береты» — играют большую роль в проведении широких карательных мероприятий против развернувшегося в последние годы партизанского движения.

Обеспокоенные подъемом национально-освободительной борьбы в Гватемале, США выступили с предложением создать Организацию центральноамериканских государств (ОЦАГ), чтобы использовать ее для борьбы с демократическими силами. 14 октября 1951 г. внутри ОАГ появилась Организация центральноамериканских государств (ОЦАГ), в которую вошли пять стран: Гондурас, Сальвадор, Никарагуа, Коста-Рика и Гватемала. В хартии новой организации говорилось, что ее цель — «содействие укреплению уз братства», связывающих государства Центральной Америки, взаимные консультации «ради поддержания братского сосуществования в этом районе континента»²², мирное разрешение конфликтов, содействие экономическому, социальному и культурному развитию и т. д. Но естественное стремление слабых и отсталых стран Центральной Америки к объединению американские монополисты использовали в своих корыстных интересах. Объединение центральноамериканских стран в рамках ОЦАГ произошло на реакционной, антикоммунистической основе.

Победа революции на Кубе 1 января 1959 г., с одной стороны, привела к усилению национально-освободительной борьбы в странах Центральной Америки, а с другой — вызвала ответную реакцию империалистических кругов США и местной олигархии. Чтобы ослабить влияние кубинской революции, государственный департамент задумал осуществить объединение империализма США и олигархии стран Центральной Америки — так называемую интеграцию Центральной Америки. На протяжении последних ста лет народы Центральной Америки неоднократно пытались объединить усилия для того, чтобы совместно защищать независимость своих стран и добиваться улуч-

шения экономического положения. Но для США всегда была выгоднее разобщенность стран Центральной Америки. Когда же в пятидесятых годах пынешнего века унионистское движение вновь усилилось, теперь уже на основе объективных экономических интересов местной буржуазии, США изменили отношение к центральноамериканской интеграции с тем, чтобы использовать ее в своих интересах.

В декабре 1960 г. Гватемала, Гондурас, Никарагуа и Сальвадор подписали «Общий договор центральноамериканской экономической интеграции». Позднее к нему присоединилась и Коста-Рика. Центральноамериканский общий рынок (ЦАОР) нужен был Соединенным Штатам для расширения экспансии своих монополий в этом районе.

Но в большей степени, чем экономическая интеграция стран Центральной Америки, Вашингтон интересуется их политическое и в первую очередь военное объединение.

В военных планах Вашингтона Центральной Америке отводится особое место. Во-первых, страны Центральной Америки расположены в непосредственной близости от революционной Кубы. Во-вторых, в большинстве этих стран господствуют послушные США диктаторские режимы. Двусторонние военные пакты с США, заключенные в 50-е годы, поставили под контроль Пентагона сырье, ресурсы и вооруженные силы центральноамериканских стран. Военная интеграция стран Центральной Америки была предпринята в 1964 г., когда был официально создан Центральноамериканский совет обороны. Так началось создание центральноамериканской армии. В 1965 г. представители правительств Гватемалы, Гондураса, Никарагуа и Сальвадора подписали соглашение, по которому каждая страна обязалась выделять по 500 солдат и по 50 тыс. долларов в год на их содержание, чтобы их можно было использовать в случае необходимости в любой из указанных стран. Вооруженные силы стран Центральной Америки к 1967 г. насчитывали уже 47 тыс. хорошо вооруженных солдат²³.

Центральноамериканские вооруженные силы могут быть использованы не только для вмешательства во внутренние дела любой страны Центральной Америки, но и для участия в агрессивных действиях американских империалистов в других районах мира.

Пресловутый Центральноамериканский общий рынок не только не повлиял на развитие экономики, но, наоборот, привел к резкому ухудшению положения трудящихся, обнищанию масс. В настоящее время все республики, входящие в общий рынок, имеют дефицитные бюджеты и отрицательные платежные балансы. Последние пять лет дефицит платежного баланса стран Центральной Америки составляет не менее 60 млн. долларов в год. Объясняется это тем, что страны Центральной Америки вывозят преимущественно сельскохозяйственные товары: хлопок, сахар, кофе, бананы, цены на которые на мировом рынке, — и прежде всего в Соединенных Штатах, являющихся их главным потребителем, — в последние годы падают. Цены же на ввозимые этими странами (в основном из Соединенных Штатов) промышленные товары поднимаются. В конечном счете это обстоятельство наряду с другими факторами привело к кризису. Даже такой проамериканский журнал, как «Висьон», вынужден признать, что «центральноамериканский рынок переживает глубокий кризис»²⁴.

За десять лет пребывания в ЦАОР самая бедная страна Центральной Америки Гондурас потеряла на неэквивалентном обмене с ЦАОР 120 млн. долларов. Постоянный дефицит в торговле со странами, входящими в рынок, имела Коста-Рика.

Условия центральноамериканской интеграции отвечают лишь интересам действующих в этом районе монополий Соединенных Штатов. Центральная Америка превратилась для вкладчиков капитала буквально в Эльдorado. По данным Секретариата Центра интеграции, инвестиции американских компаний в Центральной Америке возросли с 37 млн. долларов в 1960 г. до 735 млн. долларов в 1971 г., причем прибыли только в 1972 г. составили 120 млн. долларов, т. е. почти 20% всей суммы вложенного капитала.

Между партнерами по сообществу развернулась конкурентная борьба. В большинстве случаев ее инициаторами были монополии США, стоящие за спиной крупнейших центральноамериканских компаний. В торгово-промышленных кругах членов объединенного рынка нарастало недовольство существующими формами интеграции. В 1969 г. такая политика стала одной из причин, которая привела к войне между Сальвадором и Гондурасом²⁵,

стоившей больших жертв и материальных потерь. Поводом послужил футбольный матч между командами Сальвадора и Гондураса, сопровождавшийся яростной шовинистической кампанией, захлестнувшей обе страны, что дало основание буржуазным агентствам печати окрестить этот вооруженный конфликт «футбольной войной». В действительности же причины лежали глубже. В рамках общего рынка обострились противоречия между буржуазией Сальвадора и Гондураса. Сальвадор — самая развитая страна Центральной Америки, и среди центральноамериканских стран именно Сальвадор извлек наибольшие выгоды из общего рынка. «Нейтральная» позиция США в сальвадорско-гондурасском конфликте является верхом цинизма: Пентагон вооружил как армию Гондураса, так и армию Сальвадора. «О каком нейтралитете США может идти речь, если их капиталовложения в обеих странах дают о себе знать каждый день, каждый час», — писал журнал «Куадернос американос»²⁶. Председатель сенатской комиссии по иностранным делам сенатор Фулбрайт прямо заявил, что Соединенные Штаты несут ответственность за войну между Сальвадором и Гондурасом.

Добиваясь новых уступок от правительства Гондураса или Сальвадора, США всегда вытаскивали на свет нерешенные проблемы границ и тем самым разжигали шовинизм в этих странах. Так было и в 1969 г. В обострении сальвадорско-гондурасских противоречий большую роль сыграл также демографический фактор. Дело в том, что Сальвадор — одно из самых маленьких государств Западного полушария, его территория не достигает 22 тыс. кв. км. Между тем, прирост населения там чуть ли не самый высокий на континенте: в последние годы он превышает 3% в год. В настоящее время (1973) население Сальвадора — более 3,5 млн. человек, плотность населения — более 160 человек на 1 кв. км. В то же время в соседнем Гондурасе, при территории в 112 тыс. кв. км, население едва достигает 3 млн. человек, а его плотность во много раз меньше, чем в Сальвадоре. Поэтому сальвадорская олигархия уже много лет поощряет переселение безземельных крестьян в Гондурас. К началу вооруженного конфликта в Гондурасе находилось около 300 тыс. сальвадорцев. В последнее время в Сальвадоре и Гондурасе усилилась борьба безземельных крестьян

за землю. И правительства этих стран воспользовались первым попавшимся предложением, чтобы отвлечь внимание своих народов от борьбы против общего врага — олигархии и империализма США.

Вооруженный конфликт нанес удар по общему рынку. В январе 1971 г. из ЦАОР вышел Гондурас. О выходе из сообщества подумывают и в Коста-Рике. Кризис ЦАОР — факт не случайный, это — проявление кризиса политики господствующих классов некоторых центральноамериканских стран, цепляющихся за сохранение отживших социально-экономических отношений, выгодных монополиям янки.

В специальной резолюции о центральноамериканской интеграции, принятой VIII конференцией коммунистических и рабочих партий стран Центральной Америки, Панамы и Мексики, состоявшейся в мае 1972 г., говорится: «Проблемы центральноамериканской интеграции постоянно находятся в центре внимания коммунистических и рабочих партий стран Центральной Америки, Панамы и Мексики...

В последние годы в рамках Центральноамериканского общего рынка чрезвычайно усилились проникновение и экономический контроль империалистов. Наибольшую выгоду от империалистического проникновения получают Соединенные Штаты, хотя в последние годы отмечается вмешательство не только развитых капиталистических стран Европы и Азии, но также и монополистической буржуазии Мексики, тесно связанной с интересами американских монополистов.

...Мы, коммунистические и рабочие партии стран Центральной Америки, Панамы и Мексики, всегда отстаивали справедливый тезис, согласно которому историческая необходимость взаимопонимания и братских связей центральноамериканских народов диктуется не только их географической, культурной и языковой общностью, но и требованиями экономического развития района. Но мы решительно боремся против навязываемой нам унификации, основанной на проникновении в наши страны, на империалистической эксплуатации, на усилении господства олигархии, на сохранении репрессивных антидемократических режимов, как это имеет место при происходящей ныне интеграции Центральной Америки»²⁷.

Позиция компартий Центральной Америки, как и дру-

тех стран Латинской Америки в целом, исходит из того, что процессы экономической интеграции следует рассматривать в связи с задачами национального освобождения, классовой борьбы. Самое главное в интеграционных процессах — внутренние преобразования при участии народных масс во главе с рабочим классом и его политическим авангардом.

Все страны Центральной Америки — аграрные, большая часть их самостоятельного населения занята в сельском хозяйстве (в Гватемале — 65,4%, Гондурасе — 67%, Коста-Рике — 48,2%, Никарагуа — 65%, Панаме — 43%, Сальвадоре — 58%). Сельское хозяйство дает от 20% валового национального продукта (Панама) до 44% (Гондурас). Ведущее место в сельском хозяйстве занимают экспортные культуры: кофе, бананы и хлопок. 50% экспорта Сальвадора составляет кофе; в Коста-Рике кофе и бананы дают 80% экспортных поступлений; в Никарагуа кофе и хлопок дают 60%, в Гондурасе и Панаме более 50% экспорта составляют бананы.

Страны Центральной Америки — это слаборазвитые, зависимые от североамериканского империализма страны, в которых преобладают капиталистические производственные отношения. Их экономика развивается ненормально: промышленные предприятия в большинстве служат придатками крупных монополий янки. Последние, вывозя свои прибыли, обескровливают экономику этих стран и препятствуют развитию национальной промышленности. Наблюдается тенденция перехода в руки иностранного капитала даже некоторых мелких предприятий, занимающихся производством товаров широкого потребления. Минеральные ресурсы, воздушный, железнодорожный и морской транспорт также в основном контролируются иностранным монополистическим капиталом.

В сельском хозяйстве стран Центральной Америки по-прежнему существуют отсталые формы производства, имеется многочисленная армия малоземельных и безземельных крестьян, в то время как огромные земельные массивы находятся в руках небольшой кучки крупных землевладельцев и нескольких иностранных, главным образом североамериканских компаний.

Данные о доле самостоятельного населения, занятого в различных отраслях экономики в 1965 г. (в %) ²⁸, приведены в табл. 1.

Таблица 1

Страны	Сельское хозяйство	Горная промышленность	Обрабатывающая промышленность	Строительство	Электротехническая промышленность	Транспорт и связь	Госуд. аппарат	Другие отрасли (торговля, банки, финансы, домашние машины при слуга)
Гватемала	28,3	0,1	14,9	1,7	0,9	5,2	4,3	44,6
Гондурас	44,2	0,9	13,4	3,4	0,5	5,6	4,3	27,8
Коста-Рика	30,7	—	15,1	2,8	2,8	4,7	9,6	34,2
Никарагуа	38,5	1,8	14,2	3,1	1,6	5,2	6,1	29,5
Панама	20,5	0,3	15,9	5,3	2,4	5,9	2,3	47,4
Сальвадор	29,5	0,1	16,9	3,7	1,4	4,1	7,1	37,2

Радикальная аграрная реформа — это сегодня самая назревшая проблема всей Латинской Америки и в первую очередь Центральной Америки, ибо без глубоких аграрных преобразований невозможно ни обеспечить население продовольствием, ни ликвидировать пережитки средневековья. Только уничтожение латифундий и полуфеодальных отношений в деревне может повысить жизненный уровень крестьян и тем самым расширить внутренний рынок, обеспечить развитие сельского хозяйства и способствовать перестройке социально-экономической структуры этих стран.

Пытаясь остановить революционные процессы, происходящие в Латинской Америке, приспособиться к современной политической ситуации, руководители Соединенных Штатов выдвинули в 1961 г. демагогическую программу «Союз ради прогресса».

За десять лет действия этого «Союза» во многих латиноамериканских странах, в том числе во всех странах Центральной Америки, были разработаны и приняты законы об аграрных реформах. Но они не ставят целью ни ликвидацию полуфеодальной системы землевладения, ни проведение радикальных преобразований в сельском хозяйстве, а сводятся либо к освоению пустующих государственных земель, либо к частичному выкупу неиспользуемых помещичьих. К тому же, законодатели внесли в эти законы такое количество оговорок, что по существу их невозможно претворить в жизнь.

В конце ноября 1971 г. в Панаме состоялось совещание центральноамериканских стран по вопросам аграрной реформы; в его работе принимали участие делегаты Коста-Рики, Сальвадора, Гватемалы, Гондураса, Никарагуа и Панамы, а также наблюдатели от ОАГ и других организаций. Предполагалось обменяться опытом проведения аграрной реформы и выработать общие программы рекомендаций. На совещании представитель ОАГ Энрике Блейр заявил, что вопреки благим намерениям «Союза ради прогресса» сельскохозяйственное производство в центральноамериканских странах снизилось по сравнению с предыдущим десятилетием. В итоге «среди населения стало больше голодающих и увеличилась армия безработных»²⁹. Выступавшие на совещании делегаты указывали, что аграрная реформа не должна ограничиваться разделом экспроприированной земли среди безземельных, что следует в каждой стране в соответствии с национальными особенностями найти эффективные формы организации крестьян, а это очень сложно и зависит как от позиции властей, так и от уровня сознательности самого крестьянства.

Крестьяне Центральной Америки в подавляющем большинстве по-прежнему безземельны или владеют крошечными участками, недостаточными для того, чтобы прокормить семью; они впадают в жалкое существование, нанимаются батраками в поместья за мизерную плату или же берутся обрабатывать помещичью землю на условиях, ничем не лучше средневековых. Несмотря на то, что в сельском хозяйстве продолжают господствовать латифундии с докапиталистическими отношениями, происходит быстрое развитие капитализма, углубляется классовая дифференциация: наряду с латифундистской олигархией, связанной с американским капиталом, существуют аграрная буржуазия, мелкая буржуазия, полупролетариат и многочисленный сельскохозяйственный пролетариат.

Данные табл. 2 дают представление об основных показателях социального развития стран Центральной Америки³⁰.

В 1970 г. средний доход на душу населения по Латинской Америке в целом составил 410 долларов, однако половина ее населения имела годовой доход в среднем всего 120 долларов на человека. К сожалению, отсутствуют данные по Гондурасу и Никарагуа, но в Коста-

Таблица 2

Страны	Население на 1970 г. (в тыс.)	Суточный рацион на душу населения (в калориях) на 1967 г.	Средняя продолжительность жизни	Число неграмотных от 15 лет и старше на 1968 г. (в %)	Жилища, не имеющие водоснабжения (в %)	Жилища, не имеющие электроснабжения (в %)	Среднегодовой рост стоимости жизни в 1960—1969 гг. (в %)
Гватемала	5179	2200	47	62,1	78,0	75,1	0,7
Гондурас	2583	2010	43	53,0	85,4	95,5	2,6
Коста-Рика	1798	2610	63	14,2	45,4	70,3	2,2
Никарагуа	2021	2350	51	50,2	67,1	86,0	2,1
Панама	1406	2500	64	21,7	56,0	58,9	1,1
Сальвадор	3441	1840	56	49,2	—	92,9	0,4

Рике, Панаме и Сальвадоре у половины населения средний годовой доход составляет менее 111 долларов³¹.

Рост валового национального продукта показан в табл. 3³².

Таблица 3

Страны	Рост валового продукта в %			
	среднегодовой		на душу населения	
	1950—1960 гг.	1960—1970 гг.	1950—1960 гг.	1960—1970 гг.
Гватемала	3,8	5,2	0,9	2,2
Гондурас	3,5	5,2	0,5	1,7
Коста-Рика	7,1	6,8	3,2	2,9
Никарагуа	5,3	6,7	2,3	3,6
Панама	4,8	8,0	1,9	4,6
Сальвадор	4,7	5,8	1,9	2,5

Эти данные свидетельствуют о том, что темпы роста валового национального продукта на душу населения в последние годы заметно снизились. Причина — в противоречии между растущими производительными силами и отсталыми производственными отношениями, которые сдерживают развитие производительных сил во всех странах Центральной Америки. Мешает свободному развитию

наций Центральной Америки в меньшей мере и господство монополий США в основных областях народного хозяйства. В шестидесятые годы прибыли монополий США от прямых капиталовложений достигли колоссальных размеров. Так, если до второй мировой войны они ежегодно составляли в среднем 150—170 млн. долларов, то в последнем десятилетии — 1—1,6 млрд. долларов. В 1969 г., например, сумма прибылей американских компаний, только по официальным данным, составила в Гватемале — 35, в Панаме (без зоны Панамского канала) — 23, в Коста-Рике — 19 млн. долларов³³.

Около 80% своих доходов американские монополии вывозят в США и лишь небольшую часть реинвестируют на месте. По мнению министра финансов Коста-Рики, только в результате таможенных льгот барыши американских дельцов в Центральной Америке превысили 500 млн. долларов в год.

В связи со столетием независимости стран Центральной Америки, широко отмечавшимся в середине сентября 1971 г., влиятельная костариканская газета «Насьон» провела опрос участников конгресса историков в Коста-Рике. Все они признали, что подлинной независимости страны Центральной Америки еще не добились. Так, президент Академии истории Сальвадора Хорхе Ариас заявил: «150 лет назад мы перестали зависеть от Испании, но стали жертвой английского, французского, американского колониализма»³⁴.

Нищета, болезни, голод, плохие жилищные условия, отсутствие медицинской помощи, безработица — все это характерные черты жизни трудящихся центральноамериканских стран. В Никарагуа, например, из каждых 100 жителей 10 больны туберкулезом. В Гватемале самая высокая в Центральной Америке смертность. Пятая часть населения Сальвадора не имеет работы. 75% детей умирает, не достигнув пятилетнего возраста. Из 3700 тыс. детей в возрасте от 7 до 15 лет в шести центральноамериканских странах в 1966 г. в школах обучалось всего 1600 тыс. человек. В 1969 г., по подсчетам специалистов, 2 млн. детей вообще не имело возможности посещать школ. Известный американский социолог Т. Линн Смит выделяет шесть основных социальных проблем, требующих срочного решения в странах переищек. На первое место он ставит неудовлетворительное состояние здраво-

охранения, на второе — неграмотность. Среди населения старше 10 лет неграмотных: в Коста-Рике — 21%, в Панаме — 28%, в Сальвадоре — 60%, в Гондурасе — 65%. Третья проблема — засилье латифундий и рост минифундий. Четвертая проблема — это увеличивающаяся миграция из деревни в город. Отсюда пятая проблема — появление поясов нищеты вокруг больших городов. Наконец, шестая проблема — огромный разрыв между средним уровнем жизни и уровнем жизни большей части населения³⁵.

Как мы уже отмечали, до 1900 г. публиковались лишь отрывочные данные о населении и динамике его роста по Латинской Америке в целом и по Центральной Америке. С 1920 г., по мнению того же Т. Линна Смита, «начинается великая демографическая революция в Латинской Америке»³⁶. Действительно, население Центральной Америки росло в 1940—1950 гг. на 1,7% ежегодно, в 1950—1960 гг. — на 3,2%, а в 1960—1970 гг. — на 3,0%.

Табл. 4³⁷ показывает динамику роста населения в странах Центральной Америки в 1940—1970 гг.

Таблица 4

Страны	Число жителей (в тыс.)				Среднегодовой прирост населения (в %)		
	1940 г.	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1940—1950 гг.	1950—1960 гг.	1960—1970 гг.
Гватемала	2500	2790	3900	5100	1,1	3,4	2,8
Гондурас	1100	1370	1840	2490	2,1	3,0	3,1
Коста-Рика	620	800	1250	1750	2,6	4,2	3,5
Никарагуа	840	1050	1430	1950	2,3	3,2	3,2
Панама	620	800	1070	1450	2,6	3,0	3,1
Сальвадор	1630	1850	2450	3300	1,2	2,9	3,0

Видимо, такой высокий прирост населения будет продолжаться и в 1970—1980 гг. В росте населения эмиграция и иммиграция не играют сколько-нибудь заметной роли. Население Мексики и стран Центральной Америки увеличивается преимущественно за счет естественного прироста, на протяжении всей истории иммиграция в

этом районе никогда не была значительной. Более того — большинство государств Центральной Америки запрещает иммиграцию представителей ряда национальностей: негры, китайцы и японцы в эти страны не допускаются.

Впрочем, миграция населения из одной страны Центральной Америки в другую — фактор немаловажный. К сожалению, этот аспект национальной проблемы почти не изучен, хотя в течение многих лет наблюдался, например, значительный приток сальвадорцев в Гондурас (мы уже говорили об этом при рассмотрении сальвадорско-гондурасского военного конфликта 1969 г.) и никарагуанцев в Коста-Рику. Данные о рождаемости, смертности и естественном приросте населения стран Центральной Америки в 1959—1961 гг. приведены в табл. 5³⁸.

Таблица 5

Страны	Рождаемость на 1000 чел.	Смертность на 1000 чел.	Естественный прирост (в %)
Гватемала	48,5	16,4	32,1
Гондурас	44,7	9,8	34,9
Коста-Рика	47,0	8,0	39,0
Никарагуа	44,2	8,6	35,6
Панама	39,0	8,1	30,9
Сальвадор	49,2	11,9	37,3

В специальном исследовании ООН, посвященном человеческим ресурсам Центральной Америки и Мексики, на 1980 г. прогнозируется удвоение по сравнению с 1950 г. населения Коста-Рики, Гватемалы, Никарагуа и Панамы. По этим же подсчетам, население Гондураса увеличится на 80%, Сальвадора — на 92%, Мексики — на 10%. В целом население Центральной Америки, составлявшее в 1950 г. 8,75 млн. человек, возрастет в 1980 г. до 17,5 млн. человек, а в Мексике — с 25,8 млн. до 53 млн. человек. Если же исходить из максимального прироста, то население Центральной Америки в 1980 г. достигнет 20,3 млн. человек, Мексики — 61,75 млн. человек³⁹.

Для некоторых государств изучаемого района весьма острым является индейский вопрос. Особенно это относится к Гватемале и Мексике. Длительная борьба индейского крестьянства против захвата общинных земель и

произвола властей заставляет правительства ряда стран идти на определенные уступки. Для освободительного движения индейцев в новейшее время характерен рост политической активности индейских масс, их сближение с другими трудящимися города и деревни. Так, индейцы активно участвовали в защите революции в Гватемале. Новым является возникновение в Мексике и некоторых других странах прогрессивных политических организаций индейцев, борющихся за свои права. Участие индейского населения в общенациональной борьбе оказывает существенное влияние на процесс его этнического развития. Пробуждение индейских масс к активной общественно-политической жизни вызвало широкое движение за возрождение индейских культурных ценностей, интерес к ним заметно возрос в последние годы.

В связи с ростом самосознания и консолидацией некоторых групп индейского населения реально встает вопрос об их самостоятельном национальном развитии, о праве их распоряжаться своей судьбой. Мы полностью согласны с выдающимся латиноамериканским ученым Александром Липшуцем, который пишет: «Культурное переустройство Америки обязательно поставит вопрос об автономных территориях индейцев, таких, как майя в Юкатане, различных индейских групп в Гватемале, кечуа и аймара в Перу и Боливии, поставит вопрос об автономных территориях в границах республик нашего континента»⁴⁰.

Каждую нацию Средней Америки объединяет общность духовной и материальной культуры, представляющая сплав нескольких элементов — прежде всего, испанского и индейского. Индейский пласт отчетливо, хотя и в разной степени, ощущается в устном народном творчестве, в литературе, музыке и танцах, изобразительном искусстве, художественных ремеслах. Преобладающим языком в странах Центральной Америки является испанский. Многие индейские группы, утратив свои языки, тоже перешли на испанский. Но в сфере культуры, особенно материальной (пища, жилье), роль индейского наследия очень велика. Кроме того, следует особо подчеркнуть, что испанский язык в разных странах имеет немало особенностей, присущих лишь данному народу, — так называемых «гопдуранизмов», «гватемализмов», «коста-риканизмов» и т. д.⁴¹

Во всех странах Центральной Америки и в Мексике, возможно, за исключением Коста-Рики, подавляющее большинство населения смешанного, чаще всего индейско-испанского происхождения, но социальное положение индивида определяется в большинстве случаев не этим. По мнению американского исследователя Питера Сноу, «культура превалирует над расой», причем своеобразие окружающей человека культурной среды определяется следующими факторами: семьей и друзьями, родом занятий, профессией, образованием, языком и религией, характером жилья и районом местожительства, типом одежды и даже манерами. Сноу убежден, что «цветной», удовлетворяющий этим восьми «требованиям», «может стать белым»⁴². До известной степени указанные Сноу факторы действительно оказывают влияние на положение индивидуума в обществе. В частности, значение, которое придается в Латинской Америке семье, трудно переоценить. Из семьи «низшего» класса еще можно пробиться в семью «среднего» класса, но из «среднего» — в «высший» почти невозможно. «Между социальными классами, — пишет Сноу, — существуют четкие жесткие перегородки»⁴³.

Формирование наций Мексики и Центральной Америки началось еще в первой половине прошлого столетия, но их консолидация и дальнейшее развитие происходили под несомненным воздействием идей Октябрьской революции. Ленинское решение национального вопроса в СССР также оказывает глубокое влияние на национальное развитие во всем мире, в том числе и в этих странах. Разрешение национального вопроса в СССР неопровержимо доказало, что активное самостоятельное историческое творчество не является достоянием «избранных наций», оно доступно всем народам. Все большее число стран и народов видит на пути социалистического развития реальные перспективы перехода от отсталости, угнетения и примитивных общественных форм организации жизни к прогрессу и процветанию.

До недавнего времени казалось, что ветер великих социальных перемен нашего столетия не доходит до маленьких стран Центральной Америки. Но сегодня во всех этих странах разворачивается борьба народных масс против империализма и внутренней реакции, за улучшение условий жизни, за демократию и прогресс.

В Латинской Америке происходят глубокие изменения в расстановке классовых сил. Решающая роль в антиимпериалистической революции принадлежит рабочему классу. Численность промышленного пролетариата с довоенного периода более чем удвоилась. Но дело не только в росте численности рабочего класса. Являясь носителем самой передовой идеологии, обладающей притягательной силой для миллионов простых людей, рабочий класс Мексики и стран Центральной Америки вырастает в ведущую политическую силу.

Огромную роль в решении судеб национально-освободительного движения играет ближайший союзник рабочего класса — крестьянство, составляющее свыше 50% населения Мексики и Центральной Америки. Крестьянство требует проведения радикальной аграрной реформы, иначе говоря — экспроприации земель крупных помещиков и бесплатной передачи этих земель тем, кто их обрабатывает.

В странах Центральной Америки и Мексике произошло заметное полевение городской мелкой буржуазии, студенчества, интеллигенции. Демократическое студенчество и прогрессивная интеллигенция, а также мелкобуржуазные слои населения проявляют большую политическую активность. В ряде случаев в борьбе участвует прогрессивно настроенная часть национальной буржуазии.

Характерной чертой борьбы прогрессивных революционных сил Центральной Америки и Мексики против американских монополий и местной реакции является их дальнейшее сплочение вокруг рабочего класса и коммунистических партий.

Коммунистические партии этих стран окрепли организационно и идейно. Значительно возросла их численность.

Опыт последних лет убедительно показывает, что только путем создания союза рабочего класса и крестьянства при руководящей роли пролетариата и его авангарда — Коммунистической партии можно объединить все демократические силы для борьбы и победы. Коммунисты выступают за сочетание различных форм борьбы, за использование всех активных и потенциальных сил для выполнения великой задачи — освобождения народа.

Те самые причины, которые привели к революции на Кубе и радикальным изменениям в Перу и предпосылки

антиимпериалистической, аграрной революции существуют во многих центральноамериканских странах и в Мексике. Видный американский историк Эдвин Льюинен приходит к выводу: «Внимательное изучение обстановки, которая сложилась в Латинской Америке, переживающей глубокий кризис, убеждает в том, что сегодня во многих странах существует угроза революции кубинского образца, во главе с такими лидерами, как Кастро»⁴⁴.

С каждым годом усиливается политическая активность рабочего класса. Стали частыми политические выступления сельскохозяйственного пролетариата центральноамериканских стран. Растущая политическая активность городских средних слоев, прежде всего интеллигенции, студенчества, учащихся, некоторых групп государственных служащих оказывает большое влияние на политические партии, на их программы и идеологию. Интеллигенция и студенчество проявляют возрастающий интерес к идеям социализма, революционного преобразования общества. Из этих слоев выходят представители латиноамериканской революционной демократии, играющие важную роль в освободительном движении. В последние годы рост патриотических настроений наблюдается и в среде духовенства.

Участие военных в организациях, ведущих партизанскую борьбу в Гватемале, а также приход в 1968 г. к власти в Панаме националистически настроенных военных свидетельствуют о том, что патриоты вооруженных сил переходят на сторону народа.

С 1961 г. в Никарагуа действует фронт национально-освобождения имени Сандино, объединяющий партизанские группы. В приветствии Национального руководства фронта, направленном XXIV съезду КПСС, говорится: «Вполне справедливо бойцы Сандинистского фронта считают себя преемниками большевистского Октября, вождем которого был величайший сын международного рабочего класса Владимир Ильич Ленин.

Марксизм-ленинизм для нас является наиболее полным выражением идеалов, отстаиваемых рядом поколений нашей маленькой страны, которые, проливая много крови, непрестанно добивались справедливости и свободы. Марксизм-ленинизм способствует стремлению к свободе, которую защищал наш национальный герой Аугусто Сесар Сандино, символизировавший справедливые чаяния не

только никарагуанского народа, но и других народов, которые восстают против империалистической агрессии»⁴⁵.

Никарагуанская социалистическая партия, партия коммунистов, находящаяся в подполье, действует в условиях жестоких полицейских репрессий. Революционное профсоюзное движение и партии средних слоев и буржуазии, добивающиеся установления демократического правительства, начали борьбу вместе с партией рабочего класса за свержение милитаристской диктатуры, угнетающей народ Никарагуа.

Наибольшего размаха вооруженная борьба достигла в Гватемале. В 1962 г. там сформировались партизанские отряды. Правящие круги с помощью американских военных советников усилили репрессии против всех прогрессивных сил страны. Гватемальский народ ведет тяжелую борьбу, он сражается с жестоким врагом — объединенными силами реакции, поддерживаемой всей мощью американского империализма. Для революционной Гватемалы сейчас особое значение приобретает международная солидарность. Борьба гватемальского народа за демократию и независимость страны усиливается. Подлинными организаторами борьбы за демократию и политические права являются сегодня гватемальские коммунисты. Они призывают все демократические силы сплотиться под знаменем этой борьбы.

Выступая на XXIV съезде КПСС, член Политкомиссии и Секретариата ЦК компартии Сальвадора Рамиро Гарсиа говорил: «В нашей стране произошли существенные изменения. Это относится в первую очередь к рабочему движению. Трудящиеся ощущают необходимость в организации для того, чтобы противостоять эксплуататорам. Сельскохозяйственные труженики по закону не имеют права на создание своих организаций, но они и наша коммунистическая партия высоко несут знамя борьбы за завоевание этого права. Хотя наша партия работает в подполье, она поддерживает тесные связи с организованным рабочим классом, студентами, крестьянами и другими политическими организациями, на которые мы оказываем свое влияние. За последнее время возросло влияние нашей партии в народных массах. Одна из наших первоочередных задач — направить движение масс по правильному пути. В этом мы видим гарантию превращения движения в подлинную классовую и антиимпериалистическую борьбу».

листическую силу. Стратегия нашей партии направлена на достижение единства рабочего движения и всех демократических народных сил»⁴⁶.

Коста-Рика стоит на одном из первых мест в Латинской Америке по жизненному и культурному уровню населения. Политическая обстановка в Коста-Рике тоже особая. В этой стране антивоенных традиций нет армии. Она отказалась от участия в центральноамериканском совете обороны. В отличие от реакционных государств Центральной Америки Коста-Рика сохранила черты буржуазной парламентской демократии. Костариканский народ завоевал право на участие в выборах, а рабочий класс под руководством своей партии добился важных политических и экономических успехов. На последних выборах представители компартии вошли в парламент. Только за последние полтора года число костариканских коммунистов возросло в три раза. Компартия ставит вопрос о возможности развития революции по мирному пути, считая, что для этого в Коста-Рике существуют объективные условия.

Коммунистические и рабочие партии Центральной Америки, приписывая во внимание террористический характер режимов в ряде стран, считают, что вооруженная борьба является одним из основных методов борьбы за национальное освобождение.

У коммунистов Мексики и Центральной Америки сложилась традиция периодически проводить совместные региональные конференции для обмена опытом антиимпериалистической борьбы и информацией о политическом положении в своих странах. Первая конференция коммунистических и рабочих партий Мексики и стран Центральной Америки состоялась в 1961 г. VIII конференция проходила летом 1972 г. Важнейшие вопросы, обсуждаемые на этих региональных встречах коммунистов, касаются международных отношений, внутреннего положения, перспектив национально-освободительной борьбы с учетом особых условий той или иной страны. Одновременно изучается то общее, что объединяет коммунистов региона и делает необходимым и возможным совместное участие в борьбе против сил, враждебных революции. «В зависимости от условий, существующих в каждой из стран, средств, которыми располагает каждая партия, и стратегических и тактических позиций партий, в революцион-

ном движении используются различные формы борьбы, начиная от мирных и кончая вооруженной»⁴⁷, — говорится в заявлении V конференции коммунистических и рабочих партий Мексики и стран Центральной Америки, состоявшейся в 1967 г.

Участники VIII конференции высказались за поиски лучших форм сотрудничества компартий между собой и с другими прогрессивными движениями, за создание в региональном масштабе единого фронта сопротивления общему врагу — империализму США и местной олигархии.

Ведя борьбу за национальное освобождение, против засилья американских монополий, народы Латинской Америки обращают свои взоры к Советскому Союзу, в котором они видят знаменосца мира, борца за счастье народов. Мексика была первым государством Западного полушария, признавшим СССР и установившим с нашей страной в 1924 г. дипломатические отношения.

В годы второй мировой войны в странах Латинской Америки развернулось широкое движение солидарности с народами СССР. Рабочий класс стран Латинской Америки стремился помочь Советскому Союзу в его борьбе против фашизма. Представители прогрессивных кругов Латинской Америки неоднократно указывали на то, что развитие торговых связей с СССР даст латиноамериканским странам немалые выгоды. Под давлением народных масс правительства большинства стран Латинской Америки установили в годы войны дипломатические отношения с Советским Союзом. В 1944—1945 гг. были установлены дипломатические отношения Советского Союза с Коста-Рикой, Никарагуа и Гватемалой. В конце сороковых — начале пятидесятых годов в Москве находился посланник Гватемалы. После свержения демократического правительства Арбенса советско-гватемальские отношения не получили дальнейшего развития. Не получили развития и отношения между СССР и Никарагуа. Что касается Коста-Рики, то в декабре 1970 г. Советский Союз договорился с этой страной об оформлении дипломатических отношений на уровне посольств.

Между Советским Союзом и странами Центральной Америки и Мексикой не было и нет каких-либо спорных вопросов, которые препятствовали бы развитию дружественных отношений, развитию взаимовыгодной торговли,

экономического сотрудничества, расширению культурных связей. Советский Союз может экспортировать в Мексику и страны Центральной Америки машины и оборудование, металлообрабатывающие станки, дорожностроительные машины, приборы и инструменты, транспортные средства. Советский Союз может быть постоянным покупателем традиционных экспортных товаров Мексики и стран Центральной Америки.

* * *

Настоящая книга * — первая в трехтомном исследовании, посвященном сложнейшим и малоразработанным проблемам формирования и развития национальных общностей в странах Латинской Америки. В данном томе сделана попытка до некоторой степени проследить общие закономерности в национальном развитии этих стран и, главным образом, выявить своеобразие этих процессов. И для Мексики и для стран Центральной Америки огромную роль в становлении наций сыграла борьба народов этих стран против колониального, а впоследствии империалистического гнета за независимое, самостоятельное существование. Заинтересованность империалистических держав в господстве на перешейке во многом определила ту значимость, которую имели внешнеполитические факторы, например, в национальном развитии Панамы и Никарагуа. Соседство с США стоило молодому независимому мексиканскому государству почти половины его территории. Этой характерной черте национального развития Мексики и Центральной Америки уделено в книге особое внимание. Степень консолидации буржуазных наций в изучаемом регионе значительно разнится. Наиболее крупной и, пожалуй, наиболее этнически развитой является мексиканская нация. В советской историографии есть определенная традиция в изучении становления мексиканской нации⁴⁸. Изучение же национальных процессов в странах Центральной Америки лишь начато советскими учеными⁴⁹. При исследовании этнической ситуации в Центральной Америке авторы часто сталкивались с отсутствием крайне необходимого материала. Поэтому отдель-

* В подготовке книги к изданию принимала большое участие Н. Н. Кулакова.

ные очерки, посвященные центральноамериканским странам, отнюдь не претендуют на исчерпывающее освещение вопроса. К тому же авторы избирали тот аспект темы, который считали наиболее существенным для выявления специфики этнических процессов, национального своеобразия народов каждой страны.

- ¹ *H. С. Леонов*. Некоторые проблемы политической истории Центральной Америки XX столетия. М., 1972.
- ² «Народы Америки», т. II. М., 1959.
- ³ «Нации Латинской Америки». М., 1964, стр. 282—306.
- ⁴ *У. Фостер*. Очерк политической истории Америки. М., 1953, стр. 47.
- ⁵ «Handbook of Middle American indians», v. V. Austin, 1966, p. 200, 233.
- ⁶ *A. Rosenblat*. La población indígena y el mestizaje en América, v. 1. Buenos Aires, 1954, p. 69, 305.
- ⁷ *R. Barón Castro*. La población de El Salvador. Madrid, 1942, p. 152.
- ⁸ *Г. В. Степанов*. Испанский язык в странах Латинской Америки. М., 1963.
- ⁹ Подробно см.: *Ю. А. Зубрицкий*. Авантюра Уокера. «Новая и новейшая история», 1968, № 1.
- ¹⁰ *Ch. D. Kepner, I. H. Soothill*. El Imperio del Banano. Las compañías bananeras contra la soberanía de las Naciones del Caribe. Buenos Aires, 1957, p. 363.
- ¹¹ «Siempre», 19.IV 1966, p. 26.
- ¹² «Nation», 8.IV 1970, p. 687.
- ¹³ *G. R. Ramón*. El Canal de Panamá. Una epopeya de nuestro siglo. Síntesis histórico-geográfico. México, 1945, p. 85.
- ¹⁴ *H. С. Hill*. Roosevelt and Caribbean. Chicago, 1927, p. 1.
- ¹⁵ «Anales diplomáticos y consulares de Colombia», t. 1. Bogotá, 1941, p. 631.
- ¹⁶ *С. А. Гонионский*. Сандино. М., 1965, стр. 18.
- ¹⁷ *У. Фостер*. Указ. соч., стр. 516—517.
- ¹⁸ «Panamerican Conferences». Washington, 1923, p. 114.
- ¹⁹ *С. А. Гонионский*. Указ. соч., стр. 121.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ *H. С. Леонов*. Некоторые проблемы..., стр. 90.
- ²² «La Documentation française», 12.III 1952, p. 9.
- ²³ «Siempre», 30.VIII 1967, p. 31.
- ²⁴ «Visión». Washington, 27.III 1970, p. 33.
- ²⁵ Подробнее об этом см.: *Н. С. Леонов*. Этнические аспекты сальвадорско-гондурасского конфликта. «Расы и народы». М., 1971; *П. И. Николаев*. Сальвадорско-гондурасская драма. «Латинская Америка», 1970, № 6.
- ²⁶ «Cuadernos americanos». México, 1969, N 5, p. 19.
- ²⁷ «Documentos de la VIII Conferencia de Partidos Comunistas y Obreros de Mexico, Centroamérica y Panamá». Managua, 1972.
- ²⁸ «Estudios centroamericanos», 1969, N 251, p. 249.
- ²⁹ «Panamá — América», 22.XI 1971.

- ³⁰ «Проблемы мира и социализма», 1971, № 11. Приложение, стр. 14.
- ³¹ Там же, стр. 13.
- ³² Там же, стр. 2.
- ³³ Там же, стр. 10.
- ³⁴ «Nacion», 10.IX 1971.
- ³⁵ *T. Lynn Smith*. Studies of Latin-American societies. New York, 1970, p. 213—219.
- ³⁶ Ibid., p. 225.
- ³⁷ Ibid., p. 45—53.
- ³⁸ Ibid., p. 52.
- ³⁹ *Louis I. Dolmatoff*. Human Resources of Central America, Panama and Mexico 1950—1980. United Nations, 1960, p. 27.
- ⁴⁰ *A. Липшütz*. О некоторых новых аспектах чилийской этнографии. «Культура Чили». М., 1968, стр. 259.
- ⁴¹ Подробно см.: *Г. В. Степанов*. Испанский язык в странах Латинской Америки. М., 1963.
- ⁴² *Peter G. Snow*. Governments and politics in Latin America. New York, 1967, p. 64.
- ⁴³ Ibid., p. 69.
- ⁴⁴ *E. Lieuwen*. Generals vs. presidents. New York, 1964, p. 95.
- ⁴⁵ «Правда», 14.IV 1971.
- ⁴⁶ «Правда», 9.IV 1971.
- ⁴⁷ «Правда», 19.VI 1967.
- ⁴⁸ *И. Ф. Хорошаева*. Раздел о формировании населения Мексики. «Народы Америки», т. II. М., 1959; *М. С. Альперович*. Война за независимость и формирование мексиканской нации. «Нации Латинской Америки». М., 1964; *Я. Г. Машбиц*. Некоторые социально-экономические и географические аспекты консолидации мексиканской нации. «Нации Латинской Америки»; *он же*. Порайонные особенности в развитии мексиканской нации. «От Америки до Огненной земли». М., 1967.
- ⁴⁹ «Нации Латинской Америки». М., 1964.

Мексика. Этническая история и национальные отношения

И. Ф. Хорошаева

Своеобразная этническая история, сложный современный этнический состав придают актуальность национальному вопросу в Мексике, где и сейчас, помимо испаноязычных мексиканцев, живут многочисленные большие и малые индейские народы.

В настоящем очерке не ставится задача исследовать сложение одного из самых крупных в Латинской Америке этнических новообразований — мексиканской нации, поскольку эта проблема включает очень широкий круг вопросов, решать которые должны специалисты: необходимо изучить сложение внутреннего рынка, исследовать национальные формы культуры и многое др. Задача, которая ставится, — значительно уже: наметить основные этапы этнической истории страны и показать этнические взаимоотношения в различные периоды после появления испанцев, т. е. показать отношения между формирующейся мексиканской нацией и индейскими народами, живущими на этих землях еще с доколумбовых времен. Это тем более важно, что индейцы сыграли огромную роль в формировании современного испаноязычного населения Мексики.

К приходу испанских завоевателей, т. е. к первым десятилетиям XVI в. территорию современной Мексики населяли очень разные по языку, по уровню социально-экономического и культурного развития и, тем самым, по степени этнической консолидации, индейские народы. В Северной Мексике наиболее развитыми были западные районы, которые испытывали благотворное влияние культуры искусных земледельцев пуэбло с севера, а с юга — далеко ушедших вперед в общественном и экономическом отношении народов Центральной Мексики. Большинство племен северо-восточной Мексики были бродячими охотниками — собирателями.

Если большая часть Северной Мексики представляла собой относительно отсталый район с редким населением, где лишь на северо-западе развилась земледельческая культура таких индейских племен, как пима и опата, то Центральная Мексика была колыбелью одной из самых высоких цивилизаций доколумбовой Америки — ацтекской цивилизации, зоной наибольшей концентрации индейского населения.

В течение столетий через Центральную Мексику продвигались с севера на юг десятки и сотни племен и народов, многие из которых в этих местах оседали. Приток населения из северных районов продолжался вплоть до появления испанских завоевателей. Пришельцев привлекали плодородные земли, высокая культура обитателей этих земель. В результате Центральная Мексика накануне завоевания отличалась большой пестротой этнического состава. Ее население говорило на языках, принадлежавших к различным лингвистическим семьям: юто-ацтекской, соке-михе-тотонакской, отоми и др. Здесь жили тогда крупные индейские народы: ацтеки, тараски, отоми, тотонаки, хуастеки и др., сохранившиеся и поныне. Уже существовали первые раннеклассовые государственные объединения, самое могущественное из которых — ацтекское — подчинило своей власти почти всю Центральную Мексику.

Как и Центральная Мексика, юг страны был районом концентрации оседлого земледельческого населения: здесь жили миштеки, создатели замечательной архитектуры Митлы — сапотеки, соке и многие другие родственные им народы. Полуостров Юкатан к XVI в. был занят индейцами майя. И в области культурного развития и по степени развития общественных отношений юкатанские майя значительно опередили другие народы этого региона. Они создали собственную систему иероглифического письма, велики были их достижения в области астрономии, архитектуры, изобразительного искусства и т. д. К началу XVI в. на Юкатане уже в течение многих столетий существовало несколько независимых городов-государств¹.

Со второго десятилетия XVI в. началось испанское завоевание Мексики, коренным образом изменившее этническую структуру страны. В Мексике появились новые этнические компоненты, а ее коренное население в значительной степени подверглось истреблению.

На начальном этапе конкисты испанцы умело пользовались тем, что многие индейские народы Мексики, покоренные ацтеками, с нетерпением ожидали удобного случая избавиться от этой зависимости².

Наиболее разрушительными были последствия завоевания для тех индейских народов, которые упорно сопротивлялись конкистадорам. Так, была сметена начавшая складываться еще во второй половине XV в. этническая общность нахуатланских групп долины Анахуак, основой которой были развивавшиеся экономические связи, языковое родство и политическое объединение под главенством ацтеков³. Позднее этническую судьбу той или иной группы покоренного населения определяла степень заинтересованности завоевателей в их землях, в их труде. Районы развитого индейского земледелия стали опорными центрами испанской колонизации. Они возникли прежде всего на землях ацтеков и тарасков в Центральной Мексике, на землях юкатанских майя и сапотексов на юге страны.

Завоевание Мексики закончилось в основном в XVII в., но в заброшенных уголках вице-королевства Новая Испания сохранились вплоть до XIX в. независимые индейские племена.

Непрерывные в течение целого столетия истребительные войны подорвали экономику страны. Введенные испанцами феодальные формы эксплуатации, рабство и принудительный труд на рудниках вызвали значительное сокращение численности индейского населения. Индейцы вымирали также от занесенных испанцами заболеваний.

В 60-х годах XX в. в научной литературе появились противоречивые оценки численности коренного населения накануне и в первые десятилетия после завоевания⁴. Соответственно менялись и представления о размерах физического истребления индейцев в период конкисты. Но независимо от этого, несомненно, что в течение всего XVI в. продолжали действовать факторы, мешавшие стабилизации численности коренного населения. Лишь со второй половины XVII в. с восстановлением производительных сил страны после разрушительной эпохи завоевания, с укреплением новой феодальной экономики, численность индейского населения начинает медленно возрастать.

К этому времени индейские народы и племена уже не были единственными обитателями страны. Мексика стала родиной уже для нескольких поколений нового, смешан-

ного в расовом отношении населения, языком которого был испанский язык.

В последней четверти XVI в., когда наладилось регулярное сообщение с американскими колониями, переселение чужестранцев в заморские владения Испании было запрещено, поэтому единственными европейскими колонистами в Мексике стали испанцы.

Конкистадоры, первыми появившиеся в Мексике, в большинстве своем не стремились обосноваться на новых землях. Их целью было быстро обогатиться и вернуться в Испанию. Все же некоторые из них оседали в заморских краях. В 1570 г. в Мексике было всего 6,5 тыс. испанцев, причем половина их жила в столице Новой Испании г. Мехико⁵. Число испанских колонистов, переселившихся в Мексику, и впоследствии было сравнительно невелико. Конечно, в колониальной Мексике всегда временно проживало некоторое число испанцев — уроженцев метрополии, но они оставались в стране лишь на срок службы. Численность их подчас была довольно велика; так, например, к середине XVII в. она достигала 13 800 человек⁶. Некоторые из них все же оставались в Мексике навсегда. Потомков испанских переселенцев, численность которых из года в год возрастала, называли креолами. Однако не следует полагать, что креолы действительно сохраняли в течение столетий «чистоту» испанской крови.

Еще одна новая группа населения — негры-рабы — появилась в Мексике в связи с некоторой пехваткой рабочей силы из-за истребления части коренного населения в начальный период испанского завоевания. К 1570 г. число негров-рабов достигло 20 тыс. человек⁷. Ввоз негров в Мексику начал сокращаться лишь с первых десятилетий XVIII в. Если в 1646 г. негров-рабов было более 35 тыс., то к 1793 г., согласно переписи, в Мексике насчитывалось всего около 6100 негров⁸. Негры никогда не ввозились в Мексику в таком огромном количестве, как, например, в Бразилию. Основная причина этого заключалась в том, что в доколумбовой Мексике перед завоеванием существовало значительное население с устойчивыми земледельческими традициями. И с восстановлением численности индейцев необходимость ввоза рабочей силы для сельского хозяйства большинства районов страны отпала.

В колониальную эпоху в Мексике появились группы смешанного испано-негритянского и индейско-негритянского происхождения (самбо). Однако они не расселялись за пределы тех ограниченных районов, куда ввозились негры-рабы. Поэтому негритянский компонент не сыграл существенной роли в формировании антропологических типов населения. Для самбо, как и для негров, рабство сохранялось в течение всего колониального периода.

Совершенно иную, определяющую роль в формировании и антропологического, и этнического состава страны сыграла другая группа смешанного происхождения: те, кого испанские источники называли «метисами», — люди смешанного испано-индейского происхождения. В первые десятилетия завоевания и в последующие годы в Мексику переселялось очень мало испанских женщин, и завоеватели брали себе в жены и наложницы индианок. Интенсивному процессу смешения пришлого и коренного населения не могли помешать законодательные запреты и церковная политика.

С точки зрения процессов этнического взаимодействия характерно было также возникновение еще одной группы. В силу самых разнообразных причин, чаще всего вследствие неурядиц военных столкновений часть коренных жителей страны оказалась оторванной от своих народов. Большинство таких индейцев овладевали испанским языком, и в документах тех лет их стали называть «ладино» (искаженное «латинизированные»). Появление этой группы свидетельствует о начавшемся процессе размывания этнических общностей доколумбовых времен. Уже в 1555 г. мексиканскими колониальными властями обсуждался вопрос о «чужих» индейцах, которые «бродят по селениям»⁹.

В своих американских колониях, в том числе и в Новой Испании, королевские власти, стремясь парализовать возможные выступления против колониального господства Испании, при поддержке католической церкви настойчиво проводили политику разобщения различных групп населения по расовому признаку.

С первых десятилетий колониального господства победители противопоставили себя покоренному коренному населению. Были созданы две четко разграниченные системы управления: одна — для испанцев, другая — для тех, кого безотносительно к их этнической принадлежности

стали называть «индейцами». Пожалуй, именно испанцам принадлежит приоритет в создании гибкой системы «непрямого управления», так как в созданной структуре были сохранены низшие звенья традиционной социальной организации индейских народов: сохранилось самоуправление общин, но, конечно, уже под контролем колониальных чиновников. В последующий период этот специфический статус коренного населения в ряде районов Новой Испании способствовал обособлению индейских народов, хотя уже в первые годы после начала завоевания Мексики стройная с точки зрения колонизаторов система управления нарушилась появлением группы смешанного индейско-испанского происхождения.

Реальным продолжением этой колониальной политики стала введенная на завоеванных землях «система каст», согласно которой правовое положение определялось расовыми критериями. Причем не только светское, но и церковное законодательство строго разграничивало права испанцев (в эту категорию входили и креолы), метисов и индейцев.

Следует, однако, заметить, что даже для креолов, наиболее привилегированной части уроженцев колоний, считавшихся равными уроженцам метрополии, были, как правило, недоступны высшие должности в колониальном аппарате и в армии, и даже их продвижение по ступеням церковной иерархии резко замедлялось на высоких уровнях. Наиболее значимая прослойка креолов должна была терпеть различные ограничения в пользу метрополии в своих занятиях сельским хозяйством и при сбыте продукции.

Метисы считались свободными людьми, но реально они не пользовались почти никакими гражданскими правами, хотя, конечно, их положение по сравнению с положением индейцев, не говоря уже о неграх-рабах, было несколько лучшим. Они были освобождены от принудительных работ, на которые сгонялись тысячи индейцев. Метисы никогда не знали энкомьендарной зависимости и т. п. Но метисы, особенно в XVI—XVII вв. и первой половине XVIII в., не могли занять сколько-нибудь значительный официальный административный пост; в армии они могли быть только солдатами. Поначалу, из-за их смешанного индейско-испанского происхождения, на метисов был распространен ряд запретов, относившихся к завоеванным

индейцам: им не разрешали пользоваться лошадьми, носить платье того же покроя, что испанцы и креолы, и т. п.

Наряду с этим колониальными властями постоянно подчеркивалось, что та капля испанской крови, которая течет в их жилах, ставит их в привилегированное положение по отношению к индейцам. Уже в 70—80-х годах XVI в. были приняты постановления, запрещающие совместное поселение индейцев и метисов, в частности, метисам было запрещено жить в индейских деревнях. В городах же метисы непосредственно подчинялись городским административным органам, в то время как индейцы имели свое управление.

Как уже говорилось, эта политика правительства, которую с некоторыми оговорками можно назвать национальной, полностью поддерживалась церковью. В столь свойственных католической обрядности церковных процессиях, которые проходили по улицам городов вплоть до XIX в., метисы шли особой группой, на третьем месте (первыми шли испанцы — уроженцы метрополии, вторыми — креолы, последними — индейцы). В городах обычно метисы и индейцы имели разные приходы. Иногда (так было, например, в Мериде на Юкатане) священникам из испанско-креольских приходов запрещалось обслуживать метисов, не говоря уже об индейцах¹⁰.

Во всех сословных группировках, насаждавшихся властями метрополии, включая «креолов» и «индейцев», были люди смешанного испано-индейского происхождения. В числе мексиканских «креолов» оказались потомки самых знатных индейских семей, получивших в свое время испанское дворянство, а также потомки от законных браков между испанцами и знатными индейскими женщинами. Многие дворянские креольские семьи колониальной Мексики с полным основанием прибавляли к набору испанских фамилий имя какого-либо знатного индейского правителя. В архивных документах XVI—XVII вв. фигурируют такие дворянские имена, как дон Томас де Сан Мартин Кетцальмасатцин Чичимекатеуктли, дон Мартин Кортес Несахуалькойотцин¹¹.

Внутри индейских общин также несомненно были люди испано-индейского происхождения.

Социальный состав сословных группировок колониальной Мексики был крайне неоднородным. Наиболее монолитными в этом отношении были «индейцы», особенно те,

у кого сохранилась традиционная община. В то же время с этнической точки зрения это была наиболее пестрая по составу группа, искусственно объединившая многочисленные племена и народы страны в интересах колониальной эксплуатации.

Креолы почти целиком принадлежали к господствующему помещичьему классу. Однако к концу колониального периода из их среды уже выделилась купеческая прослойка, а также другие представители зарождающейся буржуазии и колониальной интеллигенции.

Первые десятилетия испанской колонизации метисы были главным образом ремесленниками в испанских мастерских, управляющими в энкомьендах, солдатами, прислугой в испанских домах и т. п. Однако со временем непрерывно возрастает число метисов, занятых в сельском хозяйстве. Большинство крестьян-метисов, не имея земли, попадали в кабальную зависимость от помещиков. Только незначительная их часть, владельцы небольших земледельческих или скотоводческих хозяйств — ранчо, вошла в состав мелкой буржуазии наряду с ремесленниками и розничными торговцами.

Уже с XVIII в. метисы стали проникать в ряды низшего духовенства, а некоторые из них, с трудом получив образование, вливались в ряды местной интеллигенции. Бесправное положение огромных масс метисного населения Мексики, составлявшего к концу колониального периода вторую по численности после индейцев группу, было причиной развития в его среде стремления к освобождению от колониального гнета Испании.

Мексиканские метисы, таким образом, поначалу представляли собой сословную группу, порожденную «системой каст», основным признаком для выделения которой первоначально было смешанное межрасовое происхождение. Постепенно эта сословная группа численно разрастается, вбирая в себя крайне разнохарактерные этнические элементы. Силами, цементирующими эту общность, были язык, единое вероисповедание, национальная политика метрополии, единое правовое положение. Со временем сословная общность метисов приобретает черты этнической общности. Появляются испаноязычные мексиканцы, осознающие себя именно мексиканцами.

Метисное крестьянство в антропологическом, а во многих районах и в культурном отношении мало отличалось

от индейского крестьянства. Но языком метисного населения Мексики стал испанский. Одной из основных причин превращения испанского языка в общенациональный язык мексиканцев была, по-видимому, большая лингвистическая дробность, существовавшая на территории Мексики до испанского завоевания. Испанский язык стал универсальным средством общения, тем более, что он насаждался и самими завоевателями. В течение XVI—XVIII вв. неоднократно издавались королевские указы, повелевавшие обучать индейцев испанскому языку. Согласно королевским постановлениям при утверждении должностных лиц в индейских общинах предпочтение отдавалось тем, кто говорил по-испански; в монастырских школах индейским детям часто не разрешалось говорить на родном языке¹².

Таким образом, к концу колониального периода на древних землях Мексики сложился новый испаноязычный этнос — ядро будущей мексиканской нации. Жизнеспособность нового этноса, осознание им своих интересов проявилось в развернувшейся в начале XIX в. борьбе за независимость. Новая этническая общность объединяла к этому времени не только огромные массы метисного, но и какую-то часть «креольского» населения.

К концу колониального господства Испании метисное население по численности было на втором месте после индейцев. К 1810 г. одних только индейско-испанских метисов насчитывалось около двух миллионов человек и вместе с мулатами они составляли, по некоторым подсчетам, более 39% численности населения Мексики того времени¹³.

С увеличением же численности метисов и их расселением по территории страны еще более ускорился процесс смешения различных групп индейцев с испаноязычным населением.

Несмотря на это, в Мексике, благодаря длительному существованию «системы каст», в условиях интенсивнейшего смешения различных групп четко выступает роль государства как этнообразующей силы, оказывающей подчас определяющее воздействие на этнические процессы. Государственный сословно-иерархический строй способствовал обособлению нового этнического единства и сохранению ряда этнических общностей коренного населения, таких, например, как юкатанские майя и сапотекы на юге страны, тараски в Мичоакане и др.

Вопреки противодействию Испании, всячески препят-

ствовавшей самостоятельному экономическому развитию страны, в Мексике постепенно развивались внутренние экономические связи между отдельными районами. Косвенно этому способствовало административное единство — вся территория современной Мексики входила в вице-королевство Новая Испания.

В конце XVIII — начале XIX в. палицо был определен рост промышленности, сельского хозяйства, торговли. Наиболее развитой была горнодобывающая промышленность — старейшая отрасль промышленного производства. Добыча серебра в Мексике в 10 раз превышала добычу всех рудников Европы, вместе взятых.

Появилось значительное количество предприятий легкой промышленности. В Мехико действовали мыловаренные, табачные и др. мануфактуры. В Гвадалахаре насчитывалось к началу XIX в. около сотни мануфактур, в г. Керетаро — свыше двадцати, в Вальядолиде — тридцать четыре мануфактуры. Это были по преимуществу кожевенные, шелкоткацкие и др. текстильные предприятия, а также деревообрабатывающие, гончарные, мебельные и др. мастерские. «Положение и условия труда рабочих были крайне тяжелыми. На мануфактурах царили порядки, напоминавшие тюремный режим. Рабочие были заперты в темных, тесных и грязных помещениях, которые им запрещалось покидать. Юридически свободные рабочие были неоплатными должниками владельца предприятия и полностью зависели от него»¹⁴.

В последние десятилетия XVIII в. Испания была вынуждена снять ряд ограничений внешней торговли Мексики. Это привело к увеличению значения товарного производства в сельском хозяйстве и промышленности, что в свою очередь способствовало развитию внутреннего рынка. Шел начальный этап развития капиталистического производства в стране. И хотя еще сохранялись полуфеодальные формы эксплуатации, зарождались классы, присущие капиталистическому обществу, — промышленный пролетариат и буржуазия, что свидетельствовало о нарастании процессов национальной консолидации.

Этот период являлся вехой в формировании национального самосознания мексиканцев, и их национальной культуры. Именно тогда была заложена первооснова идеологии складывающейся мексиканской нации — идея национального освобождения от колониального гнета.

Пробуждение национального самосознания на начальной стадии проявлялось в форме пропаганды идей буржуазного просветительства и критики колониальных порядков. В общественной мысли Мексики появилось новое направление, виднейшими представителями которого были философы-просветители И. Бартолаче (1739—1790) и Х. Альсате (1738—1799).

Как указывает советский историк М. Альперович, эти выдающиеся ученые были носителями идеи национального самосознания, идеи борьбы за национальную независимость¹⁵. В стране возникли различные патриотические общества.

Однако на этом этапе идеология мексиканского национализма была еще зачастую слита с идеологией «американизма», отражавшей интересы всех испанских колоний в Америке. Но уже в последние десятилетия XVIII в. до некоторой степени под воздействием исторических трудов Франсиско Хавьера Клавихеро довольно широкое признание в антииспанских кругах мексиканского общества получает концепция «нео-ацтекизма», согласно которой существовала прямая историческая преемственность между борьбой против колониального гнета и борьбой ацтеков против испанских конкистадоров¹⁶.

Уже в последнее десятилетие XVIII в. в Мексике неоднократно организовывались заговоры против испанского владычества, главным образом в среде помещичьей креольской и мелкобуржуазной метисной интеллигенции, однако решающую роль в освобождении страны от колониальной зависимости сыграло безземельное мексиканское крестьянство.

В сентябре 1810 г. в Мексике началось одно из самых крупных во всей Латинской Америке восстаний, основным требованием которого была национальная независимость. Возглавил восстание приходский священник Мигель Идальго-и-Кастильо. Его программа социальных преобразований, в частности издание декрета о возвращении земель индейским общинам, привели к тому, что по его призыву поднялись десятки тысяч крестьян — и индейцев, и метисов. Восстание переросло в аграрную революцию. Господствующие слои креольской знати и крупная буржуазия, напуганные стихийной силой восстания, стали на сторону колониальных властей. Одновременно церковь употребила все свое влияние, проповедуя верность метро-

полии. Реакционные силы в стране сумели разгромить восставших, а Мигель Идальго был расстрелян.

Однако партизанская война против правительственных войск продолжалась. Среди вождей партизанских отрядов вскоре выдвинулся новый руководитель движения, один из соратников Идальго, сельский священник Хосе Мариа Морелос. Морелос действовал очень решительно и сумел собрать большую армию восставших. Весь юг Мексики, кроме городов Мехико, Пуэбла и Веракрус к концу 1812 г. находился в их руках. Морелос созвал Национальный конгресс, куда вошли представители революционных районов страны. Национальный конгресс объявил Мексику республикой, декретировал равенство рас, запретил рабство, индейцам был открыт доступ к гражданским и церковным должностям. Но и это революционное выступление масс было разгромлено объединенными силами реакции.

В последующие годы внешнеполитические факторы оказали решающее воздействие на внутреннюю ситуацию в стране. После происшедшей в Испании революции (1820) и победы там прогрессивных сил креольская землевладельческая знать и высшее духовенство испугались свежего ветра, повеявшего из метрополии, тем более, что в ряде районов Мексики еще продолжали действовать небольшие повстанческие отряды. В этих условиях те, кто еще недавно помогал испанским колониальным властям разгромить армии Идальго и Морелоса, стали наиболее активными сторонниками отложения от Испании.

В этот момент слились воедино такие разнохарактерные явления, как патриотический сепаратизм зарождающейся национальной интеллигенции, мелкой буржуазии, крестьянства и корыстные интересы крупных землевладельцев и церкви, власть которых до того полностью опиралась на испанский колониальный аппарат. Однако без освободительной борьбы в 1810—1815 гг. масс индейцев и метисов, расшатавших устои колониального господства испанцев в Мексике, не было бы возможно почти бескровное отделение от Испании в 1821 г. Самоотверженная борьба широких масс за самостоятельное национальное существование способствовала развитию патриотизма мексиканцев, росту их национального самосознания.

Освобождение Мексики от испанского владычества мало изменило соотношение классовых сил и почти совсем

не изменило положения широких масс мексиканского метисного и индейского крестьянства. Однако одним из несомненных и очень существенных завоеваний было уничтожение кастовых перегородок, в течение столетий искусственно насаждавшихся испанским королевским правительством. Главную роль в этом сыграла борьба народных масс, декреты Идальго от 19 и 24 октября 1810 г., декреты Морелоса и принятая им в 1814 г. конституция. Небезынтересно отметить, что испанские кортесы также в 1811, 1812 и 1820 г. декретировали «социальное и гражданское равенство испанцев, индейцев и метисов», уничтожение миты и других личных повинностей, касавшихся индейцев.

Изменилось правовое положение индейцев и метисов. По конституции 1824 г., индейцы получили право голоса при выборах в местные и федеральные органы управления. Были отменены собиравшиеся в течение всего колониального периода особый налог с индейского населения, различные унизительные запреты.

Еще в 1822 г. Высший конституционный конгресс принял специальное постановление, по которому предлагалось впредь в официальных и частных документах рядом с именами граждан не указывать их происхождения. В этом отношении интересно было решение властей штата Халиско, позволявшее наделять землей тех, кого прежде называли индейцами, так как «они принадлежат к кастам, которые существовали... и чьи названия должны быть полностью забыты»¹⁷.

Но в первых конституциях большинства штатов устанавливались ограничения в гражданских правах для домашней прислуги и для неграмотных. Нельзя не отметить, что эти ограничения вводились главным образом в штатах со значительным в то время (первая половина XIX в.) индейским населением (Мехико, Оахака, Сакатекас, Веракрус и др.), исключение составляли лишь Пуэбла и Сан-Луис-Потоси. В Табаско, например, ограничения распространялись на должников, отрабатывающих свой долг, т. е. на пеонов, а в Сакатекасе и Западном штате (современные Сонора и Синалоа) — на тех, «кто ходит постыдно обнаженными». Правда, было оговорено, что в отношении индейцев это положение входит в силу после 1850 г., т. е. через 25 лет после принятия конституции штата¹⁸.

И в общемексиканской конституции 1836 г. сохраня-

лись ограничения в правах для домашней прислуги и для тех, кто «не будет уметь ни читать ни писать после 1846 г. и впредь». Через 20 лет в конституции Мексики 1857 г. все эти ограничения уже не фигурировали, но на деле они продолжали существовать. Более того, снятие этих ограничений привело к тому, как пишет мексиканский историк Гонсалес Наварро, что «нечестные политики стали получать голоса неграмотных индейцев, читая им «Разрушение Индии» Бартоломе де Лас-Касаса и подбивая их пульке»¹⁹.

Таким образом, довольно быстро от прогрессивного по существу провозглашения равенства перед законом был сделан переход к явным и скрытым формам национального угнетения. Новые законодательные установления часто использовались лишь для усиления эксплуатации индейцев. В соответствии с концепцией гражданского равноправия мексиканские правящие круги занимались проблемами индейского населения лишь тогда, когда они хотели покончить в своих интересах с какими-либо из традиционных социальных институтов индейских народов, или, много чаще, при подавлении индейских восстаний. Новые властители — мексиканские помещики и молодая мексиканская буржуазия — отнюдь не собирались на деле отказываться от привилегии эксплуатировать индейцев. Именно поэтому с их точки зрения к индейским народам Мексики был не применим, провозглашенный Морелосом революционный принцип: «Ни один народ не имеет права поработать другой народ...»²⁰.

Первые десятилетия в истории независимой Мексики характеризовались очень неустойчивой политической обстановкой в стране. Между различными группировками, отражавшими классовые интересы помещичьей знати и растущей мексиканской буржуазии, шла ожесточенная борьба за политическое господство. С этим были связаны резкое ослабление власти центрального мексиканского правительства и рост сепаратизма отдельных областей. Эта эпоха имела для национального развития Мексики тяжелые последствия. Экономическое развитие страны задержалось, ее внешнеполитические позиции ослабли. Этим воспользовались Соединенные Штаты Америки. В 1836 г. от Мексики при прямой поддержке США отделился Техас, а в результате войны с США (1846—1848) Мексика, потерпев поражение, лишилась почти половины своей

территории, потеряв Техас, Новую Мексику, Аризону и Верхнюю Калифорнию. Эти территории были сравнительно слабо заселены (исключая отдельные районы Новой Мексики) и мало освоены, но очень сильный удар был нанесен по национальной гордости мексиканцев. Ответный взрыв патриотических чувств объединил на время мексиканцев в борьбе с чужеземными захватчиками.

Несмотря на активное участие большого числа индейцев в борьбе за независимость, основные проблемы индейского населения в независимой Мексике так и не были решены. Землю индейское крестьянство не получило. Национальные интересы индейских народов игнорировались.

Естественно поэтому, что борьба индейского крестьянства за землю продолжалась. В новых политических условиях эта борьба приобрела новые формы. Усилилось стремление отдельных индейских народов к независимости, чему способствовали также традиции национально-освободительной борьбы 1810—1815 гг.

В 1825 г. Хуан Бандерас возглавил первое выступление яков и майо, причем движение имело ясно выраженный сепаратистский и «антибелый» характер.

В 1829 г. на юге вспыхнуло восстание одного из крупнейших индейских народов — сапотеков. В 1840 г. началось восстание пима и папаго (северо-западная Мексика), провозгласивших независимость от федерального правительства. На подавление этого восстания правительство бросило большие военные силы.

Но самым мощным индейским движением этого периода была освободительная борьба майя Юкатана, начавшаяся в 1847 г. В отдельные периоды в отрядах восставших насчитывалось до 70 тыс. человек. В начале восстания, названного «войной каст», почти $\frac{3}{4}$ полуострова Юкатан оказалось в руках восставших индейцев. Длительная и упорная борьба майя не может расцениваться иначе, как национально-освободительное движение этого народа. Оно было направлено против господства испаноязычного меньшинства. Юкатанские власти вопреки своим сепаратистским устремлениям были вынуждены просить помощи у федерального правительства. Ценой огромных усилий им удалось отеснить восставших в тропические джунгли, на юг полуострова.

Другое крупное восстание в 1848—1849 гг. индейцев Сьерра-Горды охватило несколько центральных штатов.

Вторая половина XIX в., пачавшаяся буржуазной революцией и гражданской войной, стала в этническом плане периодом консолидации молодой мексиканской нации.

В 1856—1859 гг. Конгресс принял ряд законов демократического характера, в частности, была проведена конфискация церковных земель и церковь была отделена от государства. Но первая земельная реформа в Мексике почти ничего не дала крестьянству. Земли, отобранные у церкви, были захвачены помещиками, а частью — иностранными капиталистами.

Мало того — закон о конфискации церковных земель принес очень большой вред крестьянству и главным образом индейскому.

В законе говорилось о запрещении «корпорациям» владеть землей, и под действие этого закона попали традиционные индейские общины. Вплоть до революции 1910—1917 гг. разграбление общинных крестьянских земель теперь происходило в значительной мере на «законном» основании.

В начале 60-х годов XIX в. Мексика испытала новую иностранную интервенцию. Правительство Наполеона III во Франции, воспользовавшись незначительным предложением, предприняло вторжение в Мексику. Наполеон назначил своего ставленника Максимилиана Австрийского «императором» Мексики. Мексиканский народ повел решительную борьбу против интервентов и после четырехлетней кровопролитной войны Мексика избавилась от иностранных захватчиков (1867). Эта освободительная война также способствовала укреплению национального самосознания мексиканцев.

С 70-х годов начинается 35-летний период реакции. В Мексику постепенно все более проникает иностранный капитал, особенно из США. Его агентурой были продажные мексиканские чиновники, крупные помещики и духовенство, а верным стражем его интересов — многолетний президент и диктатор Порфирио Диас.

Период диктатуры Диаса был временем, когда резко усилилась зависимость Мексики от мирового капиталистического рынка. Правившая страной клика систематически привлекала иностранный капитал, и Мексика постепенно превращалась в сырьевой придаток крупных капиталистических держав, главным образом США.

Капиталистическое развитие Мексики, первоначально связанное с ростом плантационного и скотоводческого хозяйства, вело к обезземеливанию крестьянства и, в частности, к разрушению традиционного индейского общинного землевладения, которое, несомненно, способствовало сохранению этнической обособленности ряда индейских народов.

Особенно тяжело пострадало индейское крестьянство. Современный прогрессивный мексиканский ученый Г. Бонфил Баталья пишет: «Жажда земли была непасытной, а в Америке на земле жили индейцы». Он считает, что территориальная экспансия новой нации по варварским методам не отличалась от конкисты XVI—XVIII вв.²¹

Чудовищная нищета была уделом индейцев. Сохранилось любопытное свидетельство крайней обездоленности индейцев даже по сравнению с остальным неимущим населением. В местечке Хуэхутла было принято следующее распределение налогов: «Бедные индейцы платят ежемесячно 2 реала, более состоятельные индейцы — 4 реала, не индейцы бедняки — тоже по 4 реала ежемесячно, богатые не индейцы — по 1 песо»²², т. е., так сказать, «состоятельный» индеец приравнивался к бедняку не индейцу.

Новые законы о запрете «корпоративного» землевладения привели к усилению аграрного движения индейцев. Попытки апологетов этих постановлений представить индейские восстания тех времен, как результат трагического непонимания индейцами истинного смысла законодательства, не выдерживают критики. Слишком широкий простор для злоупотреблений открывали эти законы.

В 1856 г. индейскими восстаниями были охвачены несколько штатов: Мехико, Мичоакан, Халиско, Керетаро, Веракрус. Индейцы взялись за оружие, чтобы защитить свою общинную собственность. В апреле 1857 г. началось восстание индейцев Масамитлы (Халиско), которые требовали наделения их землей.

В Найярите индейцы восстали под предводительством Лосады почти сразу после войны за реформу. Вплоть до 1873 г., когда был расстрелян их вождь, они контролировали обширный район. Аграрный характер этого восстания проявился в договоре, заключенном в Почотитлане между Лосадой и генералом Огасоном в январе 1862 г. По нему правительство обязалось защищать интересы индейцев в их борьбе с помещиками.

В 1862 г. имело место мощное восстание индейцев чамула (цоцилей) в Чианпасе. Во главе этого восстания встала молодая индейская женщина по имени Чечиб. Восставшие хотели восстановить свои древние формы управления и древней религии. Они начали сооружать храмы своим прежним богам, чьей священнослужительницей была объявлена Чечиб, и даже распяли ее племянника, чтобы он стал «Христом своей расы». Для подавления восстания понадобились усилия всех вооруженных сил штата.

В 1877 г. началось восстание в Амеалко (Керетаро) и в том же году — в штате Идальго. Возвращения земель требовали восставшие в Тамацунчале, в штате Сан-Луис-Потоси, в 1878 г. В 1877 г. вспыхивали восстания в штатах Идальго, Гуанахуато, Мичоакан, Керетаро и Оахака, в федеральном округе, в 1879 г. — в штате Пуэбла. В 1880 г. восстали индейцы сери. В 1884 и 1891 гг. восставали тотонаки в Папантле (штат Веракрус). Продолжалась национально-освободительная борьба яков и майо, начавшаяся еще в 1825 г.

В тропической сельве юга полуострова Юкатан большой район находился в руках «независимых» майя, потомков тех, кто восстал еще в 1847 г. Покорить этих индейцев мексиканским войскам удалось лишь в 1901—1904 гг.

С непокорными индейскими народами беспощадно расправлялись. Применялись варварские средства их уничтожения. Юкатанские власти еще в начале 50-х годов XIX в. стали продавать пленных майя на сахарные плантации Кубы, а в штатах Дуранго и Чиуауа за каждого убитого индейца платили 200 песо²³. После подавления восстания яков в начале XX в. их стали отправлять на хенекеновые плантации Юкатана, где они гибли от непосильного труда и непривычных климатических условий²⁴.

В колониальную эпоху национальное угнетение открыто провозглашалось основным политическим принципом: общество колониальной Мексики, да и всей Испанской Америки, было поделено на касты по расовому признаку.

Позднее, добившись самостоятельности в значительной степени с помощью индейских масс, господствующие слои мексиканцев сразу же начали расправляться с национальным движением индейских народов Мексики, они не хотели признать права индейских народов на самостоятельное национальное развитие.

Хотя поводом для большинства выступлений индейцев были аграрные столкновения, они, как правило, приобрели специфическую национальную окраску. Правящие круги Мексики великолепно отдавали себе отчет в том, что именно индейская община является основой этнической, национальной самостоятельности индейцев и что ее сохранение способствует в новых условиях укреплению этнической обособленности индейских народов. Политика уничтожения индейской общины, хотя об этом никогда открыто не шла речь, была вызвана, помимо всего прочего, стремлением уничтожить экономическую и социальную базу стойкости этнических общностей индейцев.

Мексиканские индейцы не только составляли значительную часть населения страны, но и выступали подчас достаточно активной политической силой. Совершенно не считаться с этим было невозможно.

Постоянная угроза «войны каст» — вот, что побуждало мексиканские правительства в этот период принимать все меры к разрушению основы единства и сопротивления индейцев — к разрушению индейской общины.

Для индейцев же борьба за землю, за сохранение общинных земель сливалась с борьбой за национальную самостоятельность, т. е. аграрный вопрос тесно переплетался с вопросом национальным.

В период независимости даже не ставилось вопроса о необходимости разработки специальных законодательных положений, которые бы могли способствовать подлинному прогрессу индейского населения.

Весь период политической неустойчивости (1821—1876), в течение которого с большими трудностями складывались политические и юридические институты современной Мексики, правительство не считалось с тем, что значительная часть населения, главным образом сельского, продолжала оставаться индейской и имела свои специфические проблемы. И только когда индейцы начинали вооруженную борьбу за улучшение своего положения, правительства независимой Мексики обращали внимание на них и жесточайшим образом подавляли индейские восстания.

Очень точно охарактеризовал новые национальные отношения, сложившиеся в Мексике, известный поэт и общественный деятель Гильермо Приэто, сказав: «Независимость превратила нас (т. е. мексиканцев.— *И. Х.*) в га-

чупинов для индейцев»²⁵; гачупинами в колониальной Мексике называли испанцев.

В официальных и общественных кругах существовали две тенденции подхода к индейскому вопросу, почти в равной степени далекие от подлинного понимания нужд индейцев.

Апологеты колониальной политики Испании утверждали, что юридическое равноправие якобы только ухудшило положение индейцев. Но даже самые убежденные из них, такие, как ревностный поборник католицизма и защитник деяний испанской короны в Америке Тринидад Санчес Сантос, были вынуждены признавать, что именно «труд индейцев в течение четырехсот лет кормил нацию»²⁶.

Еще в первой половине XIX в. консервативный государственный деятель и историк Лукас Аламан писал, что равноправие индейцев представляет собой угрозу обществу и вредно для самих индейцев. По его мнению, было «опасно дать индейцам возможность понимать газеты»²⁷. Реакционной сутью этого утверждения не нуждается в особых комментариях.

Другие ученые и общественные деятели, такие, как А. Молина Энрикес, считали гражданское равноправие «самым большим благом, приобретенным индейцами». Гражданское равноправие будет способствовать контактам и смешению рас и тем самым «подготовит формирование единой расы»²⁸, — писал Молина Энрикес. Подобные взгляды преобладали в среде радикально настроенной буржуазии. Но по сути они являлись отражением официальной националистической идеологии непризнания существования самостоятельных индейских народов в Мексике. Наиболее реалистически мыслящие представители этого направления понимали, что законодательное уравнивание в правах не превращало само по себе индейца в подлинного гражданина независимой Мексики.

Правительства независимой Мексики, которые на словах основывали свою деятельность на свободе и равенстве, крайне редко вникали в суть чисто индейских проблем. Это была, если можно так сказать, пассивная форма ассимиляторской политики (конечно, исключая постоянные военные подавления индейских восстаний). Специальные ассимиляторские мероприятия буржуазными правительствами Мексики до революции 1910—1917 гг., как правило, не проводились. Официальная концепция

сводилась к игнорированию специфических нужд индейцев, к непризнанию их национальных интересов.

Интенсивное разграбление индейских общинных земель повлекло за собой ускорение процесса ассимиляции индейцев складывающейся мексиканской нацией. Как уже указывалось, в первые десятилетия колониального периода появилась прослойка индейцев, ушедших со своих земель, потерявших связь со своими народами и перешедших на испанский язык, их называли тогда «ладино». Но некоторые черты культуры, быта и главным образом существование социальной иерархии («системы каст») мешали их слиянию с метисным населением, от беднейших слоев которого они мало чем отличались. Отмена кастовых разграничений в независимой Мексике уничтожила одну из основных помех на пути ассимиляции «латинизированных» индейцев. В новых условиях эта группа довольно быстро поглощалась остальным испаноязычным населением, хотя традиционная бытовая дискриминация, особенно в первой половине XIX в., иногда еще серьезно препятствовала развитию этого процесса.

В Южной Мексике обезземеленные индейцы большей частью оставались в исконных местах обитания. Некоторые становились батраками в крупных плантационных хозяйствах, развивавшихся на захваченных у них землях (например, на плантациях кофе во внутренних районах Чиапаса или хенекеновых плантациях на Юкатане), многие становились мелкими арендаторами в разросшихся помещичьих владениях. В крупных латифундиях и на плантациях сохранялись феодальные формы эксплуатации индейского крестьянства. И сельскохозяйственные рабочие, и мелкие арендаторы через некоторое время оказывались крепко привязанными к помещичьим или капиталистическим хозяйствам долговой зависимостью. Одним из наследий энкомьендарной системы, когда индейская деревня отдавалась «под опеку» кому-либо из завоевателей, было закабаление целых индейских общин каким-либо владельцем латифундии.

Особенно часто это случалось на юге страны, где, к тому же, метисное население было сравнительно малочисленным. В этих условиях индейцы продолжали сохранять традиционную культуру и быт, свой язык, а часто и прежние формы социальной организации, хотя и в трансформированном виде.

Иначе складывалась судьба индейского крестьянства в Центральной Мексике, где, помимо развития плантационного хозяйства, развивалась и промышленность. В новые промышленные районы, возникавшие на землях различных индейских народов, наблюдался значительный приток испаноязычного населения. Этническая территория индейских народов дробилась районами сплошного испаноязычного мексиканского населения. Обезземеленное индейское крестьянство частично уходило в новые промышленные районы. Черты традиционной культуры и быта сохранялись лишь в остаточных формах. Связь с этнической территорией своего народа, старинный общинный уклад и традиционные социальные отношения безвозвратно терялись. Собственный язык индейцев в новых условиях становился бесполезным, и они были вынуждены овладеть общенациональным языком. Какое-то время сознание принадлежности к определенному индейскому народу еще сохранялось, но переход на испанский язык в условиях значительной антропологической и культурной близости к соответствующим локальным группам испаноязычных мексиканцев вел к быстрой ассимиляции. Эта часть индейского населения Мексики сближалась с остальным испаноязычным населением страны и через одно-два поколения сливалась с ним.

Другие индейцы Центральной Мексики, жившие в глубинных горных районах, сохраняли свои этнические территории, свой язык, свою культуру.

История индейских народов Северной Мексики, слабо заселенной в доколумбовы времена и имевшей в XIX в. незначительное по сравнению с Центральной и Южной Мексикой индейское население, сложилась по-другому. Многие штаты Северной Мексики стали основными районами скотоводства и горного дела. Это вызвало огромный приток испаноязычного мексиканского населения. Остатки примитивных индейских племен исчезли, и лишь земледельческие народы северо-западных районов сохранились до наших дней, хотя и численность, и область расселения их резко сократились.

Своеобразием национальных отношений в Мексике XIX в. было отсутствие, как правило, расовой дискриминации по отношению к индейцам, отсутствие непреодолимой грани между бывшими колониальными «кастами». Несмотря на все усилия Испании, в течение трех

столетий насаждавшей «кастовый строй» и стремившейся управлять покоренными народами, противопоставляя одну расовую группу населения другой, расовые, т. е. чисто биологические, признаки не превратились в основу социальной дискриминации. В независимой Мексике классовое расслоение в среде индейцев, связанное с распределением в частную собственность общинных земель, вело к выделению более зажиточной верхушки, для которой по сути дела не было особых препятствий к проникновению в ряды развивающейся мексиканской буржуазии. Состоятельность, бытовое знание испанского языка и хотя бы начатки образования — вот, что определяло возможность выгодного приобщения к господствующему в стране слою, в частности — к мексиканской буржуазии. Появлявшаяся индейская буржуазия ни на одном из этапов не становилась выразителем интересов своей национальной группы, ей был открыт достаточно широкий доступ к слиянию с более могущественными социальными группировками, и национальные интересы отступали на второй план. Убедительным подтверждением этого было выдвижение выдающегося демократического деятеля, многолетнего президента республики Бенито Хуареса, индейца сапотека, до двенадцати лет не знавшего даже испанского языка. Позднее, в конце XIX — начале XX в. на политической арене длительное время подвизался реакционный диктатор Порфирио Диас, тоже выходец из индейской среды (из племени миштеков, с небольшой примесью испанской крови).

Другой своеобразной чертой в национальных взаимоотношениях в Мексике был возросший интерес уже с первых десятилетий независимого существования к историческому прошлому, к древним доколумбовым цивилизациям коренного населения. Более того, индейские элементы в мексиканской культуре рассматривались, как один из факторов утверждения ее национальной самостоятельности по отношению к родственной испанской культуре, у которой был заимствован язык. Этот интерес свидетельствовал о развитии и укреплении национального самосознания мексиканцев. Индейские древности справедливо становятся объектом национальной гордости мексиканцев. Но в то же время интереса к современной культуре создателей этих древних цивилизаций, их повседневному быту и нуждам не возникло.

XIX век был решающим в формировании мексиканской нации. Развитие капитализма в стране, национально-освободительное движение против колониального гнета Испании, создание независимого национального государства, борьба против агрессивных происков США и других империалистических государств — вот факторы, резко ускорившие процесс развития мексиканской нации.

Вместе с тем ускорились и ассимиляционные процессы. В то же время в стране сохранялось значительное число индейских племен и народов, этническое развитие которых шло своими путями.

Индейская беднота не чувствовала себя частью мексиканской нации, противопоставляла себя ей. Как писал в начале нашего века один мексиканский ученый, «бедность и уровень культуры индейца создавали такой же барьер, как и кастовые предрассудки»²⁹.

Тем не менее крайнее обнищание и национальное угнетение привели к тому, что в буржуазно-демократической революции 1910—1917 гг. приняли активное участие значительные массы индейского крестьянства, интересы которого в вопросе о земле совпадали с интересами всего мексиканского крестьянства.

После революции 1910—1917 гг. национальный вопрос уже нельзя было игнорировать. Он превратился в одну из острых социальных проблем, требующих скорейшего разрешения. Для буржуазных правителей Мексики стала очевидной необходимость проведения более гибкой национальной политики, такая политика мыслилась лишь как более гибкая ассимиляторская политика. В качестве основной задачи выдвигается «интеграция» тех групп, которые сохранили языковую обособленность и культурную специфику, то есть ту или иную степень этнической обособленности.

Именно в это время начинает оформляться националистическая по отношению к индейцам идеология, появляются работы одного из основоположников концепции «интеграции» Мануэля Гадио.

Следует оговорить, что естественный процесс поглощения одной этнической общностью другой или других этнических общностей — ассимиляцию, характерную для всех исторических этапов развития общества, необходимо отличать от насильственной ассимиляции, т. е. ассимиляторской политики, присущей классовому обществу, для

осуществления которой необходим аппарат принуждения. В Мексике единственным направлением этнического развития индейцев была провозглашена их скорейшая «интеграция» — включение в мексиканскую нацию. Это «включение» предполагалось не через расцвет национальной культуры и национальной самостоятельности индейцев, не добровольным путем, а путем подавления национального самосознания, отказа индейских народов от национального самоопределения, национального самоуправления.

Именно ассимиляторские концепции стали основой национальной политики буржуазных мексиканских правительств после революции 1910—1917 гг. Однако в период президентства Ласаро Карденаса (1934—1940) демократические преобразования коснулись и правительственной программы по индейскому вопросу. Сам Ласаро Карденас, выступая на Учредительном конгрессе Межамериканского индейского института в 1937 г. в г. Пацкуаро, подверг резкой критике концепцию «интеграции» и призывал к уважению культурных и языковых традиций индейцев. Его на деле поддержали многие прогрессивные представители мексиканской интеллигенции. Но после избрания Карденаса его сторонники были смещены с постов в специальных правительственных учреждениях.

В течение последних десятилетий в Мексике неоднократно создавались различные специализированные органы, которые должны были помочь разрешению «индейской проблемы». Первоначально предполагалось, что задачу «национализации» индейцев в состоянии разрешить сельские школы. Еще в 1923 г. министерство народного просвещения организовало систему «культурных миссий», которые должны были направлять экономическое, общественное и культурное развитие сельских общин и обеспечить подготовку учителей для сельских школ. Часть этих миссий работала в районах со сплошным индейским населением. Но число их было очень невелико: в 1951 г. в таких районах работало только 18 миссий.

В 1940 г., помимо уже существовавшего специального управления по индейским вопросам, было создано Управление по просвещению индейцев. В связи с общенациональной правительственной программой по борьбе с неграмотностью министерство народного просвещения начало с 1944 г. осуществлять более широкий план обучения

индейских детей. В индейских начальных школах обучение грамоте ведется на родном языке. Но оно сводится к приобретению элементарных навыков чтения и письма и рассматривается как подготовка к начальному образованию на испанском языке. К этому времени относится разработка письменности для некоторых индейских языков на основе латинского алфавита. С конца 40-х годов начинают издаваться специальные двуязычные буквари (майя-испанский, тараско-испанский, отоми-испанский, нахуатль-испанский и др.), а также специальные книги для чтения.

С 1949 г. начал функционировать Национальный индейский институт, который объединил большинство мексиканских ученых, занимающихся различными сторонами индейского вопроса. При участии института в ряде индейских районов были созданы специальные «координационные центры» (сейчас их уже 22), задача которых — согласование деятельности различных просветительских организаций. Большую работу по изучению современных индейских народов и по разработке в теоретическом плане индейской проблемы в стране ведет Национальный институт антропологии и истории при Национальном университете в г. Мехико. Все эти учреждения объединяют ту часть либеральной интеллигенции, которая подчас искренне стремится помочь индейцам страны. Отдельные индеанисты понимают необходимость социальных преобразований для решения национального вопроса, но эти социальные преобразования не являются целью индеанистского движения. И поэтому, несмотря на значительный размах просветительской работы, положение индейского населения продолжает ухудшаться, особенно в связи с проникновением капиталистических отношений и пауперизацией индейского крестьянства. Кроме того, для подавляющего большинства мексиканских индеанистов совершенно неприемлема идея национальной автономии индейских народов Мексики и объективно их деятельность способствует ассимиляторской политике правительства.

Официальную ассимиляторскую точку зрения отражали и регулярно проводимые с 1895 г. переписи населения страны. Если в переписи 1895 г. принадлежность к индейцам определялась «по расе», т. е. учитывалось и самосознание, и язык, и ряд других факторов без специального разделения, то в первой послереволюционной пере-

писи 1921 г., помимо критерия «расы», был введен отдельно критерий языка. В переписи 1930 г. уже единственным признаком для отнесения к индейскому населению является язык. Учитывалось и то, говорил ли человек на одном из индейских языков или владел также испанским — общенациональным языком. В последующих переписях, проводившихся регулярно каждое десятилетие, сохранялся тот же принцип.

Изучение изменений численности отдельных индейских народов является первостепенным в исследовании процессов этнического развития наряду с изучением истории, языковых связей, материальной и духовной культуры, демографии. Но, к сожалению, материалами мексиканской официальной статистики можно пользоваться лишь с очень серьезными оговорками. Численность индейского населения постоянно преуменьшается. В переписях последних трех десятилетий численность двуязычных индейцев преувеличена: в эту категорию попадали люди, знавшие лишь несколько слов по-испански или с трудом понимавшие этот язык, так как все зависело от субъективной оценки производившего перепись должностного лица. Многие мексиканские ученые отмечали, что в большинстве случаев указанные в переписи двуязычные индейцы в действительности говорили лишь на одном из индейских языков.

Кроме того, далеко не всегда учитывалось, на каком именно из индейских языков говорит опрашиваемый. Это так же давало искаженную картину этнической структуры страны. Даже в специальных публикациях, посвященных статистике и размещению индейского населения, авторы подчас объединяют индейцев по признаку знания или незнания испанского языка без определения языковой принадлежности каждой из индейских групп³⁰.

На цифровые оценки последних десятилетий повлияло также то, что не учитывалось испаноязычное индейское население страны, т. е. такое индейское население, которое утратило один из основных этнических признаков — свой язык — и перешло на общенациональный. Однако по другим культурным и социальным признакам они могли быть отнесены к индейцам. Само существование подобной группы свидетельствует об активном процессе ассимиляции, протекающем в стране. По мнению ряда ученых (А. Касо, К. Басаури, М. Герман Парра и др.),

еще 30—40 лет назад испаноязычные индейцы составляли около половины всего индейского населения Мексики. Однако даже мнение столь авторитетных специалистов еще не дает нам права просто удваивать данные переписей для каждой индейской группы, поскольку определение численности каждой из них зависит от конкретных условий, в которых существует та или иная группа, от путей ее национального развития и требует непосредственного изучения на месте. Поэтому приводимые численные оценки в достаточной мере условны и значительно отличаются от данных официальной статистики.

В отличие от малодостоверных абсолютных цифр официальной статистики, касающейся численности индейских народов, относительные данные представляют значительный интерес, так как дают в общем верную картину направления этнических процессов внутри страны. Согласно переписям, в 1930 г. индейцы составляли 16% населения страны, в 1940 г.—14,9%, в 1950 г.—11,1%, в 1960 г.—10,3%, а в 1970 г.—7,6%³¹. Однако темпы ассимиляции, по этим данным, несомненно преувеличиваются.

В настоящее время в Мексике живет свыше 48 млн. человек и, хотя этническая карта Мексики очень пестра, подавляющее большинство ее населения — испаноязычные мексиканцы. Что же представляет собой сейчас мексиканская нация? Основные черты, присущие буржуазной нации, этническая общность испаноязычных мексиканцев приобрела еще в XIX в., особенно во второй его половине. Именно в то время началась капитализация экономики Мексики, стала изменяться социальная структура ее населения — развивается промышленный и особенно сельскохозяйственный пролетариат. В горниле освободительной борьбы окрепло национальное самосознание, что проявилось в появлении национальной темы в литературе, в изобразительном искусстве. Оформилась идеология национализма.

Современная Мексика — аграрно-индустриальная страна со сравнительно быстрыми темпами капиталистического развития. В последние десятилетия идет процесс формирования национального монополистического капитала. В то же время 52% самодеятельного населения, занятого в сельском хозяйстве, составляет сельскохозяйственный пролетариат и полупролетариат. Во время и после революции 1910—1917 гг. Мексика пережила период

национального культурного возрождения. К нему относятся наиболее значительные произведения Мариано Асуэлы. Развивается самобытная школа монументальной живописи. Всемирное признание получает творчество Ороско, Риверы, Сикейроса. Позднее в области графики было продолжено то направление, основы которому еще в XIX в. заложил гениальный Посада.

Расцвет национальной культуры в этот период, несомненно, был связан с ростом национального самосознания и в свою очередь способствовал его развитию.

Из современных факторов идеологического воздействия значительную роль в укреплении национального самосознания мексиканцев сыграло зародившееся еще в конце 10-х годов нашего столетия национальное киноискусство. Обращение к национальной тематике, появление реалистических, доступных фильмов расширили собственно мексиканскую аудиторию. Особый взлет мексиканское кино пережило в конце 30-х — 40-х годах, когда творчество таких выдающихся мастеров, как Э. Фернандес, П. Армендарис, получило мировое признание. Лучшие фильмы прогрессивного направления сделали для всех мексиканцев понятными и близкими образ жизни и проблемы жителей самых удаленных уголков страны, помогли распространению и укреплению общенациональных патриотических идей. Это отмечалось, в частности, и мексиканскими социологами³².

Устранению региональных перегородок содействовала и капиталистическая индустриализация Мексики, которая стимулировала развитие транспортной сети и создавала новые центры притяжения рабочих рук. Естественно, это вызвало интенсивные миграции населения. Если в колониальное время миграционные процессы большой роли не играли, как из-за преобладания системы замкнутого помещичьего хозяйства, так и по причине слабого развития транспортных средств, то уже во второй половине XIX в. число внутренних миграций стало увеличиваться. Эти миграционные течения вносили свои коррективы в этнические процессы страны.

В периоды больших социальных потрясений, когда в движение приходили огромные массы населения, например, во время борьбы за независимость, во время революции 1910—1917 гг., ускорялся процесс перемешивания разнородных этнических групп Мексики. Однако просле-

дять, как это происходило, почти невозможно. Косвенным доказательством значительных размеров этих перемещений может служить резко возросшая в 1910—1920 гг. эмиграция мексиканцев в США.

Иное дело — миграционные процессы в период большей или меньшей политической стабильности. Однако с достаточной степенью достоверности можно судить о них только после 1940 г.

В переписи 1940 г. впервые учитывалось место рождения мексиканских граждан. Сопоставление сведений о месте проживания и месте рождения дало интересный материал о перемещении населения внутри страны³³.

В 1950 г. 3305 человек, или 12% всех урожденных мексиканцев, жили не в том штате, где родились. Сразу же следует оговорить, что во всех штатах часть населения была пришлой, а часть уезжала. Между разными мексиканскими штатами в этом отношении существовали различия. Наибольшее относительное число мексиканцев — уроженцев других штатов проживало в 1950 г. в Северной Нижней Калифорнии (63,4%). Следовательно, в 40-х годах сюда направился значительный миграционный поток. По абсолютному же числу переселенцев из других штатов на первом месте стоял Федеральный округ — 1385 тыс. человек. Сюда направлялась основная масса мигрантов, что было связано со стремительными темпами промышленного развития столицы.

Другим определяющим направлением миграций был север страны, точнее — все без исключения северные пограничные штаты — Тамаулипас, Коауила, Нуэво-Леон и Сонора. Сюда перебирались главным образом жители ближайших, сопредельных штатов. Значительное число мигрантов принял и прибрежный штат Веракрус, в северных районах которого началось бурное развитие нефтедобывающей промышленности.

Отток населения, исчислявшийся в сотнях тысяч человек, в этот период наблюдался в основном из центральных районов страны: из штатов Мехико, Халиско, Гуанахуато, Мичоакан и в меньшей степени из Пуэблы, Сакатекаса.

Таким образом, в течение десятилетия 1940—1950 гг. в Мексике довольно интенсивно перемещивалось население центра и севера страны, что, несомненно, резко ускорило преодоление региональной обособленности. И в на-

ши дни сохранились в основном те же направления миграционных потоков. Вместе с тем бросается в глаза, что на юге страны, где сконцентрирована основная масса индейцев, доля мигрирующего населения падала до нескольких десятков тысяч человек, особенно в таком индейском штате, как Чиapas. Внутренними миграциями захвачены в основном испаноязычные мексиканцы. Эти процессы, протекающие внутри уже сложившейся мексиканской нации, содействуют ее дальнейшему сплочению.

Большинство же индейских народов оказываются как бы вне их, хотя в последние десятилетия постоянно возрастает число индейцев, которых крайняя нищета вынуждает отправляться на заработки далеко от родных мест.

В какой-то мере индейцев коснулся и процесс урбанизации, ускорившийся в Мексике в этот период. Однако переселение индейской семьи в более или менее крупный город — явление куда более редкое, чем переселение мексиканских крестьянских семей. К новым условиям они приспосабливаются сравнительно медленно и долго сохраняют, особенно перебравшись на жительство в небольшие городки неподалеку от своих исконных мест обитания, традиционные связи с соплеменниками. В то же время для Мексики в целом характерны очень быстрые темпы адаптации бывших сельских жителей к городской жизни^{33а}.

На современном этапе основным содержанием национальных процессов, протекающих в Мексике, является взаимодействие между сложившейся крупной этнической общностью — мексиканской нацией — и многочисленными индейскими народами, сохранившимися в Мексике до наших дней. Понять характер этого взаимодействия, имеющего специфические черты в каждом конкретном случае, можно лишь изучив условия, в которых оно происходит. Для этого необходимо хотя бы вкратце сказать, что же представляют собой современные индейские народы Мексики, какова степень их этнической консолидации.

Современное индейское население размещается по стране неравномерно (см. карту). В Северной Мексике индейцев мало. В наиболее промышленных районах севера их почти нет. Небольшие индейские народы и племена сохранились лишь в изолированных районах, сравнительно мало пригодных для хозяйственного освоения.

Индейское население страны сосредоточено в основном в Центральной и Южной Мексике, где до испанского

завоевания жили наиболее развитые земледельческие народы. В центральных, экономически развитых штатах, где наряду с сельским хозяйством большую роль играет и промышленность, есть значительное по численности индейское население. Но здесь высока также численность испаноязычных мексиканцев. Индейцы живут преимущественно в сельских местностях.

Южная Мексика и Юкатан — аграрные районы. Индейцы здесь живут повсеместно, и в некоторых районах до 90% населения говорит на индейских языках. Здесь сосредоточено около половины всех индейцев страны, сохранивших свои языки.

Из индейских племен севера страны только тарахумара и майо имеют значительную численность, все остальные группы численно невелики. Это индейцы пима, папаго, опата, сери и кикапу, переселившиеся в Мексику из Техаса только в середине XIX в., и наиболее многочисленные из них тепехуаны (около 7 тыс. человек)³⁴.

Индейцев тарахумара (юто-ацтекская языковая семья) около 40 тыс. человек³⁵. Сейчас они загнаны в малодоступный горный район в Западной Сьерра-Мадре. Хотя этот район относительно велик по площади, он слабо населен. Последнее время капиталистические дельцы заинтересовались лесными богатствами на землях тарахумара. Это, естественно, привело к серьезным конфликтам, в которые вынужден был вмешаться даже президент республики.

Два других соседящих земледельческих индейских народа северо-западной Мексики, очень близких друг другу и по языку и по многим чертам материальной культуры и быта, связывают также десятилетия совместной освободительной борьбы. До наших дней сохранили яки и майо память о Кахеме — мужественном вожде повстанческих отрядов второй половины XIX в. В настоящее время яков значительно меньше, чем майо. Численность последних, по мнению современных исследователей, около 50 тыс. человек³⁶. Резкое сокращение численности яков произошло в первое десятилетие XX в., когда их, как инициаторов восстания, с огромным трудом подавленных федеральными войсками, тысячами отправляли на Юкатан. Для современных майо характерно четко выраженное национальное самосознание. Даже майо, живущие в

небольших городках в окружении мексиканцев, сохраняют традиционные экономические связи и участвуют в обрядах своих сельских сородичей³⁷.

В центральной части страны самым крупным индейским народом являются ацтеки. Они были завоеваны испанцами одними из первых. На месте столицы ацтеков Теночтитлана была построена столица вице-королевства Новая Испания — г. Мехико. Область расселения ацтеков стала административным и хозяйственным центром колониальной, а впоследствии и независимой Мексики, поэтому сравнительно быстро отдельные селения ацтеков оказались как бы разобщенными большими массивами испаноязычного населения. В настоящее время для ацтеков характерно дисперсное расселение. Этот утвердившийся сейчас в науке термин очень точно передает характер их расселения. Наиболее крупные территории, заселенные ацтеками, находятся в штатах Герреро, Мехико, Идальго, Халиско. Встречающиеся далеко на юге в штатах Оахака и Веракрус ареалы, где говорят на нахуатль, возникли чаще всего там, где в XV в., в период экспансии ацтекского союза, были основаны ацтекские поселения на землях покоренных племен.

Язык ацтеков — нахуатль, или мекхикано, — широко распространен: на нем говорят в Мексике свыше 500 тыс. человек³⁸. Даже в столичном федеральном округе живет много людей, говорящих на этом языке. В XVI в. на нем было написано много исторических и философских трудов, а также учебников грамматики и книг религиозного содержания.

Населяя экономически развитые районы страны, основная масса ацтеков утратила многие черты национального быта и культуры. Лишь те из них, кто живут в труднодоступных горных районах, удаленных от современных культурных центров (например, глахуика в Морелосе), сохранили чистоту языка и свои старинные обычаи³⁹. Ацтеки более других индейских народов оказались втянутыми в экономическую и общественную жизнь страны, в большей степени подверглись ассимиляции.

Другой большой индейский народ Центральной Мексики — отомй (около 250 тыс. человек). Они живут в штатах Гуанахуато, Керетаро, Мехико, Идальго, небольшие группы отоми есть в Сан-Луис-Потоси, Пуэбле. По языку отоми близки индейцы масахуа (около 80 тыс. че-

ловек) в штате Мехико, чичимеки-паме и хона в штатах Гуанахуато и Керетаро. Очень многочисленные, живущие крайне замкнуто, отомы во многом сохранили традиции доиспанского периода. Отомы почти не подверглись смешению. Метисное население, которое живет в их районах, как правило, ацтеко-европейского происхождения ⁴⁰. Чудовищная нищета отомы неоднократно за последние десятилетия привлекала внимание общественности страны.

Два других крупных индейских народа — тотонаки (около 100 тыс. человек) и хуастеки (около 50 тыс. человек) — сохранили этническую обособленность до наших дней.

Но в последние десятилетия развитие предприятий нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности вблизи этнических территорий этих народов вызвало усиление ассимиляционных процессов. Многие индейцы, особенно молодежь, бросают традиционное занятие земледелием и пополняют ряды малоквалифицированных рабочих на нефтяных приисках и нефтеперегонных заводах.

В штате Мичоакан живут индейцы тараски, их численность сейчас составляет не менее 50 тыс. человек. Значительная часть тарасков двуязычна и говорит не только на родном языке, но и по-испански; тем не менее тараски сохранили культурное своеобразие и сознание принадлежности к своему народу. Есть все основания полагать, что у тарасков еще в доколумбовы времена существовала стойкая этническая общность. Государство тарасков сумело отстоять свою независимость в борьбе с ацтекским союзом, позднее тараски оказали упорное сопротивление конкистадорам. Этническое единство тарасков сохранилось и поныне, несмотря на ряд неблагоприятных обстоятельств: на их землях в свое время возникли опорные центры испанской колонизации и соответственно сюда был велик приток пришлого испаноязычного населения.

Два больших народа южной Мексики — миштеки (более 200 тыс. человек) и сапотеки (свыше 250 тыс. человек) ⁴¹ являются народами очень древней культуры. Миштеки живут в западных районах штата Оахака. Сапотеки обитают к югу от миштеков, в горах и долинах восточной Оахаки, кроме того, значительная группа сапотеков заселяет тихоокеанское побережье Теуантепекского перешейка. Они так же, как и миштеки, сравнительно мало

подверглись ассимиляции и сохранили традиционную культуру. Есть интересное свидетельство развития национального самосознания сапотек: им не нравится, когда их называют индейцами, они считают себя именно сапотеками⁴². Оба эти народа являются как бы центрами этнического притяжения для соседних родственных индейских групп: индейцы куикатеки (10 тыс. человек), амусго (8 тыс. человек), пополоки (17 тыс. человек) по языку родственны миштекам; сапотекам близки чатины (около 15 тыс. человек).

На Юкатане живет второй по численности после ацтеков индейский народ страны — майя. Только на севере полуострова живет около 300 тыс. человек, говорящих на языке майя⁴³. Вне хенекеновой зоны и вдали от железных дорог на языке майя говорит до 100% жителей. Однако примерно половина этих людей знает в той или иной степени и испанский язык. Интересно отметить, что язык майя оказал значительное влияние на лексику и фонетику испанского языка на Юкатане. Единство языка, общность материальной и духовной культуры, высокоразвитое чувство национального самосознания, традиции национально-освободительной борьбы, о которой было сказано ранее, — все это делает правомерной и исторически обоснованной постановку вопроса о национальной консолидации майя.

В самой Мексике, помимо юкатанских майя, к этой лингвистической группе относится еще несколько народов. Из них самые многочисленные — цельталь-цоцили (свыше 150 тыс. человек), занимающие и сейчас свои исконные земли в штате Чиapas. Кроме них, здесь живут родственные майя индейцы чоли (22 тыс. человек), маме (свыше 22 тыс. человек)⁴⁴, чонтали Табаско, тохолабали, лакандоны. Последние живут очень изолированно и не поддерживают никаких отношений даже с соседними индейскими племенами.

Большую группу племен южной Мексики мексиканские ученые объединяют по лингвистическим признакам в единую семью языков соке-михе. Из них самые многочисленные — михе (свыше 32 тыс. человек) и соке (свыше 20 тыс. человек). Соке и михе по сей день занимают почти ту же территорию, что и в доиспанский период. Они незначительно подверглись испанизации, так как мало общаются с метисным населением.

Процесс взаимодействия между испаноязычными мексиканцами и многочисленными индейскими народами — наиболее характерная черта этнической ситуации в современной Мексике, по определенную роль играют также этнические процессы между родственными индейскими народами. Несмотря на то, что эта проблема полностью игнорируется мексиканскими авторами, в их работах подчас встречаются довольно красноречивые признания. Мексиканский социолог Хосе Итурриага, говоря о «национальном чувстве» у индейцев, признает, что оно у них не развито и «ограничено узкими рамками своей этнической общности»⁴⁵.

Огромная роль индейского этнического компонента в процессе национальной консолидации мексиканцев не подлежит, конечно, ни малейшему сомнению. В будущем многие мелкие группы индейского населения, пока еще сохраняющие свою этническую обособленность, несомненно, будут поглощены мексиканской нацией.

Такие же современные индейские народы как майя Юкатана, сапотеки, тараски, возможно миштеки, имеют все предпосылки для самостоятельного национального развития, и вполне правомерна постановка вопроса об их национальной автономии.

Индейцы Мексики осознают свои национальные права и протестуют против ассимиляторской политики, отражением этого является, в частности, заявление Исполнительного комитета Всемериканской индейской конфедерации, опубликованное в марте 1965 г. В этом заявлении сказано: «Индейская проблема должна быть решена на основе принципа самоопределения. Это означает прямое и эффективное участие индейцев в федеральном правительстве, в правительствах Штатов, а также в муниципальных органах власти; эксплуатацию естественных ресурсов индейских групп на благо этих групп...; уважение культурных прав индейских групп; издание публикаций на родном языке, среднее образование на индейских языках, что не исключает преподавания испанского или иных языков. Одним словом, под самоопределением мы подразумеваем свободу индейских групп самим определить пути своего развития»⁴⁶. Подобного рода заявления подтверждают возросший уровень национального самосознания отдельных индейских народов, которое проявляется теперь уже в сфере политической деятельности. Это в

свою очередь косвенно свидетельствует о развитии консолидационных этнических процессов.

По-видимому, рано или поздно правящим кругам страны придется считаться с изменившейся обстановкой.

В свете этого интересны некоторые новые тенденции в официальной идеологии.

Как уже указывалось выше, после революции 1910—1917 гг. национальные отношения в стране приобрели новые черты. Возросший интерес к национальной истории, национальной культуре породил потребность тщательного изучения сначала древней, а позднее и современной культуры индейцев Мексики, которая неотъемлемой составной частью вошла в общенациональную мексиканскую культуру.

Но в последнее десятилетие, не без участия официальных властей, возникло любопытное переосмысление роли индейского компонента в мексиканском этносе, в мексиканской культуре. Культивируется своеобразная форма националистической идеологии, которая может быть условно названа «ацтекизмом». Речь идет о том, что современные мексиканцы объявляются прямыми наследниками великой индейской цивилизации ацтеков. Тем самым как бы утверждается происхождение всех жителей Мексики от якобы единых корней, затеняется вопрос о сложности и пестроте современного этнического состава, о существовании нерешенных национальных противоречий. В пропаганде используется двойственное значение этнонима «mexicano», который значит и «мексиканец» и «ацтек», всячески воспеваются ацтекская старина, устраиваются массовые спортивные, очень зрелищные празднества, участники которых надевают стилизованные костюмы традиционных ацтекских персонажей, и т. п. Конечно, у многих современных мексиканцев в жилах течет капля ацтекской крови. Но символом националистической идеологии избрана культура именно того из индейских народов Мексики (правда, одного из самых многочисленных), который в силу ряда исторических причин почти не имеет перспектив самостоятельного этнического развития.

Сохранившаяся по сей день в Мексике пестрота этнического состава обуславливает своеобразие национальных процессов в стране. В отличие от большинства стран

Америки сложность этнического состава определяется не пришлыми компонентами, а существованием значительно коренного индейского населения. Это население неоднородно этнически и сохранило свое национальное своеобразие даже в условиях четко проводимой в течение почти полувека ассимиляторской политики.

Взаимодействие с многочисленными сохранившимися индейскими этносами, в частности интенсивный процесс ассимиляции, до настоящего времени остается наиболее специфической особенностью развития мексиканской нации.

- ¹ Ю. В. Кнорозов. Вводная статья в кн. *Диего де Ланда*. Сообщение о делах в Юкатане. М.—Л., 1955, стр. 12, 34—47.
- ² Подробнее см.: И. Ф. Хорошалева. Современное индейское население Мексики. «Американский этнографический сборник». М., 1960, стр. 169—172.
- ³ Там же, стр. 164—165.
- ⁴ Напр.: S. F. Cook, W. Borah. The Indian population of Central Mexico. 1531—1610. Berkeley and Los Angeles, 1960.
- ⁵ G. Aguirre-Beltran. La población negra de México. México, 1946, p. 207, 208, 213.
- ⁶ Ibid., p. 227.
- ⁷ Ibid., p. 213.
- ⁸ Ibid., p. 233.
- ⁹ M. Mörner. La corona española y los foraneos en los pueblos de indios de América. Estocolmo, 1970, p. 123.
- ¹⁰ N. Trujillo. Los «mestizos» de Yucatán. «Enciclopedia Yucatanense», t. VI. México, 1945, p. 323.
- ¹¹ F. Horcasitas. Cambio y evolución en la antroponomía náhuatl. «Anales de Antropología», v. X. México, 1973, p. 272.
- ¹² R. Velasco Ceballos. La alfabetización en la Nueva España. México, 1945, p. LVI, LXI.
- ¹³ X. Виво. География Мексики. М., 1951, стр. 125.
- ¹⁴ «Очерки новой и новейшей истории Мексики». М., 1960, стр. 53.
- ¹⁵ Там же, стр. 57.
- ¹⁶ J. Leddy Phelan. Neo-Aztecism in the eighteenth century and the genesis of Mexican nationalism. «Culture in history». New York, 1960, p. 762—769.
- ¹⁷ «Colección de acuerdos, órdenes y decretos sobre tierras, casas y solares de los indígenas...», t. I. Guadalajara, 1849, p. 47, en «Memorias del Instituto Nacional Indigenista» (далее — «Memorias del INI»), v. VI. México, 1954, p. 116.
- ¹⁸ M. Gonzalez Navarro. Instituciones indígenas en Mexico independiente. «Métodos y resultados de la política indigenista en México». México, 1954, p. 115.
- ¹⁹ Ibidem.
- ²⁰ C. M. de Bustamante. Cuadro histórico de la revolución mexicana t. II. México, 1926, p. 280.

- ²¹ *G. Bonfil Batalla*. El concepto de indio en América: una categoría de la situación colonial. «Anales de Antropología», v. IX, México, 1972, p. 119.
- ²² «El siglo XIX», 3 de abril, 1872. «Memorias del INI», t. VI, p. 118.
- ²³ «Métodos y resultados de la política indigenista en México», p. 142—145.
- ²⁴ *C. Basauri*. La población indígena de México, t. II. México, 1940, p. 31.
- ²⁵ *C. Dias Dufoo*. La evolución industrial. En «México su evolución industrial», t. II, p. 134, «Memorias del INI», t. VI, p. 116.
- ²⁶ *M. Gonzales Navarro*. Op. cit., p. 117.
- ²⁷ *Fr. Pimentel*. Memoria sobre las causas que han organizado la situación actual de la raza indígena de México... México, 1864, p. 233, en «Memorias del INI», t. VI, p. 116.
- ²⁸ *A. Molina Enríques*. Los grandes problemas nacionales. México, 1909, p. 37.
- ²⁹ *E. Alanís Patiño*. Nuestros Indios. México, 1910, p. 189.
- ³⁰ См., напр.: *M. German Parra*. Densidad de la población indígena. México, 1950; *A. Marino Flores*. Distribución municipal de los habitantes de lenguas indígenas en la República Mexicana. México, 1963.
- ³¹ «Anuario indigenista», v. XXXII, 1972, México, p. 131.
- ³² *J. E. Iturriaga*. La estructura social y cultural de México. México, 1951, p. 202—203.
- ³³ *N. L. Whetten and R. Burnigt*. Integral migration in Mexico. «Estudios antropológicos...». México, 1956, p. 537—553.
- ^{33a} *D. Butterworth*. Migración rural-urbana en América Latina: el estado de nuestro conocimiento. «América Indígena», v. XXX, N 1, 1971, p. 100.
- ³⁴ *J. Lastra de Suarez*. Panorama de los estudios de lenguas yutoaztecas. «Anales de Antropología», v. X, p. 358. Приводимые оценки численности индейских народов в достаточной мере условны и расходятся с данными официальной статистики. Как правило, они взяты из последних специальных исследований, посвященных тому или иному индейскому народу.
- ³⁵ Ibidem.
- ³⁶ *L. S. Crumrin y N. Poss Crumrin*. Mundo de la selva vs. tractor... «América Indígena», v. XXVII, México, 1967, N 4, p. 717.
- ³⁷ Ibidem.
- ³⁸ *J. Lastra de Suárez*. Op. cit., p. 358.
- ³⁹ *C. Basauri*. Op. cit., t. III, p. 114.
- ⁴⁰ Там же, p. 294.
- ⁴¹ «Handbook of the Middle American Indians», v. VI. Austin, 1969, p. 317, 318.
- ⁴² *J. de la Fuente*. Definición, pase y desaparición del indio en México. «Relaciones interétnicas». México, 1965, p. 23.
- ⁴³ *F. W. Lange*. Una reevaluación de la población del Norte de Yucatán... «América Indígena», v. XXXI, 1971, N 1, p. 117.
- ⁴⁴ *A. Medina Hernández*. Notas etnográficas sobre los mames de Chiapas. «Anales de Antropología», v. X. México, 1973, p. 147.
- ⁴⁵ *J. Iturriaga*. Op. cit., p. 107.
- ⁴⁶ «Siempre», 3 de marzo 1965.

Этническая история древней Гватемалы

Р. В. Кинжалов

Основные закономерности национальных процессов в современной Гватемале можно распознать и наметить лишь после изучения истории этнических общностей на территории этой страны до испанского завоевания¹. Здесь необходимо вспомнить, что и в настоящее время Гватемала — одна из самых индейских стран Латинской Америки, ее аборигенное население превышает 50 процентов².

Большинство индейского населения Гватемалы сейчас сосредоточено в ее горной части. В первую очередь среди них следует назвать многочисленных представителей языковой семьи майя-киче. В Гватемале к ним относятся: киче́, близкие к ним ачи, покомчи (покончи), кекчи́, ипиль, агуатеки, маме, канхобали, хакальтеки, чухи, чортí, успантеки, какчикели, рабинали, путухили, восточные покомамы. В низменной части страны к этой семье относятся лакандоны-чоль, северные лакандоны, кекчи и юкатеки (собственно майя).

Из других языковых семей в Гватемале имеются шинка (в юго-восточной части нагорья, департамент Санта-Роса, около Рио-де-Эсклавос) и карибы (на восточном побережье Карибского моря, около городов Пуэрто-Барриос и Ливингстон). Однако еще в конце прошлого века на территории Гватемалы имелись представители ютоацтекской семьи — пипили (около Салама, в Баха-Верапасе и в долине Мотагуа), семьи михе-соке (пополока в Копкуако — департамент Хутиапа) и неклассифицированная в языковом отношении группа алагуилак (около г. Сан-Кристобаль Акасагуастан — департамент Сакапа)³. Из всех этих этнических групп недавними пришельцами на данной территории являются только карибы (их поселение в этом районе относится к 1797 г.), а все остальные жили здесь еще до появления испан-

цев. К периоду испанского завоевания относятся сведения о небольшой группе масатеков, находившейся в окружении племен майя в северо-западном Петене⁴. Таким образом этнический состав на территории Гватемалы в начале XVI в. был достаточно пестрым и разнородным.

Детальное выяснение вопроса, как и когда сложилось то соотношение указанных выше этнических групп, которое мы можем констатировать к периоду испанского завоевания, несомненно, потребует еще много времени и труда. Только после тщательных исследований огромного археологического, этнографического, лингвистического, палеантропологического и антропологического материала будут выяснены детально этапы этнической истории Гватемалы в древности. Пока же мы можем лишь в самых общих чертах представить себе протекавшие на этой территории этнические процессы.

Одним из наиболее важных аспектов этой проблемы является, конечно, вопрос о времени появления и путях распространения на территории Гватемалы народов языковой семьи майя. У археологов и лингвистов существует несколько точек зрения⁵.

В отдельных пунктах они противоречат друг другу, а иногда, наоборот, взаимно дополняются и подтверждаются. Суммируя их, можно представить следующую картину.

В пятом тысячелетии до н. э. отдаленные лингвистические предки народов майя начали свое странствование из района южного Орегона — северной Калифорнии. В результате весьма продолжительного передвижения эта группа прото-майя прибыла в область Пануко Мексиканского залива. Здесь в четвертом тысячелетии до н. э. она расселилась в южной части штата Тамаулипас, восточной части Сан-Луис-Потоси и северной части Веракруса. В третьем тысячелетии до н. э. произошло их разделение на протохуастекскую и «горную» группы. Первая осталась на месте⁶, а вторая двинулась в дальнейшее странствие в южном направлении, достигнув в конце концов тихоокеанского побережья Чиапаса и Гватемалы⁷. Здесь эта горная группа прото-майя встретилась с группой прото-шинка⁸, занимавшей значительную часть прибрежного района (территория гватемальских департаментов Реталулеу, Сучитепек, Эскуинтла, Санта-Роса и

департаменты Санта-Ана, Ахуачапан и Сонсонате в Сальвадоре) и потеснила их. Время появления шинка в данном районе неизвестно; вполне возможно, что это древнейшее аборигенное население. Приблизительная дата появления прото-майя в этом регионе — середина второго тысячелетия до н. э. (может быть, даже несколько раньше)⁹.

По-видимому, около того же времени произошло и дальнейшее раздробление первоначального «горного» ядра — последовала миграция юкатеков. Они двинулись в северо-восточном направлении, вероятно, первоначально в более низменную область в бассейне реки Усумасинты. Это движение, как и дальнейшие события, устанавливается главным образом только по глоттохронологическим данным. Примерно к 1400 г. до н. э. лакадоны отделились от юкатеков и поселились на своей исторической территории. Юкатеки в это время, кажется, были размещены к западу от лакадонов, потому что они были в близком соприкосновении с хуастеками. Эта связь между юкатеками и хуастеками была нарушена примерно к 1200 г. до н. э., вероятно, передвижением хуастеков к северо-западу, по направлению к их современному месту обитания. Чикомулькельтеки, должно быть, некоторое время пребывали вместе с хуастеками; затем окончательно отделились около 1000 г. н. э. и повернули в южный Чианпас, где они располагались в исторические времена. Мак Каун подчеркнул, как близки чикомулькельтеки с лингвистической точки зрения к хуастекам; фактически расхождение между двумя ветвями хуастеков (потосиньо и веракрусано) примерно так же велико, как расхождение между чикомулькельтеками и хуастеками в целом. Э. Вогт справедливо пишет, что хотя этот ряд предполагаемых переселений может показаться маловероятным, но он все же является наиболее правдоподобной системой заключений, которая может быть выведена из лингвистических данных¹⁰.

Следующими от майяской протогруппы отделились маме. Вероятнее всего, это не была миграция в полном смысле слова, а просто какого-то рода обособление на месте, так как они сами остались (и в продолжение всего исторического времени оставались) в том же самом районе. Наибольшая дифференциация из всех майяских языков в настоящее время наблюдается между языками юкатеков, маме и хуастеков. Из этого можно заключить,

что именно они и были первыми этно-языковыми ответвлениями от первоначального ядра.

Четвертым исходом было отделение чонталей, которое произошло приблизительно около 900 г. до н. э. Они, вероятно, также двигались по направлению к бассейну Усумасинты, так как лингвистические данные наводят на мысль о том, что чонтали были в соприкосновении в этом районе с юкатеками и лакандонами приблизительно около тысячи лет. Отделение чоль и чорти от чонталь не могло произойти раньше периода с 700 г. до н. э. до 90 г. н. э.; следовательно, поэтому появление чорти в восточной Гватемале произошло сравнительно недавно. Пятое выселение из «горного ядра» около 750 г. до н. э. совершили цельтали, которые остановились в районе между юкатеками, чонтальями и лакандонами. Между 500 г. и 750 г. н. э. они продвинулись на запад, в нагорья Чиапаса, где цельтали дифференцировались от цоцилей около 1200 г. н. э.

По поводу всех этих переселений, двигавшихся согласно Мак Кауну в северо-восточном направлении, в бассейн Усумасинты, между исследователями разгорелся спор. Ведь они должны были привести майя за больший или меньший период времени в Центральную область (Петен и низменности восточного Чиапаса), т. е. в тот самый район, где майяская культура так пышно расцвела в классический период. Если верны лингвистические доказательства, то тогда хуастеки не могли принимать участие в этом классическом развитии майя; они уже давно обосновались в местах их современного обитания. Но юкатеки, лакандоны, чонтали и цельтали, вероятно, занимавшие некоторую часть центрального района в течение этого периода, были в соприкосновении друг с другом, и, следовательно, все они могут рассматриваться как предки создателей классической майяской культуры в этом районе. Мак Каун предполагает, что юкатеки, вероятно, двигались дальше в восточном и северном направлении, начиная примерно с 750 г. до н. э., и заселили большую часть полуострова Юкатан. В течение позднеклассического периода главным населением в центральном районе могли быть юкатеки или чоль-чорти; или же юкатеки были в северной низменности, а чоль-чорти занимали Петен¹¹.

Шестой группой, мигрировавшей из горной области расселения, были тохолабали, которые выделились из нее около 400 г. до н. э. Их сопровождала седьмая волна,

состоявшая из кекчи. Как думает Мак Каун, это было медленное движение в восточном направлении с расхождением между покомчи и покомамами, происшедшим около 900 г. н. э. Следующими из первоначального ядра вышли чух, которые продвинулись на север, и киче, которые продвинулись на юго-восток, начиная примерно с 200 г. до н. э. Случай с киче интересен, потому что эта группа, вероятно, оставалась целостной примерно до 1200 г. н. э. — времени, с которого началось внутреннее расхождение в языках киче.

Наконец, два последних исхода были совершены канхобалями (около 100 г. н. э.) и мотосинтлеками (около 1000 г. н. э.), которые находились долгий период времени близко к своему первоначальному местопребыванию.

Как видно из вышеизложенного, археологические материалы и данные по глоттохронологии еще не могут быть в достаточной степени согласованы между собой. Археологи видят древнейший центр формирования группы майя в Чиапасе, откуда они постепенно продвинулись в горные районы Гватемалы. Следовательно, с их точки зрения, чиапасские племена майя следует считать древнейшими, а главное, оставшимися на своей первоначальной родине. Лингвисты же предполагают обратное движение.

Появление на территории Гватемалы других этнических групп (кроме шинка и майя) относится к более позднему периоду, и поэтому мы можем представить себе их передвижения с большей степенью точности. Однако и в этом случае данные глоттохронологии иногда не смыкаются с археологическими материалами.

Итак, в ранний доклассический период, по современной археологической терминологии, т. е. в XV—XII вв. до н. э., большая часть гватемальского нагорья была занята племенами, относящимися к группе майя. Очевидно, в этот период начинается освоение ими области центрального Петена. Тихоокеанское побережье (территория департаментов Реталулеу, Сучитепек, Эскуинтла, Санта-Роса и прилегающая часть Сальвадора) было занято группой прото-шинка. Основное занятие их — возделывание кукурузы и бобовых, рыбная ловля; поселения располагаются в долинах около рек или озер и на океанском побережье.

Есть предположение, что в последующий период VIII в. — II в. до н. э. (средний и поздний доклассический и протоклассический, по терминологии археологов) возмож-

но, из Чианаса и с тихоокеанского побережья Мексики до гватемальского нагорья дошла мощная ольмекская волна. Между археологами еще идут споры: было ли это просто культурным влиянием или действительным появлением на территории Гватемалы нового этнического компонента. Так как обычно при этом внимание обращается лишь на изменения в изобразительном искусстве, то вопрос решается в пользу чисто культурных влияний. Если мы обратим внимание, однако, на то, что результатом этого процесса было разделение первично единой группы майя на горную и низменную подгруппы, а также, что шипка были сдвинуты в восточном направлении, к Сальвадору, то становится ясным другое. Очевидно, в конце VI в. до н. э. имело место вторжение на территорию Гватемалы мощного этнического потока ольмеков (по языковой принадлежности, вероятно, родственных майя) ¹².

Новые методы селекции кукурузы и ирригации, принесенные ольмеками, резко увеличили производственные возможности общества. Результатом этого является классовая дифференциация, находящая отражение в планировке поселений, погребальном инвентаре, появлении памятников монументальной скульптуры.

Судьба вторгшихся в Гватемалу ольмеков неизвестна. Можно, однако, предполагать, что они быстро растворились среди родственного по языку майязычного населения.

В следующий, раннеклассический период (300—700 годы н. э.) горная часть Гватемалы подвергается новому нашествию. На этот раз мы уже можем с уверенностью говорить о прямом завоевании. Из Центральной Мексики движутся носители теотихуаканской культуры, принадлежащие к языковой группе нахуат (вопрос в том, были ли они предками позднейших пицилей, пока остается неясным). Путь их пролегал по маршруту, проложенному еще ольмеками.

Вторжение произошло, очевидно, в IV в. Центром завоевателей стал город К'аминальхуйу, расположенный близ современной столицы Гватемалы ¹³. Завязываются оживленные торговые связи с Теотихуаканом, Тахином и Монте-Альбаном. В культуре горных майя проявляются влияния мексиканской культуры. С другой стороны, не менее деятельные торговые связи наблюдаются и с крупными городами майя низменности (Тик'алем и др.).

Энергичная деятельность обитателей К'аминальхуйу прекращается вскоре после падения крупнейшего политического и культурного центра мексиканского плоскогорья Теотихуакана, примерно в 650 г. Очевидно, падение метрополии сильно отразилось и на судьбе отдаленной колонии, каковой и являлся в это время К'аминальхуйу.

Результатом вторжения теотихуаканцев в центральную часть нагорья было разделение группы горных майя на подгруппы прото-маме, прото-кекчи и прото-покомамов, причем последние были разделены на две части вклинившимися теотихуаканцами. Шинка были почти не затронуты этими событиями и оставались на прежней территории. На тихоокеанском побережье создается смешанная культура Коцумальхуапы (400—900 гг.).

В позднеклассический период (VIII—X вв.) передвижения этнических групп на территории горной Гватемалы достигают небывалого размаха. В начале его, в западной части еще существует теотихуакано-майяская группа, возможно даже как государственное объединение.

Начиная с VIII в. многочисленные военные отряды, отправляющиеся с побережья Мексиканского залива, движутся вверх по течению р. Усумасинты и достигают тихоокеанского побережья Мексики. Все они также принадлежат к языковой группе нахуат. Оттуда эти группы попадают на территорию Гватемалы. Одни из них, продолжая движение, достигают, в конце концов, Коста-Рики и Панама. При этом шинка сдвигаются к юго-востоку, их частично истребляют. Другие пришельцы обосновываются в предгорьях тихоокеанского побережья Гватемалы. Их военные экспедиции разрушают теотихуакано-майяскую группу, как политическое целое. Происходят некоторые передвижения и у горных майя. Индейцы маме продвигаются к северо-западу, захватывая большую территорию, в том числе и пограничные с Мексикой районы. В конце периода под влиянием постоянных военных столкновений население оставляет большинство старых городов в долинах. Возникают новые города, имеющие центром крепость, выстроенную на вершине горы или на ее склоне. Оборонительная цель такого расположения очевидна.

Появление новых этнических групп на территории нагорья продолжалось и в последующий, ранний постклассический период (1000—1200 гг.). Вторая группа нахуат, которую в отличие от первой, теотихуаканской, мы можем

называть тахинской (так как в культуре ее явно чувствуются влияния культур народов Мексиканского залива), постепенно заняла важное место в торговле между побережьем и группами маме и покомамов. Она распространила свое влияние и на район Центрального нагорья. Дальнейшая экспансия тахин-нахуат была прервана новой волной нашествия. Образовавшаяся в районе Лагуны де Терминос у устья Усумасинты (Ноноалько источников) после падения Толлана смешанная группа (тольтеки, чичимеки, чолультеки, местные майя) двинулась по Усумасинте в горный Чиapas, а оттуда — в Гватемалу. В центральной части нагорья она подчинила себе майяскую группу киче-какчикель, составив ядро будущей знати этих народов. По племенным традициям знатных родов, выдаваемым в индейских источниках за историю киче, какчикелей и цутухилей, можно установить, что эта тольтеко-чичимекская группа двигалась на территорию центральной Гватемалы тремя путями. Наиболее восточным путем шли так называемые киче (т. е. те родовые группы, которые впоследствии возглавили киче). Цутухили двигались западнее и продвинулись далее всех. Путь какчикелей, исходная точка которых располагалась западнее остальных, пролегал в юго-восточном направлении.

Эта ноноалькская группа вбила клин между маме и другими народами майя-кекчи, покомчи и покомамами. Вероятно, в силу тех же причин маме распространяются в то время до тихоокеанского побережья. Шинки, окруженные теперь тахинами-нахуат, теряют свои связи с майя и воспринимают элементы культуры тахин-нахуат.

В поздний этап послеклассического периода (1200—1530 гг.) продолжающаяся экспансия киче, какчикелей и цутухилей захватывает большую часть Центрального и Западного нагорья. Государство киче при правителе Кик'абе занимает ведущее положение среди своих союзников и выходит на тихоокеанское побережье. Маме оттесняются в результате войн с киче к западу. Единый еще в предшествующий период массив тахин-нахуат теперь разорван на множество групп, разбросанных в разных направлениях. Отдельные части их бегут на территории Сальвадора, Никарагуа и Коста-Рики. Возможно, благодаря этому территория шинка несколько увеличивается, и они снова обретают часть своих западных владений.

После смерти Кик'аба какчикели, первоначально объе-

диненные с киче, образовали самостоятельное государство и вступили в ожесточенную долголетнюю борьбу с прежними союзниками за владычество на нагорье. Это соперничество продолжалось до появления в Гватемале испанских конкистадоров. Мы знаем, что Альварадо воспользовался такой благоприятной для его замыслов политической ситуацией.

Следует отметить, что гватемальскому нагорью незадолго до появления испанцев грозило ацтекское вторжение из Соконуско. Известно, что ацтекский правитель Ахуипотль после завоевания Соконуско собирался двинуться в Гватемалу, и только его внезапная смерть помешала осуществлению этого похода (сообщение Хуарроса)¹⁴.

- ¹ Как известно, индейские народы, занимающие сейчас горную часть Гватемалы, в древности входили в единую культурно-историческую общность, или зону, захватывающую и часть Мексики, Гондураса, Белиза (Британского Гондураса) и Сальвадора. Границы расселения отдельных народов не совпадают с границами государств (маме, например, живут и в Гватемале, и в прилегающем районе Мексики). Поэтому в ряде случаев при рассмотрении затрагивается и территория других государств.
- ² *A. Marino Flores. Indian Population and its identification. «Handbook of Middle American Indians»* (далее — HMAI), v. 6. Austin, 1967, p. 22—23.
- ³ *O. Stoll. Zur Ethnographie der Republik Guatemala. Zürich, 1884, S. 1—36, 172.*
- ⁴ *N. A. Mac Quown. Indigenous languages of native America. «American Anthropologist», 1955, v. 57, N 3, p. 530, 545, 547.*
- ⁵ Назовем лишь несколько основных работ: *Ю. В. Кнорозов. Письменность индейцев майя. М.—Л., 1963, стр. 3—29; В. И. Гуляев. Проблема происхождения цивилизации майя. «Советская археология», 1966, № 3, стр. 17—31; он же. Америка и Старый Свет в доколумбову эпоху. М., 1968, стр. 93—126; он же. Некоторые вопросы становления раннеклассового общества у древних майя. «Советская этнография», 1969, № 4, стр. 86—98; I. Bernal. Evolución y alcance de las culturas mesoamericanas. «Esplendor del México Antiguo» (далее — EMA), v. 1. México, 1959, p. 97—124; W. Jiménez Moreno. Síntesis de la Historia Preolteca de Mesoamérica. EMA, v. 2, p. 1019—1108; N. A. Mac Quown. The classification of the maya languages. «International journal of american linguistics», v. 22. Bloomington, 1956, p. 191—195; он же. Los orígenes y la diferenciación de los Mayas según se infiere del estudio comparativo de las lenguas mayanas. «Desarrollo Cultural de los Mayas. Ed. por Evon. Z. Vogt y A. Ruz Lhuillier» (далее — DCM). México, 1971, p. 49—80; T. S. Kaufman. Materiales lingüísticos para el estudio de las relaciones internas y externas de la familia de idiomas mayanos. DCM, p. 81—136; E. Z. Vogt. Summary and apprai-*

- sal. DCM, p. 409—447; *S. F. Borhegyi*. Archaeological synthesis of the Guatemalan Highlands. HMAI, v. 2. Austin, 1965, p. 3—58; *J. E. S. Thompson*. Archeological synthesis of the Southern Maya Lowlands. HMAI, v. 2, p. 331—359; *A. R. Diebold*. Determining the centers of dispersal of language groups. «International journal of american linguistics», v. 26. Bloomington, 1960, N 1, p. 1—10; *M. Swadesh*. Interelaciones de las lenguas mayenses. «Anales del Instituto Nacional de Antropología e Historia», v. 13. México, 1961, p. 231—268; *B. W. Warren*. A hypothetical reconstruction of mayan origins. «35 Congreso Internacional de Americanistas», v. 1. México, 1964, p. 289—305; *G. R. Willey*. An introduction to american archaeology, v. 1. North and Middle America. Englewood Cliffs, 1966, p. 78—141; *M. T. Fernandez de Miranda*. Inventory of classificatory materials. HMAI, v. 5. Austin, 1967, p. 63—78; *M. Swadesh*. Lexicostatistic classification. HMAI, v. 5, p. 79—115; *R. Longacre*. Systemic comparison and reconstruction. HMAI, v. 5, p. 117—159; *N. A. Mac Quown*. Classical Maya (Yucatec). HMAI, v. 5, p. 201—247; *M. S. Edmonson*. Classical Quiche. HMAI, v. 5, p. 249—267.
- ⁸ По взглядам представителей глоттохронологической школы М. Сводеша, хуастеки совершили путешествие с горной группой до Гватемалы и лишь оттуда двинулись обратно в область Пануко. Археологические материалы, однако, пока не подтверждают этой гипотезы.
- ⁷ Возможно, при этом движении в самом его начале от «горного» ядра оторвалась еще одна группа — чикомулькельтеки — и осела к юго-западу от хуастеков.
- ⁸ *Р. Кинжалов*. Основные задачи в изучении этнической истории и культуры индейцев шинка Гватемалы. Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР. Л., 1971, стр. 78—80.
- ⁹ Мак Каун относит, по глоттохронологическим данным, формирование протообщины майя в Горной Гватемале к середине III тысячелетия до н. э.
- ¹⁰ *T. Z. Vogt*. The Maya. Introduction. HMAI, v. 7. Austin, 1969, p. 25.
- ¹¹ Этот вопрос имеет большое значение для изучения и интерпретации иероглифических текстов майя классического периода.
- ¹² Этот тезис подтверждается, в частности, и результатами последних работ Ю. В. Кнорозова по календарю майя.
- ¹³ Довольно долго считалось, что майя классического периода не имели контактов с народами Мексиканского плоскогорья. Последние археологические открытия в Тик'але, Сейбале и других городах Петена изменили это мнение. Исследователи по-разному объясняют появление теотихуаканского влияния в данном районе. У. Р. Ко (*W. R. Coe*. The years of study of a Maya ruin in the lowlands of Guatemala. «Expedition», v. 8, no 1. Philadelphia, 1965, p. 35—37) перечисляет несколько одинаково возможных причин, включая и наличие представителей Теотихуакана в Тик'але или подражательное восприятие тик'альской знатью в определенный период идей прежнего мексиканского центра. Сандерс и Прайс (*W. T. Sanders and B. J. Price*. Mesoamerica. The evolution of a civilization. New York, 1968, p. 168—169) при-

мо говорят о наличии теотихуаканской колонии в Тик'але, имевшей дипломатические или торговые задачи. Все теотихуаканские данные по Тик'алю датируются примерно V в. н. э. С нашей точки зрения, теотихуаканские влияния в Тик'але объясняются тем, что в этом городе определенная группа знати, опиравшаяся на Каминальхуйю, захватила власть и начала пропагандировать религиозную идеологию Теотихуакана (стела 4, алтарь 19). Наблюдаются даже попытки создания синкретических в этом смысле памятников (стела 31). Но скоро эта группа была подавлена, а памятники спрятаны от глаз.

Пока нет удовлетворительного объяснения, почему в Альтун-Ха, на самой периферии майяской территории было найдено погребение в пирамиде Р-8, снабженное явно теотихуаканскими вещами — фигурками из зеленого обсидиана и керамикой (*D. M. Pendergast. Evidence of early Teotihuacan — lowland Maya contact at Altun-Ha. «American Antiquity», v. 36. Menasha, 1971, p. 455—460*). Загадка усугубляется тем, что данные вещи относятся к теотихуаканской фазе Миккаотли и датируются II в. н. э. Ту же датировку дает и само погребение. Следовательно, в Белизе теотихуаканское влияние (пусть и единичный случай) зафиксировано на два с половиной — три века раньше, чем в центральном Петене.

¹⁴ *O. Stoll. Op. cit., S. 3—6.*

Основные направления этнического развития в колониальной и независимой Гватемале

И. Ф. Хорошаева

По своему этническому составу Гватемала занимает особое место среди центральноамериканских стран: около половины ее населения составляют коренные жители материка — индейцы, которые сохранили свои языки и своеобразие культуры. Значительная часть жителей страны не понимает или понимает с большим трудом государственный испанский язык, т. е. отделена языковым барьером от гватемальской нации — новой господствующей этнической общности, возникшей и развившейся на древних землях индейцев. Уже в силу этого в условиях экономической отсталой капиталистической страны индейские народы Гватемалы испытывают национальное угнетение. Национальный вопрос, национальные отношения внутри страны имеют первостепенную важность в современной Гватемале. Без учета этнической структуры невозможен реалистический подход к сложным внутренним экономическим и политическим проблемам этой страны.

Со времени появления испанских завоевателей всю территорию современной Гватемалы за очень небольшим исключением занимали народы лингвистической семьи майя-киче. Их языки принадлежали к нескольким языковым группам. Это были киче и близкие им по языку какчикели, цутухили, кекчй, покомамы и покомчи, маме и близкие к ним хакальтеки, агуатеки и ишили, чоли и близкие к ним чухи, чортй и канхобали (тохолабали). История отдельных племен этого региона мало изучена, но необходимо отметить, что в последние годы, благодаря глоттохронологическим исследованиям, значительно прояснилась этническая история гватемальского нагорья и прилегающих областей в доколумбов период.

Многие из местных племен участвовали в создании древней культуры майя или испытали ее воздействие. К началу конкисты это были земледельческие народы,

некоторые из них находились на стадии перехода к раннеклассовому обществу.

На крайнем западе Гватемалы конкистадоры застали индейцев маме, некогда занимавших значительно большую территорию, но впоследствии оказавшихся вынужденными под напором соседних народов отступить глубже в горы¹. Их крупнейшими городами были Чальчитан, Цакулеу и Чакула. К востоку от них располагались владения одного из самых крупных индейских народов гватемальского нагорья — киче́. Их земли протянулись от Тихого океана до тропических дебрей Петена. Главным городом киче был Гумарках, который нахуаязычные народы называли Утатлан. Далее к востоку были земли какчикелей — давних врагов и соперников могущественных киче. А вокруг озера Атитлан — земли цутухилей, восточнее какчикелей, несколько отступя от берегов озера Амаатитлан и к северу от долины р. Мотагуа, жили покомамы, или рабинали². Еще севернее обитали более мелкие группы — кекчи и покомчи. А низовья междуречья Мотагуа и Сарстунa занимали чоли. Южнее них, переходя на территорию современного Гондураса, размещались чорти. На крайнем юго-востоке Гватемалы жили пипили, говорившие на одном из нахуатланских языков. По свидетельству Педро де Альварадо, первым из испанских завоевателей проникшего к пипилям, эта область была густо заселена³, хотя пипили и были сравнительно поздними пришельцами. Необходимо еще упомянуть небольшой народ шинка (синка), область расселения которого была как бы вкраплена в территорию пипилей.

Появление испанцев на Американском континенте и начало завоевания для Гватемалы, как и для всей Америки, стало поворотным пунктом в ее этнической истории. Естественный ход развития этнических общностей коренного населения был резко прерван. В последовавший затем трехсотлетний колониальный период сложилась новая этническая структура страны: появились новые этнические компоненты, определились главные этнические группировки современного населения. Это был длительный и очень сложный процесс.

Конкистадоры пришли в Гватемалу с севера. Отряды подвижников Кортеса в поисках новых земель для завоевания продвигались из Центральной Мексики все далее и далее к югу. Наконец, в 1523 г. отряд Педро де Аль-

варо проник на гватемальское нагорье. Альвардо, как в свое время Кортес в Мексике, умело воспользовался напряженными отношениями, существовавшими между различными индейскими народами Гватемалы. Заключив союз с какчикелями, Альвардо с их помощью разгромил оказавших ожесточеннейшее сопротивление индейцев киче. Затем последовало покорение цутухилей и маме, покомамов и пишилей. После того как большая часть нагорья оказалась подчиненной испанской короне, Альвардо расправился со своими бывшими союзниками какчикелями. В течение трех лет индейские народы Гватемалы яростно боролись за свою свободу, но их разобщенные усилия не смогли противостоять напору завоевателей. Началась эпоха колониального владычества Испании.

Нагорье Гватемалы, по сравнению с высокоразвитыми областями Центральной Мексики и Юкатана справедливо представлялось испанцам глухой, окраинной провинцией, но для остальной Центральной Америки за исключением крайнего юга оно превратилось в опорную базу распространения испанского господства. Как уже указывалось у большинства индейских народов нагорья еще с доколумбовых времен существовало развитое земледельческое хозяйство — это обусловило определенное сходство путей колонизации и форм закабаления коренного населения на гватемальском нагорье в Центральной и Южной Мексике. Однако социальный состав испанских колонистов был несколько иным. Знатные и богатые завоеватели, а позднее — переселенцы, захватывали лучшие и более населенные земли; в захолустных окраинных районах селились те, кто не смог осесть в основных областях испанской колонизации.

В Гватемале испанцы не обнаружили того обилия ископаемых богатств, какое они нашли в Мексике. Тем не менее серебряные рудники Уэуэтенанго задержали часть конкистадоров. Основное же богатство страны составляли плодородные земли в густозаселенных районах, и они были вскоре поделены (вместе с жившими на них индейцами) между завоевателями. Эта группа испанских поселенцев оседала главным образом в южной части нагорья. На всем северо-западе страны в XVI в. испанцев — постоянных жителей почти не было. В 1541 г. был основан г. Антигуа, ставший главным городом генерал-капитанства Гватемала, в состав которого, помимо территории со-

временной Гватемалы, входил весь центрально-американский перешеек, включая Чиapas на севере и Коста-Рику на юге. К этому раннему периоду колонизации относится основание еще нескольких испанских городов и католических миссий на гватемальском нагорье и, в частности, в одной из первых католических миссий в г. Кобане, создателем которой был Бартоломе де Лас Касас.

Завоевание перешейка было в основном завершено к 1570 г., но большие области, особенно вдоль карибского побережья, оставались совершенно вне сферы испанского колониального господства. Число испанцев, переселившихся к этому времени в гватемальское генерал-капитанство, было, по-видимому, невелико. Наиболее богатые земли были захвачены еще в период конкисты. Условия жизни в большинстве районов были довольно скудными, и ничто не сулило быстрого обогащения, поэтому переселенцы из Испании не очень охотно направлялись сюда. Приезжавшие из метрополии чиновники колониального аппарата оставались здесь лишь на время службы.

К середине XVII в. число испанцев, вернее тех, кого считали испанцами при составлении различного рода податных и церковных списков, оставалось незначительным.

Установить численность различных этнических групп генерал-капитанства Гватемала в целом, не говоря уже о собственно Гватемале в XVI—XVIII вв., очень трудно, а подчас, по-видимому, и невозможно. В научной литературе есть указания на то, что в испанских архивах хранятся разного рода документы, в которых могут содержаться интересные нас сведения. Это податные списки по отдельным районам, данные о сборе церковной десятины, донесения чиновников и другие сообщения. Не исключено, что в них упоминается, например, на каком языке говорили индейцы того или иного селения и т. п. Но большая часть этих архивных документов еще не обработана и не опубликована. Проблема усложняется также тем, что административные границы колониального времени не совпадают в ряде случаев с современными государственными границами (например, Чиapas, входивший в состав генерал-капитанства Гватемала, теперь является мексиканским штатом). Из-за этого очень сложно, а подчас и невозможно пользоваться без тщательного анализа (который в свою очередь неосуществим без архив-

ных материалов) цифрами, опубликованными различными авторами.

Согласно переписи 1803—1804 гг., к концу колониального периода во всем гватемальском генерал-капитанстве, т. е. на всем перешейке, жило лишь 140 815 испанцев⁴. Основную массу их составляли уроженцы колоний — креолы, иногда без особых оснований, претендовавшие на чистоту «испанской крови».

Распространение испанского языка и элементов испанской культуры на территории Гватемалы было связано не только и не столько с собственно испанцами, сколько с населением смешанного происхождения — метисным. Процесс смешения испанского и индейского населения начался буквально с первых лет завоевания. О причинах этого явления много писали. Численность смешанного испано-индейского населения быстро росла. Эта новая группа отличалась от коренного индейского населения прежде всего по языку: подавляющее большинство метисов говорило по-испански. Уже в колониальное время для обозначения этой группы населения в Гватемале наряду с термином «местисо» употребляется термин «ладино». Национальная политика мадридского правительства также способствовала их отдалению от индейцев. В колониальной социальной иерархии они занимали промежуточное положение между испанцами и креолами, с одной стороны, и индейцами, с другой. Социальный состав метисов был весьма пестрым, но следует особо подчеркнуть, что именно они стали ядром мелкого свободного крестьянства.

Наиболее крупные контингенты метисного населения, естественно, возникали прежде всего там, где обосновывались испанские завоеватели. Часто это были районы, где развивалось крупное помещичье землевладение, основанное на эксплуатации издавна жившего в этих местах индейского населения, т. е. самые густонаселенные и развитые районы доколумбовой Гватемалы.

Постепенно, с ростом численности метисное население, сосредоточенное вначале вокруг городов — центров испанской колонизации, продвигалось в новые места.

Отсутствие у индейцев навыков ведения животноводческого хозяйства и ряд административных запретов колониальных властей привели к тому, что туда, где начинало развиваться животноводство (например в восточные районы страны) устремлялось именно метисное население,

менее связанное с традиционными формами хозяйства. Там возникала новая прослойка населения, сходная с мексиканскими чарро, венесуэльскими льянеро или аргентинскими гаучо⁵. Именно с метисами связано проникновение испаноязычного населения в глухие, заброшенные уголки Гватемалы. Расселение метисных групп началось в XVI в. и продолжалось весь последующий период.

К концу колониального периода, т. е. к началу XIX в. число ладино достигло в бывшем генерал-капитанстве Гватемала 318 370 человек⁶, значительная часть их жила в пределах современной Гватемалы. Эта цифра взята из материалов переписи 1803—1804 гг., однако не следует забывать, что в число ладино иногда включались не только испано-индейские метисы, но и другие группы смешанного расового происхождения, о которых речь пойдет ниже. Но преобладали среди ладино, безусловно, люди индейско-испанского происхождения.

Помимо испанцев, другой совершенно новой расовой группой в Гватемале стали африканские негры. Однако их влияние в этнической истории страны никоим образом нельзя сравнивать с испанским. Речь идет о так называемых «колонизальных неграх», т. е. о негритянском населении, появившемся в колониальное время. Испанский компонент коренным образом изменил этническую структуру Гватемалы, чего нельзя сказать о завезенных в нее в этот период неграх. Негры появились здесь как рабы, как дешевая рабочая сила. Однако в земледелии в основном использовался труд индейцев, и поэтому сфера применения рабского труда негров была узка, ввозили их понемногу. К концу колониального периода они полностью растворились среди индейского и метисного населения.

Колоссальная историческая катастрофа, пережитая всеми индейскими цивилизациями при столкновении с испанскими завоевателями, тяжело отразилась на коренном населении Гватемалы. Но на этой колониальной периферии все социальные и этнические процессы протекали как бы в приглушенном виде.

Хотя индейцы Гватемалы оказали ожесточенное вооруженное сопротивление конкистадорам, испанцы сумели подавить это сопротивление и обосноваться в наиболее пригодных для обитания районах, уже освоенных ранее индейцами. Расселение завоевателей, а затем испаноязычного метисного населения на землях индейских племен и

народов, естественно, вело к сокращению этнических территорий большинства из них. Но в Гватемале не происходило такого бурного процесса сокращения этнических территорий, как, например, в Центральной Мексике. Конечно распространение испаноязычного населения сопровождалось вытеснением индейцев с наиболее удобных земель, но масштабы этого процесса были неизмеримо скромнее.

Для Гватемалы, впрочем, как и для большей части Южной Мексики, характерно было сохранение значительного по численности индейского населения, причем хотя и в деформированном виде, но в течение всего колониального периода сохранились этнические территории многих народов.

Внутри единой колониальной империи, в единой системе колониального управления первоначально испанцами насаждались сходные формы эксплуатации коренного населения: энкомьенда, репартиментио и т. п. Энкомьенда в Гватемале, как и в Южной Мексике, содействовала в значительной мере сохранению основного социального института доколумбовой Гватемалы — индейской общины, тем самым способствуя сохранению этнических общностей коренного населения. Крупные индейские народы Гватемалы — маме, покомамы, покомчи, чоли, чорти и в меньшей степени киче и какчикели — сохранили прежние места обитания, хотя и были в пределах своих этнических границ вытеснены с самых удобных земель. Этническая территория индейцев киче, на землях которых на юго-востоке гватемальского нагорья разместились основные центры завоевания, несколько сократилась и сместилась к северо-западу. То же самое произошло с какчикелями.

Когда в XVII—XVIII вв. началось интенсивное возделывание какао, хикилите (для производства индиго) и сахарного тростника, особенно широкое распространение получила система мандаментио — принудительный труд с временным переселением индейцев туда, где были необходимы рабочие руки. Это, по-видимому, положило начало впоследствии получившему широкое распространение сезонному отходничеству индейцев нагорья на сельскохозяйственные работы на побережье и в более низменные области.

Национальные отношения в стране складывались достаточно напряженно. Основные противоречия существовали между покоренным индейским населением в целом

и завоевателями и их потомками. Первое крупное восстание индейцев произошло уже в 1526 г., т. е. через два года после начала завоевания, когда основные силы Педро де Альварадо были заняты покорением тихоокеанского побережья (современный Сальвадор). Первыми восстали индейцы Текпана, а вскоре восстанием была охвачена огромная территория. Хронисты — современники завоевания — писали, что когда Альварадо повернул свои отряды, чтобы расправиться с непокорными, то всю обратную дорогу на гватемальское нагорье ему пришлось продвигаться по районам, охваченным восстанием⁷.

Крупнейшими восстаниями колониального периода были восстания чолей в 1695 г., индейцев ица, живших в Петене, в 1697 г., индейцев покомамов в Рабинале (Верапас). Колониальные власти беспощадно расправлялись с восставшими. Их задачу облегчало то, что, как правило, индейские восстания того периода носили локальный характер и не поддерживались другими индейскими народами. Такой же локальный характер имели и более поздние восстания начала XIX в. в Кобане (Верапас) в 1803 г. и в Чичикастенанго в 1812 г.

Но в 1820 г., по-видимому, не без воздействия развернувшейся в соседней Мексике борьбы за независимость, в которую оказались втянутыми частично и мексиканские индейцы, в Гватемале вспыхнуло самое крупное за все время колониального господства Испании восстание индейцев. Оно началось в Тотоникапане, возглавили его Анастасио Цуль и Лукас Агилар. Первый из них провозгласил себя вскоре королем, а Агилар объявил себя президентом⁸. Восстание ширилось с необычайной быстротой. На его подавление были брошены все имевшиеся в распоряжении колониальной администрации военные силы.

Каким же был этнический состав Гватемалы к концу колониального периода? К сожалению, мы не располагаем достоверными количественными оценками для различных этнических групп страны, поэтому придется ограничиться лишь самыми общими соображениями. Несомненно, большинство населения составляли исконные обитатели страны — индейцы. Креолов — потомков постоянных переселенцев из Испании, считавших себя «чистокровными испанцами», к XIX в. насчитывалось несколько десятков тысяч человек (наиболее вероятная цифра — около 20 тыс. человек)⁹. Это население было сосредоточено главным

образом в г. Гватемала, Антигуа и других менее крупных городах восточной части нагорья.

Причем к этому времени креольские аристократические роды представляли собой довольно замкнутую кастовую прослойку, занимавшую господствующее положение и в управленческом аппарате, и в экономике. В местной газете в то время был опубликован материал, из которого явствовало, что 64 официальных и религиозных поста находились в руках одной аристократической семьи¹⁰.

Население смешанного индейско-испанского происхождения расселилось уже по всей юго-восточной части нагорья. Как указывалось выше, большая часть индейских народов Гватемалы продолжала жить на тех местах, что и до испанского завоевания.

Культура и быт индейских народов Гватемалы претерпели значительные изменения в колониальное время, хотя и сохранили яркую самобытность. Общим для всех индейских народов и наиболее значимым изменением было восприятие (с последующей модификацией и приспособлением к собственным вкусам и привычкам) многих элементов культуры, принесенных колонизаторами. Этому способствовала и христианизация индейцев, и административная политика колониальных властей.

В 1821 г., через три столетия после появления первых конкистадоров Гватемала провозгласила свою независимость. Однако для того времени вряд ли можно говорить о существовании на территории страны единого и сознающего свое единство, развитого испаноязычного этноса, хотя, несомненно, уже прослеживались черты определенного культурного своеобразия испаноязычного населения, что как бы отделяло это население от индейцев страны в целом. Таким разделителем, прежде всего, был испанский язык. Он же был основным объединяющим элементом новой этнической общности, главные предпосылки для формирования которой сложились в колониальный период. Общая заторможенность социальных и экономических процессов, характерная для всей Центральной Америки, естественно, отразилась и на этническом развитии Гватемалы. Экономические связи между отдельными районами страны были слабыми, хотя определенная хозяйственная обособленность по отношению к другим частям гватемальского генерал-капитанства, сложившаяся еще в эпоху колониальной зависимости и обусловленная,

пожалуй, прежде всего географическими причинами, несомненно, была одним из факторов, до известной степени содействовавших внутреннему объединению и самостоятельному развитию новой этнической общности.

Провозглашение независимости мало что изменило в социально-экономической структуре Гватемалы. Феодальная олигархия осталась у власти, земля также находилась в руках знатных феодалов и духовенства. «Независимость была завоевана фактически без участия народных масс,— справедливо писал Э. Вильяторо,— которые не считали вдохновителей борьбы за независимость своими подлинными представителями, но видели в них лишь креолов — аристократов, добивавшихся передачи власти непосредственно в свои руки»¹¹. И действительно, на первых порах, как это ни парадоксально, бывший генерал-капитан Габино Гаинса — глава колониальной администрации — стал главой нового правительства.

Насколько неискушенными в политических переменях того времени были индейцы Гватемалы, свидетельствуют воспоминания гватемальского историка XIX в. Мануэля Монтуфара, который писал, что в 1829 г., т. е. через восемь лет после провозглашения независимости, индейцы горного селения Сан-Андрес-Шекуль воспротивились набору рекрутов на том основании, что их единственный повелитель — король Фердинанд VII¹².

В первые десятилетия XIX в., после провозглашения независимости окончательно сложилась национальная территория Гватемалы. Даже в колониальное время, несмотря на административное единство, генерал-капитанство Гватемала довольно четко распадалось на пять экономически более или менее независимых друг от друга областей. Это разделение подчеркивалось и административно. Один из этих самостоятельных ареалов и лег в основу будущей национальной территории Гватемалы.

В период борьбы за независимость гватемальская колониальная верхушка сделала попытку сохранить в своих руках власть над всей территорией бывшего генерал-капитанства, но это ей не удалось. Более того, когда в Мексике власть захватили консервативные реакционные круги, именно Гватемала, вернее гватемальская олигархия, выступила инициатором присоединения к Мексике всей Центральной Америки и поддержала эту идею оружием: дважды гватемальские войска, чтобы нанести удар

по нарастающему либеральному и республиканскому движению, вторгались в Сальвадор.

После нескольких лет политической борьбы и военных столкновений в основном определились территориальные пределы Гватемалы: ее западная провинция Чиapas присоединилась к Мексике еще в 1821 г., а в 1823 г., когда Гватемала вошла в состав независимой федеративной республики Соединенных провинций Центральной Америки, от нее отделилась и отошла к Сальвадору область Сонсонате.

С 1823 по 1839 г. Гватемала входила в оказавшуюся недолговечной федерацию республик Центральной Америки. В дальнейшем, за время самостоятельного существования в экономике страны произошли значительные сдвиги. Хотя Гватемала была экономически слаборазвитой аграрной страной, с середины XIX в. она (по крайней мере юг страны) оказалась втянутой в мировой рынок, поскольку в ряде районов развились крупные капиталистические плантационные хозяйства, основанные главным образом за счет иностранных инвестиций. Со второй половины XIX в. в горных районах Гватемалы появляются плантации кофе — культуры, уже зарекомендовавшей себя в других районах Центральной Америки. Особо благоприятные природные условия и дешевые рабочие руки способствовали высоким прибылям хозяев плантаций. Один из районов по производству кофе располагался около городов Гватемала и Антигуа. Здесь владельцами плантаций была по преимуществу местная аристократия — потомки испанских переселенцев колониального периода. Два других района плантаций кофе — на тихоокеанском побережье от Окоса до Чамперико и во внутренних районах страны, в большой области между городами Уэуэтенанго и Кубан — своим возникновением обязаны предприимчивости немецких плантаторов, которые обосновались здесь в период с 1860 по 1870 г.

Провозглашение независимости, несомненно, подтолкнуло подспудные силы капиталистического развития, действовало более широкому вовлечению местных групп в экономическую и политическую жизнь, что в свою очередь способствовало развитию внутреннего единства этнической общности испаноязычных гватемальцев. Несмотря на попытки креольской элиты сохранить в новых условиях кастовую структуру колониальных времен, на первый

план все более выдвигается характерная для капиталистического общества классовая стратификация, укрепляются позиции развивающейся метисной буржуазии, которая все настойчивее предъявляет свои права на управление страной.

По мере экономического и социального развития в течение всего XIX в. шел процесс этнической консолидации испаноязычного населения Гватемалы. Внешне это выражалось в возрастании относительной численности этой группы, хотя индейцы в целом продолжали оставаться преобладающей группой населения страны.

Внешнеполитические факторы (за исключением распада федерации) сыграли сравнительно небольшую роль в процессе национальной консолидации испаноязычных гватемальцев. Основными были внутренние экономические факторы: развитие плантационного хозяйства, транспортной сети и т. п. Но, как правильно отмечает Х. Диас Россотто: «Появление национального самосознания в Гватемале было неразрывно связано с освобождением всех других центральноамериканских стран и созданием независимой федерации республик Центральной Америки»¹³. Однако пришедшая к власти креольская, а несколько позднее и метисная олигархия считали «истинными гватемальцами» только себя, т. е. тех, чья культура была в основном европейской, а язык — испанским¹⁴, и отказывала в этом несоизмеримо более многочисленным коренным жителям страны — индейцам.

В реальной действительности невозможно было полностью игнорировать большинство населения страны. Поэтому проблема взаимоотношений с индейцами всегда беспокоила правящие круги Гватемалы. Если при колониальном господстве Испании их юридический статус определялся тем, что они были покоренным населением, то в независимой Гватемале они на первых порах были приравнены к испаноязычному населению. Но это было лишь формальное уравнение в правах.

В первые годы делались попытки несколько смягчить тяжелое положение индейцев. Так, например, во время краткого правления Гальвеса в 1829 г. был отменен закон о принудительном труде индейцев. Но вскоре городским властям было предоставлено право «в случае необходимости в интересах сельского хозяйства» привлекать индейцев округа к работе в асьендах¹⁵, что в условиях

слабого контроля со стороны центральных властей давало простор различным злоупотреблениям.

Однако с приходом к власти реакционной клики во главе с Рафаэлем Каррерой, даже те незначительные улучшения, которые касались в основном правового положения индейцев, были сведены на нет. В 1851 г. был законодательно восстановлен принудительный труд для индейцев. Более того — Каррера признал действующими все колониальное законодательство об индейцах с формальной оговоркой, что они «не должны противоречить идее независимости и конституции»¹⁶.

Начиная с диктатуры Карреры и почти до середины XX в. смена у власти политических партий по существу мало что меняла в индейской политике гватемальских правящих кругов. При консерваторах все оправдывалось необходимостью государственной опеки над индейцами, при либералах же якобы утверждался принцип равного подхода ко всем гражданам страны. На деле и в том и в другом случае политика в отношении индейского крестьянства определялась интересами растущей буржуазии и латифундистской олигархии. Даже для утверждения демократического правового принципа единого статуса граждан страны, провозглашенного еще в 1821 г., потребовалось 50 лет. Лишь в 1871 г. он был декретирован либеральным правительством Барриоса.

В то же время именно при Барриосе проводились такие мероприятия, как основание сельских общин испаноязычного населения — ладино — в чисто индейских районах¹⁷.

В течение всего XIX в. шел интенсивный процесс обезземеливания индейцев. Кульминационным моментом этого процесса была отмена в 1877 г. общинной собственности на землю. Более всего пострадали индейские общины. Появление нового закона именно в это время не было случайным: в стране разрастались кофейные плантации. Если в 1860 г. экспорта кофе практически не было, то к 1873 г. он уже составлял 150 000 кинталей¹⁸. Владельцы плантаций нуждались не только в новых удобных землях, но и в рабочих руках. И правительство Гватемалы сделало все возможное, чтобы удовлетворить аппетиты латифундистов за счет индейцев. Были не только отобраны земли у индейских общин, но в дополнение к закону 1851 г. были введены строжайшие регламентации, обязывавшие

индейцев обрабатывать ежегодно определенный срок на плантациях. Два французских геолога, побывавшие в Гватемале в 1866 г., т. е. даже еще до отмены общинной собственности на землю, писали, что уже тогда: «Все работы на асьендах выполняли в большинстве случаев бродячие индейцы...»¹⁹. Позднее лишенные земли индейцы часто бывали вынуждены покинуть родные края и переселиться на новые места. Все это, естественно, способствовало разрушению этнических общностей коренного населения. В этот период вообще происходят значительные подвижки населения внутри страны и более интенсивно начинают осваиваться новые районы. Еще в колониальное время потребность в экспорте какао, индиго, дерева ценных пород заставила обживать жаркие зоны страны, но все же население там было довольно малочисленным. В последней трети XIX в. начинает быстро расти население тихоокеанского побережья, особенно в его южной части, где появились кофейные плантации. Следом хлынул поток переселенцев. Осваивались также равнинные просторы северо-запада.

Все эти перемещения изменяли этнические характеристики некоторых районов. В ряде случаев новые контингенты испаноязычного населения появились в регионах, имевших сравнительно плотное индейское население, как это было, например, в районе Кобана и Уэуэтенанго, откуда часть индейцев оказалась вытесненной. Испаноязычное население появилось также в пустынных, малообжитых районах севера и юга страны, где до того оно практически почти совсем отсутствовало. Швейцарский ученый Отто Штоль, который в 1878—1883 гг. много путешествовал по Гватемале, в своей очень интересной работе «Этнография Гватемалы» писал, что не обнаружил некоторых групп индейцев в тех местах, где они должны были бы жить, судя по сообщениям более ранних источников. Так, например, резко сократилась территория расселения чолей. По мнению Штолля, они, возможно, переселились глубже в тропические леса²⁰. Посетив селение Сакапа, где (согласно сообщениям Хуарроса) в начале XIX в. жили индейцы чорти, немецкий исследователь их там не обнаружил²¹.

Индейцы не относились безразлично к произволу властей и латифундистов. Их протест принимал различную форму. Иногда они уходили в малообжитые районы, да-

леко от родных мест, иногда пытались обжаловать действия местных властей или открыто восставали.

Особенно широкий общественный резонанс получило восстание индейцев селения Сан-Хуан-Ишкой (департамента Уэуэтенанго) в 1898 г., о котором известный исследователь Карл Заппер опубликовал сообщение в немецкой прессе²².

С начала XX в. в экономику Гватемалы все более интенсивно начинает проникать североамериканский капитал. Для Гватемалы реальным воплощением этого проникновения и решающей силой его оказалась пресловутая «Юнайтед фрут компани». За десятилетия бесконтрольного хозяйничанья в чужой стране эта монополия сумела прибрать к рукам значительную часть национального достояния гватемальского народа.

Помимо огромных земельных участков в низовьях р. Мотагуа и на тихоокеанском побережье, она контролировала все железные дороги страны, приобрела исключительное право на строительство порта на тихоокеанском побережье, обладала монополией на международную радио-телефонную связь и т. п.

Политическая власть в стране принадлежала крупным землевладельцам. Из них избирались парламент, правительство, местная администрация. За ними стояли иностранные монополии. Каждый очередной диктатор был лишь верным слугой крупных земельных собственников и иностранных компаний.

В период независимости особых изменений в этническом составе страны не произошло. Избыток рабочих рук на местах не вызывал необходимости ввоза рабочей силы извне в больших масштабах даже в период быстрого развития плантационного хозяйства. На кофейных плантациях нагорья и тихоокеанского побережья в подавляющем большинстве работали мигрирующие рабочие-индейцы. «Юнайтед фрут компани», правда, ввозила некоторое число ямайских негров для работы на банановых плантациях крайнего юго-востока, но это почти не отразилось на этническом составе Гватемалы. Число немецких переселенцев было незначительным и не могло сколько-нибудь существенно повлиять на этнический состав.

Как и в колониальное время, основными группами населения являются: индейцы, метисы, которых в Гватемале называют «ладино», и креолы. По данным последней

переписи 1964 г., численность населения Гватемалы составляет 4284 тыс. человек²³. Но соотношение различных групп лучше давать по переписи 1950 г. Тогда все население насчитывало 2790 тыс. человек. Из них 1497 тыс. (53,6%) — индейцы и 1293 тыс. (46,4%) — «белые» и ладино²⁴. Что же представляет собой в настоящее время категория ладино?

Само понятие ладино первоначально имело расовое содержание, означая человека смешанного испано-индейского происхождения. Теперь оно употребляется скорее в значении определенной социальной и бытовой группировки. Ладино — человек, который живет главным образом в городе, говорит по-испански, одевается по-европейски и свысока смотрит на индейцев, говорящих на своих наречиях. Среди ладино, впрочем как и среди индейцев, есть и люди зажиточные, и беднота. Характерно, что если зажиточный индеец переселяется в город, начинает одеваться по-европейски и говорить по-испански, то его постепенно начинают рассматривать как ладино. Американский исследователь Р. Адамс пишет: «Термины «индеец» и «ладино» применяются к различным социо-культурным группам, причем термином «ладино» определяются самые разные социо-культурные группы, чаще всего те, которые имеют культурное наследие испанской ориентации»²⁵. Интересны наблюдения Р. Адамса, как понимается термин «ладино» представителями различных социальных групп:

«1) Для гватемальца, принадлежащего к высшему классу с испанским биологическим и культурным наследием, неприемлема сама мысль, что он «ладино», потому что для него «ладино» — то же, что «метис». В то же время другие — индейцы и ладино — считают его «ладино».

2) Индейцы побережья в департаменте Сан-Маркос делают различие между «ладино», живущими в соседних селениях, и помещиками (финкеры) немецкого происхождения... Но для индейцев из других районов все «ладино» Сан-Маркоса одинаковы»²⁶.

Перенесение термина «ладино» в равной степени на людей, принадлежащих к различным расовым и социальным группировкам, по единственному или кажущемуся единственным признаку — испанскому языку и ориентации на испанскую в своей основе культуру — по сути дела

объективно отражает процесс становления новой этнической общности (в данном случае — гватемальской), а возрастающее внутри этой группы сознание единства — отражение процесса становления национального самосознания. Для многих латиноамериканских наций, где к началу интенсивного капиталистического развития основную массу населения составляли метисы, т. е. группы смешанного происхождения, обладавшие, по-видимому, сознанием единства происхождения, — это ускорило становление национального самосознания.

Иначе дело обстоит в Гватемале. Недостаточно развитые капиталистические отношения и сохранение сильнейших пережитков сословно-кастовой системы колониальных времен мешали выявлению этих объединительных тенденций.

Еще в 30—40-е годы нашего столетия национальное самосознание у большей части населения Гватемалы было развито очень слабо. «Guatemalteco» — так граждане Гватемалы называли себя, разве только попав в одну из соседних республик. У себя же дома они сознавали себя обычно членами своей деревенской общины, самое большее — своего административного округа, «municipio». Житель округа Jocotan называет себя «jocotecо», округа Олопа — «olorеño». Даже свою страну в целом редко называли «Гватемалой» (это название прилагается обычно лишь к столице), а просто говорят «La república, el país».

Гватемальская нация складывалась в специфических условиях. Ее основной компонент — испаноязычные ладино — изначально смешанная в расовом отношении группа, а в последние десятилетия внутри нее оказывается все больше людей чисто индейского происхождения.

Никогда за всю историю страны ладино не составляли большинства населения. В этом отношении интересно сопоставить данные численности населения по нескольким переписям начиная с конца XVIII в.²⁷ (см. таблицу).

Между 1778 и 1950 г. численность индейского населения возросла в 4,8 раза, а ладино — в 16,1 раза.

Данные о численности индейского населения в 1880, 1893 и 1921 гг. не очень надежны, но в целом изменения, происшедшие с 1778 по 1950 г., достаточно точно показывают падение относительной численности индейского населения и неизменный численный рост ладино,

Годы	Всего	Ладино	Индейцы	Процент индейского населения
1778	392 272	80 485	311 797	78,4
1880	1 224 602	379 828	844 744	68,9
1893	1 364 678	481 951	882 733	64,6
1921	2 004 900	704 973	1 299 927	64,8
1950	2 790 868	1 293 607	1 497 261	53,6
1964	4 209 820	2 388 860	1 820 960	43,3

т. е. новой этнической общности испаноязычных гватемальцев.

В этот же период идет процесс национальной консолидации испаноязычных гватемальцев, но это тема для специального исследования.

Следует только отметить, что течение этого процесса было несколько замедленным и соответствовало темпам капиталистического развития экономики страны, которое к тому же в свою очередь искусственно тормозилось с конца XIX в. политической и экономической зависимостью Гватемалы от монополистического капитала США.

Вплоть до середины XX в. новая этническая общность — гватемальская нация — оставалась в меньшинстве, хотя по численности она и была крупнее любого из индейских народов страны. Это, по-видимому, в определенной степени замедляло ассимиляционные процессы: процесс «впитывания» этнической общностью испаноязычных гватемальцев маргинального, индейского по происхождению населения.

Таким образом, в отличие от других стран Центральной Америки в Гватемале, где и в 50-х годах нашего столетия индейцы составляли большинство жителей страны, национальные взаимоотношения, национальная политика еще долго будут иметь первостепенное значение для внутреннего развития страны. Это обусловлено не только многочисленностью коренных обитателей страны, но и замедленностью течения всех исторических процессов в Гватемале, представлявшей собой периферию капиталистического мира. Этническая ситуация, характерная для Мексики кон-

ца XVIII — начала XIX в., для Гватемалы была реалией в середине XX в.

Подлинное национальное возрождение народы Гватемалы пережили в период свержения диктатуры Убико и последовавшей эпохи демократизации страны в президентство Хосе Аревало и Хакобо Арбенса в 1944—1954 гг. Именно для этого времени были характерны попытки на реалистической основе решить одну из важнейших внутренних проблем страны — проблему национальных отношений. Были приняты ряд законов и положений в интересах индейского крестьянства.

В новой конституции 1945 г. (ст. 83) было записано: «... объявляется общественно полезной и отвечающей национальным интересам общая политика, направленная на улучшение экономического, социального и культурного положения туземных групп. В этих целях могут издаваться законы, постановления и специальные положения для туземных групп, учитывающие их нужды, условия, обычай, порядки и нравы»²⁸.

После революции 1944 г. наступил расцвет национальной культуры Гватемалы. Обращение к национальной тематике, фольклору, индейским традициям обогатило национальную литературу, изобразительное искусство, музыку. Прогрессивный писатель Мигель Астуриас написал роман «Кукурузный голод» о бедственной жизни гватемальского крестьянина. В романе «Сильный ветер» того же автора описан тяжелый труд на банановых плантациях. Своеобразные произведения художника-индейца Куручи-че показывают безрадостное существование индейцев. Особенно следует отметить деятельность созданной в 1945 г. прогрессивной организации молодых писателей и деятелей искусства «Сакер-Ти», цель и задачи которой — всемерное развитие национальной культуры. Но все эти прогрессивные начинания были уничтожены с приходом к власти диктатора Армаса. Были закрыты журналы по вопросам культуры и воспитания, школа изобразительных искусств, университетский театр и другие. Проводилась массовая кампания сожжения книг. Прекратилась и работа по ликвидации неграмотности среди взрослого населения.

Народ Гватемалы в период наибольшего размаха национального, демократического, освободительного движения сумел показать свою самостоятельность, свой патрио-

тизм. Однако заинтересованность международного империализма в природных богатствах Гватемалы приводила и приводит к насильственному утверждению власти диктаторов, опирающихся на прямую поддержку извне, главным образом империалистов США.

Современная Гватемала — отсталая аграрная страна с односторонним развитием экономики, вызванным засильем иностранного капитала, страна, где на принадлежащих иностранным компаниям плантациях выращиваются в огромном количестве кофе и бананы, а промышленность находится в зачаточном состоянии.

Классовый состав населения Гватемалы характерен для небольшой аграрной страны, где сохраняются полуфеодальные отношения, в которой нет развитой промышленности и которая к тому же оказалась в полной зависимости от иностранного капитала. Небольшой кучке землевладельцев-латифундистов противостоит огромная масса безземельного и малоземельного крестьянства, преимущественно — индейского. Часть крестьян превратилась в сельскохозяйственных рабочих на крупных плантациях. Промышленный пролетариат составляет незначительную прослойку населения, главным образом в городах Гватемалы и Кесальтенанго, где имеется несколько десятков мелких предприятий местного значения.

Основное занятие подавляющего большинства населения Гватемалы — земледелие. Вне крупных плантационных хозяйств земледелие полунатуральное. Здесь 60% посевной площади занято майсом — основной продовольственной культурой; выращиваются бобы, перец, томаты, хлопок и др. Техника обработки земли самая примитивная.

Большинство крестьянства, как индейского, так и метисного, не имеет собственной земли или владеет ею в недостаточном количестве. Гватемальский крестьянин вынужден арендовать землю у латифундиста на кабальных условиях и постепенно попадает в полную зависимость от него. До сих пор сохранились полуфеодальные поземельные отношения: *испольщина* (*колонато*), при которой собственнику земли отдается $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{2}$ урожая; своеобразная форма отработки — *пегухаль* (*pegujal*) и т. д. Прогрессивное законодательство 1944—1954 гг., запрещавшее подобного рода закабаление крестьянства, не было проведено в жизнь в силу упорного сопротивления владельцев

латифундий и последовавшего вскоре восстановления реакционного режима.

В отдельных районах страны сильно развито кустарное производство: хлопчатобумажное и шерстяное ткачество, гончарство, производство плетеных изделий и т. п. Местные нужды в значительной степени покрываются ими. Наиболее интересно индейское узорное ткачество, в котором очень сильны древние национальные традиции индейских народов. В период демократического правления президентов Аревало и Арбенса были приняты специальные законы, ограждавшие интересы индейских мастеров-ткачей, предусматривались специальные меры в отношении «недобросовестных коммерсантов и промышленников», которые имитировали произведения народных мастеров, пользовавшиеся большим спросом внутри страны и за ее пределами. Индейским общинам предоставлялось право брать в специальных органах патент на рисунки и орнаменты ткани, и таким образом они приобретали исключительное право на их производство. Однако все эти мероприятия были сведены на нет после реакционного переворота в 1954 г.

Столица республики Гватемала — самый большой город страны и вместе с тем центр экономической и культурной жизни. Здесь находятся Национальный университет, Политехническая школа, Национальный музей, Национальная библиотека. В целом же Гватемала в культурном отношении очень отсталая страна. Согласно переписи 1950 г., 72% населения неграмотно. Обучение грамоте усложняется тем, что население говорит на различных языках. В годы демократических преобразований многое было сделано для просвещения индейского населения, говорящего на родных языках. Для четырех языков — киче, кекчи, какчикель и маме, — на которых говорит свыше 85% индейцев, были составлены алфавиты. Началось обучение в школах на этих языках, переводились конституция и основные положения аграрной реформы. Но и в те годы лишь 37% детей школьного возраста могли посещать начальную школу, а в сельских районах ходил в школу лишь один ребенок из десяти. В деревнях не хватало учителей, а 75% квалифицированных школьных учителей работали в столице. С приходом к власти Армаса положение с образованием ухудшилось, так как были отменены все прогрессивные поста-

новления предыдущего периода. Неблагополучно в стране со здравоохранением. Большинство крестьян страдает от постоянного недоедания. Широко распространены малярия (ею болеет до $\frac{1}{3}$ сельского населения), дизентерия, вызывающая высокую детскую смертность, и др. В стране мало врачей: в столице один врач приходится на 695 человек, тогда как в целом по стране один врач — на 32 тыс. населения, а в индейском департаменте Киче один врач — на 86 тыс. человек.

Размещение населения в целом по стране повторяет картину доколумбовых времен. Те же сгустки населения на юго-востоке, в горной части страны, те же почти безлюдные леса на севере. Но изменился этнический состав этих сгустков. На юго-востоке, в экономически более развитых районах сосредоточена основная масса испаноязычного населения и белых; почти во всех остальных районах страны преобладает индейское население. В 14 из 22 департаментов страны свыше половины жителей — индейцы. В трех из них (Тотоникапан, Солола и Альта Верапас) индейцы составляют более 90% населения²⁹.

Наиболее крупным современным индейским народом Гватемалы являются киче́, численность которых, по-видимому, превышает 400 тыс. человек, а по мнению некоторых ученых, приближается к полумиллиону³⁰. Другой крупный индейский народ — маме — насчитывает не менее 250 тыс. человек³¹. Часть маме живет через границу, в соседней Мексике. Есть основания полагать, что численность таких индейских народов, как кекчи и какчикели, намного превышает 200 тыс. человек. Остальные группы менее многочисленны — это чорти (св. 60 тыс. человек), канхобали (св. 45 тыс. человек), ишили (около 30 тыс. человек) и др. (см. карту). Как уже указывалось выше, языки гватемальских индейцев большей частью относятся к лингвистической семье соке-майя.

Как уже указывалось выше, языки гватемальских индейцев относятся к лингвистической семье соке-майя. Только небольшая группа индейцев пипилей говорит на языке, очень близком ацтекскому языку Мексики.

Среди индейского населения, говорящего на родных языках, некоторая часть понимает испанский язык и может изъясняться на нем. Испанским языком индейцы пользуются для объяснения с горожанам, в официаль-

ных учреждениях, дома же говорят на своих родных языках.

Киче и какчикели живут в западной части нагорья, цутухили — к югу от них. Индейцы маме живут на крайнем западе, по границе с Мексикой, довольно большое число их живет и в самой Мексике. Западная Гватемала — область наибольшей концентрации индейского населения, здесь свыше миллиона индейцев. Другой район, где сконцентрировано индейское население, — центр страны, здесь живет многочисленный индейский народ кекчи. Покомамы и чорти живут на юго-востоке. На севере, вдоль пограничной р. Усумасинта, в непроходимых лесах ведут бродячую жизнь группы лакандонов, одного из самых отсталых народов Центральной Америки.

Индейцы наиболее угнетаемая, наиболее обездоленная часть населения Гватемалы. Террористические режимы последних десятилетий, опирающиеся внутри страны на латифундистскую олигархию и военщину, а вне ее пользующиеся всемерной поддержкой империалистических кругов США, почти полностью игнорируют проблемы индейских народов. После подъема политической активности, в период демократических преобразований 1944—1954 гг., наблюдался отход индейских масс от борьбы за свои права. Но в последние годы индейцы ряда районов поддерживают демократические силы, ведущие партизанскую борьбу против внутренней реакции, способные осуществить надежды и чаяния индейских крестьян Гватемалы.

В Гватемале — небольшой центральноамериканской стране и в наши дни существуют и развиваются несколько крупных индейских народов. Сложное этническое взаимодействие как между этими народами, так и главным образом между индейским населением страны в целом и интенсивно развивающимся и численно растущим новым этническим образованием — испаноязычной гватемальской нацией — составляет основное содержание этнической истории страны,

¹ *Fr. Castañeda. Las razas precolombinas en Centro-América, 1915, p. 171.*

² *Ibid., p. 172.*

³ «Segunda carta de Pedro de Alvarado a Hernán Cortés, 1524». «Carcía Icazbalceta. Colección de documentos inéditos», v. I. México, 1874.

- ⁴ *A. Rosenblat*. La población indígena y el mestizaje en América, t. I, Buenos Aires, 1954, p. 189.
- ⁵ *V. Solórzano Fernández*. Historia de la evolución económica de Guatemala. México, 1947, p. 83.
- ⁶ *A. Rosenblat*. Op. cit., t. I, p. 189.
- ⁷ *J. Milla*. Historia de Centro-América, t. I. Guatemala, 1937, p. 359.
- ⁸ *D. Contreras*. Rebeliones indígenas en Guatemala. En *V. Cassarubias*. Rebeliones indígenas en la Nueva España. Guatemala, 1951, p. IX.
- ⁹ *A. Rosenblat*. Op. cit., p. 899.
- ¹⁰ *J. del Valle Matheu*. Sociología guatemalteca. Guatemala, 1950, p. 231.
- ¹¹ *Э. Вильяторо*. Предисловие к кн. X. Диаса Россотто «Характер гватемальской революции». М., 1962, стр. 7.
- ¹² *J. del Valle Matheu*. Op. cit., p. 227—228.
- ¹³ *X. Диас Россотто*. Характер гватемальской революции. М., 1962, стр. 39.
- ¹⁴ Там же, стр. 46—47.
- ¹⁵ *R. Adams*. Nationalization. «Handbook of Middle American Indians», v. VI. Austin, 1967, p. 475.
- ¹⁶ «Los seguros sociales en Guatemala». Madrid, 1963, p. 5; *R. Adams*. Nationalization..., p. 480.
- ¹⁷ *O. La Farge*. Maya Ethnology: The Sequence of culture. «The Maya and their neighbours». New York, p. 283—284.
- ¹⁸ 1 гватемальский кивталь равен 46 кг.
- ¹⁹ *A. Dessaint*. Papel que juegan la hacienda y la plantación en el cambio socio-cultural. «Guatemala Indígena», v. 6, 1962, N 2, p. 27.
- ²⁰ *O. Stoll*. Etnografía de Guatemala. Guatemala, 1958, p. 127.
- ²¹ *Ibid.*, p. 152.
- ²² *A. Goubaud Carrera*. Indigenismo en Guatemala. Guatemala, 1964, p. 113.
- ²³ *A. D. Marroquin*. Panorama del indigenismo en Guatemala. «América Indígena», v. XXXII, N 2, 1972, p. 291.
- ²⁴ *J. B. Arias*. Aspectos demograficos de la población indígena de Guatemala. «Guatemala indígena», v. 1, N 2, 1961, p. 8.
- ²⁵ *R. Adams*. Encuesta sobre la cultura de los ladinos en Guatemala. Guatemala, 1956, p. 21.
- ²⁶ *R. Adams*. Encuesta..., p. 20.
- ²⁷ Таблица составлена по материалам А. Маррокина и Р. Адамса, которые в свою очередь использовали публикацию Р. А. Орельяна Гонсалеса, посвященную технике переписей населения. См.: *R. Adams*. Encuesta..., p. 36; *A. D. Marroquin*. Op. cit., p. 291.
- ²⁸ «América Indígena», 1946, N 12, p. 483.
- ²⁹ *J. B. Arias*. Op. cit., p. 9.
- ³⁰ Оценки численности индейских народов даны на основании материалов, приведенных в следующих работах: *V. M. Valverde*. El alfabetismo en Guatemala. «Guatemala indígena», v. II, N 3, 1962, p. 30; «Handbook of Middle American Indians», v. 7, p. 48.
- ³¹ *A. Medina Hernandez*. Notas etnograficas sobre los mames de Chiapas. «Anales de Antropologia», v. X. México, 1973, p. 147.

Сальвадор. Становление нации

Э. Л. Нитобург

Республика Эль Сальвадор — одна из самых маленьких стран мира. По площади (21,4 тыс. кв. км) она в 4—5 раз меньше любой из соседних центральноамериканских республик. С запада на восток протяженность ее 200 км, с севера на юг — 100 км.

Сальвадор нередко называют «краем вулканов». Основная часть его территории представляет собой вулканическое нагорье, высотой около 600 м над уровнем моря; на нем расположились две параллельные цепи вулканов. Частые извержения вулканов и землетрясения наносят немалый ущерб населению. Столица республики — Сан-Сальвадор. За 4,5 века своего существования этот город разрушался и вновь отстраивался не менее полутора десятков раз.

Поверхность нагорья покрыта мощным слоем вулканического пепла и лавы, на котором образовалась пористая, обладающая высоким плодородием почва. На ней произрастают местные культуры и культуры, завезенные из Европы. Нагорье Сальвадора находится в пределах «умеренного» пояса тропической Америки — «тьерра темплада». Лета и зимы в нашем смысле слова там нет. Год делится на два сезона: сухой (ноябрь — апрель), когда дождей не бывает, и дождливый (май — октябрь). Средняя годовая температура на нагорье 23—25°, причем амплитуда годовых колебаний температуры — всего 3°. Именно здесь проживает $\frac{3}{4}$ населения, расположены столица и другие крупные города.

Горный остов страны окаймлен с двух сторон низменностями. Южный склон нагорья круто обрывается к протянувшейся вдоль тихоокеанского побережья полосе низменности шириной 10—20 км. К северу от нагорья почти параллельно побережью расположены долины реки Лемпы и ее притока Сумпул¹. Недра Сальвадора богаты

рудами различных металлов и другими полезными ископаемыми. Но минеральные богатства разведаны и разрабатываются пока еще слабо.

В административном отношении страна разделена на три зоны и четырнадцать департаментов, управляемых губернаторами. Западная зона включает департаменты Ауачапан, Санта-Ана, Сонсонате; центральная — Ла-Либертад, Чалатенанго, Сан-Сальвадор, Кускатлан, Кабаньяс, Ла-Пас, Сан-Висенте; восточная — Усулутан, Сан-Мигель, Морасан, Ла-Уньон.

На долю Сальвадора приходится менее 5% площади Центральной Америки и почти четверть всего ее населения — 3,5 млн. человек. По плотности населения — более 166 человек на 1 кв. км. — эта страна занимает первое место на Американском континенте. Через ее территорию с незапамятных времен проходили многочисленные индейские народы, это был один из самых густозаселенных районов центральноамериканского перешейка. Современное население Сальвадора в антропологическом отношении — продукт смешения монголоидной и европеоидной рас, с незначительной примесью негроидной расы.

По конституции 1950 г. государственным языком является испанский.

Этнические процессы до испанского завоевания и в колониальный период

1

На территории Сальвадора сохранились руины древних городов и другие памятники исчезнувших цивилизаций. Здесь уже сравнительно давно ведутся археологические раскопки. Однако связанные с активной вулканической деятельностью и частыми землетрясениями изменения рельефа и смещения пластов почвы так перемешали стратификацию культурных слоев, что рядом со следами ранних доколумбовых народов иногда оказываются следы гораздо более поздних пришельцев. Поэтому точно датировать ранние миграции и время возникновения археологических культур иногда невозможно.

Неясность этнической принадлежности даже сравнительно изученных археологических культур, естественно, затрудняет исследование истории народов, заселявших

территорию нынешнего Сальвадора, их быта, культуры и социальных отношений до прихода европейцев. Все авторы согласны, однако, в том, что территорию Сальвадора последовательно заселяли различные этнические группы и к приходу испанцев на ней обитали значительно отличавшиеся друг от друга народы. В частности, известный сальвадорский исследователь Родольфо Барон Кастро в своем труде «Население Эль Сальвадора» пришел к выводу о том, что на территории его родины уже с I в. н. э. обитали племена майя, часть которых покинула ее примерно в VII в. Их сменили племена нахуа — в процессе ряда последовательных миграций, которые начали в XI в. тольтеки, а завершили ацтеки незадолго до испанского завоевания². Несколько ветвей майя — этих, по словам американского антрополога Л. Э. С. Томпсона, «греков Америки» — обосновались в Сальвадоре и расселились по всей его территории³. В ряде мест Сальвадора еще 10—20 лет назад проводилась церемония, связанная с ритуальным календарем майя — тцолкин. Полагают, в частности, что потомками майя являются жители Сан-Хуан-Ноноалько и Сан-Педро-Ноноалько (департамент Ла-Пас).

Один из главных центров майя на территории Сальвадора находился в Теуакане (современный департамент Сан-Висенте). Пирамиды и другие памятники культуры майя сохранились на западе Сальвадора — в районах Тасумалья, Чальчуапы, Ауачапана. Именно в Тасумале была открыта крупнейшая на сальвадорской территории пирамида майя. Этот район сначала был заселен индейцами ленка, а затем — покомамами. По соседству — в современном департаменте Чалатенанго — жили индейцы чорти из языковой семьи майя, по преданию, основавшие в V в. существующий и поныне городок Техутла. Позже в Сальвадоре обосновались индейцы кичэ, а затем кекчй, также принадлежавшие к языковой семье майя. На севере департамента Сан-Сальвадор открыты остатки древнего города майя — Чиуатана.

Все эти данные свидетельствуют о том, что в Сальвадоре в тот период существовало многочисленное население с высоким уровнем культуры. Однако в VII в. начались крупные миграции населения центральноамериканского перешейка. Эти миграции, подробности которых еще сравнительно мало изучены, затронули, по-видимому, и территорию современного Сальвадора⁴.

После ухода майя на территории Сальвадора появились первые группы тольтеков, пришедших из Мексики по тихоокеанскому побережью. В VIII—X вв., почти по всей Мексике и Центральной Америке продолжались грандиозные перемещения племен, в которых не последнюю роль сыграли многочисленные кочевые родоплеменные объединения индейцев нахуа юта-ацтекской лингвистической семьи. Некоторые из племен нахуа, говорившие на языке нахуатль, продвинулись на юг перешейка, вплоть до Никарагуа. Восприняв постепенно многое из культуры древнего оседлого земледельческого населения, пришельцы, как правило, сохраняли свой язык⁵. Основная часть тольтеков поселилась в Сальвадоре в XI в. После этого, по-видимому, вплоть до испанского завоевания происходили постоянные миграции с севера все новых элементов нахуа, покоривших местное население и создавших сильное государство. Последними по времени мигрантами нахуа были ацтеки.

Во времени прихода испанцев запад и центр Сальвадора, между реками Рио-Пас и Лемпа, занимали индейцы пипили, принадлежавшие к группе нахуа. Название пипиль (что означает — ребенок) было дано им в период испанского завоевания индейцами, прибывшими из Мексики вместе с испанскими конкистадорами и обнаружившими, что местные индейцы говорят на том же языке нахуатль, что и они сами, только смягчая его, как говорят дети. Иначе говоря, пипили сохраняли свой язык (так же, как и религию, обычаи, одежду и т. д.) в течение всего периода, прошедшего после того, как покинули Мексику.

На западе же, в современных департаментах Ауачапан, Санта-Ана, Чалатенанго обитали небольшие группы покомамов, чорти и шинка, основная масса которых проживала в Гватемале⁶.

Восточную часть Сальвадора, за рекой Лемпа занимали индейцы ленка. Небольшой островок в самой гуще населения ленка, в районе нынешних городов Лислик и Какаопера (департамент Морасан) занимали индейцы матагальпа.

На территории, заселенной пипилями, находилось несколько объединений, управлявшихся касиками. Основными из них были: Кускатлан, Исалько, Апанекатль, Ауачапан, Теуакан, Апакстепетль, Икстепетль, Гуакотечли. По-видимому, Кускатлан благодаря своей мощи господст-

вовал над остальными, так как именно он дал название всей этой области, т. е. большей части современного Сальвадора. Столица «федерации» — г. Кускатлан — находилась близ нынешнего г. Сан-Сальвадор, на месте, известном сейчас как Антигуо Кускатлан. Другими важными городами пипилей были Кохатепек, Апастепек, Теуакан (покинутый до того индейцами майя).

К XVI в. пипили, по-видимому, находились на стадии перехода от первобытно-общинного строя к классовому обществу. У них уже существовали сравнительно дифференцированные социальные классы: знать, включавшая жрецов, судей, выдающихся воинов; торговцы и ремесленники; плебеи (масехуалтин); рабы. Люди разных классов отличались по одежде, жилищу, привилегиям⁷. У пипилей уже появилась наследственная система управления. А их военная организация показала свою эффективность в эпоху миграций в острой борьбе против окружавших их народов майя-киче.

К востоку от р. Лемпы находился Чапаррастик — владения индейцев ленка, которых Р. Барон Кастро называл «остатками» и «прямыми наследниками групп майя». Однако исследования последних лет показали, что язык ленка относится к обособленной языковой семье пайя-ленка⁸. В их культуре переплетались элементы развитых цивилизаций севера с некоторыми чертами культуры индейцев тропических областей Южной Америки. Сальвадорский этнограф и лингвист К. А. Кастро называет их звеном между народами майя и мискито-чибча. Руины их главного центра расположены недалеко от современного города Сан-Мигель. Необходимо, однако, отметить, что к началу XVI в. большинство индейцев ленка уже не только жили совместно с многочисленными колониями занявших их территорию пипилей и оказались под их культурным влиянием, но и стали понимать язык нахуа. Тем не менее еще несколько десятилетий назад на языке ленка говорили в ряде селений восточных департаментов.

В начале XVI в. страна была заселена по тем временам относительно густо. В городе Кускатлане, по утверждению Б. де Лас Касаса, проживало не менее 20—30 тыс. (а по некоторым другим данным даже 40 тыс.) человек. Население всего Сальвадора составляло тогда около 130 тыс. человек⁹.

В июне 1524 г. сподвижник завоевателя Мексики Э. Кортеса — Педро де Альварадо, пройдя через территорию Гватемалы с отрядом из 250 испанцев и 5—6 тыс. мексиканских индейцев глашкальтеков и чолула, вторгся на территорию пипилей. В первой же битве — при Акахуале (ныне порт Акахутла) захватчики встретили со стороны пипилей самое ожесточенное сопротивление. Не менее упорным было и сражение в Такускалько. Индейцы, объединив силы Кускатлана и Чапаррастика, сумели быстро собрать большое войско. Испанцам, несмотря на превосходство их вооружения, пришлось отступить в Гватемалу.

В 1525 г. брат Педро де Альварадо — Гонсало вновь вторгся на землю пипилей и основал близ Кускатлана поселение Сан-Сальвадор. Но вскоре индейцы сожгли его. Новую экспедицию, в 1528 г., возглавил третий брат — Диего де Альварадо, и он опять основал — на этот раз в районе современного города Сучитото (департамент Чалатенанго) — поселение Сан-Сальвадор. Но уже в 1529 г. вспыхнуло новое восстание пипилей. В 1537 г. восстали индейцы ленка во главе с их последним вождем Лемпирой. Лишь в начале 40-х годов испанцам удалось «умиротворить» индейцев. В 1545 г. Сан-Сальвадор был перенесен в самый центр страны пипилей, в район их древней столицы г. Кускатлана.

В первые десятилетия после завоевания салвадорская территория была частью губернаторства, а с 1560 по 1821 г. — генерал-капитанства Гватемала, но не в виде единой административной единицы, а разделенная на две части. Меньшая из них, включавшая современные департаменты Ауачапан и Сонсонате, называлась алькальдия-майор де Сантисима Тринидад де Сонсонате. Бóльшая — включала остальную территорию страны и называлась алькальдия-майор де Сан-Сальвадор. В 1672 г. от последней отошла (войдя в состав территории будущего Гондураса) область Чолутека, а в 1725—1742 гг. — область Накаоме, и с этого времени ее восточная граница проходила по р. Гоаскоран.

Завоевание Сальвадора, как и все испанские завоевания в Америке, сопровождалось массовой гибелью индей-

цев. Обращенных в рабство пиппелей и ленка заставляли от зари до зари работать в рудниках, продавали в другие районы, разлучая с семьями. Сопротивлявшихся подвергали жестоким пыткам и убивали. Социальная система индейского общества, ее институты и моральные ценности были разрушены. Все это, вместе взятое, наряду с появлением завезенных европейцами болезней, от которых у индейцев не было иммунитета, привело к катастрофическому сокращению индейского населения. Число жителей столицы пиппелей — г. Кускатлана — сократилось в 40 раз! А все население страны лишь за 25 лет — к середине XVI в. — сократилось более чем вдвое — до 50—60 тыс. человек ¹⁰.

К этому времени мадридское правительство приняло ряд законов, запрещавших обращать индейцев в рабство и подтверждавших право индейских общин на их земли. Испанским землевладельцам категорически запрещалось посягать на общинные земли индейцев. Поскольку в этот период население Сальвадора состояло только из горстки испанцев и индейцев (метисов и негров было еще очень мало), то земля в значительной мере оставалась в руках индейцев. Сохранение общинной системы эксплуатации земли способствовало сохранению индейских общин не только как социальных организмов, но и как ячеек этнических общностей коренного населения, ибо на какой-то период времени оно закрепляло их относительную замкнутость в экономическом и духовном отношениях. Среди крупных индейских поселений выделялись в то время Исалько, Ауачапан, Гуаймоко, Теколука, Усулутан. Индейцы же составляли тогда и основную массу населения Сан-Сальвадора, Сан-Мигеля и других новых городов, основанных испанцами. В 1586 г. в г. Сан-Сальвадоре среди пиппелей жили индейцы ачи, а также потомки пришедших с конкистадорами мексиканских индейцев тлашкальтеков и чолула. В поселке Сирама (современный департамент Ла-Уньон) в числе других жителей были индейцы потоны, говорившие на своем языке, и индейцы улуа ¹¹.

С 1541 г. в Сальвадор для работы в рудниках, а затем на плантациях индиго и сахарного тростника начали ввозить рабов-негров, но число их в XVI в. было очень невелико. Испанцы поэтому и после того, как были изданы так называемые Новые законы (1542 г.) «в защиту»

индейцев, старались нещадно их эксплуатировать, отнюдь не считаясь с нормами, установленными властями, и превращая многих индейцев в постоянных должников. Кроме того, индейцы обязаны были платить властям подушный налог, а также десятину и так называемый налог «первых плодов» — церкви.

Правда, энкомьенда здесь не получила широкого распространения. В конце XVI в. в Сонсонате, где проживало около 400 испанцев, энкомендеро не было совсем. В Сан-Сальвадоре было около 70 энкомендеро, а в Сан-Мигеле — 60. Общее число индейцев-налогоплательщиков в Сан-Сальвадоре, Сан-Мигеле и Исалько составляло 16,6 тыс.¹²

Поскольку Сальвадор оказался беден золотом и серебром, он оставался в XVI—XVIII вв. одним из глухих уголков обширной Испанской колониальной империи. Характерно, что даже испанские разменные серебряные монеты обычно поступали сюда только после того, как побывали в обращении в Мексике или Перу, основательно поистерлись и потеряли в весе. Неудивительно, что приток переселенцев из метрополии в это колониальное захолустье был весьма невелик.

В 1551 г. в Сальвадоре проживало менее 400 испанцев. В г. Сан-Сальвадоре в 1595 г. было всего 60 испанцев¹³.

В Сальвадоре селились в основном, видимо, те, кто не имел лучшего выбора, да посланные туда чиновники. Это были выходцы главным образом из Эстремадуры, Андалусии, Кастилии, а также баски¹⁴. Они селились не только в новых испанских городах, но и в старых индейских поселениях, особенно в Исалько и Сиуатеокане (сменившем в конце XVI в. это название на Санта-Ана), строили дома с толстыми стенами и решетками на окнах, как в Испании, занимались торговлей или культивировали растения, семена которых привезли с родины, и те растения, что нашли здесь. Очень быстро кукуруза, черные бобы, перец чиле и другие элементы рациона индейцев оказались включены в рацион испанских переселенцев. Отсутствие врачей заставило испанцев усвоить индейские методы лечения, познакомиться с местными лекарственными травами и т. д.

Конкистадоры, как известно, прибыли в Америку без женщин, и политика самого мадридского правительства, запрещавшего незамужним испанкам выезд в колонии,

способствовала росту связей между испанцами и индейскими женщинами, т. е. смешению обеих рас.

В XVII в. приток испанцев в Сальвадор продолжался. В городах, окруженных индейскими поселениями, процесс метисации проходил особенно интенсивно, причем метисы, как правило, говорили по-испански. В то же время, чем теснее были контакты между индейцами и испанцами, тем быстрее и эффективнее шло распространение испанского языка, происходили изменения в обычаях, укладе жизни и культуре коренного населения. Индейцы освоили некоторые испанские сельскохозяйственные орудия, навыки и методы ведения хозяйства, обзаводились тягловым скотом и т. д. Постепенно численность индейского населения возрастала. Следует отметить также, что вплоть до XVIII в. происходило переселение индейцев в Сальвадор из Мексики. В частности, в 1712 г., после подавления восстания индейцев 32 деревень в Южной Мексике против жестокого обращения монахов-доминиканцев часть этих индейцев переселилась в район современных департаментов Сонсонате и Сан-Сальвадор¹⁵.

Росло и число рабов-негров — в XVII в. их насчитывалось от 4 до 5 тыс. В 1625 г. был даже раскрыт крупный заговор черных рабов. По данным Х. Ларде, они находились главным образом в Ауачапане, Сан-Висенте, Сакатеколукке и Чинамеке¹⁶. В этих районах довольно долго сохранялись следы их пребывания, ибо, несмотря на строгие запреты, они вступали в связь с индианками. В ранний колониальный период потомок негра и индианки находился обычно на самой низшей ступени социальной лестницы; на него смотрели свысока не только испанцы, но также индейцы и негры. Имели место и связи белых с негритянками, в результате которых появилось некоторое число мулатов. Негры своей земли не имели и приобрести ее не могли, а ввоз их уже в XVIII в. почти прекратился. Негритянский элемент был постепенно поглощен индейской массой, практически почти не оказав серьезного влияния на этническую историю Сальвадора¹⁷.

Следует отметить также, что индейцы упорно отстаивали данные им еще в XVI в. в связи с признанием их общинной собственности на землю права и нередко добивались удаления из своих поселений негров, мулатов и метисов. В связи с этим властям пришлось создавать специальные поселения для метисов и свободных мулатов — редукции

(reducciones). Лишь испанцы и креолы могли селиться там, где считали для себя удобным¹⁸.

Однако в городах и некоторых других поселениях в XVIII в. проживали уже не только индейцы и испанцы, но также негры, мулаты, а главное — метисы, или ладино, как их постепенно стали называть.

Основой экономики Сальвадора в колониальную эпоху стало сельское хозяйство, прежде всего земледелие. С помощью заимствованных из Европы методов ведения хозяйства и сельскохозяйственных орудий (плуг и др.), с использованием рабочего скота значительно расширилось производство продовольственных культур, индиго и какао, известных еще индейцам; появились новые, завезенные испанцами культуры — пшеница, сахарный тростник, шелковица, лен, конопля. Позже стало развиваться скотоводство.

Однако в интересах метрополии в колониях запрещалось разводить виноград и делать вина, выращивать оливковые деревья, производить оливковое масло и засаливать маслины. Все это надлежало покупать в Испании. Испанская торговая монополия, налагавшая ограничения на торговлю и препятствовавшая промышленному развитию колоний, фактически уже в тот период положила начало монокультурному характеру сальвадорской экономики и экспорта. Колония специализировалась на вывозе какао (особенно из алькальдии-майор Сонсонате, где находились крупнейшие плантации какао) и индиго. Но уже в XVII в. конкуренция более дешевого какао из Гуаякиля и Каракаса больно ударила по производству его в Сальвадоре, и в XVIII в. главной статьёй вывоза стало индиго. Плантации индигоноски, особенно при сборе урожая, требовали огромного числа рабочих рук, и это уже тогда способствовало превращению многих индейцев и ладино в наемных сельскохозяйственных рабочих. Однако к началу XIX в. появление искусственных красителей привело к резкому падению мировых цен на индиго и производство его стало сокращаться. К этому времени единственным сальвадорским продуктом, который неизменно на протяжении всей колониальной эпохи пользовался большим спросом в Европе, остался широко применяемый в медицине и парфюмерии бальзам. Он добывался в лесах тихоокеанского побережья между Акахутлой и Ла-Либертад из бальзамовых деревьев¹⁹.

Верхушку колониального общества, богатевшую на торговле с метрополией, составляли главным образом горстка испанцев и креолы. Благосостояние их покоилось на эксплуатации индейцев, формы которой постепенно менялись. С приходом испанцев земля стала собственностью испанской короны, оставившей часть земельного фонда в качестве общинной собственности индейцам и передавшей другую его часть — в виде разных форм пожалований за службу — уроженцам метрополии и креолам. Так, уже в колониальный период начинается, а затем становится основной тенденцией концентрация земельной собственности в немногих руках. Возникают крупные помещичьи хозяйства — асьенды. В социальном плане это привело к появлению в деревне класса крупных землевладельцев — асендадо; связанного с ними среднего класса — управляющих, служащих, священников на асьендах; класса мелких или безземельных крестьян, арендующих участки на земле асьенды; зачатка класса сельских пролетариев — пеонов и колонов²⁰.

В XVIII — начале XIX в. население колонии заметно выросло. Р. Барон Кастро — виднейший специалист в этой области, исследовав доступные ему в Испании и Центральной Америке материалы и оговариваясь, что приводимые им цифры не являются абсолютно точными, рисует следующую картину изменения численности населения на территории современного Сальвадора в колониальную эпоху²¹:

Годы	Численность населения		Годы	Численность населения	
	в тыс. человек	в % к 1524 г.		в тыс. человек	в % к 1524 г.
1524	130,0	100,0	1777—1778	146,7	112,8
1551	60,0	46,2	1796	161,0	123,9
1570	78,0	60,0	1807	176,9	153,8
1768—1770	132,1	101,6	1821	250,0	192,3

Из приведенных данных видно, что для восстановления численности населения, имевшегося на территории страны накануне испанского завоевания, понадобилось 250 лет. И лишь в последней трети XVIII — начале XIX в. отмечен заметный демографический прирост — за полвека население почти удвоилось. Накануне достиже-

ния независимости оно насчитывало четверть миллиона человек, а плотность его составляла почти 12 человек на 1 кв. км и уже тогда была самой высокой на континенте ²².

Что касается размещения населения, то, если в доколумбову эпоху и первые века испанского господства восточная часть современной территории Сальвадора была заселена значительно слабее центральной и даже западной, то в последние полвека колониального периода заметно проявляется тенденция к заселению восточной зоны. По численности населения она почти сравнялась с западной зоной ²³.

К концу колониальной эпохи выросли число населенных пунктов и численность населения городов. Крупнейшим среди них был Сан-Сальвадор (12 тыс. в 1811 г.), к этому времени ставший центром наиболее плотно заселенной зоны страны. В 1807 г. в 22 индейских поселениях, 2 поселках ладино, на 22 асьендах и в 40 ранчо, расположенных в этом районе, проживало 32,4 тыс. человек, т. е. 18% всего сальвадорского населения ²⁴. Город Сан-Мигель в начале XIX в. имел 5,5 тыс. жителей, Исалько — 6,9 тыс., Санта-Ана — 7,3 тыс., Науисалько — 5,1 тыс., Тринидад де Сонсонате — 4,1 тыс. ²⁵

Индийское население, хотя и очень медленно, росло. Однако к концу колониальной эпохи оно так и не достигло численности, которую имело накануне вторжения испанцев. По расчетам Р. Барон Кастро, в 1570 г. в стране было 77 тыс. индейцев, в 1778 г. — 82 тыс. (за 200 лет прирост всего в 5 тыс. человек), в 1807 г. — 86,2 тыс., в 1821 г. — 107,7 тыс. ²⁶.

В 1807 г. крупнейшие сгустки индейского населения находились в районах: Сан-Сальвадора — 19,9 тыс. человек (23%), Кохутепека — 11,4 тыс. человек (13%), Сака-теколуки — 6,6 тыс. чел. (7,6%). Хотя значительное число индейских поселений, существовавших до испанского завоевания, сохранились как индейские, их население ко времени достижения независимости уже достаточно широко включилось в жизнь страны. Ряд других индейских в прошлом поселений изменили свой облик и превратились в города, заселенные метисами и испанцами (Санта-Ана, Акахутла). В то же время Исалько почти целиком остался индейским городом. То же самое можно сказать и о Науисалько ²⁷.

«Белое» население, включавшее как уроженцев Испании, так и креолов, за четверть века, с 1779 по 1807 г. сократилось почти втрое — с 14 тыс. до 5 тыс. человек²⁸.

Однако наиболее примечательным явлением в этническом развитии страны в XVIII — начале XIX в. был темп роста метисного населения. К 1779 г. оно достигло 46 тыс. человек (около трети всего населения), а в последующие 30 лет более чем удвоилось, составив в 1807 г. — даже без алькальдии-майор Сонсонате, по которой у нас нет данных, — более 89 тыс. человек. В городах, основанных в колониальную эпоху, и в некоторых старых индейских поселениях метисы к началу XIX в. стали основной частью населения. Так, в Сан-Сальвадоре в 1811 г. проживали 614 испанцев и креолов, 585 индейцев и 10 860 метисов; в Сан-Мигеле в начале XIX в. — 239 испанцев и креолов и 5300 метисов и т. д.²⁹ В целом метисное население в 1807 г. размещалось по всей территории страны значительно более равномерно, чем индейское³⁰.

Что касается социального положения испанцев, креолов, индейцев и метисов, то сальвадорский исследователь Умберто Веласкес в своей работе «Структура классов в Сальвадоре к концу колониального периода» распределяет основные этнические группы сальвадорского населения по классам следующим образом:

I. Высший класс. Испанцы — энкомендеро, высшие королевские чиновники, высшее духовенство, высшие военные чины. Креолы — крупные землевладельцы.

II. Средний класс. Испанцы — купцы, ремесленники. Креолы — чиновники второй категории, священники, владельцы асьенд и рудников. Метисы — мелкие чиновники, землевладельцы, ремесленники.

III. Низший класс. Метисы и мулаты — ремесленники, солдаты, люмпены. Индейцы — крестьяне и пеоны, ремесленники³¹.

Приведенные выше статистические данные свидетельствуют о важнейших изменениях в расово-этническом составе населения Сальвадора. В то время как индейское население в период колониального господства испанцев увеличивалось очень медленно, а «белое» население в последние десятилетия этого периода даже сократилось, метисное население росло довольно быстро, и не только абсолютно, но и по своему удельному весу. Так, в 1779 г. «белые» составляли 9,8%, индейцы — 59%, ме-

тисы — 31,2% населения страны, а в 1807 г. «белые» составляли всего 2,8%, индейцы — 43,1%, метисы — 54%³².

Таким образом, в Сальвадоре, в отличие от других стран Центральной Америки, в начале XIX в. метисы составляли более половины всего населения. К этому времени уже ни в одном населенном пункте не было испанского большинства; индейцы преобладали лишь в пяти районах, тогда как во всех остальных абсолютное большинство принадлежало метисам. В американском колониальном обществе расовая принадлежность была теснейшим образом связана с социальной — сословной, и по своей расово-этнической психологии метисы к этому времени не могли не отличаться как от испанцев, так и от индейцев.

Одновременно с процессом изменения расового состава населения шел процесс распространения испанского языка, на котором говорили не только испанцы, креолы и почти все метисы, но и значительная часть индейцев. К началу XIX в. осталось очень мало уголков, куда бы не проник испанский язык. Только жители Исалько, Науисалько и некоторых глухих поселений на Бальзамовом берегу сохраняли еще свои языки³³.

Иначе говоря, уже в колониальный период в Сальвадоре начало складываться этническое единство населения с общей языковой основой, и в эпоху независимости страна вступала с антропологически и этнически более или менее однородным — метисным большинством населения.

Важнейшим фактором развития культуры в колониальный период явилось распространение среди большинства населения испанского языка. Однако оно было почти сплошь неграмотно. Еще в 1641 г. монах Хуан де Диосдель Сид сконструировал печатный станок с деревянным шрифтом, на котором отпечатал трактат об индиго. Это была первая в Центральной Америке типография. Но первые начальные школы на территории Сальвадора (в Сан-Сальвадоре, Сан-Педро-Пукстла и Сан-Катерина-Максагуат) появились лишь после 1778 г. Среднее же образование, не говоря уж о высшем, можно было получить только в столице генерал-капитанства. Сознание сельских и городских масс формировалось католической церковью. Францисканцы, доминиканцы и мерседарии создали здесь свои монастыри и обогащались за счет безжалостной эксплуатации индейцев. Еще конкистадоры разрушили мно-

гие памятники культуры древних индейских цивилизаций, а инквизиция не только уничтожила основные кодексы пиписей, но и строгойше ограничила ввоз книг в страну. Профессиональной литературы в Сальвадоре в эпоху испанского господства не было, если не считать поэта-священника Хуана Хосе Берналя и нескольких авторов религиозных сочинений.

Борьба за независимость и становление нации

1

В XVIII в. в Сальвадоре, несмотря на ограничения со стороны метрополии, появилось текстильное производство, столярные, плотничные, скорняжные мастерские, кирпичные и другие мелкие предприятия. Однако Испания всячески тормозила промышленное развитие колоний. В то же время падение цен на индиго и какао, о чем говорилось выше, нанесло удар по сельскому хозяйству, бывшему основой сальвадорской экономики. Испанская монополия душила экономику колонии и вела к тяжелым последствиям не только для трудящихся масс, но и для имущих классов. Разорились многие асендадо и коммерсанты — креолы и метисы. Колониальное общество все более подтачивалось острыми противоречиями. Основным среди них постепенно стало противоречие между феодальной испанской империей и сальвадорским народом (индейцы, метисы, мулаты, креолы). Но существовали также противоречия между испанцами и креолами, между креолами и метисами, между крупными землевладельцами и остальным, бедным сельским населением. Все чаще вспыхивали волнения индейцев.

Креолы — землевладельцы, купцы, чиновники — из поколения в поколение усиливали свои экономические позиции, но испанцы из метрополии не допускали их к руководящим постам в административном аппарате. Война североамериканских колоний Англии за независимость и Французская революция конца XVIII в. с ее лозунгом «Свобода, равенство, братство», подготовили почву для распространения либеральных идей среди молодых креолов и метисов, получивших образование в Гватемале и нежелавших оставаться под управлением «чапетонов»,

как называли здесь испанцев из метрополии. Между тем, как раз в это время Испания оказалась под пятой Наполеона.

Все это вместе взятое — события в Испании, ухудшающееся из года в год экономическое положение колонии, заинтересованность креолов в ликвидации ограничений для ее экономического развития и привилегий для уроженцев метрополии и, наконец, надежда индейского населения и метисов освободиться от испанского господства — придавало идеям независимости чрезвычайно большую привлекательность, они все более проникали в сознание народа.

Однако конкретные требования разных слоев населения отражали прежде всего их специфические классовые интересы. Как показывает в своей работе У. Веласкес, почти все ведущие политические руководители креолов, вошедшие в историю Сальвадора, как «борцы за независимость» и «отцы родины», были более или менее крупными владельцами индиговых, табачных и других плантаций. Так, Хосе Матиас Дельгадо владел асьендой площадью 322 га, Хосе Симеон Каньяс — асьендой в 362 га, Хуан Висенте Вильякорта — двумя асьендами общей площадью 415 га, Исидро Менендес — асьендой в 1140 га, Мануэль Хосе Арсе — четырьмя асьендами общей площадью 2440 га³⁴. Не случайно айюнтамьенто (городской совет) Сан-Сальвадора, где они все играли важную роль, выдвинул перед кортесами в Кадисе требования, точно совпадавшие с интересами креолов, желавших войти в состав господствующего класса вместе с испанцами: установление конституционной монархии и демократизация управления, равенство креолов и испанцев, провинциальная автономия, отмена ограничений в развитии сельского хозяйства, торговли и промышленности.

Более радикальные требования ладино были выдвинуты на улицах в процессе народных выступлений: полная независимость от Испании, установление республики, свобода торговли, возможность получения земли³⁵. Некоторые из этих требований отражали интересы индейских масс.

Но хотя между разными классами и слоями колониального общества существовали противоречия, в данный момент у них был общий враг, и поэтому идея независимости постепенно получила почти единодушную поддержку.

5 ноября 1811 г. один из политических лидеров креолов — священник церкви Ла Мерсед в г. Сан-Сальвадоре Х. М. Дельгадо обратился к народу с призывом подняться на борьбу за независимость. Это событие, известное в истории Центральной Америки, как «Первый клич независимости», буржуазная историография обычно сводила к действиям группы креолов — «отцов родины»: Х. М. Дельгадо, М. Х. Арсе и других. Между тем, «в действительности это было целым рядом непрерывных народных выступлений против колониального господства в ноябре и декабре 1811 г.: 4, 5 и 6 ноября в Сан-Сальвадоре, Сан-Педро Гранде и Сантьяго Ноноалько; 17 ноября в Усулутане, Чалатенанго и Техутле; 20 ноября в Санта-Ана; 24 и 30 ноября в Метапане и Кохутепеке; 20 декабря в Сенсатепеке. Множество арестованных участников этих выступлений... погибли в сырых и мрачных стенах колониальных тюрем Гватемалы». Что же касается Х. Дельгадо и его сподвижников, то они, надеясь в тот момент получить уступки в кортесах и веря в последние больше, чем в народ, «сделали все, что могли, чтобы успокоить воспламененные массы столицы, требовавшие немедленного изгнания испанских властей»³⁶.

Войска, присланные из Гватемалы, подавили народные выступления, но креолы успели извлечь из них выгоду. Они добились замены интенданта-испанца креолом и получили представительство в кортесах.

Второй попыткой развернуть борьбу за независимость было движение 24 января 1814 г., возглавленное радикально настроенным помощником алькальда г. Сан-Сальвадора Педро Пабло Кастильо, метисом по происхождению. Перед этим интендант Пейнадо дважды аннулировал результаты муниципальных выборов, давших победу сторонникам независимости и арестовал почти всех алькальдов кварталов города. Народ, возмущенный действиями колониальных властей, буквально рвался в бой. Кастильо разработал план народного восстания и потребовал от интенданта освобождения заключенных. В случае отказа повстанцы, занявшие стратегические районы города, должны были перекрыть все дороги в столицу, прервать доставку продовольствия, блокировать казармы и т. д.³⁷

Ультиматум Кастильо заставил креольских лидеров, проводивших после событий 1811 г. приспособленческий курс и боявшихся ослабления своей руководящей роли

в антииспанском движении, перейти к действиям. Для того чтобы опередить массы, они создали «Комиссию нотаблей», убедившую Пейнадо во избежание худшего освободить алькальдов. За это они, опираясь на свой престиж, сумели убедить большую часть повстанцев разойтись по домам. Затем последовали аресты. Арестованы были и «нотабли», признавшие свою роль в «умиротворении» народа и обвинившие во всем Кастилью. Последний, однако, успел покинуть страну и найти убежище на Ямайке. «Так окончилась короткая и блестящая карьера этого метиса, которого лишь один шаг отделял от того, чтобы стать сальвадорским Морелосом, и единственная политическая ошибка которого состояла в том, что он поверил своим союзникам креолам», — пишет сальвадорский исследователь А. Маррокин³⁸.

Однако возмущение политикой Мадрида, где у власти снова оказались Бурбоны, и стремление к независимости охватывало все более широкие слои населения, тем более, что в Мексике и ряде районов Южной Америки уже развернулась вооруженная борьба против испанского гнета. В феврале 1821 г. генерал испанской армии А. Итурбиде провозгласил независимость Мексики. 14 сентября того же года в г. Сан-Сальвадоре собрание горожан также потребовало полной независимости. На следующий день в г. Гватемала собралась Великая ассамблея. Под нажимом народа, окружившего дворец, где заседала ассамблея, она приняла 15 сентября 1821 г. декларацию о независимости от Испании.

В Сан-Сальвадоре это сообщение было принято с энтузиазмом. В январе 1822 г., когда бывший генерал-капитан Г. Гаинса, продолжавший осуществлять высшую власть в Гватемале, издал декрет о присоединении Центральной Америки к Мексике, Временная хунта Сан-Сальвадора под председательством Дельгадо провозгласила автономию бывшей (с 1786 г.) интендансии Сан-Сальвадор и постановила «поддержать оружием власть республики и демократию»³⁹.

Между тем, в мае 1822 г. Итурбиде был провозглашен императором Мексики и потребовал от генерала Филисолы, которого он послал с войсками в Гватемалу, немедленного присоединения Сальвадора, оказавшегося основным центром сопротивления аннексионистским устремлениям мексиканской олигархии. Лишь 9 февраля 1823 г. —

после ожесточенных сражений с сальвадорцами — войскам Филисолы удалось войти в Сан-Сальвадор. Но не прошло и месяца, как Итурбиде вынужден был отречься от короны. Сальвадорцы вновь взяли за оружие, и в апреле 1823 г. последние мексиканские войска покинули страну ⁴⁰.

1 июля 1823 г. Учредительная ассамблея Соединенных провинций Центральной Америки провозгласила их полную независимость «от Испании, Мексики и любой другой нации», а также республиканскую, демократическую и федеральную форму правления. Новое государство состояло из пяти провинций: Гватемалы, Гондураса, Коста-Рики, Сальвадора и Никарагуа, причем до ноября 1823 г. бывшая алькальдия-майор Сонсонате входила в состав Гватемалы. Только 12 июня 1824 г., когда была принята конституция провинции Сальвадор, Сонсонате официально вошла в ее состав. С этого времени границы Сальвадора не менялись.

22 ноября 1824 г. была принята конституция Соединенных провинций или, как их теперь называли, — Федеральной республики Центральной Америки. Провинции стали называться государствами, и каждое из них имело своего главу. Дворянское сословие ликвидировалось, церковь была отделена от государства, провозглашались свободы мысли и печати. Первым президентом федерации был избран сальвадорец М. Х. Арсе.

История Федеральной республики Центральной Америки заполнена ожесточенной борьбой между либералами и консерваторами, почти непрерывными усобицами, государственными переворотами и гражданскими войнами. Именно в это время на исторической арене появился выдающийся вождь либералов и талантливый военачальник — гондурасец Франсиско Морасан. Он дважды — с 1830 по 1834 и с 1835 по 1839 г. — избирался президентом федерации, и это десятилетие известно в истории Центральной Америки, как «эра Морасана». При нем в Сальвадоре (где либералы были особенно сильны в столице и портовых городах) и в других частях федерации были проведены такие реформы, как отмена десятины и налога «первых плодов», ограничение прав монастырей, свобода культов, закон о разводе, закон о свободе завещания, демократизация и модернизация просвещения и законодательства. Морасан основал Академию наук в Гва-

темале, способствовал созданию типографий и выходу новых газет⁴¹.

В Сальвадоре первая продававшаяся публике газета — «Семинарио политико меркантиль» вышла в 1824 г. Вскоре появились еще три газеты: официальная «Гасета дель gobierno дель эстадо де Эль Сальвадор», а также «Эль сентинела» и «Ла мисселанеа», отражавшие интересы консерваторов и либералов.

Непрерывная внутренняя борьба, войны и содержание войск для защиты правительств довели финансы Сальвадора до катастрофического состояния. Все новые налоги иборы молодежи в армию ввергли крестьянские массы, главным образом беднейшую их часть — индейцев, в крайнюю нищету. В январе 1833 г. индейцы пишили с индиговых плантаций в районе Сан-Хуан-Ноноалько и Сантьяго-Ноноалько (департамент Ла-Пас) восстали. Они вырвали из рук военных патрулей группу индейцев-новобранцев и разоружили патруль. Восстание возглавил неграмотный индеец-поденщик Анастасио Акино, поднявший массы на борьбу под лозунгом «земля тем, кто ее обрабатывает», и оказавшийся талантливым стратегом. Под его командой собралось 3,2 тыс. повстанцев, вооруженных деревянными копьями и самодельными пушками. В нескольких сражениях они разбили посланные против них войска, захватили кое-какое оружие и заняли административный центр департамента — г. Сакатеколуку. Повсюду крестьяне оказывали им поддержку, и 15 февраля повстанцы вошли в главный город соседнего департамента Сан-Висенте. Здесь Акино короновался короной святого Иосифа, почитаемого в местной церкви Пилар, в качестве короля населения Ноноалько.

Воззвания Акино, подписанные «командующий Освободительной армии», свидетельствуют о намерении разрушить власть угнетателей и вернуть индейцам то, что было у них похищено, — землю и свободу. Декрет, подписанный Акино 16 февраля, освобождал задавленных долгами индейских крестьян и колонов от уплаты налогов и старых долгов. Нарушение этого декрета грозило 10 годами тюремного заключения. Другими декретами запрещалось производство и потребление водки, устанавливались самые суровые наказания, вплоть до смертной казни, за разбой, убийство, воровство, насилие над женщиной. Акино потребовал передачи индейцам обрабатывае-

мых ими земель, назначения индейцев в органы местной власти, признания военных чинов повстанцев.

Правительство попыталось договориться с Акино и послало к нему священника, который одновременно выполнял шпионские функции, сообщая о передвижениях и о моральном состоянии повстанцев. В то же время католические священники во всех приходах старались представить Акино и его партизан в качестве бандитов и убийц, чтобы изолировать движение и не дать восстанию охватить всю страну. Лишь к концу февраля правительство сумело собрать, наконец, достаточные силы и нанести поражение повстанцам. Акино, правда, удалось уйти в горы и даже подготовить новое восстание, однако в конце апреля 1833 г. он был выдан властям одним из его помощников и спустя два месяца расстрелян. Он умер, сохраняя полное самообладание, и когда ему завязывали глаза, заявил офицеру, командовавшему расстрелом: «Ты, что — пришел играть в жмурки?» Его отрубленную голову выставили в железной клетке на устрашение народу ⁴².

Имя Анастасио Акино — борца за землю, хлеб и свободу для индейцев, предтечи развернувшегося столетие спустя нового крестьянского восстания — навсегда осталось в истории борьбы сальвадорского народа.

С 1834 по 1839 г. столицей Федеральной республики Центральной Америки был Сан-Сальвадор. Президент ее — Ф. Морасан — прилагал отчаянные усилия, чтобы преодолеть центробежные устремления и не допустить раскола федерации. Но это оказалось невозможным. Федерация не успела спаяться экономически. Каждая из составлявших ее стран жила сама по себе, путей сообщения почти не было, все еще оставалась в силе большая часть колониального законодательства. Реального единства, основанного на общих интересах, выковать не удалось. В 1839 г. федерация распалась.

В 1841 г. в Сан-Сальвадоре была опубликована Вторая политическая конституция, узаконившая независимость страны, получившей название — Республика Эль Сальвадор. Борьба за независимость и образование независимого сальвадорского государства способствовали все большему распространению идеи национального самосознания среди народных масс.

К этому времени в Сальвадоре проживало приблизительно 340 тыс. человек. В сообщении, сделанном ирланд-

цем полковником Джоном Галиндо Лондонскому королевскому географическому обществу, утверждалось, что 22,5% из них — индейцы, 57,5% — ладино и 20% — «белые».

Однако уже Э. Д. Сквайр — автор «Записок о Центральной Америке и особенно о государствах Гондурас и Сан-Сальвадор», опубликованных в 1855 г. в Нью-Йорке, считал, что долю «белых» Галиндо явно преувеличил. Это мнение разделяют и некоторые другие авторы⁴³.

К эпохе Центральноамериканской федерации относится появление в Сальвадоре городка Нуэва Эспарта (Новая Спарта) близ границы с Гондурасом (в департаменте Ла-Уньон), основанного в 1838 г. гондурасскими индейцами из поселка Курарен. Восстав против своего правительства, они вынуждены были покинуть родину и нашли приют в Сальвадоре⁴⁴. Правда, тогда гондурасцы не считались иностранцами.

К началу истории Республики Сальвадор как самостоятельного государства она — в отличие от других частей Центральноамериканской федерации — имела твердо определенную и не менявшуюся до настоящего времени границу и территорию. Экономические связи внутри этой сравнительно небольшой и компактной территории постепенно становились все более тесными. Основная тенденция протекавших здесь этнических процессов также в отличие от соседних центральноамериканских стран, проявила себя к этому времени уже достаточно отчетливо: метисное население продолжало расти более быстрыми темпами, чем остальное, а удельный вес его неуклонно повышался, достигнув почти $\frac{3}{5}$ всего населения.

В процессе острой политической борьбы и многочисленных войн, которыми была отмечена история Центральной Америки со времени освобождения от испанского господства до развала федерации, всем сальвадорцам — метисам, индейцам, креолам — пришлось не раз с оружием в руках отстаивать свою независимость и территорию. Это обстоятельство также не могло не наложить отпечатка на их сознание, и можно предполагать, что к моменту появления самостоятельной Республики Сальвадор значительная часть ее населения, особенно из числа метисов и креолов, начинает осознавать себя единым народом, со своими специфическими, отличными от соседей интересами.

Иначе говоря, Сальвадор к этому времени, по-видимому, вступал в завершающий этап складывания народности. Совпадение границ расселения этнической общности с государственными границами в большой мере облегчало дальнейшую консолидацию этой общности.

2

История Сальвадора в середине и второй половине XIX в. была насыщена многочисленными государственными переворотами, связанными с непрерывной борьбой консерваторов и либералов за власть, а также с неоднократными попытками сальвадорской правящей верхушки восстановить — под своей гегемонией — федерацию Центральной Америки, приводившими к постоянным войнам с соседними странами. Эти перевороты и войны в значительной мере определялись острым соперничеством между США и Англией, добивавшимися господства в бассейне Карибского моря и контроля над районом будущего межокееанского канала через Центральную Америку. В 1840-х и 1890-х годах Сальвадор входил в состав возникавших в те годы центральноамериканских федераций. Но экономически страны Центральной Америки были слишком разобщены, и попытки объединения не удалась.

В 50—60-годах у власти в стране находились главным образом консерваторы и президентом несколько раз был представитель семьи крупнейших землевладельцев страны — крайний реакционер Фр. Дуэньяс. Но этот же период связан и с кратковременным пребыванием у власти одного из наиболее выдающихся деятелей Сальвадора — генерала Херардо Барриоса (1816—1865). Либерал, последователь Ф. Морасана, он осуществил ряд важных реформ, способствовавших развитию капитализма и буржуазных отношений в Сальвадоре. Была лишена политического влияния, отделена от государства и от школы церковь, проведены судебная и школьная реформы, издан первый гражданский кодекс, реорганизована армия, появился свой торговый флот, наконец, началось интенсивное внедрение в широких масштабах культуры кофе⁴⁵.

Политику либеральных реформ продолжали правительства С. Гонсалеса (1871—1876) и Р. Сальдивара (1876—1885). В 1871 г. была принята новая конституция, провозгласившая буржуазные свободы, всеобщее

избирательное право для мужчин, обязательное и бесплатное начальное обучение, введен суд присяжных, принят закон о гражданской регистрации браков и т. д. Особое внимание уделялось развитию ремесел и созданию промышленных заведений, был основан Международный банк, с помощью иностранного капитала велось строительство портов и железных дорог, появился телеграф, росло число государственных школ⁴⁶. Либеральные реформы 60—80-х годов XIX в. открыли простор национально-буржуазному развитию Сальвадора.

Становление элементов капиталистических отношений в сальвадорском обществе, как отмечалось в проекте Программы Компартии Сальвадора, началось еще в колониальную эпоху в связи с ростом производства индиго на экспорт. Именно на плантациях индигоноски впервые появились наемные сельскохозяйственные рабочие. Дальнейшее развитие капиталистических отношений в стране было самым непосредственным образом связано с культурой кофе⁴⁷.

Уже правительство Х. Барриоса приняло специальные меры для расширения владельцами асьенд «кафеталес» — посадок кофейных деревьев. С этого времени число кофейных плантаций, основанных на применении наемного труда, стало быстро возрастать. Сначала сальвадорский кофе экспортировался в Европу, а с 1881 г. — и в США⁴⁸.

Производство кофе на экспорт способствовало процессу превращения земли в частную собственность. Еще более ускорил этот процесс принятый в 1882 г. комплекс аграрных законов, направленных на ликвидацию эхидос и общинных земель индейцев и метисов. Одновременно были установлены правила раздела общинных земель, которые на практике часто не соблюдались. Кроме того, неграмотные индейцы и метисы, не зная точного содержания законов и правил, пропускали сроки регистрации недвижимого имущества. Департаментские власти продавали земельные участки на аукционах, и приобретали их те, у кого имелись деньги. В 1900 г. правительство Т. Регаладо издало так называемый Закон о городских земельных владениях, также направленный на дальнейшее укрепление частной собственности на землю с полной свободой ее купли-продажи. Все это привело к переходу самых плодородных земель в руки крупных землевладельцев, стремившихся расширить посадки кофе,

к проникновению капиталистических отношений в деревню и усилению там классовой дифференциации. Тысячи сальвадорцев — индейцев и метисов — оказались без земли, что в ряде мест вызвало волнения и даже восстания. Правда, еще во многих районах индейцы сохраняли свою землю, но путь для захвата ее в будущем крупными землевладельцами-латифундистами был теперь открыт⁴⁹.

В этническом плане ликвидация общинных земель и эхидос способствовала устранению еще одного из барьеров на пути к дальнейшей ассимиляции индейского населения.

В отличие от многих стран Американского континента, в которых весьма существенное влияние на демографические и этнические процессы, протекавшие там в XIX в., оказала иммиграция, в Сальвадоре она была очень невелика. Правда, сальвадорские правительства неоднократно предпринимали попытки привлечь в страну иммигрантов (с островов Зеленого мыса, с Канарских островов, а также из Европы и даже даже кули из Китая для работы на асьендах). Однако из этих попыток ничего не вышло⁵⁰. Удалось привлечь лишь небольшую группу немецких иммигрантов, обосновавшихся у подножия вулкана Сан-Сальвадор. В 70-х годах в столице республики поселилось некоторое число французов — коммерсантов и ремесленников. Большинство из них постепенно породнились с креолами и ладино. Семьи и фамилии некоторых коммерсантов, зубных врачей, механиков, часовщиков, печатников французского происхождения насчитывают в Сальвадоре уже несколько поколений.

Точно установить число иммигрантов, прибывавших в XIX в. в Сальвадор, невозможно, ибо до создания в 1933 г. Центрального бюро иммиграции постоянного и точного учета иностранцев не велось. По мнению Р. Барон Кастро, обычно число их в XIX в. никогда не превышало 500 человек. Поэтому сколько-нибудь серьезного влияния на демографические и этнические процессы в стране они не оказали.

За три четверти века, прошедшие со времени образования Центральноамериканской федерации, население Сальвадора только за счет естественного прироста утроилось. В 1821 г. оно, по оценке Р. Барон Кастро, составляло

250 тыс., а в 1899 г. — 758,9 тыс. человек (официальная оценка). Плотность населения достигла 35,5 человека на 1 кв. км. Подавляющее большинство сальвадорцев по-прежнему жило в сельской местности. Более или менее урбанизированным, по-видимому, было лишь население пяти крупнейших по местным масштабам городов — Сан-Сальвадора (в 1887 г. — 30,6 тыс. жителей), Санта-Ана (25 тыс.), Сан-Мигеля (23 тыс.), Сонсонате и Сан-Висенте (по 11 тыс. в каждом). Во всех остальных городах оно все еще было многими нитями связано с сельскими районами.

Сальвадорский историк Р. Рейес в 1888 г. отмечал, что в антропологическом отношении население страны было еще довольно пестрым⁵¹. Точными сведениями о соотношении различных расовых групп к концу XIX в. мы не располагаем. Однако, основываясь на более поздних данных, можно утверждать, что продолжала действовать все та же главная тенденция — удельный вес метисного населения продолжал расти за счет сокращения доли индейцев и креолов⁵². По-видимому, постепенно происходила утрата этнической специфики индейцев пипилей и ленка. Одновременно развивался процесс их культурного сближения с метисными группами.

Хотя в Сальвадоре не существовало дискриминационного законодательства, индейское население, как правило, оставалось на низшей ступени социальной лестницы. Но теперь на ней все чаще оказывались и метисы, классовый состав которых постепенно менялся. После ликвидации эхидо и общинных земель не только индейцы, но и метисы все чаще оказывались без земли и вливались в ряды сельскохозяйственного пролетариата. В городах, а также в асьендах и поселках (таких, например, как Эррегуайкин в департаменте Усулутан, или Сан-Алехо в департаменте Ла-Уньон), где индейцы и метисы проживали вместе, процесс культурно-бытового и социального сближения индейского и беднейшей части метисного населения принимал все более широкие масштабы⁵³.

В то же время социальный статус «белых» по-прежнему оставался высоким. Помимо того, что к ним относились почти все представители господствующих классов, «белое» население пополнялось в какой-то мере за счет немногочисленных иммигрантов, этнический состав которых был различен. «В Сальвадор прибывают иммигранты

из всех стран,— писал в 1892 г. С. Барберена.— Среди них имеются ... немцы, испанцы, североамериканцы, французы, итальянцы, англичане и бельгийцы, а также латиноамериканцы и небольшое количество азиатов»⁵⁴.

После завоевания независимости в Сальвадоре постепенно начинает развиваться национальная культура. Этому в значительной мере способствовала политика либералов, отделивших школу от церкви и утвердивших принцип светского образования. В 1841 г. в Сан-Сальвадоре был основан Национальный университет, из стен его вышло много сальвадорских деятелей культуры, науки и искусства. В 1893 г. в стране имелось 587 начальных школ с 29,5 тыс. учеников, 18 средних учебных заведений с 1,2 тыс. учеников. В университете на 4 факультетах училось 180 студентов⁵⁵. В 70—80-е годы появились школьные учебники Д. Гонсалеса (1835—1910) по отечественной истории и географии, по которым сальвадорские школьники учились вплоть до XX в. В 1867 г. была основана Национальная библиотека, в 1873 г.— Сальвадорская академия языка, в 1883 г.— Национальный музей (где сосредоточены ценнейшие археологические находки, минералогические и другие коллекции), получивший позже имя его основателя Давида Гусмана.

Уже в 1841 г. в ряде департаментских центров появились местные газеты. Но особенно выросло число их после прихода к власти в 1871 г. либералов. В 1880—1890-х годах в стране издавалось полтора десятка газет и несколько литературных журналов. В 1895 г. вышла первая крупная газета современного типа — «Диарио дель Сальвадор»⁵⁶.

К этому времени уже сложилась и сальвадорская литература. Первым ее представителем можно считать уроженца г. Сан-Мигеля М. Альвареса Кастро (1795—1856) — министра иностранных дел федерального правительства генерала Морасана, поэта, предшественника романтизма, господствовавшего в Сальвадоре до XX в. Признанным главой этого течения здесь был поэт, автор текста национального гимна и один из основателей Академии языка — Хуан Хосе Каньяс (1826—1918). В числе сатириков следует назвать С. Х. Карасо (1850—1910), а среди литературных критиков — Х. Бергиса (1837—1899) и особенно профессора университета, автора работ по тео-

рии литературы, риторике и эстетике — Ф. Кастаньеду (1856—1926). В 1881 г. возникло литературное общество «Ла хувентуд» («Юность»), издававшее до 1888 г. одноименный журнал, выступавший против романтической эстетики. В нем начал печататься молодой Франсиско Гавидиа (1863—1955) — товарищ и соратник никарагуанского поэта Рубена Дарио и крупнейший после него поэт Центральной Америки. В лучших своих произведениях он выражал демократические идеалы. Противники «Ла хувентуд» основали в 1888 г. Академию наук и изящных искусств со своим журналом «Реперторио сальвадореньо»⁵⁷.

В числе прозаиков, появившихся в Сальвадоре к концу XIX — началу XX в., можно назвать авторов костюмбристских новелл и романов — Э. Альварадо (1845—1929), М. Майорга Кастильо (1863—1925), А. Рамиреса Пенья (1870—1930), А. Амброджи (1875—1936). Творчество «костюмбристов», впервые, хотя подчас и весьма наивно, попытавшихся изобразить особенности быта и нравы своего народа, приблизить свой язык к народному, несомненно, выражало подъем национального самосознания. Бытописательскую ограниченность костюмбристов преодолели писатели-реалисты А. Масферрер (1862—1932) и Х. М. Перальта Лагос (1873—1944)⁵⁸.

Первое театральное представление в Сан-Сальвадоре относится к 1814 г. Основателями сальвадорского Национального театра были Ф. Галиндо и Ф. Гавидиа, но еще до этого для сцены писал Д. Диас (1812—1845) — поэт и сподвижник генерала Морасана.

Одним из выдающихся латиноамериканских художников XIX в. был сальвадорец Х. В. Венсеслао Сиснерос (1823—1878), достигший славы на Кубе и возглавивший Академию Сан-Александр в Гаване.

В последней четверти XIX в. в стране появился ряд монографий, статей и курсов лекций по истории, этнографии, языку и статистике населения, географии, ботанике, геологии Сальвадора, написанных сальвадорцами. Среди их авторов: правовед, лингвист, историк В. Родригес (1818—1880), математик, историк, лингвист и этнограф И. Чакон (1819—1883), уже упоминавшийся дипломат, историк, журналист Р. Рейес (1847—1908), юрист, инженер, географ, историк С. И. Барберена (1851—1916), ботаник, врач, литератор, историк Д. Гусман (1846—1927), историк М. А. Гарсиа (1864—1955) и др.⁵⁹

К началу XX в. лишь три поколения сальвадорцев выросли в условиях независимости. Однако успехи в области издательского дела и просвещения, быстрый рост интеллигенции, появление и развитие в стране на протяжении этого времени своей, обладавшей своеобразным и неповторимым обликом национальной духовной культуры, и особенно литературы, убедительно свидетельствуют о достаточно высоком уровне национального самосознания.

3

В 80—90-е годы XIX в. европейский, а затем и североамериканский капитал начинают все активнее проникать в Сальвадор. Причем в отличие от других стран Центральной Америки, где главной его целью была земля, на которой выращивались тропические сельскохозяйственные продукты, и сырье, здесь иностранные компании вкладывали свой капитал прежде всего в транспорт, стремились захватить контроль над внешней торговлей. Производство и экспорт кофе быстро росли, и примитивные средства доставки его в порты — повозки, запряженные волами или мулами, — оказались слишком невыгодными. В связи с этим правительство вынуждено было предоставить английскому, а затем и североамериканскому капиталу концессии на постройку и эксплуатацию железных дорог, связавших внутренние районы страны с портами на тихоокеанском побережье.

Строительство железных дорог способствовало дальнейшему росту товарного земледелия, разделению труда в сельском хозяйстве и вовлечению его в мировой товарооборот. В то же время оно стимулировало развитие товарно-денежных отношений в прилегающих к железным дорогам сельских зонах, укрепление экономических связей между отдельными районами страны и складывание национального рынка. Тем самым оно ускоряло процессы ассимиляции индейского населения и этнической консолидации.

В XX в. кофе стал стержнем экономической жизни страны: кредит, строительство дорог, валютная политика, государственное покровительство — все было направлено на производство и экспорт «золотистых зерен». Одновременно росли значение и влияние «кофейной олигар-

хии» — крупнейших землевладельцев и экспортеров кофе. Четыре десятка семей латифундистов — владельцев крупнейших плантаций и коммерсантов, главным образом европейского происхождения и креолов⁶⁰, не только сами производили во все возрастающих размерах кофе на экспорт, но и принуждали к этому средних и мелких землевладельцев. Другие отрасли сельского хозяйства, призванные удовлетворять потребности населения, оказались на втором плане. Тем самым олигархия способствовала однобокой специализации страны на производстве монокультуры для мирового рынка и превращению ее в аграрно-сырьевой придаток капиталистических держав. В 20-е — начале 30-х годов кофе составлял примерно 9/10 сальвадорского экспорта.

При поддержке иностранных монополий, заинтересованных в сохранении отсталости Сальвадора, «сорок семей» вскоре превратились в правящую элиту, сосредоточившую в своих руках важнейшие государственные посты и контролирующую не только экономическую, но и политическую жизнь страны. С 1913 г. и до 1927 г., например, все президенты Сальвадора принадлежали к семье крупных землевладельцев Мелендес-Киньонес.

Образование олигархии происходило одновременно с процессом пролетаризации крестьянских масс. Часть обезземеленных крестьян стала арендаторами и колонами, по большинство превратилось в сельскохозяйственных рабочих. Сальвадорский сельскохозяйственный пролетариат начал формироваться еще в XIX в. на плантациях индигоноски, а затем уже в более широких масштабах на кофейных плантациях. Это был пролетариат, возникший в хозяйствах с весьма низким уровнем производительных сил и господствовавшими еще пережитками феодализма в аграрных отношениях.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве вызвало увеличение товарной продукции и расширение масштабов применения наемного труда в городах. Мелкие кустарные мастерские постепенно превращались в относительно крупные, с числом рабочих до ста и более, центры капиталистического товарного производства. Железнодорожное строительство еще больше способствовало росту производства для рынка. Все это привело к распространению капиталистических производственных отношений на основные отрасли хозяйства, создав предпосылки для

формирования национального рынка и не только экономического, но и этнического единства страны, а следовательно, и для превращения сложившейся в XIX в. сальвадорской народности в буржуазную нацию с основными присущими ей классами — буржуазией и пролетариатом.

К началу XX в. в Сальвадоре существовал уже не только сельский, но и городской пролетариат. В 1910—1914 гг. появились первые рабочие организации⁶¹. Под влиянием пролетарской революции в России в 1918 г. возникла партия «Красная лига». Начало 20-х годов ознаменовалось подъемом организованного движения пролетариата. В 1923 г. были основаны Типографский союз и Региональная федерация трудящихся Сальвадора, куда входили рабочие разных профессий. Затем началась организация союзов сельскохозяйственных рабочих и крестьян. В связи с империалистической интервенцией США в Никарагуа (1926—1932) в Сальвадоре росли антиимпериалистические настроения. В борьбе никарагуанцев во главе с А. Сандино против интервентов участвовали многие сальвадорцы. Одним из сподвижников Сандино был Агустино Фарабундо Марти — основатель и первый генеральный секретарь Коммунистической партии Сальвадора.

Между тем, начался мировой экономический кризис 1929—1933 гг., чрезвычайно тяжело отразившийся на экономике Сальвадора. Катастрофическое падение цен на кофе и кризис сбыта его привели к массовому разорению крестьян и арендаторов, образованию армии безработных в деревне и городе. Возросшая нищета масс и голод привели к дальнейшему обострению классовой борьбы. В этой обстановке в 1930 г. возникла Коммунистическая партия Сальвадора.

Наращение рабочего и крестьянского движения вызвало тревогу олигархии, перед глазами которой постоянно стояли события в соседней Никарагуа. Стремясь предотвратить революционную вспышку в Сальвадоре, олигархия организовала (2 декабря 1931 г.) государственный переворот. У власти был поставлен «сильный человек» — генерал М. Эрнандес Мартинес⁶².

Ответом масс на эту провокацию олигархии было восстание в январе 1932 г. более 30 тыс. батраков и крестьян — главным образом индейцев, но также и метисов, что свидетельствует о высоком уровне общего национального самосознания, — в департаменте Сонсонате. Воору-

женные мачете, они напали на полицейских и захватили населенные пункты Сонсопате, Сонсакате, Исалько, Науисалько, Наушлинго, Хуаюа, над которыми три дня развевались красные флаги с серпом и молотом. Это было крупнейшее революционное выступление в Центральной Америке в первой половине XX в. Одним из руководителей восставших был индеец Фелисиано Ама⁶³.

Однако превосходство в силах было на стороне властей. Брошенные против «коммунистических» повстанцев войска расстреливали их из пулеметов и потопили восстание в крови. «Солдаты,— по словам корреспондента американского журнала «Тайм» У. Крема,— делали свое дело добросовестно: бойня начиналась с захвата населения в плен и продолжалась, как кровавое развлечение для солдат»⁶⁴. Затем были совершены облавы и аресты рабочих и профсоюзных руководителей в столице. Только убито по разным подсчетам было от 10 до 30 тыс. человек. Многие тысячи людей эмигрировали. Компартия была разгромлена, и почти все ее руководство погибло⁶⁵.

Подавив народное восстание, генерал Эрнандес Мартинес установил режим фашистского типа и ввел «осадное положение», сохранявшееся до 1941 г. В 1935 и 1939 гг. путем инсценировки выборов он обеспечивал себе «переизбрание» президентом. Для обмана масс широко использовалась социальная демагогия: диктатор изображался «спасителем родины от красной опасности», а коммунисты — врагами отечества и религии.

Эрнандес Мартинес не скрывал своих симпатий к фашистским державам и Японии. Сальвадор был первой страной, признавшей марионеточное «государство Манчжоу-го», а позже фашистский режим Франко в Испании, и единственной страной Америки, присоединившейся к «антикоминтерновскому пакту». В 1937 г. Сальвадор вышел из Лиги наций⁶⁶. Сальвадорской военной школой руководил немецкий офицер, и вплоть до 1939 г. в стране находилась германская военная миссия⁶⁷.

Накануне второй мировой войны жизненный уровень трудящихся в стране был крайне низок, подавляющая часть сельского населения оставалась неграмотной. В 1931 г. имелось всего 1,1 тыс. начальных школ (2016 учителей и 67 086 учащихся), а также 23 средних учебных заведения всех типов с 254 преподавателями⁶⁸.

В мае 1930 г. в Сальвадоре была проведена перепись населения, зарегистрировавшая 1 437 611 человек. Она показала, что Сальвадор по-прежнему оставался в основном сельской страной — в городах, имевших более 10 тыс. жителей каждый, проживало только 15,1% населения. В Сан-Сальвадоре с пригородами насчитывалось 96,5 тыс. жителей. На семью в среднем здесь приходилось 6,38 человек. Почти треть жителей столицы была неграмотна. По вероисповеданию 97% жителей были католиками, около 2% — приверженцами различных протестантских сект и менее 1% исповедовали иудейскую и мусульманскую религии⁶⁹.

В 1940 г. очередной переписи населения не было. Но в 1941 г. в Сальвадоре начал выходить «Статистический бюллетень», и тогда же были внесены коррективы в оценку численности населения страны, после которых была официально определена численность его в XX в.: 1900 г. — 783 433 человек; 1920 г. — 1 178 665; 1940 г. — 1 787 930 человек. Иначе говоря, за 40 лет население страны более чем удвоилось, хотя уже с начала века и особенно с 20-х годов все большее число сальвадорцев из-за нищеты и голода стало покидать родину и уходить в поисках лучшей доли в соседний, слабее заселенный Гондурас. Основной причиной столь высоких темпов прироста населения Сальвадора и в XX в. оставалась высокая рождаемость. Иммиграция была по-прежнему невелика⁷⁰.

Что касается антропологического состава населения, то для 1930 г. Р. Барон Кастро считает наиболее близкими к истине данные, приведенные в известном «Готском альманахе». В выпусках альманаха за 1930 и 1931 гг. указывалось, что 75% населения Сальвадора составляли метисы, или ладино, как стали называть большинство сальвадорцев смешанного происхождения, 20% — индейцы и 5% — «белые», а в выпусках за 1939 и 1940 гг. доля метисов выросла до 83%, «белых» до 9%, индейцев же — сократилась до 8%⁷¹. Показатели расового состава населения Сальвадора в последующие десятилетия, на наш взгляд, подтверждают близость этих данных к истине. Тем более, что и в XX в. продолжала неуклонно действовать все та же тенденция более быстрого абсолютного роста, а следовательно, и роста удельного веса метисного населения за счет индейского.

Если исходить из приведенных данных, то индейцев в 1940 г. насчитывалось 143 тыс., а «белых» — 160 тыс. Подавляющая часть последних состояла из потомков креолов и испанцев, оставшихся в стране после освобождения ее от колониального гнета, а также потомков иммигрантов XIX — начала XX в. Но имелось и определенное число иностранцев. По данным сальвадорского «Статистического ежегодника», в 1937 г. их было около 3,3 тыс. Более половины из них были европейцами (испанцы, итальянцы, немцы, французы, англичане, швейцарцы и др.), $\frac{1}{5}$ — так называемые «палестинцы», т. е. выходцы из арабских стран восточного Средиземноморья. 12% — латиноамериканцы, 7% — североамериканцы и т. д. (кроме того, около 6% иностранцев были китайцами) ⁷².

Поскольку иностранцев насчитывалось так мало, возникает вопрос — действительно ли доля «белого» населения, как следует из данных «Готского альманаха», с 1930 по 1940 г. выросла с 5% до 9%, т. е. — вдвое? И если это так, то — почему? К сожалению, ответ на этот вопрос может дать только специальное исследование, возможное лишь при ознакомлении с сальвадорскими статистическими материалами того времени, которыми мы не располагаем.

В XX в. продолжали развиваться национальные культура, искусство и литература, росло число научных исследований. В 1912 г. было основано Литературно-научное общество Сальвадора, а в 1925 г. — Сальвадорская академия истории. Возник также Институт индейских исследований.

Появилась целая серия монографий по истории Сальвадора с древнейших времен, истории отдельных городов и департаментов, по археологии, этнографии и фольклору, о деятельности вождей борьбы за независимость и виднейших сальвадорских государственных деятелей, работы по педагогике, языку, географии и праву, а также в области естественных и точных наук ⁷³.

В Сальвадоре имеется Академия изящных искусств со школами живописи, музыки, классического танца и театрального искусства. Среди наиболее крупных сальвадорских живописцев и скульпторов следует назвать Хосе Мехиа Видеса (1903—), вырезающего гравюры по дереву и рисующего индейцев и ладино; художника и писателя

С. Саласара Арруэ (1899—), известного своими пейзажами и картинами из крестьянской жизни, и др.⁷⁴

В первой половине XX в. сальвадорская литература пополнилась десятками новых имен поэтов и прозаиков, пишущих в разных жанрах и с различных классовых позиций. В начале века многие из них увлекались модернизмом, а в 20-х годах отдали дань «авангардизму». В то же время некоторые писатели создали произведения, реалистически изображающие сальвадорскую действительность, жизнь простого народа, в том числе индейцев⁷⁵. В частности, на русский язык были переведены роман Х. Мечина (псевдоним Х. М. Перальта-и-Лягоса) «Смерть Голубки или злключения корреспондента», а также сборник рассказов Ф. Эррера Веладо (1876—) «Кокосовое молоко».

* * *

К началу второй мировой войны,— т. е. спустя век после развала Центральноамериканской федерации и выхода Сальвадора на международную арену в качестве самостоятельного государства,— он все еще оставался аграрной страной. Крупнейшим по численности классом было крестьянство. Но в то же время и в городе и в деревне быстро росло число наемных рабочих. Заметно выросла также городская и сельская мелкая буржуазия. Появился довольно влиятельный слой национальной средней буржуазии — владельцы предприятий по первичной переработке сельскохозяйственного сырья, текстильных, швейных, коженно-обувных, пищевкусовых и других промышленных предприятий, скупщики сельскохозяйственной продукции и др. Правившая «кофейная аристократия» была тесно связана с банками и иностранным капиталом. И хотя пережитки феодального характера еще не были изжиты в аграрных отношениях, капиталистический способ производства утвердился во всех сферах хозяйства. Экономические и политические связи между отдельными районами стабилизировались, возник и развивался общенациональный рынок. На базе общности территории, языка и экономической жизни сложилась национальная культура.

Все это дает основание полагать, что к данному времени уже не только появилась, но и консолидировалась в основном сальвадорская нация. Как известно, в стра-

нах Америки — в отличие от большинства стран Старого света — большая часть народностей образовалась непосредственно в ходе развития капитализма. Это привело к сближению по времени двух процессов — образования народности и перерастания ее в буржуазную нацию. Результатом такого сближения этих важнейших стадий основных этнических процессов оказалось сохранение внутри сформировавшейся сальвадорской нации определенной, хотя и значительно меньшей, чем у соседних центральноамериканских государств, неоднородности ее расово-этнического состава. Наложили свой отпечаток на эту нацию зависимость от иностранного капитала и пережитки феодализма.

Национальное развитие в современном Сальвадоре

Вторая мировая война позволила американским монополиям овладеть почти всей внешней торговлей Сальвадора, вытеснить оттуда своих английских и германских конкурентов и добиться безраздельного господства над его экономикой. США стали основным рынком сбыта для Сальвадора и почти единственным поставщиком ему промышленных изделий. В 1950 г. на долю США приходилось 86% сальвадорского экспорта и 67% импорта.

Между тем давно нараставшее недовольство диктатурой Эрнандеса Мартинеса вылилось в 1944 г. в восстание части армии, поддержанной народом. Оно было подавлено, но вспыхнувшая затем всеобщая политическая забастовка свергла диктатуру: Летом 1944 г. состоялся 2-й съезд Компартии Сальвадора. Возник новый национальный профцентр — «Национальный союз трудящихся». Однако народ не был организован, и этим воспользовалась олигархия, чтобы снова поставить у власти своих людей.

Тем не менее под нажимом народных масс в 1950 г. была принята новая конституция, впервые давшая избирательное право женщинам и декларирующая демократические свободы и гражданские права для всех сальвадорцев независимо от национальности, пола, расы и религиозных взглядов (ст. 22, 150, 183, 192 и др.)⁷⁶. Но практически сельское индейское население по-прежнему оставалось на низшей ступени социальной лестницы. Стоявшие у власти в 50-х годах правительства так назы-

ваемой Революционной партии демократического обновления проводили политику сочетания социальной демагогии и отдельных уступок трудящимся с репрессиями против рабочего движения и демократических сил. В то же время были приняты законы, облегчившие приток иностранного капитала, заключены соглашения с США о финансовой и технической «помощи». Во внешней политике Сальвадор послушно следовал курсу США, американские «советники» контролировали его вооруженные силы.

Недовольство народных масс и рост оппозиции политике правительства Х. М. Лемуса (1956—1960) привели к образованию «Национального фронта гражданской ориентации», включавшего рабочих, крестьян, студентов, интеллигенцию, мелкую и среднюю буржуазию. В октябре 1960 г. в результате бескровного переворота у власти при поддержке Национального фронта стала военно-гражданская хунта, восстановившая демократические свободы, обещавшая разрешить деятельность всех партий и профсоюзов, провести демократические реформы.

Однако вскоре Национальный фронт раскололся: его правое крыло выступило против демократических сил. В январе 1961 г. под фактическим руководством военной миссии США был совершен новый государственный переворот — 127-й по счету военный мятеж за бурную политическую историю независимого Сальвадора. В стране вновь воцарилась военно-полицейская диктатура. Был принят закон о так называемой «подрывной деятельности», в тюрьмы и концлагери брошены сотни коммунистов, лидеров студенческих организаций, профсоюзов. Правительства генералов Х. А. Риверы и Ф. Санчеса Эрнандеса еще шире распахнули двери для американских монополий. Став членом Организации стран Центральной Америки и Совета обороны стран Центральной Америки, Сальвадор поддерживал все мероприятия США, направленные против революционной Кубы и освободительного движения народов Центральной Америки.

Во второй половине 60-х годов правительство Санчеса Эрнандеса, напуганное ростом рабочего и студенческого движения, развернуло кампанию репрессий и террора. Летом 1969 г. правящие круги Сальвадора развязали войну с Гондурасом и воспользовались военным конфликтом для создания в стране обстановки националистической и шовинистической истерии.

Тем не менее боевой дух и организованность трудящихся Сальвадора растут, все большую популярность у них завоевывают Коммунистическая партия, Революционная партия «Абриль и Майо» (созданная в 1944 г. и стоящая на антиимпериалистических позициях), Союз сальвадорских женщин, Авангард сальвадорской молодежи, студенческие революционные организации, Компартия и другие демократические организации борются за создание демократического фронта национального освобождения, против господства иностранного империализма и местной олигархии.

Разгром фашизма и победа свободолюбивых народов во второй мировой войне, крах колониальной системы империализма и возникновение на ее развалинах молодых национальных государств в Азии и Африке, наконец, победа народной революции на Кубе — все это явилось мощным толчком для развития демократического и антиимпериалистического движения в Сальвадоре. «Кастро — в фокусе всех страстей,— писал в главе о Сальвадоре автор изданной в 1962 г. в Лондоне книги о поездке по странам Центральной Америки.— Даже крестьяне здесь знают о том, что он дал кубинским крестьянам землю, дома и больше возможностей в жизни»⁷⁷. Развернувшееся в Сальвадоре в послевоенный период рабочее и общедемократическое, антиимпериалистическое движение, создание политических партий и общественных организаций левого направления отражали новый этап развития национального самосознания и активизировали процесс консолидации сальвадорской нации.

В послевоенные десятилетия в Сальвадоре происходило ускоренное, хотя и деформированное сохранявшимися пережитками феодализма развитие капитализма. Оно сопровождалось активным проникновением в экономику североамериканского капитала. Общая сумма американских капиталовложений в Сальвадоре, включая займы, в середине 60-х годов превышала 100 млн. долларов⁷⁸. Но в отличие от других республик Центральной Америки, где производство основных экспортных культур монополизировал иностранный капитал, в Сальвадоре плантации, производство и экспорт кофе, как уже отмечалось, находятся в руках «кафеталерос» — местной крупной аграрной буржуазии. Рост цен на кофе в 1940—1950-х годах привел к довольно быстрому накоплению у нее капита-

лов, вкладывавшихся затем в производство не только кофе, но и сахара, и особенно хлопка. С 1950 по 1962 г. производство хлопка выросло в 10 раз. Это обстоятельство также в немалой степени способствовало развитию капитализма и пролетаризации сельских масс, ибо культура хлопчатника требует значительных вложений капитала и «расширяет капиталистическую аренду земли»⁷⁹.

Аккумуляция и концентрация капитала в руках олигархии — связанных с иностранными монополиями крупных землевладельцев и одновременно экспортеров кофе и хлопка и импортеров промышленных товаров для снабжения внутреннего рынка — дала этой группе возможность вкладывать крупные средства в строительство промышленных предприятий. Они смогли также благодаря этому организовать банковскую систему и поставить ее под свой контроль.

Резко усилился процесс концентрации земельной собственности, обезземеливания и пролетаризации крестьянства. В 1961 г. на долю 105,7 тыс. хозяйств бедняков (площадью до 1 га), составлявших 47,1% всех хозяйств, приходилось лишь 0,5% обрабатываемой земли. В то же время 2 тыс. крупнейших землевладельцев, или менее 1% всех хозяйств, владели более 46% всей пригодной для обработки земли⁸⁰. Если же учесть, что многие крупные землевладельцы владеют двумя-тремя хозяйствами, то, как отмечалось в проекте программы КПС, «не более тысячи крупных землевладельцев являются хозяевами двух третей национальной сельскохозяйственной территории»⁸¹. Все большая часть бедняков и членов их семей вливается в ряды сельскохозяйственного пролетариата. Только с 1951 по 1961 г. численность его выросла более чем в 1,5 раза — со 194 до 306 тыс. В 60-х годах этот процесс еще более усилился⁸².

В валовом национальном продукте доля сельского хозяйства сократилась с 50,6% в 1950 г. до 25,5% в 1969 г., но в нем еще занято почти $\frac{3}{5}$ самостоятельного населения, и оно все еще доминирует в экономике. В то же время доля промышленности в валовом национальном продукте выросла за это же время с 4,5% до 19,6%. Среднегодовые темпы промышленного развития здесь были в 60-х годах значительно выше, чем в остальных центральноамериканских странах. В 1965 г. в Сальвадоре насчитывалось 4,5 тыс. промышленных предприятий всех

типов. В 1968 г. предприятий, использовавших труд наемных рабочих, было 1168. Однако половина их имела менее двадцати рабочих и только на 63 предприятиях работало по сто и более рабочих⁸³.

Среди крупных предприятий имеются несколько гидроэлектростанций, заводы электростали, прокатный, кабельный, автосборочный, асбоцементный, нефтеперегонный, химические, электротехнические, заводы по производству цементных труб, текстильные фабрики. Выделяются четыре промышленных района — Сан-Сальвадора, Санта-Аны, Сан-Мигеля и Акахутлы.

Некоторые крупные предприятия являются «смешанными», т. е. созданными иностранными фирмами с участием иностранного капитала, но под сальвадорской вывеской. Сальвадорская буржуазия получила в результате этого преимущества в Центральноамериканском общем рынке, и доля Сальвадора в межзональной торговле на этом рынке (в 1967 г. — 35%) была больше доли Гондураса, Коста-Рики и Никарагуа, вместе взятых⁸⁴.

В 1968 г. промышленные изделия составили уже 25% экспорта Сальвадора⁸⁵, и если в США, ФРГ, Японию он вывозит сельскохозяйственные товары, то в центральноамериканские страны — нефтепродукты, текстильные изделия, химикалии, удобрения и другие промышленные товары.

Таким образом в настоящее время Сальвадор стал наиболее развитой в промышленном отношении и наиболее «капиталистической» страной среди аграрных стран Центральной Америки, за что журналисты иногда называют его «центральноамериканским Руром».

К 1969 г. численность населения Сальвадора достигла примерно 3390 тыс. человек. С начала нашего века оно увеличилось более, чем в четыре раза. Средняя плотность населения в 1969 г. составляла 158 человек на 1 кв. км и была максимальной на американском континенте (на плоскогорье, где расположено большинство населенных пунктов, она достигла 180 чел. на 1 кв. км)⁸⁶.

Но, кроме того, большое число сальвадорцев издавна проживает за пределами страны. Так, по сообщению сальвадорского посланника в Гондурасе, там уже в конце 30-х годов насчитывалось от 25 до 30 тыс. сальвадорцев. По некоторым данным, в 1965 г. там проживало более 100 тыс. сальвадорских граждан⁸⁷.

По территории Гондурас в пять раз больше Сальвадора, а население его меньше сальвадорского. Плотность населения в Сальвадоре в семь раз большая. Используя это обстоятельство, сальвадорская олигархия давно уже проводила политику «мирного захвата» чужих земель, поощряя переселение своего «избыточного населения» — прежде всего тысяч безземельных крестьян в Гондурас. В 1967 г. Сальвадор даже заключил с последним договор, по которому туда могли ежегодно переезжать на жительство 2 тыс. сальвадорцев. Но постепенно это начало вызывать недовольство гондурасцев, среди которых многие также не имели ни земли, ни работы. Вопрос обострился в конце 1968 г., когда гондурасское правительство начало осуществлять давно обещанную аграрную реформу — наделение землей безземельных и малоземельных крестьян. Вот тут-то и выяснилось, что к этому времени в Гондурас «перекочевало» до 300 тыс. «гуанакос» (как называют в Центральной Америке сальвадорцев), из которых документы о гондурасском гражданстве, а следовательно, и право на получение земли имеют лишь 50 тыс., а остальные 250 тыс. живут в стране незаконно⁸⁸. Летом 1969 г. отношения между двумя странами обострились настолько, что привели сначала к бегству многих тысяч сальвадорцев из Гондураса, а затем к войне.

Среднегодовые темпы роста населения в Сальвадоре в 60-х годах составляли, по разным источникам, от 3,3% до 3,7%, что вдвое превышало общемировой показатель. Сальвадорцы — молодая нация: 45% их были в 1961 г. моложе 15 лет. Городское население росло быстрее, чем сельское, и тем не менее по темпам роста городского населения Сальвадор — на последнем месте в Центральной Америке. Между тем по темпам роста сельского населения он уступает лишь Коста-Рике. Это связано с более медленной, чем в других латиноамериканских странах миграцией сельского населения в города и, возможно, с оттоком его в Гондурас. По данным за 1961 г., в городах проживало 39% населения. В Сан-Сальвадоре в 1967 г. насчитывалось 305 тыс. (с пригородами — 373 тыс.) жителей, в Санта-Ана — 146 тыс., в Сан-Мигеле — 95 тыс.⁸⁹

Социальная структура населения достаточна пестра. Самым многочисленным классом является пролетариат.

Доля лиц наемного труда в самостоятельном населении выросла с 55% в 1950 г. до 67% в 1961 г. и продолжала расти в 60-х годах. По переписи 1961 г., среди 806,6 тыс. человек самостоятельного населения насчитывалось 540 тыс. наемных работников. Из них 305,6 тыс. были сельскохозяйственными рабочими, занятыми на различных плантациях, в асьендах, животноводстве и т. д. В середине 60-х годов их было уже 344,3 тыс., в том числе 48,4 тыс. постоянных и 295,9 тыс. сезонных рабочих. В связи с тем, что промышленность не в состоянии предоставить необходимое число мест для безземельных крестьян, они вынуждены продавать свою рабочую силу гораздо ниже стоимости и в деревне постоянно существует безработица⁹⁰.

В городах среди 235 тыс. наемных работников (в основном — ладино) в 1961 г. насчитывалось около 150 тыс. рабочих фабрично-заводских и ремесленных предприятий, а также рабочих, занятых в строительстве, транспорте и связи, коммунальном хозяйстве. Промышленный пролетариат в середине 60-х годов составлял более 100 тыс. человек⁹¹.

Второй по численности класс составляют крестьяне. Он делится на крестьян собственников земли, обрабатывающих свои участки без найма рабочей силы или с помощью членов семьи, и на крестьян арендаторов. Крестьян собственников насчитывалось в 1961 г. — 111 тыс., и помогавших им членов семей — 58,9 тыс. В том же году 81,4 тыс. хозяйств велись издольщиками и 54,8 тыс. хозяйств — колонами⁹². Можно предположить, что именно к двум последним категориям относится большая часть сохранившегося еще индейского населения.

Городские средние слои, или городская мелкая буржуазия, в 1961 г. включала 63,5 тыс. хозяев разного рода мелких заведений (в том числе 28,5 тыс. хозяев мастерских, 27,9 тыс. мелких торговцев, 7,1 тыс. занятых в транспорте и сфере обслуживания) и 5,2 тыс. помогавших им членов семей. Кроме того, к этому же классу следует отнести мелких домовладельцев, часть служащих и чиновников, лиц свободных профессий и часть специалистов. В целом же следует отметить, что доля сельских и городских мелких собственников и ремесленников в самостоятельном населении сократилась с 25,6% в 1950 г. до 21,7% в 1961 г. и эта тенденция продолжала действо-

вать в 60-х годах, свидетельствуя о постепенно растущей классовой поляризации населения, столь характерной для буржуазных наций⁹³.

Об этом же свидетельствует и сокращение с 2,8% в 1950 г. до 1,8% в 1961 г. доли «нанимателей» в самодеятельном населении. Классы капиталистов и помещиков сократились и абсолютно — с 18,3 тыс. до 15,1 тыс. человек. В частности, в сельском хозяйстве в 1961 г. насчитывалось около 9 тыс. «нанимателей»⁹⁴. По-видимому, примерно две трети из них относились к богатым крестьянам. Остальные в большинстве своем были владельцами асенд, средних плантаций хлопчатника и кофе.

Латифундисты, банкиры и коммерсанты-оптовики в Сальвадоре, как уже отмечалось, часто выступают в одном лице, образуя местную олигархию. В 1961 г. 1,8 тыс. крупных хозяйств (1,2% всех хозяйств), располагали половиной (49,9%) всей земли. Среди крупных землевладельцев, однако, выделяются три десятка семей, владеющих свыше 1 тыс. га каждая, а вместе — 8% всей земли. Если не считать нескольких иностранных по своему происхождению семей (Райт, Дейнингер, Дальтон, Пекорини и др.), то почти все они — представители старой креольской землевладельческой верхушки Сальвадора. Возглавляет перечень крупнейших землевладельцев семья Дуэньяс, владеющая 22,5 тыс. га.⁹⁵ Большинство этих семей давно уже вложили свои капиталы в банки, оптовую торговлю и промышленность. Вот эта горстка мультимиллионеров, монополизировавших землю, внешнюю и оптовую внутреннюю торговлю, финансы и крупную промышленность, как раз и является теми, кого в Сальвадоре называют «грандами». Контроль над банковской системой позволяет им контролировать финансовые ресурсы страны и оказывать решающее влияние на ее экономическую и политическую жизнь.

Из рядов олигархии выходит большинство руководящих государственных деятелей, с ней тесно связаны высшее духовенство и верхушка военных. Хотя армия в Сальвадоре не превышает 5—6 тыс. человек, высшее офицерство довольно многочисленно. Многие из руководителей армии обучались в США и являются одной из опор американского влияния в стране. С помощью военной касты олигархия четыре последних десятилетия правила стра-

ной. Однако мятеж, вспыхнувший 25 марта 1972 г. в армии, показал, что положение изменилось.

Новый этап в развитии национального сознания сальвадорцев, наметившийся в послевоенный период, непосредственно связан с важными сдвигами в классовой структуре населения и в том числе — с ростом роли и значения в политической, общественной и культурной жизни страны мелкой и средней буржуазии. Именно из ее рядов вышла в 40—60-х годах большая часть сальвадорской интеллигенции, а также младшего и среднего офицерства. Этому кругу людей близки общедемократические и национально-патриотические идеалы. На них не могли поэтому не оказать влияния успехи антиимпериалистической борьбы народов Азии, Африки и особенно Латинской Америки. Пример Перу и Панамы, где антиимпериалистически настроенные офицеры взяли власть в свои руки и при поддержке народа повели борьбу в защиту национальных интересов, за подлинный национальный суверенитет, нашел отклик и в сальвадорской армии. В марте 1972 г. часть ее во главе с полковником Б. Мехиа и майором А. Х. Асаар выступила против проимпериалистического режима в стране. Повстанцы потерпели поражение, но само их выступление свидетельствует об усилении национально-патриотических настроений в офицерском корпусе.

По третьей национальной переписи 1961 г., население Сальвадора составляло 2511 тыс. человек. Из них в городах проживало 38,5%, в том числе в городах с числом жителей более 10 тыс. — 22% всех сальвадорцев. С 1950 по 1961 г. сельское население выросло на 31%, а городское — на 43%. Это обстоятельство наряду с сокращением за 11 лет удельного веса городов с числом жителей менее 5 тыс. свидетельствует о том, что миграция населения происходит не только из сельской местности, но и из мелких городов в крупные. В 1961 г. треть всего городского населения приходилась на долю трех городов — Сан-Сальвадора, Санта-Ана и Сан-Мигеля⁹⁶. В 1971 г. население Сальвадора составляло 3549,3 тыс. человек.

Основной социальной ячейкой является семья, причем среди трудящихся широко распространён фактический брак. По переписи 1961 г., 28,5% сальвадорцев состояли в официально оформленном, а 24,1% — в фактическом браке. В сельской местности, где родственники несколь-

ких поколений обычно живут вместе и ведут общее хозяйство, такой брак обычно бывает стабильным. Здесь не редкость семьи в 10—12 человек (в 1961 г. они составляли 14% всего сельского населения). В городах положение иное, и среди ряда социальных факторов, способствующих развалу семей, немалую роль играют безработица, нищета и огромное потребление алкогольных напитков. Хотя треть всех семей, насчитывающих 10 и более человек, приходилась в 1961 г. на долю городов, средний размер городской семьи составлял 5—6 человек⁹⁷.

В Сальвадоре многие десятки тысяч незамужних одиноких матерей. Это обусловило растущее число работающих женщин. Среди сиделок и санитарок их 99%, большинство учителей, служащих магазинов и предприятий сферы обслуживания — женщины. В 1961 г. они составляли $\frac{2}{3}$ всех занятых в сфере услуг и $\frac{1}{3}$ — в промышленности (особенно в текстильной и швейной)⁹⁸.

В 1961 г. числились в составе самодельного населения и работали в разных отраслях хозяйства 55 тыс. детей в возрасте до 15 лет⁹⁹.

Конституция установила 8-часовой рабочий день, но сельскохозяйственные рабочие нередко вынуждены работать по 14—16 часов в сутки без дополнительной оплаты. Средний заработок их не превышает 100 долларов в год, причем часть его они получают натурой. Социального обеспечения в деревне нет, а организация профсоюзов запрещена. В городах социальным обеспечением охвачено 7%, а профсоюзами — лишь 4% трудящихся. Безработицей постоянно поражено до 10% (а в столице и больше) самодельного населения¹⁰⁰.

По официальным данным, в 1967 г. в стране не хватало 172,5 тыс. жилищ. Даже министерство здравоохранения вынуждено было признать, что «положение с сельскими жилищами является плохим: они лишены питьевой воды и канализации... Пол там — земляной, крыша — из соломы. Менее 5% жилищ имеют санитарные удобства»¹⁰¹. И прежде всего эта характеристика относится к жилищам, в которых до сих пор живет большинство сельского индейского населения. Обычно хижина индейской семьи состоит из одной или двух комнат. Обстановка ее весьма проста: петате — циновка, на день скатывающаяся и хранящаяся на стропилах, либо примитивная кровать с циновкой (в качестве матраса) на кожаных

ремнях и яркой цветной хлопчатобумажной простыней; скамья или стул; в углу — стол или алтарь с изображением святого среди бумажных цветов. Другой угол иногда используется в качестве кухни — здесь находятся очаг, большая корзина для кукурузы, метате — выдолбленный камень для перемалывания (причем у индейцев он устроен иначе, чем у ладино), на котором готовится все то, что придает вкус пище — перец чили, помидоры, какао и т. д.

В городах трудящиеся живут либо в маленьких домиках на окраинах, либо в больших переуплотненных бараках — «месонес», лишенных элементарных санитарных удобств и часто являющихся очагами не только нищеты, но и алкоголизма, проституции. «Социальное расслоение носит ужасающий характер... — писал в середине 60-х годов западногерманский журналист. — В нескольких шагах от современных столичных улиц расположены кварталы нищеты: грязные, кривые улочки, ветхие лачуги, битком набитые людьми, одетыми в лохмотья. Нередко на обочинах улиц можно увидеть грудных детей, лежащих вместо колыбели в картонных коробках. Их матери в это время где-то тщетно пытаются заработать несколько монет»¹⁰².

Уровень потребления трудящихся крайне низок даже по сравнению с другими странами Латинской Америки. Рабочие и крестьяне редко видят мясо, животные жиры, молоко и яйца. Работник Международной организации труда при ООН Маргерит Сиберт в своем исследовании о Сальвадоре писала в этой связи: «Дневной рацион, который по традиции предоставляют сельскохозяйственным рабочим (и только им, а не их семьям), состоит из пяти плотных кукурузных лепешек, покрытых пригоршней черных бобов (все холодное), и маленькой порции соли. С точки зрения социальной невозможно представить себе, чтобы эта однообразная и трудно усваиваемая пища могла составлять рацион человеческих существ. С точки зрения психологической трудно поверить, чтобы такое питание могло способствовать полному развитию личности... С точки зрения качества такое традиционно закрепленное однообразие приближает человеческое питание к фуражу»¹⁰³. К концу 60-х годов Сальвадор занимал одно из последних мест в мире по количеству потребляемых калорий на душу населения.

Нищета, отсталость, систематическое недоедание привели к распространению среди населения туберкулеза, авитаминоза и желудочно-кишечных заболеваний. В конце 60-х годов смертность составляла 11,4 на 1 тысячу жителей, средняя продолжительность жизни — 56 лет. Во второй половине 60-х годов один врач приходился на 3,5 тыс. жителей, одна медсестра — на 1,2 тыс. жителей, одна больничная койка — на 500 жителей. Но большая часть медперсонала и больниц сконцентрирована в столице и крупных городах, сельская же местность почти лишена медицинского обслуживания¹⁰⁴

Хотя уровень грамотности населения за последние десятилетия повысился, в 1968 г. 27% сальвадорцев в возрасте 15 лет и старше в городах и 64% в деревне все еще не умели ни читать, ни писать. По конституции (ст. 199) начальное образование в Сальвадоре давно уже бесплатно и обязательно. Но практически большинство детей школьного возраста (в 1961 г. — 71%), особенно среди сельского индейского населения, школу не посещают, либо почти не посещают. По переписи 1961 г., 57% сальвадорцев в возрасте 6 лет и старше не имели никакого образования, 37,2% — имели начальное, 4,4% — среднее, 0,3% — высшее и неполное высшее образование. В Национальном университете обучается более 4 тыс. студентов, в основном выходцев из имущих классов и средних слоев. Попытка ректора университета, посетившего в 1964 г. СССР, установить научное сотрудничество с Московским университетом была расценена властями, как способствующая «проникновению в страну коммунизма». В столице имеются также Сельскохозяйственный университет, Национальный институт им. ген. Ф. Менендеса, Католический университет, школа социальной службы и Высшая нормальная школа, выпускающая учителей разных специальностей¹⁰⁵.

Вместе с проникновением американского капитала растет идеологическое влияние американского империализма. Оно осуществляется через проимпериалистическую прессу, кинофильмы, радио. Но в последние годы — по мере роста национального самосознания — в сальвадорской прессе, на радио и телевидении (в Сальвадоре 21 радиостанция и 2 телевизионных станции, охватывающих всю его территорию) все громче звучит голос патриотических сил, выступающих за подлинную независимость страны.

В сальвадорской литературе после второй мировой войны стал модным экзистенциализм, и ряд писателей отдали дань этому увлечению. В стране, где церковь в 60-х годах XX в. запрещала чтение книг Виктора Гюго и даже Александра Дюма, где низкий уровень жизни и неграмотность почти половины населения тормозят развитие культуры, судьба писателя нелегка. Тем не менее, несмотря на репрессии и жестокую цензуру, некоторые писатели создали реалистические, остро социальные произведения. Так, М. А. Эспино в романе «Люди и смерть» (1947) разоблачает экспансию империализма США; роман Р. Веласкеса «В неоновой сельве» (1956) рисует образ коммуниста-борца; этнограф и лингвист К. А. Кастро в романе «Настоящие мужчины» (1959) пишет об эксплуатации индейцев, а Ф. Мачон Виланова в романе «Красная волна» — о народном восстании 1932 г. Социальную поэзию послевоенного периода наиболее ярко представлял О. Эскобар Веладо (1919—1961) ¹⁰⁶.

В пятидесятых — шестидесятых годах появилась группа молодых прозаиков, поэтов, художников, музыкантов реалистического направления и патриотических, прогрессивных взглядов ¹⁰⁷.

В послевоенный период были опубликованы новые работы сальвадорских исследователей по истории, этнографии и социологии, экономике и географии Сальвадора, в том числе работы, в которых авторы рассматривают или пытаются рассматривать важнейшие проблемы исторического и социального развития своей страны, а также свободолюбивые традиции и освободительное движение своего народа против колониализма и империализма с марксистских позиций ¹⁰⁸.

«В последние годы,— пишет в этой связи Р. Дальтон,— выявилась важность изучения истории Сальвадора, начиная с доиспанских времен. Сальвадорские революционные организации включили изучение ее в качестве важной задачи своей политической деятельности, чтобы подчеркнуть значение национальной проблемы и создания традиций в разных аспектах борьбы за подлинную независимость родины» ¹⁰⁹.

В сальвадорских цензах нет данных о расовой и этнической принадлежности граждан. Авторы монографии «Численность и расселение народов мира» считали, что

в 1959 г. индейцы составляли 13,8% населения Сальвадора, а иностранцы — 0,8% ¹¹⁰. В работах западно-германских и английских авторов в 60-х годах доля индейцев определялась в пределах от 5 до 10% ¹¹¹. Сальвадорец Р. Далтон отмечает в своей монографии, что уже в 1947 г. индейцы составляли лишь 5,6%, а «белые» — 2,1% населения страны. Этнограф американка Л. Йонг Осборн писала, что в 1955 г. доля индейцев в населении Сальвадора не превышала 3% ¹¹².

Что касается вопроса о «белом» населении, то следует иметь в виду условность этого термина для современного Сальвадора, ибо значительное число креолов, хотя и считались «белыми», в действительности еще с колониальных времен имели примесь индейской, а иногда негритянской крови. С другой стороны, термин ладино уже значительное время используется в Сальвадоре скорее как этно-культурный определитель и применяется отнюдь не только к потомку белого и индейца. «Общее название ладино,— пишет об этом Л. Йонг Осборн,— применяется к потомкам негра и белого так же, как и к потомкам индейца и белого..., слово ладино ошибочно применяется также ко всем тем белым, которых следовало бы называть креолами. Термин ладино по существу применяется к лицам, имеющим от 80 до 90% других расовых примесей с индейцами» ¹¹³.

По конституции, сальвадорец считается гражданином страны по рождению либо по натурализации. И если рожденный в Сальвадоре человек не был зарегистрирован родителями в качестве подданного другой страны, то он автоматически признается сальвадорцем. Поэтому по официальной статистике число лиц других национальностей в стране очень невелико. В частности, в 1961 г. там проживало приблизительно 10 тыс. гондурасцев; 3,4 тыс. гватемальцев; по 1 тыс.— североамериканцев и никарагуанцев; по 0,5 тыс.— испанцев, мексиканцев, костариканцев, итальянцев, немцев, арабов (из Египта, Ливана и Палестины); 0,3 тыс. китайцев; 0,2 тыс. евреев; по 0,1 тыс.— кубинцев, панамцев, колумбийцев, корейцев, французов, англичан, швейцарцев. Около двух третей иностранцев в 1961 г. проживали в городах, треть — в основном гондурасцы и гватемальцы — в сельской местности. Почти половина всех иностранцев приходилась на столичный департамент ¹¹⁴.

Большинство китайцев живут в маленьких городах и занимаются торговлей. Арабы также занимаются торговлей, но ассимилируются быстрее китайцев. Большая часть североамериканцев и англичан находится в стране временно.

Чистокровных потомков негров колониальных времен, или, как их теперь называют, морено, в Сальвадоре почти нет, а мулаты влились в состав ладино ¹¹⁵.

Что касается индейского населения, то рост в последние десятилетия экономики и сети школ так же, как пресса, кино, радио и телевидение, еще больше ускорили его ассимиляцию. Поэтому нам представляются более близкими к истине данные, приведенные Р. Дальтоном, западногерманскими авторами и Л. Йонг Осборн. Они согласуются и с замечанием Л. Хименес (в ее монографии) о том, что «так называемой «индейской проблемы» в Сальвадоре не существует, ибо в результате длительного процесса метисации индейцы почти целиком смешались с белыми» ¹¹⁶.

Р. Дальтон пишет об этом: «С экономической точки зрения бедные индейцы, сохранившиеся в Сальвадоре, не представляют особого сектора среди беднейшей части крестьян-метисов. Только с точки зрения социальной антропологии (т. е. этнографии. — Э. Н.) мы могли бы их выделить в этом отношении. Индейцы Сальвадора подвергаются такой же чудовищной эксплуатации и живут в таких же нечеловеческих условиях, как и остальное сельское и пригородное население. Поэтому в Сальвадоре не существует особой индейской проблемы со своими специфическими требованиями» ¹¹⁷.

Какова же численность современного индейского населения и что оно представляет собой в этническом плане? По оценке Р. Дальтона, в 1947 г. индейцев в Сальвадоре было более 100 тыс., по оценке Л. Йонг Осборн, в 1955 г. их было менее 70 тыс. ¹¹⁸

Сальвадорские авторы отмечали, что поглощение индейцев ленка и мелких этнических групп пипилями началось еще до прихода испанцев. Оно продолжалось в колониальный период и шло особенно активно во второй половине XIX и в XX в. в связи с развитием капиталистических отношений, складыванием национального рынка и связанным с этими процессами ростом миграций (переселением индейцев из западных департаментов в

менее населенную в XIX в. восточную зону и сезонных) индейского населения. В результате в Сальвадоре не осталось замкнутых в экономическом и культурном отношениях индейских общин, таких как, например, в Гватемале. По мнению одного из авторов, занимавшихся проблемами Сальвадора, «современные индейцы — смесь различных индейских народов, заселявших страну в первые два периода ее истории»¹¹⁹ (имеются в виду доколумбов и колониальный периоды. — Э. Н.).

Кроме того, поскольку в Сальвадоре индейцы давно уже живут среди испаноязычного населения, тесно связаны с ним в хозяйственном и культурном отношении, то почти все они переняли методы ведения хозяйства, одежду, образ жизни и манеры ладино. Лишь в нескольких районах страны существуют еще небольшие ареалы и отдельные населенные пункты, где индейцы пипилей сохраняют хотя бы часть своих обычаев и традиций, остатки языка, одежду, ремесла. Это, прежде всего, — треугольник Исалько, Науисалько, Сонсонате в департаменте Сонсонате, Панчималько в департаменте Сан-Сальвадор, Ноноалько в департаменте Ла-Пас, Теотепек в департаменте Ла-Либертад и поселения на Бальзамовом берегу. И только в поселке Сесори, в департаменте Сан-Мигель, рядом с индейцами, происходящими от пипилей, имелась еще в 50-х годах очень небольшая группа индейцев ленка, которая была почти незатронута процессом метисации¹²⁰. Община Панчималько в те же годы была объектом этнографического и социологического обследования, проведенного под руководством А. Д. Маррокина из Национального университета, но его книга об этом в библиотеках СССР отсутствует.

Исалько, насчитывающий более 8 тыс. жителей, был еще в колониальные времена разделен королевским декретом на две деревни — Долорес-Исалько и Асунсьон-Исалько. Первую из них, отделенную речушкой, стали заселять метисы, вторая осталась типичным индейским поселением с хижинами, крытыми листьями, своим индейским старостой и судом. Индейцы тут еще говорят на нахуатль, но уже смешанном с испанским, сохраняют свои костюмы, занимаются по традиции ткачеством, плетением из пальмовых листьев шляп (лучших в стране), изготовлением и украшением сосудов из тыквы. Именно здесь был один из очагов народного восстания 1932 г. Индейцы

из Науисалько славятся плетением корзин и циновок, индейцы Панчималько — ткачеством и своеобразной керамикой, а индейцы ленка из района Сан-Мигеля — плетеными изделиями из абаки и хенекена. У индейцев Сальвадора сохранились локальные различия в жилище, пище, одежде и т. п. Что же касается языка, то на чистом нахуатль в 50-х годах говорили лишь индейцы, жившие на Бальзамовом берегу и в ряде поселений на горных склонах или у моря ¹²¹.

В предместье г. Сонсонате — Мехиканос и в одноименном городке в окрестностях Сан-Сальвадора живут ассимилировавшиеся потомки индейцев тлашкальтеков, пришедших из Мексики с Педро де Альварардо, причем в первом Мехиканос хранится копьё, а во втором — меч, по преданию подаренные Альварардо своим индейским союзникам за их верность ¹²².

Среди индейцев, и вообще в деревне, католическое духовенство еще пользуется значительным влиянием. В ряде мест оно создало из крестьян вооруженные отряды «кабальерос дель кристо рей», используемые в реакционных целях. В последние годы в сельских районах возросло также влияние сект мормонов, свидетелей Иеговы и др. Однако в городах трудящиеся массы выходят из-под влияния церкви ¹²³.

* * *

Подводя итоги, можно сказать, что в настоящее время этнический облик Сальвадора уже вполне определился. Процесс биологической метисации, несомненно, будет продолжаться. Однако практически, несмотря на то, что процесс такого смешения происходит уже 4,5 века, метисы Сальвадора пока еще по внешнему облику, как правило, больше приближаются либо к «белым», либо к индейцам. Это происходит благодаря существованию в «чистом виде» обеих последних групп, которые постоянно осуществляют новые смешения и этим продолжают оказывать влияние на состав метисного населения. Кроме того, биогенетический аспект переплетается с социальным и более частыми являются браки белых или индейцев с теми метисами, которые ближе к белым же или индейцам, но не индейцев с белыми или наоборот. Наконец, многие браки заключаются внутри своей группы, что также, по-видимому, предопределяет длительное существование антропо-

логических различий внутри сальвадорской нации. В условиях капитализма социальные факторы неизбежно будут этому способствовать и далее.

В настоящее время ладино составляют более девяти десятых населения, т. е. подавляющее большинство сальвадорцев. По-видимому, процесс консолидации сальвадорской буржуазной нации зашел уже достаточно далеко. Она обладает территориальным, экономическим, языковым, культурным и этническим единством, а также отчетливо выраженным национальным самосознанием, усилившимся еще более в процессе борьбы против империализма США, за подлинную национальную независимость. Не случайно Л. Йонг Осборн заметила, говоря о сальвадорцах, что «они, возможно, даже более патриотичны, чем другие народы этого континента»¹²⁴.

Оставляя это замечание на ее совести, следует, однако, подчеркнуть другое обстоятельство: то, что в связи с очень малым ввозом негров-рабов в XVI—XVII вв. и ничтожной иммиграцией в XIX—XX вв., пожалуй, ни одна испаноязычная страна Америки не достигла столь высокой степени слияния индейских и европейских элементов населения именно за счет европейцев испанского происхождения. Поэтому сальвадорцы, вероятно, имеют особые основания считаться типично «испаноамериканской» нацией, ибо это обусловлено не только особенностями их психического склада и национального самосознания, но еще и корнями их происхождения.

¹ См.: Э. Л. Нурбуге. Сальвадор. М., 1953, стр. 4—11.

² R. Barón Castro. La población de El Salvador. Madrid, 1942, p. 87—88.

³ О социальном строе и культуре майя существует обширная литература и останавливаться на этом вопросе в данной главе нет необходимости. См.: «Народы Америки», т. II. М., 1959.

⁴ L. de Jongh Osborne. Four keys to El Salvador. New York, 1956, p. 8—11; L. Jiménez. Imagen socio-política de El Salvador. México, 1966, p. 34; R. Barón Castro. Op. cit., p. 77—81.

⁵ Крупнейший исследователь языка индейцев Центральной Америки Вальтер Леманн отнес предков современного индейского населения района Исалько (департамент Сонсонате) к самой архаичной группе нахуа. См.: W. Lehmann. Zentral-America. Die Sprachen Zentral Americas, t. 1. Berlin, 1920, p. 1021—1022.

⁶ R. Barón Castro. Op. cit., p. 89—91.

⁷ S. Barberena. Historia de El Salvador, t. 1. San Salvador, 1914, p. 225; R. Barón Castro. Op. cit., p. 96, 98.

- ⁸ См.: «Народы Америки», т. II, стр. 5, 100, 159; *R. Barón Castro*. Op. cit., p. 91, 100, 101; *L. de Jongh Osborne*. Op. cit., p. 11.
- ⁹ *R. Barón Castro*. Op. cit., p. 110, 124.
- ¹⁰ *M. A. García*. Diccionario histórico enciclopédico de la República de El Salvador, t. 1. San Salvador, 1952, p. 50—52; *R. Barón Castro*. Op. cit., p. 124, 134, 198—199, 269, 273—274.
- ¹¹ *R. Barón Castro*. Op. cit., p. 324, 401, 607, 611.
- ¹² *L. Jiménez*. Op. cit., p. 38, 45; *R. Barón Castro*. Op. cit., p. 194, 321, 396, 401—402.
- ¹³ *R. Barón Castro*. Op. cit., p. 197, 205, 317, 321—326.
- ¹⁴ *Ibid.*, p. 207, 580—581.
- ¹⁵ *L. de Jongh Osborne*. Op. cit., p. 12, 72—73.
- ¹⁶ *R. Barón Castro*. Op. cit., p. 154.
- ¹⁷ *Ibid.*, p. 154, 156.
- ¹⁸ *Ibid.*, p. 394—395.
- ¹⁹ *L. Jiménez*. Op. cit., p. 41; *R. Barón Castro*. Op. cit., p. 368—370.
- ²⁰ *A. D. Marroquín*. Apreciación sociológica de la independencia. «Revista de Economía Salvadoreña». San Salvador, 1959—1960, N 21, 22. См. также: *L. Jiménez*. Op. cit., p. 38—39.
- ²¹ *R. Barón Castro*. Op. cit., p. 222—232, 235, 237, 273—275, 445—446, 467.
- ²² Следует иметь в виду, что оценка численности населения Сальвадора в 1821 г. разными авторами колеблется в пределах от 170 до 330 тыс. Нами принята оценка Р. Барон Кастро.
- ²³ *R. Barón Castro*. Op. cit., p. 222, 237.
- ²⁴ *Ibid.*, p. 252, 337, 338, 341.
- ²⁵ *Ibid.*, p. 358, 359, 367—368, 386—387.
- ²⁶ *Ibid.*, p. 237, 238, 273.
- ²⁷ *Ibid.*, p. 254, 398, 414.
- ²⁸ *Ibid.*, p. 234, 254.
- ²⁹ *Ibid.*, p. 234, 254, 341, 358, 386—387.
- ³⁰ *Ibid.*, p. 254, 256.
- ³¹ *R. Dalton*. El Salvador (monografía). La Habana, 1965, p. 42.
- ³² *R. Barón Castro*. Op. cit., p. 234, 236, 254—255.
- ³³ *Ibid.*, p. 256.
- ³⁴ *R. Dalton*. Op. cit., p. 51—52.
- ³⁵ *Ibid.*, p. 47—48.
- ³⁶ «La Verdad». San Salvador, 1962, N 2. Цит. по: *R. Dalton*. Op. cit., p. 52—53.
- ³⁷ *L. Jiménez*. Op. cit., p. 98—100; *M. A. García*. Op. cit., p. 284—307.
- ³⁸ Цит. по: *L. Jiménez*. Op. cit., p. 100; См. также: *R. Barón Castro*. El primer movimiento insurgente de Centroamérica. «Revista de Indias», 1961, N 85—86, p. 485—504.
- ³⁹ *T. L. Karnes*. The failure of Union Central America, 1824—1960. Chapel Hill, 1961, p. 20, 24—25.
- ⁴⁰ *R. Dalton*. Op. cit., p. 63—66.
- ⁴¹ *L. Jiménez*. Op. cit., p. 152.
- ⁴² *Ibid.*, p. 108—112; *R. Dalton*. Op. cit., p. 75—77.
- ⁴³ *R. Barón Castro*. Op. cit., p. 453.
- ⁴⁴ *Ibid.*, p. 438—439.
- ⁴⁵ *T. L. Karnes*. Op. cit., p. 130—132; *L. Jiménez*. Op. cit., p. 115; *R. Dalton*. Op. cit., p. 82.
- ⁴⁶ *R. Dalton*. Op. cit., p. 83—85.

- ⁴⁷ «5º Congreso de PCS. Proyecto de programa general. Documentos aprobados». San Salvador, s. d., p. 1.
- ⁴⁸ *L. Jiménez*. Op. cit., p. 41—42; *R. Dalton*. Op. cit., p. 79.
- ⁴⁹ *L. Jiménez*. Op. cit., p. 45—49; *R. Dalton*. Op. cit., p. 48, 79; *R. Barón Castro*. Op. cit., p. 138.
- ⁵⁰ *R. Barón Castro*. Op. cit., p. 430—431.
- ⁵¹ *R. Reyes*. Apuntamientos estadísticos sobre la República del Salvador. San Salvador, 1888, p. 13. Цит. по: *R. Barón Castro*. Op. cit., p. 256.
- ⁵² По некоторым данным, в 1913 г. почти $\frac{2}{3}$ населения — 64,6% составляли метисы, 19,6% — индейцы и 16% — белые.
- ⁵³ *L. de Jongh Osborne*. Op. cit., p. 180, 191.
- ⁵⁴ Под «азиатами», по-видимому, подразумеваются выходцы из арабских районов Османской империи. См.: *S. Barberena*. Descripción geográfica y estadística de la República de El Salvador. San Salvador, 1892, p. 90—91.
- ⁵⁵ «Энциклопедический словарь», т. XXVIII-А. СПб., 1900, стр. 374; *S. Barberena*. Op. cit., p. 61—63.
- ⁵⁶ *L. Gallegos Valdés*. Panorama de la literatura salvadoreña. San Salvador, 1962, p. 71—73, 86; *J. F. Toruño*. Desarrollo literario de El Salvador. San Salvador, 1957, p. 98.
- ⁵⁷ *L. Gallegos Valdés*. Op. cit., p. 19—20, 23—24, 89—90, 93—97.
- ⁵⁸ *Ibid.*, p. 51, 55, 67, 69.
- ⁵⁹ *R. Barón Castro*. Op. cit., p. 613, 614, 618, 623; *L. Gallegos Valdés*. Op. cit., p. 79—80. В частности, С. Барберена в 1896 г. опубликовал работу «Этнография и история аборигенов Сальвадора».
- ⁶⁰ Перечни семей крупнейших латифундистов приводят в своих работах Р. Дальтон и Л. Хименес. Оба перечня почти аналогичны. Расхождения имеются лишь в размерах владений 3—4 латифундистов. См.: *R. Dalton*. Op. cit., p. 163—164; *L. Jiménez*. Op. cit., p. 61—62.
- ⁶¹ *R. Gallardo*. Las constituciones de El Salvador, t. 1. Madrid, 1961, p. 740—741.
- ⁶² *W. Krehm*. Democracia y tiranías en el Caribe. Buenos Aires, 1959, p. 44—45; *R. Dalton*. Op. cit., p. 117—118.
- ⁶³ *L. Jiménez*. Op. cit., p. 121; *R. Dalton*. Op. cit., p. 119.
- ⁶⁴ *W. Krehm*. Op. cit., p. 45.
- ⁶⁵ *R. Gallardo*. Op. cit., t. 1, p. 743; *L. Jiménez*. Op. cit., p. 121—122; *R. Dalton*. Op. cit., p. 119—121.
- ⁶⁶ *A. C. Wilgus*. The Development of Hispanic America. New York, 1941, p. 561.
- ⁶⁷ *L. Jiménez*. Op. cit., p. 125.
- ⁶⁸ «Interamerican statistical Yearbook — 1940». New York, 1941, p. 551—557.
- ⁶⁹ *R. Barón Castro*. Op. cit., p. 512—514, 516—517.
- ⁷⁰ *Ibid.*, p. 490, 533; «Interamerican statistical Yearbook — 1940», p. 60.
- ⁷¹ «Almanach de Gotha. Annuaire Genealogique, diplomatique et statistique, 1930». Gotha, 1930, p. 1292; *ibid.*, 1931, p. 1224; *ibid.*, 1939, p. 1261; *ibid.*, 1940, p. 1152. Другие — американские, английские и советские справочные издания приводят иные, весьма разно- речивые данные о расовом составе населения Сальвадора.
- ⁷² *R. Barón Castro*. Op. cit., p. 435—436.
- ⁷³ *J. F. Toruño*. Desarrollo literario de El Salvador, p. 219—223, 251—

- 252, 343—344, 409—413; *L. Gallegos Valdés*. Op. cit., p. 79—87, 140, 156, 184.
- ⁷⁴ *L. de Jongh Osborne*. Op. cit., p. 108—109; *L. Gallegos Valdés*. Op. cit., p. 140, 156, 184.
- ⁷⁵ *L. Gallegos Valdés*. Op. cit., p. 39—54, 67—69, 109—135, 143—148; *J. F. Toruño*. Op. cit., p. 257—267, 325, 328, 337, 339, 344—348.
- ⁷⁶ «Конституции государств американского континента», т. III. М., 1959, стр. 157—219.
- ⁷⁷ *N. Wollaston*. Red Rumba. A journey through the Caribbean and Central America. London, 1962, p. 109.
- ⁷⁸ *L. Jiménez*. Op. cit., p. 80.
- ⁷⁹ *L. Jiménez*. Op. cit., p. 51; «5° Congreso del PCS...», p. 2.
- ⁸⁰ «Тенденции экономического развития стран Латинской Америки». М., 1969, стр. 235; «Desarrollo» (Bogotá), marzo, 1971, N 15, p. 61.
- ⁸¹ «5° Congreso del PCS...», p. 2.
- ⁸² «Ministerio de economía. Dirección general de estadística y censos. Tercer censo nacional de población 1961 (далее — «Tercer censo...»). San Salvador, 1962, p. 83; *M. von Stroeble James*. Basic data on the economy of El Salvador. «Overseas Business Reports», 1967, N 96, p. 8; «Die Neue Zürcher Zeitung», 8.VI 1966.
- ⁸³ «Socio-economic progress in Latin America». Washington, 1970, p. 15, 99, 340; «Overseas Business Reports», 1967, N 96, p. 13; «Comercio exterior», v. 20, México, 1970, N 6, p. 472; «Bank of London — South America Review», v. 39, 1969, N 30, p. 380; «Naciones Unidas. Boletín económico de América Latina», v. 14, Nueva York, 1969, N 2, p. 77, 79; «Aussenwirtschaft», Bd. 14, 1970, N 48, s. V/1 — V/4.
- ⁸⁴ «Una política para el desarrollo económico de Guatemala». Guatemala, 1969, p. 285; *V. Urkuyo Rodriguez*. La integración económica de Centroamérica. Su origen y evolución. Sevilla, 1968, p. 6—7. В 1971 г. Гондурас вышел из состава ЦАОР.
- ⁸⁵ «Comercio exterior», v. 20, 1970, N 6, p. 472.
- ⁸⁶ «U. N. Statistical Yearbook — 1970». New York, 1971, p. 82; «Monde diplomatique», IV, 1970, p. 16.
- ⁸⁷ «Численность и расселение народов мира». М., 1962, стр. 306, 329; *R. Barón Castro*. Op. cit., p. 551; «Overseas Business Reports», 1967, N 96, p. 4.
- ⁸⁸ «Правда». 30.VII 1969; «За рубежом», 28.IX 1969, стр. 23; «Латинская Америка», 1970, № 6, стр. 53—56, 59.
- ⁸⁹ «Tercer censo...», 1962, p. 11; «República de El Salvador... Anuario estadístico 1962», t. 2. San Salvador, 1963, p. 14; «Zeitschrift für Wirtschaftsgeographie», Bd. 12, 1968, N 7, S. 212; «Comercio exterior», v. 20, 1970, N 6, p. 472.
- ⁹⁰ «Tercer censo...», 1962, p. 83; «5° Congreso del PCS...», p. 5; *L. Jiménez*. Op. cit., p. 63, 69.
- ⁹¹ «Проблемы мира и социализма», 1965, № 8, стр. 11; «Quinto compendio estadístico centroamericano. La Secretaría de integración económica centroamericana, 1967, p. 15.
- ⁹² «Tercer censo...», 1962, p. 83; «5° Congreso del PCS...», p. 5—6; «Overseas Business Reports», 1967, N 96, p. 8.
- ⁹³ «Tercer censo...», 1962, p. 83; «5° Congreso del PCS...», p. 5—6.
- ⁹⁴ Ibidem.

- ⁹⁵ *R. Dalton*. Op. cit., p. 102, 103, 163—164; *L. Jiménez*. Op. cit., p. 61—62, 75.
- ⁹⁶ «Tercer censo...». San Salvador, 1965, p. XVI—XVIII.
- ⁹⁷ «Tercer censo...», 1962, p. 12; «Tercer censo...», 1965, p. 828.
- ⁹⁸ «Tercer censo...», 1962, p. 23—25; «Tercer censo...», 1965, p. 694—697.
- ⁹⁹ «Tercer censo...», 1962, p. 76; *R. Barón Castro*. Op. cit., p. 542; *L. Jiménez*. Op. cit., p. 90—93.
- ¹⁰⁰ «Overseas Business Reports», 1967, N 9, p. 25; «Zeitschrift für Wirtschaftsgeographie», Bd. 12, 1968, N 7, S. 213; *L. Jiménez*. Op. cit., p. 65, 83—84.
- ¹⁰¹ «Socio-economic progress in Latin America», p. 102; *R. Dalton*. Op. cit., p. 184; «Américas», v. 14, 1962, N 8, p. 10.
- ¹⁰² Цит. по: «За рубежом», 7.X 1966, № 41, стр. 19; *L. Jiménez*. Op. cit., p. 85; *R. Dalton*. Op. cit., p. 185.
- ¹⁰³ Цит. по: *R. Dalton*. Op. cit., p. 174—175, 177; «Проблемы мира и социализма», 1971, № 11, Приложение, стр. 14; «Zeitschrift für Wirtschaftsgeographie», Bd. 12, 1968, N 7, S. 213.
- ¹⁰⁴ «Overseas Business Reports», 1967, N 96, p. 5; «South American Handbook, 1968». London, 1968, p. 654.
- ¹⁰⁵ «Tercer censo...», 1965, p. XXVII; «Tercer censo...», 1962, p. 14, 53; «South American Handbook, 1968», p. 654; «Desarrollo», marzo 1971, N 15, p. 60; «Universidad de El Salvador. Libertad y cultura». San Salvador, 1964, p. 7, 29, 41, 43, 59—62, 68—70.
- ¹⁰⁶ *З. И. Плавскин*. Сальвадорская литература. «Краткая литературная энциклопедия», т. 6. М., 1971, стр. 631; *J. F. Toruño*. Op. cit., p. 416—422, 428; *L. Gallegos Valdés*. Op. cit., p. 155, 174—181, 201—206; *L. Jiménez*. Op. cit., p. 160.
- ¹⁰⁷ *L. Gallegos Valdés*. Op. cit., p. 106, 215, 217; *R. Dalton*. Op. cit., p. 197.
- ¹⁰⁸ Среди таких работ — монографии Х. Ариаса Гомеса «Анастасио Акино», изданная в 1955 г.; Р. Дальтона «Сальвадор», опубликованная в 1965 г. в Гаване; Л. Хименес «Социально-политический облик Сальвадора», опубликованная в 1966 г. в Мехико, и др.
- ¹⁰⁹ *R. Dalton*. Op. cit., p. 27.
- ¹¹⁰ «Численность и расселение народов мира», стр. 331.
- ¹¹¹ «Zeitung Erdkundeunterricht», Bd. 17, 1965, N 11, S. 42; «Overseas Business Reports», 1967, N 96, p. 4; «Zeitschrift für Wirtschaftsgeographie», Bd. 12, 1968, N 7, S. 212; «The South American Handbook, 1968», p. 654.
- ¹¹² *L. de Jongh Osborne*. Op. cit., p. 53, 72; *R. Dalton*. Op. cit., p. 41.
- ¹¹³ *L. de Jongh Osborne*. Op. cit., p. 73.
- ¹¹⁴ «Численность и расселение народов мира», стр. 331; «Tercer censo...», 1965, p. 197—199; *N. Wollaston*. Red Rumba, p. 119.
- ¹¹⁵ *J. de Jongh Osborne*. Op. cit., p. 53, 73.
- ¹¹⁶ *L. Jiménez*. Op. cit., p. 62.
- ¹¹⁷ *R. Dalton*. Op. cit., p. 27. Ни в выступлениях сальвадорских коммунистов, ни в проекте программы Компартии Сальвадора — в том числе и в разделе, где речь идет о задачах будущего демократического правительства национального освобождения — нет ни слова о какой-либо особой «индейской проблеме» в Сальвадоре.
- ¹¹⁸ В монографии «Численность и расселение народов мира» на

стр. 331 приводятся цифры, из которых следует, что более 70% индейцев Сальвадора — ацтеки, киче и какчикели, и лишь около 30% — пипили. Однако на стр. 308—309 приводятся данные, свидетельствующие о том, что ни ацтеки, ни киче, ни какчикели в Сальвадоре не живут, а 70% его индейского населения в 1959 г. составляли «другие и неизвестные» индейцы. Под «другими», очевидно, подразумеваются индейцы ленка, а о «неизвестных», видимо, до сих пор ничего не известно и сальвадорским исследователям.

¹¹⁹ *L. de Jongh Osborne*. Op. cit., p. 53.

¹²⁰ *R. Dalton*. Op. cit., p. 27; *L. de Jongh Osborne*. Op. cit., p. 14, 72, 202.

¹²¹ *L. de Jongh Osborne*. Op. cit., p. 14, 73—82, 85, 87—89, 91—92, 96—101, 182—183.

¹²² *R. Barón Castro*. Op. cit., p. 157—158.

¹²³ *R. Dalton*. Op. cit., p. 191—192.

¹²⁴ *L. de Jongh Osborne*. Op. cit., p. 71.

Гондурас. Формирование этнической общности

А. Д. Дридзе

К началу колонизации Гондураса испанцами территория его была заселена индейскими народами и племенами, находившимися на разных ступенях экономического и культурного развития. В северо-западной части страны жили чорти, говорившие на языке семьи майя-киче. Здесь находился город-государство Копан, один из крупнейших политических и культурных центров майя. У нынешней границы с Сальвадором жили индейцы пипиль¹. Центральную часть страны населяли ленка (языковой семьи пайя-ленка), занимавшиеся земледелием, строившие дома из сырцового кирпича. Существует мнение, что некоторые черты культуры ленка (возделывание юкки, использование гамака) сближают их с обитателями более южных областей². Восточная часть Гондураса была заселена племенами хикаке-пайя (языковой семьи пайя), сумо (семья чибча), мискито (семья мискито-матагальпа). Это были примитивные собиратели, охотники, рыболовы и земледельцы. Численность коренного населения страны в доколумбово время определяется по-разному — от 50—70 тыс. до 2 млн. человек³. Сколько-нибудь достоверных аргументов в пользу какой-либо цифры не существует; однако весьма сомнительно, чтобы в границах нынешней республики Гондурас к моменту завоевания население достигало миллиона или хотя бы многих сотен тысяч человек⁴.

Хотя территория Гондураса была открыта испанцами еще летом 1502 г., завоевание ее началось значительно позже, в 1524 г. Толчком к созданию первых испанских поселений в южном и западном Гондурасе явилось открытие месторождений серебра близ нынешнего города Тегусигальпа. Эти поселения (Комайагуа, Тегусигальпа и др.) были созданы, главным образом, на землях индейцев ленка, оттесняемых на запад и на север⁵.

Индейцы оказали захватчикам ожесточенное сопротивление. В 1536 г. 30 тысяч человек во главе с вождем Лемпирой в течение полугода вели войну с конкистадорами. Имя Лемпиры вошло в историю страны, как символ сопротивления захватчикам; в честь этого вождя впоследствии была названа денежная единица независимой республики Гондурас.

В конце концов на юге, западе и кое-где в центре страны индейцы частично были обращены в рабство на серебряных рудниках, частично же оказались в зависимости от владельцев обширных скотоводческих латифундий из числа осевших в Гондурасе завоевателей. Значительная часть коренного населения погибла от непосильного труда, болезней, а также в результате репрессий колонизаторов. Общая численность коренного населения к 1539 г., по некоторым оценкам, была не более 15 тыс. человек⁶.

Все указанное выше относится к «освоенной» колонизаторами части страны. Внутренние ее районы в течение всего колониального периода были от испанцев практически независимы. Индейцы, особенно в труднодоступных районах, сохраняли прежний образ жизни и самостоятельность до конца XIX в., а кое-где даже и позже. Эти пространства занимали от трети до половины современной площади республики.

На карибском побережье в руках колонизаторов была лишь узкая полоса от нынешнего Пуэрто-Барриос до мыса Гондурас. Именно здесь возникли самые первые опорные пункты колонизации — Триунфо-де-ла-Крус (ныне Тела, 1524), Трухильо (1525) и чуть позже, в некотором отдалении от берега — Сан-Педро-Сула (1536). Район от мыса Гондурас до г. Грасиас-а-Диос, хотя формально и принадлежал к испанским владениям, фактически с начала XVII в. находился под властью Англии. Такое положение существовало и некоторое время после ликвидации испанского владычества в Центральной и Южной Америке.

Это различие в исторических судьбах определило и экономическую неоднородность. В наиболее освоенной части страны основой экономики была добыча серебра и золота, а также — экстенсивное скотоводство (обширные редконаселенные латифундии). Лесные индейцы продолжали вести натуральное хозяйство. На карибском побережье получили некоторое развитие лесоразработки. Даже

в самых развитых областях испанской колониальной империи экономика была чрезвычайно отсталой, Гондурас же был одним из самых отсталых уголков этой империи.

Наиболее характерной чертой этнической истории страны является очень рано начавшийся процесс метисации. Население смешанного испано-индейского происхождения, испаноязычное, с преобладанием в материальной и духовной культуре испанских элементов (при сохранении некоторых индейских черт — прежде всего в культуре материальной) возникло в стране достаточно рано.

При рассмотрении особенностей формирования метисного населения (называемых здесь «ладино») необходимо выделить следующие основные моменты. Во-первых, крайне незначительное число переселившихся за океан испанских женщин и появление вследствие этого смешанных браков даже на самых высоких ступенях колониальной иерархии. Во-вторых, преобладание в Гондурасе именно колонизаторов, если можно так выразиться, низшего ранга. В-третьих, то обстоятельство, что число колонизаторов, устремившихся сюда, было незначительно, и чисто испанского населения здесь почти не существовало⁷.

Образуя в этническом плане промежуточный слой между колонизаторами-испанцами (и креолами), с одной стороны, и индейцами, с другой, — ладино и в социальном плане занимали в общем подобное же положение. Именно они стали основой возникавшего в стране мелкого свободного крестьянства, втягивавшего в свою орбиту и ассимилировавшего значительные массивы соседствующего индейского населения, которое постепенно усваивало «ладинский» образ жизни и испанский язык. К сожалению, мы не располагаем по вопросу о метисации цифровыми данными.

Хотя основными компонентами формирования ладино были индейский и испанский, в этом процессе принимал участие еще один компонент — негритянский. Общая численность рабов, ввезенных из Африки в Гондурас и другие страны Центральной Америки, не установлена. Как это было и в других местах, вначале колонизаторы привозили с собой негров как слуг. Это происходило с первой четверти XVI века. Сохранилось любопытное сообщение, что первого африканца привезли в Гондурас из Гватемалы как переводчика: он владел языком майя и должен

был служить посредником между индейцами и испанцами⁸. Основными районами ввоза негров было северное побережье и горнопромышленная зона центральной части страны (здесь они составляли значительную часть горнорабочих). Рейсов невольничьих кораблей из Африки в Гондурас, по-видимому, почти не было, рабов привозили главным образом через Антильские острова, а частично, может быть, и через соседние с Гондурасом районы Центральной Америки⁹. По-видимому, большинство их, как и в других местах, составляли уроженцы Западной Африки¹⁰. Длительное время негров ввозили в незначительном числе. Первая крупная партия африканских рабов прибыла лишь в 1641 г.¹¹.

Очевидно, рабами были не все привезенные негры (или, во всяком случае, не все ими оставались). Уже в 1623 и 1625 гг. колониальные власти приняли решение сформировать отряды из свободных негров (*Compañías de moreno*). Эти отряды защищали от пиратов порт Амаланала (1645).

Гондурасский исследователь Мариньяс Отеро утверждал, что рабство в Гондурасе никогда не играло существенной роли и постепенно сходило на нет; более того, оно носило домашний характер и раба часто освобождали после смерти хозяина¹². Однако не следует забывать, что значительная часть негров трудилась на рудниках, где подвергалась жестокой эксплуатации.

Свободные же негры быстро смешивались с испанцами и индейцами. К середине XVIII в. смешение достигло уже такой стадии, что горный инженер Диас де Наварро писал об одном из районов: «Все города и местечки внутренней части этой округи населены мулатами, индейцев (здесь) мало, испанцев еще меньше»¹³.

Часть негров принадлежала к категории королевских рабов и была в значительной степени занята обслуживанием портов на карибском побережье. В XVIII в. крупнейшая группа этих рабов находилась в порту Омоа¹⁴. В другом порту, Трухильо в первые годы XIX в. негры составляли три четверти населения¹⁵.

После отмены рабства (1824) интенсивность метисации усилилась, и через несколько десятилетий негры растворились в массе гондурасских латино.

Существовали, однако, этнографические группы полностью негритянского или негритяско-индейского про-

исхождения, путь развития которых был несколько иным.

Предками одной из них были беглецы с португальского невольничьего корабля, разбившегося у северо-восточного берега страны (1641). Постепенно они смешались с индейцами мискито, получив название «самбо». Группа эта увеличивалась за счет беглых рабов. В первой трети XVIII в. самбо вели ожесточенную войну с колонизаторами, пользуясь при этом поддержкой старого врага испанцев — Англии, и надолго сохранили независимость от Испании, затем — от республики Гондурас. Постепенно они смешались с окружающим индейским населением, так что уже в XIX в. негритянские элементы в их духовной и материальной культуре были почти целиком поглощены индейскими¹⁶.

На формирование и судьбу части населения повлияла многолетняя зависимость некоторых районов побережья от Англии. Англичане закрепились в Москитии еще в 1740 г., а в 1796 г., захватив остров Роатан и прилегающие острова, поселили там так называемых черных карибов с острова Сент-Винсент и Вест-Индии. Однако в 1797 г. испанцы вернули себе остров Роатан и переселили черных карибов на побережье, в район г. Трухильо, признав их свободными, но обратив из протестантства в католичество¹⁷.

Таким образом, к моменту освобождения от испанского ига территория нынешнего Гондураса не была единой ни экономически, ни политически. Хотя в 1786 г. в этом районе была образована особая административная единица — интендансия¹⁸, в ее пределах жило население, отнюдь не отличающееся принципиально от населения соседних областей. Испанцы и креолы Гондураса, насколько можно судить, еще не осознавали себя как группу, отличную от испанцев и креолов территории современных Никарагуа или Сальвадора, да вряд ли еще чем-либо они от них тогда и отличались. Индейцы, сохранившие прежний образ жизни, имели о проведенных испанцами границах смутное представление (да и то в лучшем случае), не отделяя себя от соплеменников, живших в соседних интендансиях. Если же те или иные группы как-то отличали себя от находившихся по ту сторону границы других групп, то все это было связано с внутриндийской историей и никакого отношения к колониальному

административному делению не имело. Ладино находились еще в процессе формирования, и процесс этот, уже, очевидно, содержащий национально своеобразные черты, далеко еще нельзя было считать завершенным. Метисное население постепенно увеличивалось, однако еще не скоро оно определило собой этнический облик страны. О развитии национальной гондурасской культуры в колониальный период говорить вообще не приходится.

Следовательно, к моменту завоевания испанскими колониями независимости этнические процессы в Гондурасе только еще начинали приобретать нечто специфическое, свойственное именно данной стране.

К 1821—1825 гг., когда страна освободилась от колониального ига, население Гондураса составляло 137 тыс. человек¹⁹. Этнический его состав остается не совсем ясным. Индейское население составляло, по подсчетам американского ученого Р. Н. Адамса, не менее 40%²⁰. Негров было лишь несколько тысяч, белых также очень мало — чуть больше 12%. Мариньяс Отеро считает преувеличенной эту цифру, ибо в то время белым считался всякий, кто мог документально подтвердить, что хотя бы один из его родителей был «белым» и внести в казну от 700 до 1400 реалов²¹.

Если принять данные Адамса, то (с учетом негритянского населения — 12—15%) можно прийти к выводу, что в Гондурасе начала 20-х годов XIX в. около 30% населения составляли ладино. Подсчеты эти, конечно, приближительны, но какое-то представление о соотношении этнических групп на важнейшем этнополитическом рубеже, безусловно, дают.

Новый этап этнической истории, начавшийся после свержения колониального ига Испании, проходил в достаточно сложной обстановке. В 1821—1838 гг. страна была несколько лет частью Мексиканской империи, а затем входила в состав Соединенных провинций Центральной Америки. Независимая республика Гондурас существует с 1839 г. В экономическом отношении она была крайне отсталой: почти все население было занято в примитивном земледелии и экстенсивном скотоводстве, из миперальных богатств разрабатывались лишь золото и серебро, да и то без применения какой бы то ни было техники. Промышленности не существовало вообще.

Политическое положение отличалось крайней неустойчивостью. За 1827—1879 гг. произошло не менее 173 восстаний, переворотов и столкновений²², отражавших борьбу за власть между консерваторами и либералами.

Длительное время не существовало даже единства территории. Много десятилетий примерно треть Гондураса — обширный департамент Оланчо — оставалась практически независимой от центрального правительства. Со времени закрепления испанцев в этом районе власть над Оланчо принадлежала богатейшей семье латифундистов Селайа (из которой обычно назначались и губернаторы или «военные коменданты»). До середины 50-х годов XIX в. правительство даже не пыталось распространять на этот департамент действие общегосударственных законов, начавшиеся же тогда попытки ввести воинскую повинность вызвали большое недовольство населения²³, а декрет 1853 г., запрещающий жителям департамента — «оланчанос» — переселяться на побережье и воспринятый как наказание за отказ служить в армии, вызвал в 1854 г. восстание, в ходе которого Селайа даже серьезно подумывали об отделении от Гондураса и образовании отдельной республики Оланчо. Сепаратистские тенденции встретили поддержку англичан и американцев, проявивших интерес к богатейшим золотым приискам департамента. Военные действия закончились фактической капитуляцией правительства, отказавшегося не только от набора рекрутов, но даже и от сбора налогов в Оланчо. На этих условиях руководители департамента согласились не требовать его отделения от Гондураса²⁴.

После этого Оланчо долго еще оставался своего рода государством в государстве, и руководители республики, не пытаясь более подчинить себе этот департамент, имели о происходящем там весьма смутное представление²⁵. Основными причинами этого были: географическая изоляция (в силу которой район не принял участия даже в войне за независимость, воспользовавшись только ее плодами), почти полное отсутствие экономических связей внутри страны, политическая слабость центрального правительства. Лишь к концу XIX в., когда все эти факторы постепенно начали изживаться, отошло в прошлое и особое положение департамента Оланчо.

Американские и английские капиталисты долгое время пытались закрепиться в Оланчо, установив контроль

прежде всего над тамошними золотыми приисками. Примерно тогда же американцы начали добиваться концессии на строительство дороги, соединяющей Оланчо с океаном.

В тот период, однако, позиции англичан в Гондурасе были сильнее, чем позиции США. Еще в 1819 г. здесь появился авантюрист шотландец Грегор Макгрегор, который сумел стать касиком (вождем) одного из индейских племен, а затем объявил себя главой «королевства Москитии» и правил им до самой смерти (1839), после чего «королевство» купили другие англичане и переименовали его в честь английской королевы в «провинцию Виктория». Они основали на побережье укрепление Форт-Уильям²⁶ и начали энергичное продвижение вглубь страны. Кульминацией этого продвижения был, по-видимому, 1847 год, когда небольшой английский отряд поднялся по реке Патука и попытался установить свою власть почти над всем департаментом Оланчо, а также над некоторыми областями Никарагуа и Коста-Рики²⁷. Этим планом не суждено было осуществиться, и одной из главных причин явилось противодействие США. Англо-американский договор Клейтона-Бульвера (1850) предусматривал взаимный отказ от захватов в Центральной Америке. «Королевство Москитии» прекратило свое существование. Однако все оккупированные территории англичане освободили лишь в 1859 г., а с Роатана и прилегающих к нему островов ушли в 1861 г. Правда, и попытка американцев закрепиться в стране военными средствами оказалась не более успешной — вторгшийся в 1860 г. отряд американского авантюриста Уокера был разгромлен уже через месяц.

Война против Уокера, в ходе которой народ Гондураса защищал свою независимость, была чрезвычайно важным событием не только в чисто военном и политическом плане, но и с точки зрения этнического развития. Мы рассматриваем ее как существенное доказательство того, что степень зрелости национального самосознания была тогда в Гондурасе уже довольно велика. После победоносного завершения войны интенсивность процесса формирования гондурасской нации неизбежно должна была усилиться. Таким образом, начальный этап этого процесса, содержанием которого было завоевание независимости, завершившаяся, в общем, консолидация территории страны, национальное самосознание, достиг-

шее определенной степени зрелости, хронологически охватывает, очевидно, 20—60-е годы XIX в. Вместе с тем крайняя отсталость, почти полное отсутствие экономических связей внутри страны, постоянная политическая неустойчивость, почти не прекращавшиеся военные столкновения с соседями замедляли этот процесс.

Национальная культура тогда только лишь начинала развиваться. Грамотные составляли меньше $\frac{1}{5}$ населения. Школьников на 350 тысяч населения было менее 5 тысяч. Восстановленный в 1847 г. университет (он был разрушен в 20-е годы) готовил преимущественно священников. На всю страну существовала тогда одна библиотека, по мнению одного путешественника, «более замечательная тем, чего в ней нет, нежели тем, что в ней имеется»²⁸. В республике выходила только одна газета²⁹. Творчество первого писателя — священника Х. Тринидада Рейса (1797—1855), которому принадлежит заслуга создания первой типографии в стране, было целиком построено на испанских образцах. То же самое можно сказать и о младшем его современнике — поэте Т. Ангелюсе (1827—1883).

К моменту провозглашения независимости все население освоенных испанцами районов было обращено в католичество. Однако во второй половине 20-х годов XIX в. глава Центральноамериканской федерации гондурасец Морасан после принятия антицерковных законов очень активно, более решительно, чем в соседних республиках, проводил эту политику в жизнь. Как и в других республиках, в 1829 г. произошло изгнание монашеских орденов. Доходы церкви существенно уменьшились. Тем не менее, в последующих конституциях католическая религия, как правило, объявлялась государственной, что неоднократно вызывало протесты в стране. Постепенно влияние духовенства вновь стало расти, чему в немалой степени способствовало назначение в 1855 г. первого епископа — гондурасца³⁰.

Обращаясь непосредственно к изменениям в этническом составе за этот период, мы вынуждены прежде всего констатировать полное отсутствие официальных статистических данных. Приводимые ниже цифры основываются на приблизительных подсчетах.

За четыре десятилетия население страны возросло в два с половиной раза — со 137 тыс. до 350 тыс. чело-

век. Распределено оно было крайне неравномерно — если средняя плотность составляла 9 человек на 1 кв. км, то в Оланчо она едва доходила до 1 человека на 1 кв. км. В середине XIX в. там насчитывалось лишь около 50 тыс. жителей. Города были невелики. Даже в крупнейшем городе — Тегусигальпе — проживало, по-видимому, всего 8 тыс. человек, в столице г. Комайагуа и в крупнейшем порту г. Трухильо — по 6 тыс. (есть, однако, данные, что в Трухильо насчитывалось не 6, а 7 тыс. человек). Приблизительность всех этих подсчетов связана еще и с тем, что об Оланчо сведения у правительства (да и у посещавших страну путешественников) были крайне скудными, а о Москитии, включая прилегающие к ней районы Олапчо, и вообще ничего конкретного известно не было³¹.

Столь же приближенными были данные об этническом составе. Скуир, например, считал, что к середине века 40% составляли негры, мулаты; 28,6% — индейцы; 17,1% — ладино; 12,2% — белые (округленно). Вместе с тем, по его же данным, уже в 1837 г. индейцев в стране вообще или почти не было, преобладали ладино. По наблюдениям Уэллса, белое население уменьшалось, а численность негров, индейцев и ладино увеличивалась. Он же отмечал, что в Оланчо индейцев было 60%, белых — 10%, остальные — метисы и мулаты. К. Шерцер считал, что индейцы составляли 50%, а остальное население было смешанным³².

Противоречивость перечисленных данных связана не только с отсутствием статистических материалов и неизбежным поэтому разнобоем в оценках. Интенсивно проходивший процесс, который мы назвали бы ладинизацией, охватывал все более широкие массы населения, причем стадии этого процесса далеко не везде были одинаковы — и по темпам своим, и по масштабам, и по вступившим во взаимодействие компонентам. Однако общую тенденцию развития эти авторы наметили правильно — население смешанного происхождения, действительно, росло.

Ладинизация представляла собой явление отнюдь не единообразное. Метисация, антропологическое смешение разных групп населения составляло лишь один, притом не самый важный ее этап. Важнее были изменения в области культуры (весь комплекс всего, что было связано с переходом индейцев к новому образу жизни, включая и постепенную языковую их ассимиляцию), причем

изменения эти далеко не всегда были связаны только со смешанными браками, а явились прежде всего результатом социально-экономических процессов.

Разные элементы духовной и материальной культуры, семейного и общественного быта изменились при всех этих процессах в разной степени. Очевидно, изменения в материальной культуре были заметнее для наблюдателей, данными которых нам приходится пользоваться. Однако изменения эти далеко не всегда носили принципиальный характер: у индейцев, вошедших в соприкосновение с ладино (а таких было много уже и тогда), основные различия в данной сфере начинали сглаживаться довольно рано. Гораздо дольше сохранялись (а кое-где сохранились и по сей день) такие особенности общественного быта, как, например, общинная организация.

Наконец, характеризуя ладинизацию, не следует забывать негритянского ее компонента; по своему удельному весу он не шел ни в какое сравнение с остальными двумя, оказался даже ими поглощенным, но самый факт его существования не подвергается сомнению.

Для гондурасского населения того времени характерно было большое разнообразие типов смешения, каждый из которых имел особое название. Если смешение достигало такой степени, что преобладающий тип определить было невозможно, употреблялся термин: «no l'entende» («не понимаю тебя»). Если младший ребенок был темнее старшего, его называли «salto atras» («прыжок назад») ³³; такое же название существовало в колониальной Мексике для потомка метиски и индейца и так же, как в Гондурасе, ярко свидетельствовало о социальном значении подобного рода терминов.

К середине XIX в. уже отчетливо определялись и локальные группы ладино — прежде всего, оланчано, жители Оланчо. Изолированные от основной массы населения, они сохраняли, видимо, бóльшую близость к индейцам, отличались свободолобием, непокорностью, хотя и находились в подчинении семьи Селайа.

В социальном отношении ладино были по преимуществу крестьянами и горнорабочими, причем наблюдатели отмечали, что в одних и тех же деревнях часто жили вместе и ладино и индейцы (очевидно, еще только подвергавшиеся процессу ладинизации). Ладино служили в административном аппарате (не на высших, разумеется,

постах, хотя в провинции, особенно в отдаленной, ладино были и алькальдами — мэрами, и т. п.), в армии (солдаты и унтер-офицеры), в полиции. Много было (и не только в провинции) ладино священников³⁴.

Большая часть ладино, оставшаяся неграмотной, отличалась крайней политической незрелостью. По-видимому, многие из них поддерживали консерваторов — во всяком случае, Уэллс называет эту партию «партией метисов»³⁵.

Коренное население страны в тот период разделяли на две группы — «обращенных», или «цивилизованных», индейцев и «диких», или «лесных», практически не имевших еще постоянных контактов с ладино и белыми. Первая группа населяла всю территорию Гондураса вплоть до восточных районов Оланчо, аборигены, живущие ниже Рио-де-Табако, уже избегали контактов, уходя при появлении белых или ладино в леса³⁶. В департаментах Комайагуа, Грасиас, Санта-Барбара и Тегусигальпа индейцы уже тогда были в меньшинстве. Почти все они либо почти полностью подверглись ладинизации, либо испытывали ее воздействие. В городах это были слуги, посыльщики, погонщики мулов, горнорабочие, в сельской местности — крестьяне, огородники, дровосеки и т. п. Многие служили в армии, преимущественно солдатами, показав великолепные боевые качества; эти группы индейцев ревностно поддерживали Морасана, и даже личная его гвардия состояла из индейцев³⁷.

Те группы индейцев в перечисленных департаментах, которые не пожелали покориться колонизаторам и оказывали ассимиляции, хотя уже и пассивное, но явно ощущаемое сопротивление, либо ушли сами, либо их оттеснили в горы, на менее плодородные места.

Индийское население Оланчо было значительнее по своему удельному весу. Основная его часть сосредоточивалась восточнее Хутекальпы, в поселках Ла-Конкиста, Сан-Эстебан, Дульсеномбре и других. «Индийский центр» департамента г. Катакамас по населению (2 тыс. человек) мог считаться одним из крупных городов тогдашнего Гондураса. В Катакамасе и в прилегающих к нему районах белых и даже ладино почти не было и все должности вплоть до алькальдов занимали индейцы. Почти все уже давно крещенные местные жители владели испанским языком, хотя не забыли и своих родных языков — ленка и хикаке.

Чем дальше на восток, тем менее заметны были элементы ладинизации. Уэллс, описывая праздник в Хутекальпе, упоминает об индейцах хикаке, пришедших туда из очень отдаленных восточных районов и почти полностью сохранивших свои прежние обычаи и облик; они еще носили, например, плащи из перьев ³⁸.

Еще дальше на восток жили, как мы уже отмечали, индейцы, не имевшие и не желавшие иметь никаких контактов с остальными группами населения.

Группы, размещенные ближе к побережью, с давних пор оказались в сфере влияния колонизаторов, пришедших с Карибского моря. Эти индейцы торговали с гондурасцами — белыми и ладино (а также с англичанами) — лесными продуктами, иногда даже занимались на лесоразработки или плантации, но в общем сохранили фактическую независимость.

Самбо, о которых упоминалось выше, с давних пор оттесняли индейцев в глубь лесов; часть индейцев ушла в сельву и для того, чтобы укрыться от охотников за рабами.

Индийское население находилось в Гондурасе на низкой ступени социальной лестницы.

Об этом свидетельствует хотя бы «индейское законодательство» страны. Еще в законе от 30 октября 1829 г. констатируется, что индейцы «продолжают находиться в состоянии нищеты» и поэтому ранее принятое решение не брать с них налогов продлевается и на будущие времена ³⁹. По-видимому, этот закон исполнялся не везде и не всегда, иначе в 1832 г. не понадобилось бы принимать еще одно такое же постановление относительно индейцев Ярамангилы (департамент Интибука) ⁴⁰.

В 40—50-х годах XIX в. правительство начинает проявлять больше интереса к индейцам восточной части страны (департаменты Йоро и Оланчо). Объясняется это, видимо, прежде всего усилением проникновения англичан на карибское побережье.

Гондурасским властям, неоднократно заявлявшим по этому поводу протесты, пришлось волей-неволей проявить внимание к «братьям, с которыми мы (гондурасцы. — А. Д.) должны составить одну семью» ⁴¹. С целью противодействовать проникновению англичан началась усиленная миссионерская деятельность среди индейцев Йоро и Оланчо.

В связи с этим впервые был проведен более или менее тщательный учет «лесных» индейцев. Выяснилось, что общая численность лесных индейцев по трем департаментам — Йоро, Оланчо и Санта-Барбара составила не меньше 7149 человек, т. е. два с небольшим процента всего населения страны.

Положение индейцев миссионеры характеризуют как «печальное и жалкое». По сообщениям одного из миссионеров, за корову или быка ценой 3—5 песо индейцев заставляли работать столько, что если бы их труд оценили справедливо, они должны были бы получить 10 и даже 20 коров. Многие индейцы умирали голодной смертью. Часто землевладельцы превращали индейцев в рабов, заставляли прислуживать по дому и даже впрягали в упряжку вместо быков, били их, похищали и насиловали женщин. Очень ценно в интересующем нас плане замечание миссионера о том, что труд ладино всегда оплачивается выше, чем труд индейцев⁴².

«Повседневным явлением» в стране была торговля индейскими детьми, которых охотно покупали помещики и купцы. Существовала даже «такса» — за 5—7-летнего ребенка платили, в зависимости от его наружности и способностей, от 7 до 12 пиастров⁴³.

Негритянское население страны описано в источниках первой половины века хотя и не очень подробно, но достаточно интересно. После отмены рабства негры, работавшие на серебряных рудниках, немедленно бросили работу и ушли в города, занявшись ремеслами и торговлей. К середине века многие богатые купцы Тегусигальпы были неграми, неграм принадлежало две из числа самых больших торговых фирм. Мулаты и негры были и среди членов сената и палаты депутатов. Уэллс особо подчеркивает их активную деятельность против проникновения США в Гондурас, связанную, как он считает, с опасением, что рост американского влияния отрицательно скажется на положении негров. Характерные для расистов обвинения в адрес гондурасских негров занимают у Уэллса немало места. Но даже этот предубежденный автор вынужден признать, что «многие негры и мулаты» отличаются «большими способностями» и деятельность их приносит стране большую пользу.

Таким образом, дискриминации негров в Гондурасе, очевидно, не существовало. Для них были открыты прак-

тически все занятия и должности. Немало было, в частности, негров-священников. Гондурасцы не придавали серьезного значения той или иной доле негритянской крови и смешанным бракам (хотя потомки колонизаторов типа Селайа таких браков, очевидно, не допускали). И все же среди небелого населения значительную престижную роль играло наличие предка-испанца, хотя бы и отдаленного. В этом случае мулат именовал себя белым, и таковым же его считали окружающие. Здесь действовал скорее всего социальный, а не расовый момент, ибо принадлежность к крайне немногочисленному белому населению ассоциировалась с высоким социальным статусом.

На востоке страны формировались негритянские группы более позднего происхождения. Процесс метисации и латинизации происходил и здесь, однако течение его было более медленным⁴⁴.

Самбо и черные карибы на побережье в первой половине XIX в. не имели еще почти ничего общего с остальным населением страны. Число негров в Карибском районе в ближайшем будущем увеличилось вследствие присоединения к Гондурасу Роатана и прилегающих островов (с 1861 г.).

Социальное и экономическое положение негров на востоке страны было хуже, чем в центральной ее части. Подавляющее большинство их либо занималось рыбной ловлей и земледелием, либо (и эта группа постоянно росла) работало на лесосеках, принадлежавших англичанам из Британского Гондураса.

Восточные группы негров в значительной степени сохранились и по сей день, остальная же их часть за последние сто лет почти вся растворилась в окружающем населении.

Белое (главным образом, испанское) население в 20—50-х годах XIX в. стягивалось к столице, где и до этого жило подавляющее его большинство. Отсутствие среди испанцев и креолов лиц знатного происхождения определило чрезвычайно малый процент уехавших после провозглашения независимости. Почти все белые уже сознавали себя местными жителями. В этой среде очень быстро ассимилировались потомки иммигрантов даже испанского происхождения. Так, Морасан, дед которого был корсиканцем, а отец приехал в страну из Пуэрто-Рико, стал выдаю-

щимся государственным деятелем Центральной Америки, национальным героем Гондураса.

В XIX в. иммиграция из Испании продолжалась, причем значительную часть переселенцев составляли каталонцы. Происходила также иммиграция с Кубы (правда, «испанской», как полагает Мариньяс Отеро, ее считать нельзя. Во-первых, в ее составе, несомненно, был значительный процент мулатов, встречались также и негры. Во-вторых, кубинцы этого времени во многом отличались уже от испанцев и ставить здесь знак равенства было бы просто неверно)⁴⁵.

Незначительные группы англичан (в том числе шотландцев) жили тогда на восточном побережье страны и на островах (вошедших, впрочем, в состав Гондураса окончательно лишь в 1861 г.).

В середине века существовали уже законы о гондурасском гражданстве и натурализации. Иностранец мог натурализоваться, приобретя недвижимое имущество определенной стоимости, прожив в стране четыре года, либо женившись на дочери гондурасского подданного. Уроженцы страны или выходцы из любой другой центральноамериканской республики, переселившиеся в Гондурас, независимо от подданства родителей, имели право на гондурасское подданство⁴⁶.

Разумеется эти законы регулировали, в основном, официальную иммиграцию. Переселение индейцев из других стран, особенно в малоосвоенные районы, проходило более или менее бесконтрольно. В какой-то степени (особенно это касается тех же малоосвоенных районов) аналогичное положение существовало для негров и ладино.

Как в описываемое нами время, так и позже белые гондурасцы принадлежали, главным образом, к социальной верхушке страны, занимали руководящие посты в администрации, армии и т. п. Среди них были богатейшие помещики вроде упоминавшейся уже семьи Селайа.

Все сказанное выше позволяет прийти к следующим выводам. В 20—50 годах XIX в. национальные процессы в Гондурасе протекали таким образом, что формирование гондурасской нации смогло пройти только первый, начальный период своего развития⁴⁷.

Следующий этап охватывает, как нам представляется, вторую половину XIX — начало XX в.

По-видимому, заключительная стадия сложения гондурасской нации приходится на последние десятилетия этого периода.

Переход домонополистического капитализма в империалистический, ознаменовавшийся испано-американской войной⁴⁸, которая происходила к тому же и территориально близко от Гондураса, и для этой отсталой страны имел серьезные последствия. Возраставшее проникновение в экономику Гондураса капитала США усиливало зависимость республики от Соединенных Штатов. Но в то же время в борьбе против американских империалистов, неоднократно прибегавших к вооруженной интервенции в Гондурасе, крепло национальное самосознание гондурасского народа, ускорялись процессы сложения нации. Могучее влияние Великой Октябрьской социалистической революции активизировало эту борьбу, придало ей новый характер и новое звучание.

Экономика страны в тот период все еще оставалась крайне отсталой. «Хотя в Гондурасе есть весьма разнообразные виды сырья, — отмечалось в справочном издании, вышедшем на рубеже XIX—XX в., — промышленность находится в зачаточном состоянии»⁴⁹. Более трети вывоза составляли золото и серебро, затем следовали кофе, крупный рогатый скот, бананы⁵⁰. За 50 лет независимого существования экономическая структура республики изменилась крайне мало. В 1908 г., выпуская испанский перевод книги Скуира (см. примечание 30), редактор счел необходимым заметить: «Если бы не красное дерево и не сарсапарель, иностранцы и не ведали бы, что существует на свете Гондурас»⁵¹.

Отсталость определялась не только почти полным отсутствием промышленности и феодальным характером сельского хозяйства, где по-прежнему господствовали огромные латифундии. Экономика страны все в большей степени оказывалась в зависимости от иностранного — сначала английского и французского, а ближе к концу века — американского капитала. В области горнодобычи американская «Нью-Йорк энд Росарио майнинг компани» действовала еще с 1880 г.⁵² В 1884 г. США заключили с Гондурасом договор Сото-Кейта, по которому получали железнодорожные концессии и земли для банановых плантаций. В 1899 г. Гондурас становится ареной деятельности «Юнайтед фрут компани», в 1902 — «Куйамель фрут

компани», в 1905 — «Стандард фрут энд стимшип компани».

Постепенно «банановые монополии» становятся полными хозяевами страны, бесцеремонно вмешиваются в ее внутренние дела, навязывают ей все новые и новые соглашения, жестоко эксплуатируют рабочих на плантациях. Гондурас превращается в страну монокультуры, становится в буквальном смысле слова «банановой республикой» со всеми присущими этому типу государств атрибутами.

Прежде всего укажем на дошедшую до крайних пределов политическую неустойчивость. Если за 1827—1879 гг. было 173 вооруженных переворота или попытки совершить переворот, то в 1879—1928 гг. число их еще более возросло⁵³.

Неустойчивым оставалось и внешнеполитическое положение. В 1871—1872 гг. Гондурас воевал с Сальвадором, в 1893—1894 гг. и 1906 г. — с Никарагуа. В результате этой второй войны Никарагуа оккупировала часть гондурасской Москитии (29 433 кв. км).

Наиболее острым периодом были 1907—1911 гг., когда экспансионистская политика США в Латинской, а особенно в Центральной Америке резко активизировалась. Попытки Гондураса сопротивляться американским планам установления финансового контроля привели к созданию на территории США отрядов гондурасских эмигрантов, которые несколько раз высаживались в Гондурасе и при поддержке Соединенных Штатов вели военные действия против правительства⁵⁴.

Вмешательство США в дела страны неоднократно приобретало непосредственно военный характер. В 1903, 1905, 1907, 1911, 1912, 1917, 1919 гг. на территории Гондураса высаживались либо американские войска, либо вооруженные и руководимые американцами заговорщики. Часто предлогом для интервенции были забастовки и волнения на плантациях. То, что вмешательство происходило по наущению и в интересах монополий США, ни для кого не было секретом. «В 1903 г., — вспоминал впоследствии генерал американской морской пехоты Смедли Батлер, — я помогал сделать Гондурас таким, каким было нужно американским фруктовым компаниям».

Внедрение американского монополистического капитала в экономику страны приводило к разорению мелких

производителей, к отрыву их от земли, к созданию чисто аграрного пролетариата⁵⁵, т. е. к появлению в Гондурасе первых значительных по численности, хотя еще и не организованных, не достигших еще достаточной степени зрелости классового самосознания отрядов рабочего класса. Это обстоятельство имело чрезвычайно важное значение для исторических судеб страны. О том, какое влияние оказало оно на развитие национальных процессов, на формирование гондурасской нации, нам придется еще говорить.

Вторая половина XIX — начало XX в. были также временем более или менее окончательной консолидации территории Гондураса. Пограничные споры, конфликты и даже войны продолжались, иногда линия границы передвигалась в ту или иную сторону, но окончательно территория страны уже определилась. Наиболее важными событиями здесь были освоение востока и Москитии и переход в состав Гондураса Роатана и прилегающих к нему островов.

Медленно, но все-таки несомненно развивалась в этот период национальная культура. Правда, число школ существенно не увеличилось, а иногда оно даже уменьшалось: в 1897 г. начальных школ было 683, а средних — 23, к 1910—1911 гг. начальных школ было столько же, а средних — всего 11, из них 3 женских. Оставалось прежним число высших учебных заведений, хотя факультетов стало больше. Кроме подготовки врачей, юристов и священников, была организована подготовка специалистов «по прикладным наукам» и инженеров.

Крайне медленно развивалось библиотечное дело. В крупнейшей Национальной библиотеке на рубеже XX в. насчитывалось не более 2000 книг и документов. При ней же находился и архив.

И все же конец XIX — начало XX в. отмечены значительными достижениями в сфере национальной культуры.

О возросшем уровне национального самосознания свидетельствует появление первых монографий по истории страны. Именно в эти годы создает свою работу «Compendio de la historia social y politica de Honduras» («Краткое руководство по социальной и политической истории Гондураса», 1882—1883) первый гондурасский

историк Антонио Рамон Вальехо (1844—1914). Несколько позже начинает свою деятельность Ромуло Эрнесто Дурон-и-Гамеро (1865—1942). Первая большая его работа была посвящена истории Гондураса в 1817—1827 гг.⁵⁶ Очерк истории страны в колониальный период выпустил Э. Мартинес Лопес (1907). В 1904—1909 гг. издавался первый в Центральной Америке исторический журнал «Revista de Archivo y Biblioteca Nacional de Honduras».

Примерно в это же время разворачивается деятельность Альберто Мембраньо (1859—1921) — юриста и государственного деятеля, ставшего автором первых работ по этнолингвистике и топонимике. Примечателен его интерес к национальным языковым особенностям (и еще примечательнее, что основная его работа — «Гондуранизмы» — публиковалась трижды, постоянно пополняясь новым материалом⁵⁷. Большое внимание уделял Мембраньо «индейскому пласту» в языке («Ацтекизмы в Гондурасе») и топонимике страны («Индийские географические названия в республике Гондурас»)⁵⁸. Он же был автором первого, хотя и краткого, словаря индейских языков и негритянских наречий Гондураса.

Началось довольно интенсивное развитие национальной литературы. Даже в творчестве Х. Сиснероса (год рожд. неизвестен, ум. 1908), подражавшего испанским образцам, заняла заметное место национальная тема (поэма «Лемпира» о завоевании страны испанцами). Первым крупным прозаиком страны стал К. Гутьеррес (1861—1899); созданный им первый гондурасский роман «Анхелина» (1898) отмечен влиянием натурализма. В начале XX в. господствующим течением в литературе стал так называемый модернизм. Символистские влияния сочетались у гондурасских модернистов с тенденцией к национальной самобытности. Первым значительным представителем этого течения был Х. Р. Молина (1875—1908), стихи которого собраны в посмертном сборнике «Земли, моря и небеса» (1911). Крупнейшей фигурой среди модернистов и одним из выдающихся деятелей гондурасской литературы был Фройлан Турсиос (1878—1943), которого считают талантливейшим поэтом Гондураса и одним из наиболее значительных романистов. Во втором десятилетии XX в. в литературу пришли «постмодернисты», стремившиеся приблизить свое творчество к жизни народа. Появляются проникнутые любовью к родной зем-

ле стихотворные сборники Рафаэля Элиodoro Валье (1891—1959) — «Как свет дня» (1913), «Аромат родной земли» (1917) и «Высохший сосуд» (1922), первая крупная национальная пьеса «Заговорщики» (1916) Л. А. Суньиги Портильо (р. 1880), стихи А. Г. Селайи (1878—1947), проникнутые социальными мотивами⁵⁹. Свой первый и единственный роман «Флориана» (1917), посвященный колониальному прошлому страны, публикует Р. Э. Дурон-и-Гамеро.

Уже в конце XIX в. оказалось возможным не только издавать литературный журнал (правда, недолговечный)⁶⁰, но и выпустить первый историко-литературный труд «Литературный Гондурас»⁶¹, принадлежащий уже известному нам Р. Э. Дурону. Труд представлял собой антологию национальной поэзии и прозы с биографическими очерками об авторах.

При оценке всех этих явлений надо учитывать, конечно, неграмотность большей части населения, крайне незначительный еще круг национальной интеллигенции. И все же налицо несомненные достижения, свидетельствующие о росте национального самосознания, являющиеся прямым свидетельством того, что описываемый этап национальных процессов содержал качественно новые и очень важные моменты.

За десятилетия, о которых идет речь, выросло население Гондураса. В 1897 г. оно достигло уже почти 400 тыс. человек (из них 18 тыс. жило в столице)⁶². Данные эти, однако, не у всех авторов одинаковы. Английский ученый А. Кин, например, считал, что четырехсоттысячный рубеж страна перешагнула уже в 1896 г., но в Тегусигальпе в 1898 г. было только 15 тыс. жителей. Остальные города были еще меньше (Колон — 5 тыс. человек), а во всем департаменте Оланчо (до выделения из него восточной части) жило 34 тыс. человек⁶³.

В начале XX в. данные становятся точнее. В 1910 г. население страны увеличилось до 553 446 чел., а на 1916 г., по данным немецкого статистика О. Гюбнера, работами которого пользовался В. И. Ленин, — составило 566 тыс. человек⁶⁴.

Единодушнее, хотя еще и не полностью, становятся и свидетельства об этническом составе. Кин во втором издании своей книги, вышедшем на рубеже века, считает, что ладино в стране, по-видимому, три четверти,

и именно они и «составляют гондурасскую нацию» (или народ — the Honduran nationality) ⁶⁵. По справочной литературе второго десятилетия XX в., индейцев и метисов было 95% ⁶⁶, негров — 3%, белых — 2% населения. Правда, были упоминания о не затронутых цивилизацией индейцах, численность которых оставалась неизвестной. Речь шла, очевидно, о тех индейцах, которые еще не имели контактов с остальной частью населения страны. Но смешанный по преимуществу этнический облик Гондураса, преобладание ладино в стране уже не вызывают ни у кого сомнений, являются общепризнанными фактами.

Однако изменился не только процент ладино. Становится иным и их классовый состав. Изменение это было достаточно длительным процессом, и вторая половина XIX — начало XX в., пожалуй, лишь его начальная стадия. Однако даже в этот период изменение социального статуса части ладино внесло в жизнь Гондураса качественно новые моменты. С появлением плантаций, с увеличением их роли и значения в экономике связано возникновение рабочего класса. Разумеется, какое-то число рабочих было в Гондурасе и раньше. Но, во-первых, их было чрезвычайно мало, во-вторых, концентрация их была совершенно ничтожной. В-третьих, предприятия, на которых они работали (рудники, латифундии), носили, по сути дела, еще докапиталистический характер.

На банановых же плантациях, особенно в XX в., дело обстояло уже иначе. Это были предприятия капиталистические. Рабочих для них требовалось больше. Концентрация рабочих на плантациях была значительнее, чем где бы то ни было раньше. Правда, рабочие подвергались еще эксплуатации полуфеодальными методами, отличались классовой незрелостью, очень плохой организованностью (ни о каких профсоюзах не было и речи), являлись, по сути дела, сезонниками, ибо работу имели только несколько месяцев в году, на уборке урожая. И все-таки появление первых значительных отрядов рабочего класса имело место — факт, сыгравший важнейшую роль в национальном развитии страны.

Этнический состав плантационных рабочих был достаточно разнообразен. Разумеется, компании стремились, прежде всего, найти рабочую силу на месте; таким образом, местные рабочие были в большинстве своем лади-

но, ибо и в населении они составляли подавляющее большинство.

Однако вопрос о рабочей силе для плантаций решался не просто. Гондурасские трудящиеся в то время не были еще втянуты в сферу капиталистической эксплуатации, опыта работы на плантациях не имели, и привлечение их (особенно поначалу) натолкнулось на известные трудности. Начались поиски в ближайших районах. По-видимому, уже в описываемое время на плантациях появились первые эмигранты из густонаселенного Сальвадора. Уже в первом десятилетии XX века начался ввоз рабочих-негров с островов Карибского моря, прежде всего с Ямайки. Традиции отходничества были там уже развиты в связи с тяжелым экономическим положением островов. Таким образом, почти со времени своего возникновения первые крупные отряды рабочего класса в Гондурасе отличались многонациональностью.

Важным компонентом формирующегося рабочего класса стали негры, интенсивность смешения которых с окружающим населением возрастала. Мало смешивались с окружающим населением две негритянские группы: негры Роатана и соседних с ним островов и иммигранты с Антил. Целиком англоязычное и протестанское население Роатана и соседних островов уже поэтому отличалось от остальных жителей страны; добавим, что это единственный район Гондураса, где неизвестно было общинное владение землей и где основу хозяйства всегда составляли различные морские промыслы⁶⁷.

Ввоз рабочих с Антил производился американскими капиталистами бесконтрольно, статистических данных практически нет, кроме нескольких цифр, случайно попавших в печать: так, известно, например, что в 1914 г. «Юнайтед фрут компани» ввезла не менее 1200 рабочих⁶⁸. Кроме вербовки по контрактам, существовал и своего рода «самотек». Все эти поздние иммигранты в культурно-бытовом и, разумеется, в языковом отношении отличались не только от гондурасских ладино, но и от материкового старожильческого негритянского населения. Наплыв их был столь значителен, что на северном побережье одно время английский язык начал интенсивно вытеснять испанский. Появились так называемые «антильские деревни» вроде Ла-Сейбы, большинство жителей которой в начале XX в. составляли именно выходцы с Антил⁶⁹.

Для плантационных компаний необходимость ввоза антильских негров диктовалась следующими соображениями. Иммигранты не были гондурасскими подданными и, следовательно, не пользовались даже теми более или менее иллюзорными правами, которые имели подданные республики. Их (т. е. антильских негров) можно было эксплуатировать тем безнаказаннее, что возвращаясь на голодающие, охваченные безработицей острова они всячески стремились избежать. Антильские негры были знакомы с плантационным трудом еще на родине. Они и раньше подвергались капиталистической эксплуатации. Наконец, в отношении их не существовало языкового барьера, мешавшего американцам. И последнее: создавая на плантациях смешанные в национальном отношении отряды рабочего класса, американцы (особенно поначалу) могли использовать это обстоятельство для разобщения рабочих, для натравливания одной их этнической группы на другую. При этом использовались подчас довольно хитрые методы. Так, иногда негров демонстративно принимали на плантации в первую очередь, поселяли в лучшие оборудованных бараках, назначали десятниками, бригадирами и т. п. Самых сильных и умелых ставили на такие места, что при погрузке, например, они задавали остальным ритм работы и т. п.⁷⁰ Все это не могло не осложнить развитие рабочего движения в Гондурасе.

Что же касается индейского населения, то в указанный период отчетливее, чем прежде, проявилось различие между ленка, с одной стороны, и хикаке, пайя и иными восточными племенами, с другой.

60—70-е годы XIX в. были периодом ожесточенной борьбы ленка за сколько-нибудь сносные условия существования. Возникшие на этой почве конфликты индейцев с ладино (имевшие, прежде всего, социально-экономические причины) привели в 1864 г. к административному выделению индейских общин в Интибуке и Ярамангиле. Для управления проживавшими в этих местах индейцами были назначены специальные лица («алькальде ординарио»), они были выведены из подчинения муниципальным советам, в которых, очевидно, преобладали ладино⁷¹. Эта реформа носила в значительной степени формальный характер. Положение ленка оставалось тяжелым, что привело в конце 60-х — начале 70-х годов к ряду индейских восстаний в районах Куранан, Грасиас и Интибука (т. е.

и там, где провели реформу, и там, где ее не было). Восстание в Кураране вызвало такое беспокойство правительства, что для обеспечения контроля над индейцами в 1872 г. пограничные районы департаментов Ла-Пас и Чолутека были выделены в отдельный департамент Ла-Викториа. После этого для индейцев уже не назначали специальных алькальдов; в 1875 г. в этом было отказано индейцам Окоतेпеке, в 1884 г. — индейцам Сан-Андреса ⁷².

На востоке страны проводилась несколько иная по форме и даже по содержанию политика. Правительство опасалось, как бы восточные племена не выступили в поддержку в то время прочно державшихся в Москитии англичан. Отсюда — назначение особого губернатора по управлению лесными племенами, которому вменялось в обязанность переводить индейцев на оседлость, строить для них школы, способствовать их крещению и т. п. ⁷³ Однако реальной помощи индейцам эти постановления не оказали. Лишь в июле — октябре 1864 г., после долгих усилий удалось закрепить за индейцами некоторых местностей Йоро участки земли ⁷⁴. Зато, последовательно осуществляя продвижение на восток, правительство в 1868 г. объявило о создании департамента Москитиа ⁷⁵.

В 1869 г. была введена особая административная система управления индейцами департамента Йоро. Во главе ее был поставлен специальный чиновник — попечитель, подчиненный губернатору, а в каждом поселке учреждался пост надзирателя. Чрезвычайно быстро вся эта система превратилась в нечто, напоминавшее энкомьенду колониального времени. Попечитель по закону получал право на 8% доходов каждого индейца, надзиратель — на 12%, священники за каждое крещение взимали 5%, «и никто, — замечает американский исследователь Адамс, — не мог сказать, сколько еще они могли собрать». К 1877 г. вся система настолько дискредитировала себя, что правительство было вынуждено ее отменить, ибо она «угрожала спокойствию жителей» ⁷⁶, т. е. могла вызвать восстание индейцев.

Однако система «опеки» над коренным населением восточных районов просуществовала вплоть до 1893 г., когда индейцы были провозглашены, наконец, полноправными гражданами Гондураса; более того, для них были предусмотрены льготы, особенно по линии образования, они были также освобождены от военной службы и нало-

гов⁷⁷. Знакомство с законодательством последующих лет позволяет заключить, что и перечисленные законы не только улучшили положение индейцев⁷⁸.

Несколько иной была лишь политика по отношению к «лесным индейцам» крайнего востока страны — департаментов Оланчо и Москитиа. Эти районы предстояло еще осваивать — отсюда создание 28 апреля 1915 г. так называемой школьной миссии департамента Оланчо с отделением в округах Катакамас и Леон Альварадо (поселки Кульми, Пао, Эль-Карбон)⁷⁹. Из отчета членов миссии можно заключить, что прежние попытки основать школы в этих районах либо не имели никаких последствий, либо вообще практически остались на бумаге. Даже в Эль-Карбоне, расположенном ближе всего к центру страны, дети и в 1915 г. не знали испанского; в Кульми, где школа к моменту открытия миссии уже существовала, они, тем не менее, тоже не владели испанским языком; в Пао, расположенном на самой границе Москитии, «жители придерживались своих обычаев...»⁸⁰.

Таким образом, положение индейцев в Гондурасе, при отсутствии юридически оформленных дискриминационных актов, было все же неравноправным. В уже освоенных частях республики они составляли наиболее угнетаемую категорию сельского населения. Местные органы самоуправления в спорах между индейцами и ладино постоянно принимали сторону последних. Даже от назначения специального алькальда для индейцев (при всей ограниченности его прав и при почти несомненной, как свидетельствуют документы, неиндейской национальной принадлежности) правительство вскоре отказалось. Анализ некоторых законов заставляет предполагать, что земельные права индейцев часто нарушались соседями — ладино или белыми латифундистами. Нарушения эти были достаточно серьезны, иначе это не вызывало бы индейских восстаний.

Индейцы-ленка центральных департаментов, еще сохранившиеся ко второй половине XIX — началу XX в., несмотря на несомненное культурно-бытовое сближение с ладино, тем не менее, противостояли им прежде всего в социальном плане, роль социального аспекта этнических процессов в этом районе заметно возросла. Иным было положение восточных племен. Та граница, за которой начиналась территория «немир-

ных» индейцев, передвинулась к востоку, в районы Оланчо, граничащие с Москитией. Но пайя и хикаке этого департамента продолжали занимать компактную территорию, на которой ладино насчитывалось очень мало, это существенно отличало их от ленка, живших чересполосно с ладино и составлявших среди этих последних незначительное меньшинство. Второе отличие связано с тем, что ладинизация оланчанских индейцев за указанный период продвинулась очень незначительно. И по языку, и по культурно-бытовым особенностям большая часть оланчанских пайя и хикаке очень мало сблизилась с ладино, а в восточных районах департамента этого сближения еще не наблюдалось.

О тяжелом экономическом положении всех индейцев Гондураса (опять-таки особенно заметном на востоке) мы уже упоминали. Методы их эксплуатации носили иногда даже не феодальный, а дофеодальный характер.

Что же касается «немирных» индейцев, то они и во второй половине XIX — начале XX в. сохраняли свою независимость и контакты их с остальным населением были довольно редким явлением. При этом следует, правда, помнить о сужении той полосы, где сохранялось «немирное» индейское население. На эту полосу шло своего рода «наступление» и с востока, и с побережья (в связи с появлением и быстрым ростом банановых плантаций в стране).

Белое население в этот период росло медленно. Продолжалась незначительная иммиграция из Испании и Кубы (хотя последняя, как уже отмечалось, была этнически неоднородной). Гондурасские авторы весьма подробно прослеживают генеалогию почти каждой белой семьи, включая и переселенцев второй половины XIX в.⁸¹ Обостренное внимание к этому вопросу свидетельствует о высоком социальном статусе белых, т. е., иначе говоря, о существовании в стране национального неравенства.

На острове Утила с 1830-х годов жили англичане. Сначала это были пираты, затем переселенцы с Барбадоса, островов Кайман и даже Англии. С включением Роатана и окружающего его архипелага в состав Гондураса (1861) колонисты Утилы стали гондурасскими подданными, но полностью сохранили свой язык, протестантскую религию и весь культурно-бытовой уклад. Очень долго

англичане Утилы были эндогамны, лишь в конце XIX — начале XX в. стали появляться, хотя и редко, первые смешанные англо-гондурасские и даже англо-негритянские семьи. Многие десятилетия англичане не знали испанского языка. Основным их занятием были рыбная ловля, работа на морских судах, садоводство, огородничество. К началу XX в. началась эмиграция молодежи в США, причем возвращалась на остров очень незначительная часть уезжавших⁸².

С 1910 г. берет начало иммиграция в Гондурас арабов христиан из Сирии, Ливана и Палестины, получивших прозвище «туркос», т. е. турки (очевидно, в связи с тем, что родные их места находились тогда под властью Турецкой империи). Занявшись преимущественно торговлей, арабы, как правило, оседали в республике, быстро изучали испанский и ассимилировались окружающим населением⁸³.

Американское население, поселившееся в плантационных районах, а также в столице с конца XIX в., было численно незначительным и текучим по своему составу.

Могучее воздействие Великого Октября, подъем антиимпериалистической борьбы во всем мире и непосредственно в Латинской Америке сказались и на характере национальных процессов, и на их интенсивности, и на особенностях развития гондурасской нации. Многие моменты здесь оказываются общими и для всех латиноамериканских, и еще более — для всех центральноамериканских стран. Мы же уделим основное внимание непосредственно гондурасскому материалу.

Уже к началу описываемого периода в Гондурасе отчетливо выделились три основных экономических района, существующие и поныне: Северный прибрежный, Центральный и Юго-Западный, Северо-Восточный (Москития).

В Северном районе сосредоточены банановые плантации, целиком находившиеся и находящиеся в руках двух монополий США — «Юнайтед фрут компани» и «Стандард фрут энд стимшип компани». Эти компании полностью контролировали и контролируют выращивание бананов — основную отрасль сельского хозяйства и, более того, всей экономики республики, они сосредоточили в своих руках контроль не только над экономикой, но и над политикой Гондураса.

На юго-западе и в центре основным занятием населения было земледелие (возделывание бобов, маниоки, кукурузы, кофе) и скотоводство, в восточной части страны (Оланчо и соседние департаменты) — экстенсивное скотоводство.

Промышленность по-прежнему почти полностью отсутствовала. Большинство месторождений полезных ископаемых не разрабатывалось. Существовало лишь несколько предприятий обрабатывающей промышленности (текстильная фабрика в Тегусигальпе, две мельницы — в Пуэрто-Кортес и Сан-Педро-Сула, спичечная и табачная фабрики в столице, кожевенный завод в Данли и т. п.). Почти все они принадлежали «Юнайтед фрут компани».

Москитиа оставалась в подавляющей своей части не просто неосвоенной, но даже неисследованной. Лесные ее богатства использовались в совершенно ничтожной степени (преимущественно красное дерево). С 1942 г. до конца войны американцы несколько активизировали сбор каучука, главным образом, в более освоенных районах (департаменты Комайагуа, Йоро и др.).

И поныне Гондурас остается наименее развитой и самой бедной страной Центральной Америки. 67% самостоятельного населения занято в сельском хозяйстве. Подавляющее большинство хозяйств (82%) имеет от 0,7 до 13,3 га земли. На долю их приходится 22,8% обрабатываемых площадей. В то же время крупнейшие латифундии (700 и более га), составляющие 2% всех хозяйств, располагают более чем 41% обрабатываемых земель⁸⁴. 38% сельскохозяйственных угодий принадлежит монополиям США и 41% — помещичьему семейству. При этом значительная часть земли остается невозделанной — используется не более $\frac{1}{6}$ ее части (включая пастбища). Монополии США захватили 18% всей территории страны⁸⁵.

По-прежнему в экономике страны господствует капитал США в лице «Юнайтед фрут компани» (поглощенной весной 1969 г. еще более крупной монополией) и «Стимшип фрут К°». Им принадлежит более 200 тыс. га гондурасской земли, но более $\frac{3}{4}$ этих земельных владений «находятся в резерве». В руках монополий США остаются банки, железные дороги, порты, каботажный флот, связь, большинство промышленных предприятий. По-прежнему их влияние на политику страны огромно.

Не изменился и характер промышленности. Предприятия в подавляющем большинстве носят полукустарный или просто кустарный характер. В Гондурасе 600 с небольшим заводов и фабрик, на которых занято немногим более 16 тыс. рабочих. Добыча полезных ископаемых по-прежнему находится в руках американских компаний, и крупнейшей из них остается «Росарио майнинг». О масштабах этой добычи можно судить по тому факту, что в валовом продукте страны доля горной промышленности составляет 1%.

Экономические связи внутри страны чрезвычайно слабы. «Банановый» север очень плохо связан с остальными частями республики. Капиталовложения производятся в уже сравнительно развитые районы и в такие отрасли экономики, которые приносят большой доход иностранным компаниям. Проекты индустриализации долгие годы не могут преодолеть стадию обсуждения.

Пролетариат страны немногочислен, концентрация его невелика. Процент фабрично-заводских рабочих — самый низкий в Центральной Америке (20,1%). Большинство рабочих заняты на плантациях. Правда, в эту последнюю категорию включаются и те, кто занимается переработкой, упаковкой, хранением урожая; кроме того, по окончании сафры многие рабочие ищут занятий в городах. Иначе говоря, промышленных рабочих в Гондурасе больше, чем свидетельствуют статистические таблицы⁸⁶. Но даже и с учетом этого обстоятельства число их остается незначительным.

Уровень жизни чрезвычайно низок. Доход на душу населения в 1965 г. составлял 225 долларов в год, т. е. 9% дохода в США. И по этим показателям Гондурас занимает последнее место в Центральной Америке (средний доход — 305 долларов) и одно из последних мест во всей Латинской Америке⁸⁷. Полностью безработных — 60%, частично безработных — 10%. Дневной рацион питания 2080 калорий (норма — не менее 2700). 2/3 населения не пользуется электроэнергией и живет в домах, лишенных элементарных удобств. Детская смертность — 45,4 на 1000 человек (1964). Средняя продолжительность жизни — не более 40—50 лет.

В ходе этой борьбы за подлинную техническую и экономическую независимость росло и крепло национальное самосознание гондурасского народа.

Наиболее существенными моментами истории последних десятилетий были, прежде всего, события 20-х годов — тридцать три восстания за февраль—август 1923 г., создание в 1927 г. первых нелегальных групп профсоюзов и первых коммунистических, также нелегальных, групп, объединившихся затем в компартию Гондураса, возникновение два года спустя боевой Профсоюзной федерации. Тридцатые годы, начавшиеся забастовками и восстанием на плантациях (1931, 1932), прошли под знаком борьбы с реакционной диктатурой ставленника США Т. Кариаса Андино (1933—1949), продолжавшейся и в сороковые годы. Активизация этой борьбы под влиянием победы свободолюбивых сил над фашизмом привела к середине 40-х годов к созданию марксистских кружков, а в 1954 г. — к воссозданию коммунистической партии страны. Подъем народного движения в этот период ознаменовался целым рядом успехов: легализацией профсоюзов (1955), введением трудового законодательства, получением политических прав женщинами. В сложной обстановке конца 50-х — 60-х годов реакция при помощи и по указке империалистов США не раз прибегала к военным переворотам⁸⁸.

Попытки правящих кругов найти выход из сложившейся в стране ситуации вылились в войну с Сальвадором (1969 г.), которая серьезно ухудшила экономическое положение Гондураса. Усилившаяся борьба народных масс привела к падению реакционного правительства. К власти пришло правительство Лопеса Арельяно (декабрь, 1972 г.), наметившее и проведшее ряд реформ с целью обеспечения наиболее благоприятных условий для дальнейшего развития страны.

* * *

В свете сказанного выше становятся ясными трудности, испытываемые в своем развитии просвещением и национальной культурой.

Вплоть до 1937 г. в стране не отпускались средства на самое массовое звено образования — начальное. Количество школ за последние десятилетия, по официальным данным, колеблется в таких пределах, что это подрывает всякое доверие к официальной статистике. Если в 1927 г. их было — 895 (37,9 тыс. учащихся), то в 1937 г. — всего

83 (из них пять средних, всего около 8 тыс. учеников). В середине 40-х годов, по официальным данным, было 54 тыс. школьников, в 1957 г. — более 2300 школ (139 тыс. учеников), еще через 10 лет — более 4200 (около 350 тыс. учеников).

Чрезвычайно высоким оставался процент неграмотных: 70% — в середине 40-х годов, 70% — десятилетие спустя, от 63 до почти 80% — в 60-е годы (и это при условии, что обучение для детей от 7 до 15 лет — бесплатное). За бортом школы по-прежнему остается большинство детей (60% — в 1927 г., более 75% — в середине 40-х годов, 75% — в 1957 г.). В 60-х годах 54% детей не училось вообще, а из поступивших в школу не оканчивало ее более 35%.

Совершенно не обеспечивает нужд страны сеть средних специальных и высших учебных заведений. Первая учительская семинария открылась лишь в 1946 г., и в том же году впервые началась подготовка агрономов (хотя сельское хозяйство занимает ведущее место в экономике страны). Число студентов в двух национальных университетах растет крайне медленно (примерно 100 человек в 1927 г., 368 человек — в 1943, около 900 человек — в 1957, более 2,5 тыс. человек — в конце 60-х годов). Количество факультетов возросло до семи (юридический, медицинский, фармацевтический, зубоортодонтический, инженерный, два экономических). Существует сеть курсов по подготовке медсестер, журналистов и других специалистов.

Однако вся эта система доступна, как мы видим, лишь незначительному меньшинству населения.

В отсталой, зависимой от американского империализма стране, где даже просто грамотных людей чрезвычайно немного, условия развития национальной культуры отличаются особой сложностью. И все-таки, хотя и медленно, с трудом преодолевая многочисленные препятствия, культура и наука в стране развиваются.

Особенный интерес представляет для нас состояние общественных наук, изучение истории, чрезвычайно важное в связи с исследованием формирования и развития национального самосознания. При всей буржуазной ограниченности мировоззрения гондурасских историков появление их трудов, несомненно, явилось существенным моментом развития национальной культуры.

Важным событием научной и культурной жизни страны было создание в 1926 г. Общества географии и истории Гондураса, возобновившего в следующем году выпуск «Обозрения национальных архива и библиотеки»⁸⁹.

Первые монографии этого периода носили обзорный характер⁹⁰. Изданный в 1927 г. «Очерк истории Гондураса (1502—1821)» представлял собой не исследовательскую работу, а аннотированный сборник документов. В 1932 г. выходит монография А. Коэльо о президенте Фернандесе Линдо⁹¹. Содержала исторические материалы и книга Г. Кастаньеды о Роатане и прилегающих к нему островах⁹². В 40-е годы вышло всего две книги — по истории университета (1947)⁹³ и «Гондурас в прошлом» (том I)⁹⁴. В следующем десятилетии вышла только одна оригинальная работа — Р. Э. Дурона-и-Гамеро⁹⁵.

Два исследования гондурасских историков были опубликованы за границей: работа об основателе гондурасского университета Х. Т. Рейесе⁹⁶ и коллективный труд о президенте Гондураса (1894—1899) Поликарпо Бонилле⁹⁷, в числе авторов которого был один из виднейших деятелей культуры Гондураса Р. Э. Валье. Почти вся жизнь и вся научная и литературная деятельность Валье прошла за пределами его родной страны — главным образом в Мексике, отчасти в США. Помимо только что названной работы, гондурасская тематика, к сожалению, осталась вне сферы его интересов⁹⁸.

Мы видим, таким образом, что количество работ по национальной истории, во-первых, очень незначительно; во-вторых, тематика ограничивается почти преимущественно ранним прошлым республики или историей просвещения и культуры; в-третьих, обобщающих работ пока еще не создано; в-четвертых, наконец, уровень многих исследований еще не высок⁹⁹.

Не изменилось положение и в 60-е годы. Здесь можно, пожалуй, только назвать уже неоднократно упоминавшуюся книгу Луиса Мариньяса Отеро (1963), опубликованную, однако, в Мадриде¹⁰⁰.

И все-таки, обозревая сделанное за последние десятилетия, можно констатировать определенные успехи. Появление указанных работ, при всей их немногочисленности, при всей подчас случайности тематики свидетельствует о явном росте интереса к истории, об укреплении и развитии чувства национального самосознания.

Сделаны были первые шаги в исследовании этнографии и фольклора страны. Правда, внимание авторов привлекали и привлекают пока что частные вопросы. Ф. П. Севальос, например, изучил легенды города Комайагуа¹⁰¹. Первые попытки обобщения оказались неудачными прежде всего из-за ложных установок автора¹⁰².

Последние десятилетия отмечены достижениями в области национальной литературы. Достижения эти явились несомненным следствием нарастающего подъема освободительной борьбы гондурасского народа. В творчестве наиболее значительных поэтов начинают отчетливо звучать ноты социального протеста. Это характерно, в частности, для В. А. Алемана (р. 1912), главное произведение которого — «Патриотические песни в честь генерала Морасана» (1944), для Х. Каркамо (1917—1959), К. Барреры и других. Шестидесятые годы отмечены приходом в поэзию непосредственных участников освободительной, антиимпериалистической борьбы. Наиболее интересно в этом плане творчество молодого поэта Помпейо дель Валье. Стихи его неоднократно публиковались в нашей печати¹⁰³.

Время от времени выпускаются поэтические антологии. Одну из них в 1939 г. опубликовал поэт Хесус Кастро (р. 1906). Другая, вышедшая почти через 20 лет представляет собой трехтомное, расширенное переиздание поэтической части «Литературного Гондураса» Р. Э. Дурона-и-Гамеро (1957). В прозе можно наблюдать все растущий интерес к жизни простых людей, проявившийся, например у Артуро Мехиа Ньето (р. 1900), автора новеллистических сборников «Туземные рассказы» (1929), «Старые ботинки» (1930), «Старый холостяк» (1931) и др., а также романа «Беглец от самого себя» (1934). Книга П. Ортеги «Духи отчизны» представляет собой первое произведение гондурасской литературы, написанное на фольклорном материале.

Позднее в литературу вступают прогрессивные писатели. Двухтомный роман Карлоса Исагирре (1894—1956) «Под ливнем» (1945) направлен против хозяйничанья американских монополий. В нем показано трагическое положение трудящихся, подвергаемых жестокой эксплуатации.

Крупнейшим прогрессивным писателем страны был Рамон Амайя Амадор (1916—1966), один из основателей и руководителей коммунистической партии, член ее Цент-

рального Комитета, сотрудник редакции журнала «Проблемы мира и социализма», безвременно погибший в результате авиационной катастрофы. Первый его роман — «Зеленая тюрьма» (1950) — посвящен борьбе рабочих банановых плантаций. Многие страницы этой книги автобиографичны¹⁰⁴. Следующий роман — «Строители» рассказывает о строительных рабочих Тегусигальпы. Как и в вышедших затем произведениях Амайя Амадора («Рассвет», «Красный отряд» и др.), перед читателями проходят не только жертвы, не просто угнетенные, но активные борцы против монополий США и местной реакции.

Последний, опубликованный уже посмертно роман писателя «Операция «Горилла» — первая его книга, переведенная на русский язык¹⁰⁵, — написан в несколько ином ключе. Это прежде всего политический памфлет, раскрывающий механику переворотов, организуемых в Центральной Америке дипломатами и монополистами Соединенных Штатов. Активный борец за дело гондурасского народа, Амайя Амадор из-за полицейских преследований вынужден был покинуть Гондурас и последние годы жизни провести в эмиграции. Он несколько раз посещал нашу страну¹⁰⁶.

Значительная часть произведений прогрессивных гондурасских писателей публиковалась на страницах литературных журналов — «Honduras Rotaria» и «La Pajarita de Papel»¹⁰⁷.

За последнее десятилетие сделал немалый вклад в развитие национального искусства. Основы его заложили Пабло Сьерра Селайя (1896—1933) и Карлос Суньига Фигероа (р. 1883), работавшие в области пейзажа, портрета, создавшие первые значительные образцы исторической и жанровой живописи. Художники-реалисты старшего и среднего поколения (А. Лопес Родесно, М. Руис, Х. Веласкес, Д. Ласарони) обращаются в своем творчестве к жизни народа, к изображению природы Гондураса. Неореалист Альваро Каналес (р. 1919) является сейчас наиболее ярким представителем искусства страны (хотя работает он, главным образом, в Мексике). Герои большинства его картин («Разоренные», 1958, «Шахтеры», 1958, и др.) — рабочие и крестьяне. Помимо живописи, он занимается и графикой¹⁰⁸.

Национальное музыкальное искусство не получило в стране значительного развития. Большинство композито-

ров пишет так называемую легкую музыку. Наиболее известный музыкант и дирижер — Франсиско Диас Селайа (р. 1898).

Постоянный театр есть только в Тегусигальпе. Он носит наименование Национального. В 1969 г. в стране было около 40 кинотеатров. В основном на экранах демонстрируются фильмы США. Своего кинопроизводства республика не имеет.

Проникновение идеологии США идет не только через кинотеатры, но и через телевидение, радио, театр, периодику, литературу. В то же время деятельность прогрессивных литераторов находится под запретом, их книги не издаются, ввоз их считается преступлением. Прогрессивные деятели подвергаются преследованиям, многие из них оказываются вынужденными покинуть страну. Все это в соединении с уже упоминавшимися особенностями развития страны (почти постоянное пребывание у власти реакционных диктатур, низкий жизненный уровень, малый процент грамотности, немногочисленность интеллигенции) чрезвычайно затрудняет развитие национальной культуры.

Нельзя не сказать и о том, что создавшаяся обстановка весьма благоприятствует растлению некоторых групп интеллигенции, превращению их в прямых наемников диктатур и империализма, подобных поэту Олимно дель Корраль, которого с таким сатирическим мастерством вывел в своем последнем романе Р. Амайа Амадор.

Официально государственной религии в Гондурасе не существует. Подавляющее большинство верующих исповедует католическую религию. Исследователи отмечают равнодушие гондурасцев к религиозным вопросам, незначительность их контактов с церковью. Характерно, что, по данным 1960 г., один священник в стране приходится на 9950 католиков (предпоследнее место в Центральной Америке). Около $\frac{2}{3}$ духовенства составляют монахи различных орденов (иезуиты, францисканцы и пр.).

Представителей «некатолических» религий — менее 1%. В республике действует 19 различных протестантских церквей и сект, связанных, главным образом, с США. Протестанты составляют большинство лишь в одном из восемнадцати департаментов — Исла де ла Бапа (остров Роатан и прилегающие к нему острова).

Население Гондураса увеличивается преимущественно за счет естественного прироста, так как иммиграция никогда не была значительной. В конце 20-х годов оно составило 740 тыс. человек (1927), по переписи 1935 г.— 922 685 человек, в конце 30-х годов достигло 1 млн. человек. Перепись 1940 г. дала итог 1 107 589 человек, перепись 1945 г.— 1 201 тыс. человек, 1950 г.— 1 369 тыс. человек. К концу 50-х годов эта цифра увеличилась до 1810 тыс. человек (1959). В 60-е годы XX в. население страны превысило 2 млн. человек (2008 тыс. в 1963 г.), а к концу десятилетия составило 2445 тыс. человек (1967). Среднегодовой прирост — 3%. Рождаемость — 46,3 на 1000, смертность — 9,6 на 1000.

Распределено население неравномерно. Средняя плотность — 20—21 человек на 1 кв. километр. Наиболее густо заселен район плантаций у Карибского моря, а также горные долины запада и центра. Остальная часть республики заселена слабо, а Москитиа (департамент Грасиас-а-Диос) населения почти не имеет.

Города республики (в которых, по данным начала 60-х годов, проживало 23,2% населения) находятся в наиболее густо заселенных районах. Население столицы Гондураса Тегусигальпы растет довольно быстро (57 993 человека — в 1944 г.; 10 тыс. человек — в 1956 г.; 190 844 человека — в 1966 г.). Этот процесс проявляется и на примере второго по величине города — Сан-Педро-Сула (54 тыс. человек в 1956 г.; 98 104 человек — в 1966 г.), а также и других городов. Так, население Ла-Сейбы с 1956 по 1966 г. выросло с 21,1 тыс. до 31 951 человек, в Пуэрто-Кортес — с 12,2 тыс. до 22 791 человек.

В XX в. этнический состав страны существенным образом уже не менялся. Этнический облик Гондураса определился с полной отчетливостью, и колебания в пределах нескольких процентов ничего принципиально не меняют. Эта устойчивость является, по нашему мнению, одним из важных аргументов в пользу того, что процесс консолидации гондурасской нации проходит уже заключительный этап и существование такой нации представляет собой реальный факт.

Главной особенностью гондурасской нации является то, что ладино составляют не только ее ядро, но и подавляющее большинство населения. Правда, это обстоятельство не всегда получало отражение в статистиче-

ских материалах и даже в некоторых специальных статьях, но, как отмечает американский исследователь Стоукс, «скрывать его осмеливались лишь немногие писатели и историки страны»¹⁰⁹. К числу этих немногих принадлежат авторы совершенно фантастических подсчетов из брошюры, вышедшей в 1931 г.: 20% — белые, 25% — метисы, 55% — индейцы¹¹⁰. В большинстве же источников и исследований уже довольно давно и достаточно прочно утвердились правильные данные.

Особый интерес представляют цифры, опубликованные в 40-е годы XX в.¹¹¹:

Этнические группы	Численность (в %)	
	в 1940 г.	в 1945 г.
Метисы (ладино)	86,4	89,9
Индейцы	9,54	6,72
Негры	2,18	2,11
Белые	1,83	1,23
Выходцы из Азии	0,4	0,3

Данные 50-х годов не позволяют, к сожалению, провести детального сравнения с предыдущим десятилетием, ибо начиная с 1950 г. из гондурасских переписей исключена рубрика «индейцы»¹¹². В то же время при проведении переписей основное внимание уделяется, прежде всего, подданству, а не национальной принадлежности. Поэтому в материалах цензов есть данные о гондурассах, сальвадорцах, костариканцах и пр., сведений же о ладино нет. С неграми и выходцами из Азии дело обстоит несколько иначе, ибо расовая принадлежность в переписи отражается¹¹³.

Но даже и те данные, которыми мы располагаем (и которые относятся к 50—60-м годам), вполне определенно подтверждают только что охарактеризованную тенденцию¹¹⁴:

Этнические группы	Численность (в %)
Метисы (ладино)	91
Индейцы	6
Негры	2
Белые	1

Итого: 100

Гондурасский автор Мариньяс Отеро считает даже, что процент ладино должен быть еще выше, так как большая часть индейцев имеет примесь испанской крови. Нам представляется, что он прав, хотя с обоснованием его правильного по существу взгляда мы бы не согласились. Антропологические факторы для большей части территории Гондураса (в интересующем нас плане) уже утратили свое значение. Ладино представляют собой единство не потому только, что они — одинакового смешанного испано-индейского происхождения. Их объединяет общность духовной и материальной культуры, представляющей собой сплав нескольких элементов — прежде всего, испанского и индейского. Они являются создателями и носителями этой национально-самобытной гондурасской культуры.

Одним из важнейших элементов этой культуры, вне всякого сомнения, является язык. Каковы же специфические черты испанского языка, на котором говорят в республике Гондурас? Монографии и даже статьи на эту тему нам неизвестны, за исключением уже упоминавшихся работ Мембраньо. К сожалению, они отсутствуют в наших библиотеках и воспользоваться ими нам не пришлось. Из обширной библиографии, приложенной к исследованию Г. В. Степанова¹¹⁵, видно, что работы эти остались недоступны и ему.

Стремясь дать общее представление о «гондуранизмах» в испанском языке, мы обратились к наиболее полному советскому «Испанско-русскому словарю» под редакцией Ф. В. Кельина (М., 1953). В этом пособии — около 42 тыс. слов. Из них с пометкой «гондурасские» обнаружено 223. Словарь в интересующем нас плане не лишен недостатков (так, термин «тико», обозначающий костариканца, помечен почему-то как гондурасский, хотя имеет более широкое распространение¹¹⁶; вместе с тем, не включены такие слова, как «гуанкасско»); однако на страницах словаря можно найти довольно много нужных нам примеров.

Особый интерес, конечно, представляют слова, известные только в Гондурасе. Их, по-видимому, около 50. В основном они относятся к категории бытовой лексики. Видное место принадлежит среди них местным терминам, прежде всего из области флоры и фауны («паков» — мыльное дерево, «ракуна» — барсук, «сомпопо» — вид му-

равья, «суйате» — финиковая пальма, «тиана» — дурман), а также гондурасским реалиям («каханга» — кукурузная лепешка, «куна» — короткий нож, «кутаче» — длинный прямой нож, «минги» — особый напиток, «монтуса» — кукурузный пирог и др.).

Очень интересны два термина, имеющие этнонимическое и в то же время определенное смысловое значение. «Cisague» обозначает не только индейца соответствующего племени, но и «грубого, неотесанного человека» (распространено и в Гватемале). «Lenco» — опять-таки не только индеец данного племени, но и «заика, заикающийся человек». Пренебрежительная окраска этих терминов, особенно первого, очевидна. Нам придется еще вспомнить о ней в одном из следующих разделов.

Фонетической особенностью испанского языка Гондураса является опускание «с» в середине слова (mi'to вместо mismo). В синтаксисе отметим преобладание формы vos (2-е лицо множественного числа, вместо 2-го лица единственного), характерное также и для других центральноамериканских стран. Это явление носит название «vosco»¹¹⁷.

Как видим, в языке Гондураса преобладающим остался испанский компонент. В других сферах культуры, особенно культуры материальной, этот компонент ощущается меньше, а кое-где преобладание индейского компонента чувствуется совершенно определенно.

Примером может служить национальная пища. Характерно, что основные праздничные блюда изготавливаются из кукурузного теста («маса») — уже одно это обстоятельство говорит об их индейском происхождении. Таков, например, пирог «накатамаль» (название, видимо, из языка нахуатль). Большое место в рационе занимает кокосовое молоко — особенность опять-таки индейская. Главное праздничное блюдо — «топадо» — представляет собой мясо, тушеное с кокосовым молоком и овощами.

Отчетливо ощущается индейский компонент и в жилище, особенно в сельском. Стены домов — плетеные, обмазанные глиной. Двухскатная крыша кроется, как правило, соломой. Встречаются, правда, и постройки из необожженного кирпича, покрытые черепицей. К дому пристраивается навес на трех столбах¹¹⁸.

Особенности культуры, о которых идет речь, распространены чрезвычайно широко. Испанским языком (с ме-

стными особенностями) владеет подавляющее большинство населения (исключение составляет часть негров и индейцев, о чем подробно будет сказано ниже). Национальные блюда и тип жилища также характерны практически для подавляющего большинства гондурасцев. Можно, таким образом, сказать, что границы распространения языка и ряда других элементов культуры — шире этнических границ «ладино». Однако и сами эти границы далеко не всегда могут быть определены с достаточной степенью достоверности.

Ладино и белых разделяет, по-видимому, особое самосознание, опирающееся на весьма основательно разработанную генеалогию. Бытовые же различия между ними связаны скорее всего с различиями в городском и сельском укладе, а также, разумеется, с имущественным положением, причем для городского быта, и особенно для быта господствующих классов, характерно значительное проникновение элементов стандартизированной культуры США.

Различия между негритянскими группами определяются прежде всего антропологически, а в ряде случаев и лингвистически.

Сложнее обстоит дело с различиями между индейцами и ладино, особенно если речь идет о группах, социально однородных или близких. Для 1935—1945 гг. мы располагаем следующими данными о численности индейцев: в 1935 г. — 89 665 человек, в 1940 г. — 105 752 человека, 9,54 % населения страны; в 1945 г. — 80 660 человек, 6,72 % населения страны ¹¹⁹.

Мы упоминали уже о том, что с 1950 г. индейцев в переписях вообще не показывают. Это обстоятельство еще более затрудняет определение численности индейского населения, ибо подсчеты после 1950 г. оказываются уже совершенно приблизительными.

Так, к началу 60-х годов считалось, что гондурасских индейцев — 107 800 человек, а к концу десятилетия их число, согласно литературе, уменьшилось в 3 раза, составив 35 тыс. человек.

Не случайно гондурасский ученый Х. Нуньес Чинчилья замечает по этому поводу: «Статистика населения определяется личными оценками занятых ею людей — без какой бы то ни было научной базы. Мы должны к этому еще прибавить, что переписчики обычно почти не-

грамотны и заполняют колонку, помеченную «раса», основываясь лишь на наружности опрашиваемого»¹²⁰.

Основная масса коренного населения относится к лингвистическим семьям пайя-ленка (народы ленка, пайя, хикаке), чибча (сумо), а также майя (чорти) и юто-ацтекской (пипиль).

Индийское население распределено по территории Гондураса крайне неравномерно. Большая часть его сосредоточена в юго-западных департаментах республики, близ сальвадорской границы. Здесь, по данным разных авторов, живет от 50 до 70% коренных жителей страны. Департамент Интибука единственный, где их большинство (55—60%); 2-е место по численности индейцев занимает департамент Ла-Пас, где их не более 18%. В семи из семнадцати департаментов республики индейцев нет совсем.

подавляющее большинство индейцев страны уже утратило свои языки и перешло на испанский; тем не менее, и в быту, и в официальном обиходе испаноязычный индеец и ладино различаются в Гондурасе до сих пор достаточно отчетливо. Языковой фактор является в интересующем нас плане лишь одним из многих слагаемых. Конечно, он многое помогает определить, но не менее существенную роль играют и такие моменты, как национальное самосознание, сохранение или утрата определенных особенностей социальной организации, материальной культуры и быта и до какой-то степени — антропологические признаки.

Разумеется, в Гондурасе существуют группы индейцев, этническая принадлежность которых не вызывает никаких сомнений. Это, прежде всего, жители двух деревень в районе Монтанья-де-ла-Флор (департамент Йоро), сохранившие язык, обычаи и вообще весь свой образ жизни, «намеренно, — как говорит Мариньяс Отеро, — оставаясь обособленными» от остальной части жителей страны и даже от основной массы собственного народа хикаке, подвергнувшегося, правда, значительной ассимиляции. Заметим при этом, что если хикаке всего, по-видимому, около 8 тыс. человек, то жителей Монтанья-де-Ла-Флор — не более 200—300 человек.

Второй группой являются индейцы пайя, живущие в самых глухих местах департамента Оланчо (главные центры их расселения — Дульсе Номбре-де-Кульми и Санта-Мария-дель-Карбон). Они были оттеснены туда в про-

цессе колонизации (на позднем ее этапе, в XVIII в.), причем за два века численность их уменьшилась примерно с 10 тыс. до 400 человек. Сейчас в этот район проникают ладино, в Дульсе Номбре-де-Кульми их уже около половины населения, но в Карбоне по-прежнему подавляющее большинство — индейцы. Испанского языка еще в начале 60-х годов женщины пайя не знали совсем, мужчинам же в лучшем случае была известна сотня наиболее обиходных слов. В культурно-бытовом отношении до сих пор пайя еще не очень отличаются от своих предков, живших сотни лет назад ¹²¹.

Затем следует упомянуть две группы: чорти (лингвистическая семья майя) из департамента Копан и пипиль из департамента Окотепеке. Они не отличаются от основной части соответствующих народов, живущих по ту сторону гватемальской и сальвадорской границы.

Сложнее обстоит дело там, где индейские языки уже утрачены и по своим культурно-бытовым особенностям люди почти не отличаются от окружающего населения.

Разумеется, здесь следует, прежде всего, руководствоваться тем, сохранилось ли обособленное этническое самосознание. Есть случаи, когда индейцы, сохранив своеобразие физического облика, во всех остальных отношениях настолько сливаются с окружающими ладино, что уже и сами не считают и не называют себя индейцами. По-видимому, даже в переписях их не учитывали как индейцев. В департаменте Санта-Барбара 5000 индейцев, рассеянных по муниципиям Илама, Чанда, Петоа, Колинас и Сан-Маркос, ассимилировались до такой степени, что утратили даже представление, к какому народу принадлежали их предки (по-видимому, это были ленка) ¹²².

Возникает, однако, вопрос: почему даже на такой стадии ассимиляции о них говорят все же как об индейцах? Прежде всего, причиной этому — наличие традиционного общинного землевладения. Характерно, что оно преобладает именно на юго-западе, где в трех департаментах охватывает 50% земли (мы отмечали уже, что это район обитания большинства гондурасских индейцев). Общинное землевладение далее встречается в департаменте Санта-Барбара, и именно в только что перечисленных его муниципиях (например, в Иламе — 67,2%). Наконец, в департаменте Эль-Параисо общинных земель — 24,5%, а в муниципиях Тексугуат, Лупра, Вало Анчо, Яюше,

где проживает до 10 тыс. индейцев матагальпа, — 90,4%.

Затем следует принять во внимание некоторые особенности социального быта, например обычай гуанкаско (своего рода «побратимства» деревень и поселков, в связи с храмовыми праздниками). Во всяком случае, в неиндейских районах гуанкаско не встречается, а для таких пунктов, как Интибука и Ямарангила (уже известный нам департамент Интибука), Илама и Чонда (департамент Санта-Барбара), он все еще характерен¹²³.

Нельзя далее упускать из виду и особенности материальной культуры, например, у ленка департамента Интибука — изготовление изделий из растительных волокон и плетенок из ивовых прутьев; у ленка департамента Санта-Барбара — использование так называемого мекапала (кожаный головной обруч, к которому на ремнях прикрепляется груз). В департаменте Санта-Барбара, кроме того, дома индейцев крыты сломой, в то время как дома ладино — черепицей¹²⁴.

Сохраняются еще некоторые различия в costume. Старинный костюм ленка почти совершенно исчез (например, праздничный женский наряд, обычно покупавшийся в Гватемале: белая кофточка, синяя юбка с белыми или красными полосками, образующими квадратный узор, красный или разноцветный пояс). Сейчас наиболее распространена одежда видоизмененного староиспанского типа, часто очень пестрая, с преобладанием красного и желтого цвета, украшенная полосами цветной материи. Мужчины носят короткие штаны и рубашки. У пайя и хикаке старинная одежда из тапы уже не употребляется. Мужчины надевают нечто вроде коротких трусов и плащ, скрепленный под мышками и подпоясанный. Женская одежда состоит из юбки до колен, верхняя половина тела остается обнаженной. Одежду изготавливают из покупной хлопчатобумажной ткани.

Наконец, известны случаи, когда почти полностью ассимилированные группы (например, только что упоминавшиеся матагальпа) показаны в гондурасских переписях как индейцы только потому, «что сами называют себя индейцами, а своих соседей — ладино»¹²⁵. Иначе говоря, перед нами пример того, как обособленное этническое самосознание сохраняется при утрате языка, обычаев, особенностей материальной культуры.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что хотя почти все индейцы Гондураса в значительной степени ассимилированы, большая часть их еще не утратила национального самосознания. И называть испаноязычных индейцев ладино, как это иногда делается, совершенно неправомерно.

По мнению зарубежных исследователей, расовой дискриминации в Гондурасе не существует и индейцы являются полноправными гражданами республики. Американский ученый У. Стоукс считает, в частности, что такое положение объясняется преобладанием среди испанских первопоселенцев мелких крестьян, ремесленников, торговцев, т. е. людей, не эксплуатирующих чужого труда. Мысль не лишена основания. К сожалению, этого нельзя сказать о других соображениях Стоукса по индейскому вопросу. Так, он считает, что «большинство гондурасцев», в том числе и индейцы, имеют землю¹²⁶. Нам приходилось уже говорить, насколько несправедливо распределены в стране земельные площади, насколько велико в ней число безземельных крестьян. Индейцы же принадлежат к категории крестьян, самых бедных, самых угнетенных и наиболее жестоко эксплуатируемых. Видный гондурасский этнограф, директор созданного в 1941 г. Национального института антропологии и истории Хесус Нуньес Чинчилья был совершенно прав, отмечая, что индейская проблема в стране теснейшим образом связана с проблемой крестьянской, и предлагая даже создать специальное «Ведомство по крестьянским и индейским делам»¹²⁷.

Основным занятием ленка остается земледелие. Возделываются кукуруза, пшеница, бананы, какао, тыква, сахарный тростник, земляная груша, бобы, табак, кое-где выращиваются апельсиновые и персиковые деревья. Охота и рыбная ловля имеют подсобное значение.

В тех районах, где сохранилась общинная организация, существует совет общины, в него входят касик, знахарь, старейшие члены общины, а теперь и священник. Фактическую власть, однако, осуществляют староста (алькальд) и хефе политико (местный представитель департаментской администрации). Земля принадлежит общине. Раздел производится старостой или старейшими общинниками, но под руководством алькальда; касик делит землю очень редко. Площадь, приходящаяся на душу на-

селения, составляет (в разных районах) от 4 до 8 тарае (тарае — участок, который можно вручную обработать за один день; в разных районах площадь его различна).

Хикаке и пайя занимаются подсечно-огневым земледелием. Главные культуры — кукуруза, бобы, маниока, ананасы. Развиты охота и рыболовство. Среди хикаке и пайя сохранились еще значительные пережитки первобытно-общинного строя.

Рабочих из числа индейцев в стране очень мало; в большинстве это ленка, работающие на плантациях. Среди мискито распространен лесной промысел (иногда они работают лесорубами, сборщиками каучука), но мало кто из них окончательно порывает с сельским хозяйством. Некоторые индейцы служат в армии и полиции, разумеется, не на офицерских должностях.

Было бы неправильно, однако, сбрасывать со счета национальный аспект индейской проблемы, усложняющий и затрудняющий жизнь аборигенов. Конечно, национальные отношения в республике не настолько антагонистичны, как скажем, в США, и для правящих классов Гондураса, действительно (поскольку это касается индейцев), нехарактерен откровенный расизм североамериканского типа. И все-таки, как и в каждой капиталистической стране, подлинного национального равноправия в Гондурасе нет и быть не может.

Прежде всего, известно крайне высокомерное, пренебрежительное отношение господствующих классов к неассимилированным индейцам, в частности, к пайн. «Их называли дикарями и животными, им приписывали лживость и вороватость, леность и жадность — прямо-таки позорное пятно на теле высококультурного Гондураса! Их как неполноценных следовало держать в изоляции и лучше всего пусть бы они вообще как можно скорее исчезли с лица земли, ибо им никогда не подняться до уровня добропорядочных гондурасцев!» — так излагает позицию местной элиты по индейскому вопросу современный немецкий путешественник Карл Гельбиг¹²⁸.

Характерно, что многие попытки защитить индейцев от дискриминации (мы говорим сейчас о попытках, исходящих из буржуазных кругов) приобретают, по сути своей, также расистский характер. Выступая якобы в защиту индейцев, такого рода «защитники» даже не пытаются опровергнуть измышлений откровенных шови-

нистов о «неполноценности» той или иной группы индейцев. В условиях страны с метисным населением подобные взгляды объясняются подчас стремлением возвысить собственных предков, противопоставив их современным индейцам, «отсталым и некультурным», таким, например, как пайя.

Одним из пропагандистов этих теорий был итальянский епископ Лунардди, занимавший с 1938 г. пост папского нунция в Тегусигальпе. Он выпустил ряд книг и статей об индейцах Америки, совершил довольно много экспедиций в ее отдаленные районы. Лунардди оказал немалое влияние на местных этнографов. Его приверженцем был и гондурасец Хулио Ланг, статья которого, опубликованная в 1951 г., вся построена на стремлении доказать, что индейская «половина» гондурасской нации связана по происхождению с майя, и только с майя, создателями великой цивилизации древности¹²⁹. Придерживаются этой теории и некоторые молодые интеллигенты, искренне стремящиеся помочь индейцам, поднять их культурный уровень, как-то облегчить их жизнь. Одного такого юношу, учителя в поселке пайя, описал в своей книге путешествовавший недавно по Гондурасу Гельбиг¹³⁰.

Между тем, теория эта (вдобавок ко всем уже перечисленным ее недостаткам) попросту неверна. В американистике уже давно и убедительно доказано, что именно пайя-ленка были древними насельниками Гватемалы и некоторых прилегающих к ней районов; майя, которые позже пришли на эти земли, оттеснили пайя-ленка на юг. Не исключено, что пайя-ленка могли на протяжении ряда столетий несколько деградировать, но совершенно несомненным остается тот факт, что культура их никакого отношения к культуре майя не имела и не имеет.

То обстоятельство, что «индейские мероприятия» гондурасского правительства имеют своей целью отнюдь не улучшение положения индейцев, отражено и в индейском законодательстве страны. Законодательство это, особенно в последние десятилетия, направлено преимущественно на освоение районов Москитии, представляющих собой объект соперничества Гондураса и Никарагуа. Именно этим объясняется усиленный интерес правительства к созданию на землях Москитии все новых и новых миссий опорных пунктов. Именно так следует объяснять и декрет 31 июля 1950 г. о создании «образцовых сельских

школ»¹³¹, и закон от 12 мая 1953 г., предусматривающий организацию «Культурной миссии в Москитии». Сфера действия этой миссии охватывает муниципалию Ириона и северо-восток департамента Оланчо, населенный индейцами. Характерно, что одной из главных обязанностей миссии было создание пунктов телефонной и радиосвязи в Каукире, Вампу Сирпе и Сангрелайа. В ведении ее находилось к 1953 г. 25 школ¹³².

Непосредственные же результаты работы миссии были более чем скромны. Уже несколько лет спустя после ее создания те немногие школы, которые были в наличии, владели жалкое существование. Индейцы, уровень жизни которых был крайне низок, не имели возможности дать своим детям образование. Да если индейским детям и удавалось окончить школу, они, как правило, забывали все пройденное.

Разумеется, иногда встречались счастливые исключения. Так, уже упоминавшемуся У. Стоуксу в 1941 г., при посещении им университета показали одного из самых одаренных студентов-юристов — «чистокровного индейца»¹³³. Ясно, однако, что доступ не только к высшему, но и к среднему образованию для подавляющего большинства индейцев остается закрытым.

Стремясь ускорить колонизацию Москитии, правительство Гондураса с 1957 г. создало на ее землях новый департамент Грасиас-а-Диос, выделив его административно из состава Оланчо. Но и этот шаг не привел к сколько-нибудь заметному прогрессу в развитии района. До сих пор значительная часть его индейского населения почти совсем не имеет контактов с окружающим миром. Впрочем, многое здесь, вероятно, объясняется и стремлением коренных жителей избежать эксплуатации и произвола.

Негритянское население современного Гондураса состоит из нескольких групп, разнородных по происхождению.

Прежде всего, это постепенно ассимилируемые окружающим населением негры трех департаментов: Колон, Атлантида и Йоро. Те из них, кого не считают мулатами, носят название «морено» (исп. — «темный», «смуглый»), их 12—13 тыс. человек. Все они испаноязычны, хотя часть говорит на особом жаргоне (к сожалению, пока не изученном) и по-английски. Основное их занятие — земледелие, культивирование горькой юкки. Живут

они в нескольких поселках по атлантическому побережью (Альдэа-де-Коросаль и др.) и в деревне Кристалес (около г. Трухильо) ¹³⁴.

Значительная часть гондурасских негров — выходцы из Вест-Индии и их потомки, поселившиеся, как мы уже говорили, преимущественно на атлантическом побережье для работы на плантациях. Их постепенно стало так много, что в конце XIX — начале XX в. английский язык получил на гондурасском побережье Атлантики весьма широкое распространение.

Однако наплыв ладино из Гондураса и Сальвадора начинает приводить к некоторым изменениям. Так, если в начале XX в. так называемая «ангильская деревня» Ла-Сейба была поселением преимущественно англоязычным, то теперь населяющие ее потомки иммигрантов с Ямайки и из Британского Гондураса уже знают испанский, хотя это ни в коей мере не заставило их отказаться от родного языка, широко употребляемого и поныне. Устойчивыми оказались и культурно-бытовые особенности вест-индцев. Ла-Сейба до сих пор производит впечатление типично вест-индского городка ¹³⁵.

Наиболее компактная группа негров сосредоточена, как мы уже говорили, в департаменте Ислас-де-ла-Баиа — на Роатане и других островах у карибского побережья республики. Нынешнее население этих островов — потомки негров с о. Ямайки и о. Кайман, переселенных сюда англичанами (которые владели архипелагом в 1836—1861 гг.). Негров здесь более 50%, а вместе с мулатами — до 80%. Подавляющее большинство их сосредоточено на самом крупном острове — Роатане, где белых и ладино до сих пор почти нет, на о. Утила негров — $\frac{1}{4}$, на других — еще меньше.

Негры этого департамента до сих пор говорят на английском языке. Но преподавание в школах ведется на испанском. И если еще в 30-х годах нынешнего века испаноязычным гондурасцам, поселившимся на островах, непременно приходилось изучать английский и, по мнению некоторых авторов, даже денационализироваться ¹³⁶, то теперь государственным языком владеет уже все или почти все население ¹³⁷.

По религии роатанские негры — протестанты (главным образом, веслеянцы и адвентисты). Основное их занятие — рыболовство и другие морские промыслы.

В культурно-бытовом отношении Роатан до сих пор напоминает вест-индские острова. Обращаясь к примеру «ангильских деревень» побережья, можно в известной мере предвидеть ближайшее будущее Роатана. И хотя за последние десятилетия наблюдается постепенный наплыв на острова гондурасских ладино, можно предполагать, что существенного влияния на роатанских негров это обстоятельство не окажет еще длительное время.

Мы не касаемся здесь группы населения, связанной по происхождению и с неграми, и с индейцами, — так называемых «черных карибов», живущих на карибском побережье республики, так как основная их часть живет в Никарагуа и Британском Гондурасе.

Обращаясь к положению гондурасских негров, мы должны отметить, что заявления об отсутствии расовой дискриминации по отношению к ним еще менее оправданы, чем подобные же декларации относительно индейцев. Дискриминация негров в Гондурасе непосредственно вытекает из идеологического, политического и экономического господства в стране североамериканского империализма.

Самая бесправная группа негров — это иммигранты из Вест-Индии. Они живут под постоянной угрозой высылки на Вест-Индские острова, где безработица и голод свирепствуют еще больше, чем в Гондурасе. Между тем, многие вест-индцы живут в республике десятки лет, другие же вообще родились здесь, Гондурас стал их родиной, и перспектива депортации, естественно, приобретает для них трагический характер. Принятие же гондурасского подданства неграми представляет чрезвычайно сложную и дорогостоящую процедуру.

Охраняя монопольное «право» ЮФКО на негритянскую рабочую силу, гондурасское правительство еще в 1948 г. запретило принимать негров (а также некоторые категории выходцев из Азии) на предприятия горной промышленности¹³⁸. Наконец, въезд новых иммигрантов из Вест-Индии был вообще запрещен. Все эти меры также связаны с тем, что плантации в последние годы не расширяются, а даже в какой-то мере сокращаются и нуждаются в эффективных средствах воздействия на имеющийся контингент рабочих, а не в увеличении его численности. Наличие же на плантациях отрядов рабочего класса, еще более бесправных, чем

основная, гондурасская, его масса, весьма выгодно империалистам. Оно дает возможность, с одной стороны, оказывать давление на плантационных рабочих — подданных Гондураса; с другой же — позволяет хозяевам предпринимать попытки разобщить трудящихся по расовому и национальному признаку.

Сближение негров с остальным населением, безусловно, имеет место. Это находит выражение хотя бы в том, что большинство негров уже не первое десятилетие владеет испанским. Было бы, однако, ошибочным видеть в этом сближении начало отчетливо ощущаемых ассимилятивных процессов. Проведенный выше материал позволяет говорить об англоязычном негритянском населении Гондураса как о национальном меньшинстве.

«Белое» население республики сосредоточено главным образом в трех районах. Это столичный департамент Франсиско Морасан (г. Тегусигальпа и местности, где развита горная промышленность) и затем карибское побережье, район деятельности мовополит США. В общей сложности здесь проживает до 57% «белых». Третий район — острова Утила и Гуанаха (департамент Ислас-де-ла-Баиа) — 22%.

В число «белых» входят и те гондурасцы, которые считают себя потомками испанцев, их не более 1 тыс. человек. Почти все они живут в городах, главным образом в крупнейших, и продолжают оставаться господствующей прослойкой в стране. Принадлежность к этой группе свидетельствует о высоком социальном статусе. Генеалогия каждой семьи очень хорошо разработана, особенно на материалах XVIII—XIX вв., не говоря уже о XX в. Культивирование этой генеалогии, любовь к ней заметно даже у такого объективного автора, как Мариньяс Отеро¹³⁹.

На островах Утила и Гуанаха «белое» население — потомки англичан, переселившихся на острова Вест-Индии. Они составляют большинство населения этих островов; здешние поселения англичан имеют традиционно британский облик. Дома, утварь, мебель, одежда, пищевой рацион, семейный и общественный быт — все напоминает Англию XIX в. Жители из поколения в поколение сохраняют привязанность к Англии, которую считают настоящей родиной, несмотря на свое гондурасское подданство и на то, что никто или почти никто из них никогда в Англии не

был. Большинство знает испанский, но говорят они преимущественно по-английски, точнее на местном диалекте, теперь уже не понятном даже приезжим англичанам. По религии они протестанты разных толков, преимущественно методисты, а также баптисты, адвентисты седьмого дня и приверженцы так называемой «божьей церкви». Основные их занятия — работа на каботажных судах, рыболовство, отчасти земледелие. Однако численность этой группы населения островов, по-видимому, сокращается. Это связано с эмиграцией молодежи в США. Белый цвет кожи и англосаксонское происхождение делают молодых островитян иммигрантами весьма привилегированной категории. Значительная часть их уже не возвращается в Гондурас. На Утиле не без гордости говорят о наиболее преуспевшем своем земляке, дослужившемся на флоте США до вице-адмиральского звания ¹⁴⁰.

Все указанные группы «белых» более или менее строго придерживаются эндогамии.

Необходимо отметить еще одну группу пришлого происхождения — арабов-христиан (из Палестины и Ливана). Арабы живут преимущественно в крупных городах. Основное их занятие — торговля. Как уже отмечалось, арабы очень быстро усваивают испанский язык, и для второго поколения он становится родным. Второе, а особенно третье поколение практически уже мало отличается от окружающей массы населения, чему способствует и отсутствие религиозного барьера. Однако в быту сохраняется еще немало старых обычаев.

Число выходцев из других стран Азии (Индии, Китая) продолжало оставаться незначительным. Некоторые из них подвергаются дискриминации. Так, уже упоминавшееся ограничение относительно набора рабочих в горную промышленность распространяется и на китайцев.

Картина этнических и национальных взаимоотношений в Гондурасе будет неполной, если мы не коснемся еще одной группы населения, точную численность которой, однако, установить довольно трудно. Речь идет об иммигрантах из соседнего Сальвадора ¹⁴¹. Положение их вызывает особый интерес в связи с войной 1969 г.

Иммиграция из Сальвадора в Гондурас объясняется двумя главными моментами. Во-первых, это наличие в Гон-

дурасе обширных плантаций и обслуживающих плантации отраслей. Здесь, особенно в послевоенные годы, существовала значительная потребность в рабочей силе. В 1948 г., например, в принадлежавшей ЮФКО «Тела Рейл-роуд компани» рабочих-сальвадорцев было около 17% ¹⁴². Во-вторых, нам приходилось уже упоминать, что, при крайне несправедливом распределении земли, в Гондурасе используется не более 1/6 площадей (включая пастбища). Наличие свободных земель в Гондурасе в сочетании с острейшим земельным голодом в Сальвадоре заставляло многие десятки тысяч семей сальвадорских крестьян пересекать границу и занимать пустующие участки.

Общую численность иммигрантов из Сальвадора большинство источников оценивает не менее, чем в 300 тыс. человек (12,5% населения Гондураса) ¹⁴³. Значительная часть их пересекает границу нелегально. Уже по одной этой причине любые имеющиеся в распоряжении властей данные нуждаются в серьезнейших коррективах. Обе стороны как-то пытались регулировать иммиграцию и заключили ряд договоров.

Проблема сальвадорских иммигрантов используется как своего рода громомотвод для недовольства гондурасского народа. Ряд лет в стране ведется антисальвадорская пропаганда, утверждается, что работы нет, так как ее захватили иммигранты; земли нет, так как ее захватили иммигранты; простому гондурасцу живется плохо, так как страна наводнена сальвадорскими иммигрантами. В этой пропагандистской компании стали постепенно принимать участие некоторые общественные организации, оказавшиеся в плену националистической демагогии. Так, в октябре 1966 г. отмены договора об иммиграции потребовала студенческая федерация Гондураса. В ее заявлении говорилось, что договор этот выгоден только соседней республике, что наличие иммигрантов, а особенно увеличение их численности, — важнейший фактор ухудшения экономической обстановки в стране.

Летом 1967 г. сальвадорцев стали сгонять с земель, занятых ими в ряде районов Гондураса. Необходимо подчеркнуть, что речь идет об участках, фактически никому не принадлежавших и расположенных в редко населенных районах. Расчистка этих участков и превращение их в поля и огороды потребовали многолетнего труда.

Когда труд иммигрантов стал приносить первые плоды, латифундисты, оформив задним числом свои «права» на эти земли, организовали изгнание и выселение крестьян в Сальвадор. Именно так поступили с десятками семей, обосновавшихся в районах Гоаскаран и Чоултека (июль 1967 г.), обвинив их в том, что они «находились в Гондурасе, не имея на это законных оснований и возделывали гондурасскую землю, не располагая правом собственности на нее».

Начав под давлением народных масс проведение земельной реформы, власти, с одной стороны, постарались оградить от нее местных помещиков и монополии США, с другой, — направить реформу против иммигрантов, надеясь таким образом разжечь националистические страсти и практически свести всю реформу к антисальвадорским мероприятиям. Сальвадорцы были официально исключены из сферы действия реформы, а занимаемые ими земли начали изыматься властями.

Летом 1969 г. положение сальвадорцев еще более ухудшилось. По некоторым данным, число беженцев из Гондураса достигло 200 тыс. Волна антисальвадорских погромов, прокатившаяся по городам и селам Гондураса, представляет собой позорную страницу в истории республики.

Следует особо выделить то существенное обстоятельство, что население Гондураса имеет много общего с населением Сальвадора. И в той, и в другой республике подавляющее большинство жителей — ладино. Гондурасцы и сальвадорцы говорят на одном и том же языке (правда, с местными особенностями), исповедуют одну и ту же религию. Немало сходства у них и в области культурно-бытовой. Тем отвратительнее и противоестественнее выглядит национальная рознь, разжигаемая правящими кликами обеих стран. Жертвами этой розни, как всегда и бывает, оказываются в первую очередь трудящиеся, в выигрыше от нее — местная реакция и империализм США. Залог преодоления ее — совместная борьба обоих народов против реакционеров в обеих странах и против североамериканских империалистов.

Подводя итоги, отметим следующее.

Процесс формирования гондурасской нации начался после свержения в стране испанского колониального ига (1821) и получил отчетливое выражение после распада первой Центральноамериканской федерации (1838). Чрез-

вычайно важным в этом плане было такое событие, как разгром гондурасским народом (вместе с другими центральноамериканскими народами) отряда американского авантюриста Уокера (1860). То обстоятельство, что неоднократно возобновлявшиеся (в 1895—1898 гг., 1921—1922 гг.) попытки создания федерации в Центральной Америке неизменно терпели крах, свидетельствует также и об отчетливо выраженном национальном самосознании у народов, входивших в ее состав. Процесс этот завершается на первом этапе общего кризиса капитализма под могучим влиянием победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Этнической основой и социальным ядром гондурасской нации являются ладино.

Перспективы развития гондурасской нации представляются следующим образом. Несомненна тенденция к дальнейшей этнической ее консолидации, проходящей по нескольким линиям одновременно. Во-первых, здесь следует назвать дальнейшую ассимиляцию индейского населения, постепенное включение его в состав ладино (разумеется, темпы и особенности этой ассимиляции в различных районах будут неодинаковы). Во-вторых, постепенную ассимиляцию «гондурасскими белыми» и ладино сирийцев и ливанцев, чему способствует исповедуемый последними католицизм. Вопрос же о том, какой именно группой гондурасцев будут ассимилированы сирийцы и ливанцы, решается прежде всего в социальной плоскости — более богатые сближаются с «белыми», более бедные — с ладино. В-третьих, несомненно сближение негров с основным населением (прежде всего, усвоение ими наряду с сохраняющимся английским испанского языка) отнюдь не следует рассматривать как начало такой ассимиляции, результаты которой можно будет наблюдать в обозримом будущем.

¹ О расселении пограничных групп индейцев см. также в главах о населении Сальвадора и Гватемалы.

² И. Ф. Хорошаева. Население Центральной Америки в колониальный период. «Нации Латинской Америки. Формирование. Развитие». М., 1964, стр. 286.

³ Там же. Последнюю сводку см. в работе: D. Stone. Ethnohistory: Lower Central America. «Handbook of Middle American Indians» (далее — HMAI), v. 4. Austin, 1966, p. 209—233.

- ⁴ Ср.: «Handbook of South American Indians». Washington, 1950, v. 5. p. 660—661; *И. Ф. Хорошаева*. Указ. соч., стр. 288.
- ⁵ *И. Ф. Хорошаева*. Указ. соч., стр. 291, 300.
- ⁶ *W. V. Wells*. Explorations and adventures in Honduras. New York, 1857, p. 453—454. Подробнее см.: *R. S. Chamberlain*. The conquest and colonisation of Honduras. 1502—1550. New York, 1966.
- ⁷ Подробнее см.: *И. Ф. Хорошаева*. Указ. соч.
- ⁸ *L. Mariñas Otero*. Honduras. Madrid, 1963, p. 39—40.
- ⁹ *Ibid.*, p. 39, 41.
- ¹⁰ *И. Ф. Хорошаева*. Указ. соч., стр. 296.
- ¹¹ *L. Mariñas Otero*. *Op. cit.*, p. 44—45.
- ¹² Всего рабов к началу 20-х годов XIX в. было 400—500 человек (*ibid.*, p. 43).
- ¹³ *Ibid.*, p. 40—42.
- ¹⁴ *Ibid.*, p. 42.
- ¹⁵ *W. V. Wells*. *Op. cit.*, p. 456—457.
- ¹⁶ *К. Гельбиг*. В стране у Карибского моря. М., 1963, стр. 204; *L. Mariñas Otero*. *Op. cit.*, p. 44.
- ¹⁷ *L. Mariñas Otero*. *Op. cit.*, p. 45. В другом месте этот же автор говорит, что к 20-м годам XIX в. общая численность негров не превышала в Гондурасе 400—500 человек (*ibid.*, p. 43). Очевидно, он имеет в виду лишь тех, кого ввезли до прибытия «висентинос».
- ¹⁸ *F. D. Parker*. The Central American republics. London, 1965, p. 185.
- ¹⁹ *R. Barón Castro*. La Población de el Salvador. Madrid, 1942, p. 273.
- ²⁰ *R. N. Adams*. Nationalisation. HMAI, v. 6. Austin, 1967, p. 471.
- ²¹ *L. Mariñas Otero*. *Op. cit.*, p. 35. Таким образом, легко понять, почему в литературе 30-х годов XIX в. встречаются подчас совершенно фантастические оценки численности гондурасских белых — например, 60 тыс. человек (1835), т. е. в три раза больше, чем было на самом деле во всей Центральной Америке! См.: *J. v. Sivers*. Ueber Madeira und die Antillen nach Mittelamerika. Leipzig, 1861, S. 155.
- ²² *W. Stokes*. The racial factor in Honduran politics. «Modern language forum», v. 29, 1944, N 1, March, p. 29. При подсчетах отмечались только события, результатом которых были человеческие жертвы.
- ²³ Американец У. В. Уэллс, посетивший страну именно в указанное время, красочно описывает, как специальные отряды хватали на дорогах Гондураса прохожих, пополняя таким способом вооруженные силы республики. См.: *W. V. Wells*. *Op. cit.*, p. 237—239.
- ²⁴ *Ibid.*, p. 275, 313, 515.
- ²⁵ *Ibid.*, p. 184. sq.
- ²⁶ *A. H. Keane*. Central and South America, v. II. London, 1901, p. 205.
- ²⁷ *W. V. Wells*. *Op. cit.*, p. 389.
- ²⁸ *K. Scherzer*. Travels in the free states of Central America, v. II. London, 1857, p. 28.
- ²⁹ С 1838 г. См.: *R. Vera*. Apuntes para la historia de Honduras. Santiago de Chile, 1895, p. 302.
- ³⁰ *E. G. Squier*. Honduras. Tegusigalpa, 1908, p. 268 (английский оригинал этой книги вышел в 1870 г. За отсутствием его в на-

- ших библиотеках пользуемся переводом 1908 г., снабженным многочисленными примечаниями переводчика и редактора).
- ³¹ *K. Scherzer*. Op. cit., v. I, p. 303; v. II, p. 23—24, 29. Ср.: *E. G. Squier*. Op. cit., p. 7, 108; *W. V. Wells*. Op. cit., p. 574; *J. Sivers*. Op. cit., S. 102, 147.
- ³² *R. N. Adams*. Op. cit., p. 471; *W. V. Wells*. Op. cit., p. 554, 574; *K. Scherzer*. Op. cit., v. II, p. 30.
- ³³ Там же; *W. V. Wells*. Op. cit., p. 387—388.
- ³⁴ *Ibid.*, p. 385, 555.
- ³⁵ *Ibid.*, p. 555.
- ³⁶ *Ibid.*, p. 352.
- ³⁷ *Ibid.*, p. 473.
- ³⁸ *W. V. Wells*. Op. cit., p. 326, 352, 395—396.
- ³⁹ *E. Alvarado Garcia* (ed). «Legislación indigenista de Honduras». México, 1958, p. 17.
- ⁴⁰ *Ibid.*, p. 63.
- ⁴¹ *Ibid.*, p. 68.
- ⁴² *Ibid.*, p. 69—70.
- ⁴³ *J. v. Sivers*. Op. cit., S. 151, 167.
- ⁴⁴ *L. Mariñas Otero*. Op. cit., p. 45—46.
- ⁴⁵ *Ibid.*, p. 32, 36, 37.
- ⁴⁶ *K. Scherzer*. Op. cit., v. II, p. 21—22; *E. G. Squier*. Op. cit., p. 260—261. Подробнее см.: *W. Stokes*. Honduras. An area study in government. Madison, 1950, p. 59—74.
- ⁴⁷ *А. Д. Дридзо*. Гондурас на раннем этапе развития нации. «Латинская Америка», 1972, № 4.
- ⁴⁸ См.: *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 669.
- ⁴⁹ *M. Lemus y H. G. Bourgeois*. Breve noticia de Honduras. Tegusigalpa, 1897, p. 15.
- ⁵⁰ *Ibid.*, p. 23—24.
- ⁵¹ *E. G. Squier*. Op. cit., p. VI.
- ⁵² *M. Lemus y H. G. Bourgeois*. Op. cit., p. 37.
- ⁵³ *W. Stokes*. The racial factor..., p. 29.
- ⁵⁴ Подробнее см.: *Л. И. Зубок*. Экспансионистская политика США в начале XX в. М., 1969, стр. 427—430.
- ⁵⁵ Там же, стр. 68.
- ⁵⁶ *R. E. Durón y Gamero*. La provincia de Tegusigalpa bajo el gobierno de Mallot. 1817—1821. Tegusigalpa, 1904.
- ⁵⁷ *A. Membrado*. Hondureñismos. Tegusigalpa, 1895, 1897; Mexico, 1912.
- ⁵⁸ *A. Membrado*. Aztequismos de Honduras. Mexico, 1907; он же. Nombres geográficos indígenas de la República de Honduras. Tegusigalpa, 1901.
- ⁵⁹ См.: *Л. Основат*. Гондурасская литература. «Краткая литературная энциклопедия», т. II. М., 1964, стр. 253—254.
- ⁶⁰ *M. Lemus y H. G. Bourgeois*. Op. cit., p. 31.
- ⁶¹ *R. E. Durón y Gamero*. Honduras Literaria, t. 1, 2. Tegusigalpa, 1896—1899.
- ⁶² *M. Lemus y H. G. Bourgeois*. Op. cit., p. 15.
- ⁶³ *A. H. Keane*. Op. cit., v. II, p. 196. Некоторые справочные данные издания дают цифру — 431 917 человек уже для 1889 г.
- ⁶⁴ См.: *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 696.
- ⁶⁵ *A. H. Keane*. Op. cit., v. II, p. 204. По поводу термина см.:

- В. И. Козлов*. Динамика численности народов. М., 1969, стр. 20, прим. 2.
- ⁶⁶ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 696.
- ⁶⁷ Подробнее см.: *G. A. Castañeda*. El dominio insular de Honduras. San Pedro Sula, 1939; *L. Mariñas Otero*. Op. cit., p. 47.
- ⁶⁸ *L. Mariñas Otero*. Op. cit., p. 46.
- ⁶⁹ Ibid., p. 47.
- ⁷⁰ *L. Montes*. Bananas. New York, 1933, p. 12—13.
- ⁷¹ «Legislación indigenista...», p. 20—21.
- ⁷² Ibid., p. 38—40, 43.
- ⁷³ Ibid., p. 47.
- ⁷⁴ Ibid., p. 73, 83—85, 21—30.
- ⁷⁵ Ibid., p. 30—33.
- ⁷⁶ Ibid., p. 35—37, 40; *R. N. Adams*. Op. cit., p. 482.
- ⁷⁷ «Legislación indigenista...», p. 41—51.
- ⁷⁸ Ibid., p. 51—52, 88—89, 53—54.
- ⁷⁹ Ibid., p. 54.
- ⁸⁰ Ibid., p. 89—94.
- ⁸¹ *L. Mariñas Otero*. Op. cit., p. 36—38.
- ⁸² Подробнее см.: *G. A. Castañeda*. Op. cit., p. 41; *N. Wollaston*. Red Rumba. A journey through the Caribbean and Central America. London, 1962, p. 127—131.
- ⁸³ *L. Mariñas Otero*. Op. cit., 49; *N. Wollaston*. Op. cit., p. 134.
- ⁸⁴ *К. Альдана, Л. Бесерра*. Политическая линия компартии Гондураса. «Проблемы мира и социализма», 1968, № 10—11, стр. 99.
- ⁸⁵ *F. D. Parker*. Op. cit., p. 200.
- ⁸⁶ См.: «Пролетариат Латинской Америки». М., 1968, стр. 71—72. Ср.: «Профсоюзы стран Центральной Америки и Карибского моря». М., 1966, стр. 35—36.
- ⁸⁷ *V. Cable*. The «Football War» and Central American «Common Market». «International Affairs», v. 45, October, 1969, N 4, p. 669.
- ⁸⁸ Подробнее об истории Гондураса с начала общего кризиса капитализма до 1963 г. см.: *С. А. Голицонский*. Очерки новейшей истории стран Латинской Америки. М., 1964, стр. 161—167.
- ⁸⁹ «Revista de Archivo y Biblioteca Nacionales». С 1955 г. выходит под названием «Revista de la Sociedad de Geografía e Historia».
- ⁹⁰ «Bosquejo histórico de Honduras. 1502—1821». Tegusigalpa, 1927 (В 1956 г. вышло второе издание. Рецензию см.: «Hispanic American Historical Review», v. XXXVII, November, 1957, N 4, p. 530).
- ⁹¹ *A. C. Coello*. Biografía de Don Juan Nepomuceno Fernández Lindo. Tegusigalpa, 1932.
- ⁹² *G. A. Castañeda*. Op. cit.
- ⁹³ *E. Guardia Cubas*. Historia de la Universidad de Honduras en la primera centuria de su fundación. Tegusigalpa, 1947.
- ⁹⁴ *C. Bonilla*. Honduras en el pasado. San Pedro Sula, 1949.
- ⁹⁵ *R. E. Durón y Gamero*. Historia de Honduras desde su independencia hasta nuestros días, t. 1 (1821—1829). Tegusigalpa, 1956.
- ⁹⁶ *R. M. Fernández Mira*. Un precursor de la enseñanza. Buenos Aires, 1935.
- ⁹⁷ *A. Sanso (I. Mejía Deras)*. Policarpo Bonilla. Algunos apuntes biográficos por A. Sanso; un estudio del Dr. Ricardo D. Alduvín y esquema para una biografía por R. H. Valle. México, 1936.
- ⁹⁸ См.: *L. M. Spell*. Rafael Heliodoro Valle (1891—1959). «Hispanic

- American Historical Review», v. XV, August, 1960, N 3, p. 425—430.
- ⁹⁹ Подробнее см.: *W. J. Griffith*. The historiography of Central America since 1830. «Hispanic American historical Review», v. XV, November, 1960, N 4, p. 548—569.
- ¹⁰⁰ *L. Mariñas Otero*. Op. cit.
- ¹⁰¹ *F. P. Cevallos*. Folklor hondureño: tradiciones de la ciudad de Comayagua. Tegusigalpa, 1930, p. 39.
- ¹⁰² См.: *J. Lang*. Espectro racial de Honduras. «América indígena», v. XI, 1951, N 3, p. 209—217.
- ¹⁰³ См.: *Л. А. Шур*. Художественная литература Латинской Америки в русской печати. 1960—1964. М., 1966, стр. 78.
- ¹⁰⁴ См. рецензию Ю. Калугина, «Новое время», 1953, № 48.
- ¹⁰⁵ «Иностранная литература», 1968, № 9, 10.
- ¹⁰⁶ *Р. Амайя Амадор*. Речь на III съезде советских писателей. Стенографический отчет. М., 1959; *он же*. В духе национальных традиций. «Иностранная литература». 1960, № 12; *он же*. Понимать свою эпоху. Там же, 1962, № 9, стр. 167—168.
- ¹⁰⁷ Журнал «Honduras Rotaria» выходит с 1943 г. по настоящее время. Журнал «La Pajarita de Papel» выходил в 1949—1953 гг.
- ¹⁰⁸ До создания Национальной художественной школы (1940) все художники вынуждены были проходить обучение за границей; большинство из них училось в Испании, а Сьерра Селайя даже там преподавал.
- ¹⁰⁹ *W. Stokes*. The racial factor..., p. 25.
- ¹¹⁰ Ibidem.
- ¹¹¹ Ibid., p. 26. *W. Stokes*. Honduras, p. 15. При подсчете приведенных у Стоукса данных общий итог дает либо около 100%, либо чуть больше, причины чего автор не сообщает.
- ¹¹² *L. Mariñas Otero*. Op. cit., p. 24.
- ¹¹³ «Численность и расселение народов мира». М., 1962, стр. 298, 329.
- ¹¹⁴ *L. Mariñas Otero*. Op. cit., p. 21.
- ¹¹⁵ *Г. В. Степанов*. Испанский язык в странах Латинской Америки. М., 1963, стр. 189—197.
- ¹¹⁶ Нам пришлось уже упоминать об этом в печати. См.: «Советская этнография». 1954, № 3, стр. 190.
- ¹¹⁷ *Г. В. Степанов*. Испанский язык..., стр. 152 и сл.
- ¹¹⁸ «Народы Америки», т. II. М., 1959, стр. 161, 162.
- ¹¹⁹ *L. Mariñas Otero*. Op. cit., p. 24; *W. Stokes*. The racial factor..., p. 26; *он же*. Honduras, p. 15; *R. N. Adams*. Op. cit., p. 471.
- ¹²⁰ «Honduras. Present Indianist Panorama». «Boletín indigenista», v. 19, 1959, N 4, p. 231—233; «Guide to the Indians of America. Honduras». Ibid., v. 21, 1961, N 3—4, p. 227.
- ¹²¹ *К. Гельбиг*. Op. cit., стр. 162—168.
- ¹²² *L. Mariñas Otero*. Op. cit., 26—27.
- ¹²³ Ibidem.
- ¹²⁴ Ibid., p. 26—27.
- ¹²⁵ Ibid., p. 28.
- ¹²⁶ *W. Stokes*. The racial factor..., p. 28.
- ¹²⁷ «Guide to the Indians of America. Honduras». «Boletín indigenista», v. 21, 1961, N 3—4, p. 228—229.
- ¹²⁸ *К. Гельбиг*. Указ. соч., стр. 166.
- ¹²⁹ *J. Lang*. El espectro racial de Honduras, p. 209—219.

- ¹³⁰ К. Гельбиг. Указ. соч., стр. 167.
- ¹³¹ «Legislación indigenista...», p. 59—60.
- ¹³² Ibid., p. 61, 97.
- ¹³³ W. Stokes. The racial factor..., p. 29 (note).
- ¹³⁴ L. Mariñas Otero. Op. cit., p. 46.
- ¹³⁵ N. Wollaston. Op. cit., p. 126.
- ¹³⁶ G. A. Castañeda. Op. cit., p. 28—29.
- ¹³⁷ L. Mariñas Otero. Op. cit., p. 47.
- ¹³⁸ «Народы Америки», т. II, стр. 160.
- ¹³⁹ L. Mariñas Otero. Op. cit., p. 35—37.
- ¹⁴⁰ N. Wollaston. Op. cit., p. 127.
- ¹⁴¹ О причинах эмиграции из Сальвадора см. в очерке «Сальвадор».
- ¹⁴² H. Bosch. La Tierra de Quetzal. Zentralamerika von Heute. Bern, [1952], S. 164.
- ¹⁴³ V. Cable. Op. cit., p. 659.

Никарагуа. К вопросу о национальной независимости

Н. С. Леонов

История Никарагуа является одним из примеров почти непрерывного иностранного вмешательства в дела этой страны. Это искалечило нормальный ход становления и развития нации, лишило народ возможности оказать решающее влияние на собственную судьбу. По трагичности своей истории Никарагуа выделяется среди других государств Центральной Америки, судьба ее народов заслуживает особого сочувствия.

За много лет до испанского нашествия территорию этой страны населяли мелкие индейские племена, жившие ближе к тихоокеанскому побережью, где рельеф местности выше и не так чувствуется губительное влияние тропических болот. У этих племен существовало примитивное земледелие; они выращивали кукурузу, которая была основой питания, занимались сбором дикорастущих плодов и охотой. Они не имели государственности и не смогли поэтому противостоять организованному нашествию чужеземцев. Когда с севера, с территории нынешней Мексики в Центральную Америку вторглись тольтеки, никарагуанским аборигенам пришлось искать спасения на нездоровых заболоченных равнинах атлантического побережья, в труднопроходимых джунглях, где было множество насекомых, ставших частично причиной тому, что этот район получил мрачное название «Москитовый Берег»¹.

Тольтеки обосновались на берегах никарагуанских озер, захватив земли коренного населения, а в последующие годы сами подверглись ударам новых и новых миграционных волн с севера.

В XV в. н. э. господствующее положение в этом регионе занимали «никирано». Последним главой их племени был касик Никарао, резиденция которого находилась в г. Никараокалли. Название племени, имя вождя и столицы легли в основу слова Никарагуа.

Христофор Колумб открыл берега Никарагуа во время своего четвертого путешествия, когда 12 сентября 1502 г. его корабли преодолели район неистовых морских бурь и пристали к мысу, которому великий мореплаватель дал название «Мыс благодарения богу» (Кабо-Грасьяс-а-Дьос), сохранившееся до наших дней.

Племена, жившие вокруг никарагуанских озер, занимались оседлым земледелием, поля были заняты посевами фасоли, табака, хлопка, сладкого картофеля, тыквы. Они выращивали и деревья какао, охотились на оленей. Около хижин можно было видеть одомашненных фазанов, кур и даже свиней. Индейцы умели обрабатывать хлопок, ткать и прядь; они пользовались естественными красителями, в частности кошенилью. Орудия труда в основном изготавливались из камня, но многие инструменты и украшения отливались из меди. Высоко было развито искусство плетения сетей, гончарное производство. Индейцы знали технологию добычи золота и умели обрабатывать его, изготавливая прекрасные украшения.

Согласно устным преданиям, никарагуанские индейцы имели даже письменность, но все письменные документы якобы были уничтожены первыми католическими миссионерами². Секрет письменности был утерян, так как конкистадоры истребили жрецов и представителей знати, владевших ее секретом.

На территории нынешней республики Никарагуа к моменту прихода завоевателей начинали зарождаться элементы торговых отношений между различными племенами, причем функцию денег выполняли, как правило, бобы какао.

Как сам Колумб, так и предводители первых испанских экспедиций, покорявших индейцев Центральной Америки, были вначале убеждены в том, что центральноамериканский перешеек богат золотом, но когда их расчеты не оправдались, испанцы потеряли интерес к Центральной Америке в целом. Все их внимание приковали Мексика на севере и Перу на юге.

Поскольку золота и серебра на территории Никарагуа оказалось мало, а эксплуатировать разбросанное, редкое население было делом трудным и неудобным, испанцы превратили Центральную Америку в зону охоты на рабов. «Губернатор Никарагуа Педрариас Давила и главный алькальд Франсиско де Кастаньеда буквально опусто-

шили полуостров Никойю и Никарагуанскую низменность, захватывая и продавая местных индейцев в рабство в Перу и Панаму»³.

В качестве колонистов на территории Никарагуа, являвшейся захолустьем испанской колониальной империи, селились самые неудачливые из испанских переселенцев. Среди них обычными были браки с индейскими женщинами, и поэтому с началом колониального периода в истории Никарагуа начинается формирование населения смешанного испано-индейского происхождения — метисов. Первоначально метисное население возникало в городах и их окрестностях, где жили в основном «белые». Такое очаговое расселение метисов было характерно для XVI—XVII вв. Постепенно метисное население стало расширять область своего расселения и «захватывать» сельские местности. Смешение испанцев и местных индейских племен является основным результатом завоевания с точки зрения демографических процессов. Однако оно не исчерпывает всего многообразия факторов, влиявших на формирование нынешнего населения Никарагуа.

Эпоха колониального господства испанцев в Никарагуа — это непрерывная борьба испанцев с английскими пиратами и корсарами за сохранение контроля над атлантическим побережьем страны. Начиная с 1600 г., когда эскадра английского пирата Вильгельма Паркера (командовал ею Антони Шерли, заменивший умершего незадолго до этого Паркера) напала на порт Кортес в Гондурасе, и до посленних лет XIX в. англичане беспрестанно совершали набеги на атлантический берег Никарагуа. Кроме того, многочисленные безлюдные бухты на этом побережье обеспечивали надежное укрытие от штормовых ветров Карибского моря; здесь можно было длительное время ожидать, пока выйдут из панамских портов испанские галеоны с перуанским серебром и золотом, и попытаться захватить их. Богатые лесами эти места обеспечивали пиратов хорошим материалом для ремонта кораблей, и, что очень важно, никарагуанское побережье было отделено труднопроходимыми лесами и болотами от колонизованных испанцами внутренних районов страны.

С начала XVII в. участились случаи бегства негров-рабов с Ямайки и Кубы на материк. Нередко пираты, захватив груз негров-рабов, оставляли себе женщин, которых со временем переправляли на Москитовый

Берег в Никарагуа, где находились постоянные пиратские базы. Таким образом, в этой части страны начала формироваться особая группа населения, представлявшая собой результат смешения белых, индейцев и негров. Эта этническая группа получила название «москос» или «москитос»⁴. В середине XVII в. пираты попытались вообще парализовать испанскую власть в Никарагуа: их корабли в 1665 г. вошли по реке Сан-Хуан во внутренние озера Никарагуа, напали на главный город страны Гранаду и полностью его разграбили.

Для спасения от набегов флибустьеров на реке Сан-Хуан в 1666 г. была построена крепость, однако уже четыре года спустя крепость захватили пираты. Город Гранада был вторично разграблен. С годами пиратов стала привлекать перспектива использования Никарагуа в качестве наиболее удобного межокеанского пути для перехода из Атлантики в Тихий океан. Как ни укрепляли испанцы форты и крепости по реке Сан-Хуан, им никак не удавалось обезопасить себя в Никарагуа.

Административно Никарагуа почти на протяжении всего колониального периода входила в генерал-капитанство Гватемала на положении провинции, оставаясь одним из забытых уголков обширной колониальной империи Испании. Испанцы, назначаемые на административные или военные посты в Никарагуа, рассматривали свою службу как проявление монаршей немилости; зачастую они действительно представляли собой отбросы чиновничьего аппарата и армейского офицерства. Превратившись в энкомендеро, т. е. в практически неограниченного хозяина судеб тысяч индейцев, которых жестоко эксплуатировали, они занялись работоторговлей и продавали индейцев туда, где ощущалась нехватка рабочих рук. Часто за одну лошадь отдавали сто индейцев⁵.

В результате проводившейся в течение многих лет политики геноцида индейское население провинции резко сократилось.

В провинции Никарагуа к концу XVIII — началу XIX в. проживало немногим более 200 тыс. человек⁶. Никарагуа и до сих пор остается самой малонаселенной страной Центральной Америки, если судить по плотности населения: 26 человек на 1 кв. милю⁷.

Об этническом составе населения Никарагуа в начале XIX в. можно судить лишь в самых общих чертах,

главным образом по материалам, относящимся ко всей территории генерал-капитанства Гватемала.

Есть основания полагать, что, несмотря на наличие большого процента смешанного населения, Никарагуа оставалась еще преимущественно индейской страной⁸. Дальнейший толчок демографическим процессам был дан отделением Никарагуа от Испании.

В период колониального господства испанцев в Никарагуа имели место такие же социально-экономические и этнические процессы, как и в других частях Испанской империи в Латинской Америке. Продолжалось обезземеливание индейских общин, разорение мелких крестьянских хозяйств. Другой стороной процесса было формирование крупных земельных поместий феодального типа, владельцами которых были креолы, т. е. испанцы, родившиеся на американской земле. Лишившиеся земли крестьяне пополняли ряды дворовой челяди, а также шли в города, где становились ремесленниками, мелкими торговцами, рабочими, прислугой и т. д., закладывая тем самым основы трудящихся слоев городского населения. Этнический процесс характеризовался в основном ростом темпов метисации в результате смешения коренного населения с увеличивавшимся контингентом испанцев (солдат, чиновников и т. д.). Постепенно метисы («ладино») становились важным демографическим компонентом в Никарагуа, и к концу колониального периода они составляли уже около половины всего населения.

Освобождение от испанского колониального господства в Никарагуа, как и во многих других странах Центральной Америки, носило своеобразный характер. Слабость патриотического движения, явившаяся следствием недостаточного социально-экономического и политического развития страны, привела к тому, что в Никарагуа после провозглашения в 1821 г. независимости существовали бок о бок два административных центра и два государственных аппарата. Несмотря на провозглашение независимости Центральной Америки, испанские колониальные власти в г. Леон в Никарагуа отказались признать декларацию об отделении от Испании. Центром республиканской администрации стал город Гранада, где 3 октября 1821 г. был обнародован акт о независимости. Результатом такого раскола была кровавая изнурительная гражданская война, в которой города Леон и

Гранада боролись за контроль над Никарагуа. Междоусобная резня в Никарагуа, продолжалась до 1825 г. и прекратилась лишь после того, как в страну прибыл для умиротворения экспедиционный корпус, направленный федеральным центральноамериканским правительством, созданным к тому времени в Гватемале. На проведенных под охраной штыков выборах большинство голосов получили двоюродные братья Мануэль Антонио де ла Серда и Хуан Аргуэльо, оба представлявшие аристократическую верхушку никарагуанских креолов. Они и стали соответственно первыми главой и заместителем главы государства Никарагуа⁹.

Однако жизнь показала, что выборы были началом нового этапа еще более ожесточенной борьбы за власть. С уходом корпуса возобновилась гражданская война, длившаяся непрерывно до 1828 г. От полного политического развала Никарагуа была спасена событиями, происходившими в других провинциях единого центральноамериканского государства, каким стало после отделения от Испании бывшее генерал-капитанство Гватемала. Победа либеральной партии в Гватемале, Сальвадоре и Гондурасе привела к тому, что специальный делегат, прибывший с широкими полномочиями в Никарагуа, провел здесь выборы и сам стал главой государства. Этим делегатом был Дионисио Эррера, крупный гондурасский юрист и политический деятель, родственник Франсиско Морасана. С его избранием началась полоса некоторой стабилизации политического положения в Никарагуа¹⁰.

Весь период пребывания Ф. Морасана (1828—1838) на посту президента Федеральной республики Центральной Америки, отмеченный борьбой за утверждение единства центральноамериканских народов и за ускорение капиталистического развития региона, Никарагуа не проявляла признаков политической активности, оставаясь в стороне от главного театра военных действий, но зато, когда стало ясно, что близок драматический конец Морасана, никарагуанские политики 30 апреля 1838 г. первыми порвали федеральный пакт и провозгласили отделение Никарагуа от общей центральноамериканской семьи. Активно помогая развалить центральноамериканское государство, никарагуанские политические руководители были в то же время неспособны обеспечить защиту своей страны.

В 1842 г. Верховный директор (очередное название главы государства) Никарагуа Пабло Буитраго обратился ко всем патриотам Центральной Америки с воззванием прийти на помощь Никарагуа в связи с захватом англичанами порта Сан-Хуан-дель-Норте. Первым отозвался Франсиско Морасан, который к тому времени возвратился после трехлетнего изгнания из Перу и, снарядив на свои средства небольшую флотилию, прибыл к берегам Центральной Америки. Однако разрешения на высадку в Никарагуа ему дано не было ¹¹.

Весь политический аппарат страны, состоявший из двухпалатного конгресса и правительства, возглавляемого Верховным директором, выбиравшимся на два года, находился под контролем кучки богатейших креольских семей из двух крупных городов — Леона и Гранады. Первые называли себя либералами, вторые — консерваторами. Гранадские консерваторы представляли интересы крупных земельных собственников, высшего духовенства, леонские либералы отражали взгляды торговой буржуазии ремесленников, нарождавшейся интеллигенции. К тому же, консерваторы стремились сохранить исключительно для себя торгово-экономические выгоды, вытекавшие из их географического положения на берегу озера, связанного водным путем с океаном, а либералы пытались перетряхнуть структуру государства, взяв в свои руки контроль над политическими и экономическими ключевыми позициями. Это затянувшееся соперничество не было смягчено компромиссным назначением в 1852 г. официальной столицей Никарагуа небольшого городка Манагуа. Более того, оно стало причиной одной из самых крупных трагедий в истории никарагуанского народа.

С открытием в 1848 г. золотых россыпей в Калифорнии, через Никарагуа хлынул поток американских авантюристов, которые пользовались никарагуанской территорией, как кратчайшим путем между восточным и западным побережьем США. Группа американских дельцов во главе с Корнелиусом Вандербильдом основала «Аксесори транзит компани», которая приобрела и эксплуатировала речной и озерный флот, построила дороги и стала получать огромные доходы, отказавшись даже платить налоги никарагуанскому правительству. «В этой преступной позиции она (компания) имела полную поддержку со стороны американского правительства» ¹². Ни-

карагуа привлекала США не только, как кратчайший межокеанский путь, рабовладельцы южных штатов видели в Никарагуа идеальные земли для расширения посевов хлопка. Число авантюристов в Никарагуа росло. Между тем никарагуанские либералы и консерваторы продолжали взаимно истреблять друг друга в борьбе за власть и привилегии. В конце концов либералы, желая одержать верх в этой борьбе, пошли на предательство.

28 декабря 1854 г. один из главарей никарагуанских либералов Франсиско Кабельон заключил соглашение с американским авантюристом Байроном Коулем о приглашении в Никарагуа 200 американских вооруженных солдат для участия в гражданской войне на стороне либералов. Наемникам было обещано по 2 кабальерии земли после окончания войны, предусматривалась также выплата денежного содержания¹³.

Коуль перепродал контракт другому авантюристу Уильяму Уокеру, который высадился 13 июня 1855 г. на территории Никарагуа. Появление вооруженных американских наемников быстро решило исход гражданской войны в пользу либералов. В октябре 1855 г. Уокер стал главнокомандующим никарагуанской армией в чине полковника, а для сохранения видимости национального примирения правительство сформировал из консерваторов и либералов. Министром финансов стал американец Паркер Френч. Никарагуанские политики превратились в марионеток американского авантюриста. Малейшее их стремление к самостоятельности безжалостно подавлялось. Когда военный министр (бывший консерватор) Понсиано Корраль, отчаявшись, написал письмо президенту Гондураса с просьбой о помощи, его расстреляли.

Уокер издал 23 ноября 1855 г. декрет о широкой колонизации Никарагуа. Каждый взрослый американец получал бесплатно 250 акров земли, а если он приезжал с женой, то надел увеличивался до 350 акров. По данным самого Уокера, после трех месяцев действия указанного декрета число постоянно проживавших в Никарагуа американских граждан выросло до 1200 человек¹⁴.

По своим размерам влияние новых колонистов на этнический состав Никарагуа было несопоставимо меньшим, чем воздействие в свое время испанской колонизации. Все же следует учитывать, что присутствие в течение длительного времени на территории Никарагуа

солдат, а затем и постоянных колонистов-американцев вызвало определенные сдвиги в этнической структуре страны.

Уильям Уокер специальным декретом провозгласил восстановление рабства в Никарагуа и планировал распространить на эту страну порядки южных штатов США, включая массовое использование негритянского труда. Все эти факторы могли бы оказать глубокое воздействие на процессы национального развития, но дальнейший ход событий принял неблагоприятный для Уокера оборот.

Руководители Коста-Рики, выражая интересы сложившегося класса буржуазии и прежде всего средних и мелких земельных собственников, напуганных перспективой потери земель в пользу американских плантаторов, объективно выступили в защиту общих интересов центральноамериканских народов, и президент этой маленькой республики Хуан Рафаэль Мора 26 февраля 1856 г. получил чрезвычайные полномочия, в частности право на объявление войны Никарагуа. Англия, ревниво следившая за происками США в Никарагуа, обещала продать костариканцам значительное количество оружия. 1 марта Коста-Рика объявила войну авантюристам Уокера. На первом этапе Коста-Рике пришлось вести войну в одиночку; ее армия, хотя и не была побеждена в бою, несла огромные потери, в довершение всех бед в конце апреля в ее рядах началась эпидемия холеры¹⁵. Армия немедленно вернулась на родину, занеся эпидемию на территорию Коста-Рики, в результате чего за май—июнь погибло около 10 тыс. человек. Обрадованный таким исходом войны Уокер окончательно порвал со своими бывшими союзниками из числа либералов и провозгласил себя 10 июля 1856 г. президентом Никарагуа, публично заявив о намерении завоевать всю Центральную Америку.

Но он рано торжествовал победу, так как костариканцы, оправившись от урона, нанесенного эпидемией, начали готовиться к новой кампании, а экспедиционные корпуса Гватемалы, Гондураса и Сальвадора двигались к Никарагуа с севера. Полгода длились военные действия (с октября 1856 г. по апрель 1857 г.), пока наконец, отряды Уокера не были осаждены частями костариканской армии в г. Ривас. В этот момент появился американский военный корабль «Святая Мария», командир которого

Чарльз Дэвис оказал давление на осаждающих и добился того, что Уокер с почетом сдался (ему были сохранены жизнь, имущество и личное оружие).

Однако это не означало конца флибустьерской операции. Прибыв в США, Уокер принялся вербовать сторонников и выступал с поджигательскими речами на митингах в Вашингтоне, Нью-Йорке и Нью-Орлеане. Власти смотрели на это сквозь пальцы: да иначе не могло и быть, ибо выяснилось, что личный секретарь президента США участвовал в операциях по скупке крупных земельных участков в Мокситии и пытался втянуть в это дело самого президента¹⁶. В ноябре 1857 г. Уокер вновь высадился в Никарагуа и предпринял попытку продвинуться в глубь страны. Но к месту событий подошли английские военные корабли, с американских судов был спущен десант, «арестовавший» Уокера.

Летом 1860 г. в третий раз Уокер появился в Центральной Америке, но на этот раз в Гондурасе, откуда он решил берегом пробиться в Никарагуа. Последняя авантюра окончилась для него печально, поскольку акции американцев вызвали серьезное беспокойство англичан, призвавших военную эскадру. Командир английского фрегата «Икарус» шел параллельным курсом вдоль берега, не теряя из виду колонну Уокера, пока не выбрал удачный момент для высадки отряда военных моряков и захвата Уокера. Уокер был выдан гондурасским властям и расстрелян 12 сентября 1860 г. в порту Трухильо. Так окончилась целая серия активных попыток монополистического капитала США присоединить к себе территориально Никарагуа, а вместе с ней и другие центрально-американские страны. На знамени Уокера было написано «Пять или ни одной».

Война с флибустьерами Уокера стала важным моментом в формировании никарагуанской нации. Во-первых, она привела в движение большие массы сельского населения, призванного в армии воевавших сторон. Во-вторых, она дала толчок развитию городов, где население искало убежища от бесчинств многочисленных военных отрядов, рыскавших по стране. Во время войны в Никарагуа в значительном количестве прибывали иностранцы: американцы, гватемальцы, сальвадорцы, гондурасцы и др. Часть из них осела в виде колонистов, часть смешалась с местным населением. Все это повлияло в

какой-то степени на состав населения. Очень важно, что война с флибустьерами вызвала в широких массах никарагуанцев рост национального самосознания, породила патриотический дух, который является важным элементом нации.

На новом этапе экспансии политико-экономического характера США ставили своей задачей прежде всего обеспечить себе преобладающие экономические позиции в народном хозяйстве страны и диктовать свою волю правительствам. Либералы, непосредственно виновные в развязывании флибустьерской авантюры, были оттеснены на второй план, и на длительное время власть в стране взяли представители гранадских консерваторов, которые в течение двадцати с лишним последующих лет были хозяевами Никарагуа. Политически этот период в истории Никарагуа был настолько бесцветен, что в некоторых книгах по истории Центральной Америки его просто-напросто опускают¹⁷.

С начала 70-х годов в стране начинается строительство железных дорог, телеграфно-телефонных линий, издается декрет об обязательном и бесплатном начальном образовании. При президенте Педро Хоакине Чаморро (1875—1879 гг.) была предпринята попытка наладить производство табака.

В начале 90-х годов произошла новая вспышка соперничества между городами, в результате которой в 1893 г. к власти в Никарагуа пришел представитель либералов севера Хосе Сантос Селайя. Убежденный сторонник необходимости быстрого капиталистического развития Никарагуа он в проведении политической линии ориентировался на патриотически настроенные слои населения, нарождавшуюся буржуазию, интеллигенцию и часто апеллировал к широким народным массам. Селайя принял решительные меры по ликвидации обособленности Москитового Берега. Еще со времени господства пиратов на атлантическом побережье Никарагуа Англия стала рассматривать этот участок Центральной Америки как свою бесспорную зону влияния. В конце XVII в. Англия провозгласила протекторат над этим участком, а для оформления своих «прав» создала марионеточное государство — Москитное королевство, с которым и были заключены договоры. Первыми королями были привезенные англичанами с Ямайки негры, короновавшиеся в Белизе. Англий-

ское господство в Москитии закрепляло обособление возникавшей здесь своеобразной этнической общности, основу которой составляли индейцы племени москито и различные категории самбо, т. е. лиц, родившихся от смешанных индейско-негритянских браков.

С политической точки зрения укрепление Москитного королевства вызывало недовольство США, которые по договору Клейтона-Бульвера заставили англичан отказаться от права иметь владения в Центральной Америке. Однако и в последующие годы англичане старались уклониться от выполнения положений договора Клейтона-Бульвера и всячески стремились сохранить государственность Москитного королевства, которое было, разумеется, совершенно искусственным образованием. 20 ноября 1894 г. ассамблея представителей индейских общин объявила о вхождении королевства в состав Никарагуа. Селайе удалось обеспечить себе поддержку Вашингтона, что нейтрализовало возможные агрессивные акты со стороны Англии, которая была вынуждена признать воссоединение Москитии с Никарагуа в 1905 г.

Вторая половина XIX в. ознаменовалась значительным ускорением процесса ассимиляции индейского населения и резким ростом числа метисов, постепенно ставших основным компонентом никарагуанского населения. Процессу ассимиляции индейцев в значительной степени способствовал принятый еще в 1877 г. закон о принудительном разделе индейских общинных земель между членами общины. Характер индейской общины в Никарагуа ничем существенно не отличался от общин-эхидо в других центральноамериканских странах и Мексике.

В 1895 г. был принят еще один закон, по которому подлежала конфискации в пользу муниципальных властей вся земля, принадлежавшая индейцам, если последние не могли доказать своих прав собственности. Эти законодательные акты привели к полному разрушению индейской общины, к распаду ее внутренних связей, что в свою очередь вело к быстрой потере этнического своеобразия¹⁸.

Если в 1825 г. индейцы в Никарагуа составляли 40% всего населения, то в 1920 г. только — 4,59%, а в настоящее время их число едва составляет немногим более 2%. Исчезновение индейских групп, как самостоятельных

этнических общностей, является наиболее характерным явлением для демографических процессов XIX и XX в. Обезземеливание индейцев, сознательное разрушение индейской общины были результатом и проявлением ассимиляторских тенденций во внутренней политике правящих кругов по отношению к индейскому населению Никарагуа.

Некоторые, хотя и несущественные изменения в этническую структуру Никарагуа внес кофейный бум начала 50-х годов XIX в., привлечший новую волну переселенцев из Европы — в основном из Испании, Италии, Германии.

Необходимо отметить, что в этот период США особо выделяли Никарагуа из отсталых стран перешейка и занимали по отношению к ее правительству специфическую позицию. Это проистекало из планов строительства меж-океанского канала. Пока французы работали над прорытием Панамского канала, американские монополии лихорадочно искали возможности проложить другой конкурирующий канал по соседству с Панамским. Они через правительственные круги до 1901 г. вели переговоры с Селайей о получении прав на строительство такого канала на территории Никарагуа. Однако в ходе переговоров госдепартамент натолкнулся на твердую патриотическую позицию никарагуанцев: по предложенному проекту Никарагуа должна была сохранить полностью суверенитет над территорией, по которой намечалось проложить канал, и исключительное право на торговлю в зоне канала, более того — должна была сохраняться юрисдикция правительства Никарагуа над всеми гражданами зоны канала и Никарагуа должна была получить 6 млн. долларов за уступку права строительства. Госдепартамент в декабре 1901 г. отклонил этот проект, а вскоре стало известно, что США приобрели права обанкротившихся французов. С этого момента отношения между Никарагуа и США стали ухудшаться.

В 1909 г. правительство Селайи обратилось за новым займом на сумму 1,5 млн. фунтов стерлингов не к США, а к Англии, и почти одновременно стало известно, что никарагуанское правительство официально предложило японским компаниям продумать вопрос о строительстве через территорию Никарагуа нового меж-океанского пути¹⁹.

Эти известия обеспокоили правящие круги США. К этому добавились раздражавшие монополии США слухи о том, что Никарагуа собирается ограничить деятельность «Юнайтед фрут компани», создать свою собственную пароходную компанию для экспорта бананов и т. д. Всего этого оказалось более чем достаточно для того, чтобы были приняты меры к устранению неугодного правительства Никарагуа.

В середине августа 1909 г. на корабле, принадлежащем «Юнайтед фрут компани», группа политэмигрантов во главе с агентом США Эмилиано Чаморро отплыла на промежуточную базу в костариканском порту Лимон для подготовки вторжения в Никарагуа²⁰. Во главе заговора стояли никарагуанский посланник в США Родольфо Эспиноса и его брат Эмилио Эспиноса, который стал премьер-министром «правительства» мятежников, когда они высадились в октябре 1909 г. на атлантическом побережье Никарагуа и заняли порт Блюфилдс. США пустили в ход весь аппарат по фабрикации государственных переворотов. Одновременно «Юнайтед фрут компани» не жалела денег на проезд авантюристов, желавших принять участие в мятеже.

События вскоре приняли драматический характер: правительство Селайи направило на подавление мятежа отряд, который на кораблях должен был дойти до Блюфилдса. На реке Сан-Хуан головное судно было подорвано миной. Высаженный для прочесывания местности десант обнаружил двух американцев, живших в шалаше, где были найдены ящики с динамитом и т. п. Один из них назвался полковником армии мятежников, они не отрицали участия в диверсии. По законам военного времени оба после суда были расстреляны²¹.

Этот расстрел был использован для развязывания интервенции против Никарагуа. Сначала США передали мятежникам 600 тыс. долларов для закупки вооружения, продовольствия и для организации армии, а вскоре и прямо послали свои вооруженные силы²².

1 декабря 1909 г. государственный секретарь США Нокс направил ноту, ставшую образцом классического интервенционизма. Нокс обвинил правительство Селайи в нарушении демократии, в том, что оно не выражает интересов народа. В ноте говорилось о необходимости обсуждения вопроса о существовании в Манагуа ответ-

ственного правительства²³. В заключение объявлялось о разрыве дипломатических отношений.

Военный флот США к этому времени расположился вдоль всего атлантического побережья Никарагуа и готовился к высадке крупного десанта. Селайе ничего не осталось, как уйти в отставку. Однако США не признали нового правительства во главе с Хосе Мадрисом и упорно поддерживали «кабинет» мятежников. Когда же Хосе Мадрис направил на подавление мятежа судно «Венус», американская канонерская лодка подошла к «Венусу», блокировавшему порт Блюфилдс, и запретила ему вести боевые действия под угрозой применения силы. В тот же день, 19 мая 1910 г., солдаты морской пехоты США сошли на землю Никарагуа. 19 августа Мадрис ушел в отставку, а затем покинул страну. У власти встали марионетки США из лагеря мятежников. Среди них получили наибольшую известность Эмилиано Чаморро и Адольфо Диас, первый из которых был главнокомандующим армией, а второй — министром иностранных дел. Американские кредиторы получили право купить 51% акций Национального банка Никарагуа. США дали заем в 1,5 млн. долларов под 6% годовых под залог таможенных доходов, но и во главе таможен стал американец. Дело дошло до того, что, как сообщала одна мексиканская газета: «поверенный в делах США (в Никарагуа) Франклин Гюнтер выразил публично свое пожелание, чтобы провозглашение новой конституции Никарагуа было отложено до приезда посланника США Джорджа Вейцеля, поскольку посланник желал внести некоторые изменения в текст новой конституции»²⁴.

Вспыхнувшее восстание никарагуанского народа привело лишь к тому, что американцы ввели свои войска в столицу и начали наращивать численность оккупационных войск.

5 августа 1914 г. США подписали с никарагуанским посланником в Вашингтоне Эмилиано Чаморро договор о канале. По этому договору, США навечно получали исключительные права на строительство канала на территории Никарагуа. На 99 лет передавались в аренду США Кукурузные острова в Карибском море и участок никарагуанской территории на тихоокеанском побережье страны, в районе залива Фонсека. За все эти уступки Никарагуа получала лишь 3 млн. долларов, да и те она

могла тратить лишь с согласия американского чиновника, назначаемого госдепартаментом²⁵.

Период правления клики Диаса-Чаморро был периодом расцвета коррупции, разложения государственного аппарата, усиления господства американских монополий в экономике страны.

Великая Октябрьская социалистическая революция в России совпала с тем моментом в Никарагуа, когда она находилась на положении оккупированной страны. Отряды морской пехоты под предлогом охраны американской миссии не покидали столицу, железные дороги страны, таможни, банки находились под управлением чиновников США. Посланник Мексики в сообщении своему правительству 31 октября 1918 г. называл президента Никарагуа Чаморро «мелким чиновником вашингтонского госдепартамента»²⁶. Весть о революции в России всколыхнула никарагуанскую общественность, показала ей наиболее короткий путь к восстановлению национального достоинства, к решению наболевших социальных проблем. Возросло число забастовок, выступлений студенчества. Начали появляться первые марксистские группы, которые впоследствии, в 1940 г. создадут Народно-социалистическую (коммунистическую) партию Никарагуа.

Лидером национально-освободительной борьбы стал один из генералов либеральной армии Аугусто Сандино — национальный герой никарагуанского народа.

Сандино ушел в горы северной части страны, откуда обратился ко всему народу, призвав его к борьбе против иностранных оккупантов и доморощенных предателей. Осенью 1927 г. началось формирование патриотической армии Никарагуа. В письме к гондурасскому политическому деятелю Фройлану Турсиос Сандино следующим образом формулировал цели своей борьбы: «Высшим идеалом нашей армии является изгнание захватчиков с нашей земли и содействие созданию национального правительства»²⁷.

Американцам Сандино заявлял в одном из своих воззваний: «Вы приходите сюда, чтобы убивать нас на нашей земле, я го главе моих солдат-патриотов жду вас, и нам неважно, сколько вас будет. Но знайте, что если это произойдет, то вашей кровью будет запятнан белый купол знаменитого Белого дома, гнезда преступных планов»²⁸.

Численность армии Сандино достигла 1200 человек. Бои с 6-тысячным оккупационным корпусом американцев шли ежедневно. Интервенты ввели в действие авиацию, тяжелую артиллерию, подразделения броневедомостей; берега Никарагуа были блокированы мощными военноморскими эскадрами США, по горстка патриотов оказалась несокрушимой, несмотря на нехватку оружия, боеприпасов, продовольствия.

Сандино стремился превратить борьбу в движение всех латиноамериканцев за свободу. Он обращался с письмами к президентам латиноамериканских государств, призывая к единству действий «... Мы должны сосредоточить,— писал он,— все наши помыслы на том, чтобы объединиться и понять, что американский империализм является нашим самым смертельным врагом, стремящимся путем завоевания покончить с нашей национальной честью и свободой наших народов...»²⁹

20 марта 1929 г. он писал президенту Аргентины Иригойену, предлагая созвать в Буэнос-Айресе конференцию латиноамериканских стран, которая бы осудила военную и экономическую экспансию США в странах западного полушария³⁰. К сожалению, это обращение не дало результатов из-за трусости латиноамериканских правительств.

Зато простые латиноамериканские патриоты шли в армию Сандино сражаться за общую свободу. Среди генералов его армии был один сальвадорец, два гондурасца и т. д. По всей Латинской Америке действовали общества «Руки прочь от Никарагуа!». Начиная с 1930 г. патриоты начали проводить наступательные операции, уничтожая имущество американских компаний, громя опорные пункты оккупантов.

Именно тогда государственному департаменту стало ясно, что военным путем сломить Сандино не удастся. Началось создание (1930—1933 гг.) марионеточной никарагуанской армии под названием Национальная гвардия, которая могла бы продолжить борьбу с патриотами. Во главе Национальной гвардии стоял американский полковник Мак Дугал, а затем Анастасио Сомоса, бывший переводчик Генри Стивенса, личного представителя президента США.

Надеясь, что вывод оккупационных войск будет способствовать быстрейшему подавлению национально-

освободительного движения руками марионеток, США постепенно стали эвакуировать свои части. 8 января 1933 г. неделю спустя после того, как последний американский солдат покинул территорию Никарагуа, Сандино начал мирные переговоры, не подозревая о подготовленной ловушке. После подписания в начале февраля мирного соглашения, по которому армия патриотов подлежала разрушению, Сандино стал жертвой вероломства. 21 февраля он вместе с двумя своими генералами был арестован на улице в г. Манагуа, отвезен за город и без суда расстрелян по приказу А. Сомосы, согласовавшего свою акцию с посланником США Артуром Блиссом Лейном.

Смерть Сандино означала начало нового, до сих пор не окончившегося этапа господства США. Страна стала по существу монархией, где у власти уже более 35 лет находится семейство Сомоса. Бывший командующий Национальной гвардией Анастасио Сомоса перензбирался до тех пор, пока его в 1956 г. не убил никарагуанский патриот Ригоберто Лопес, заплативший за это жизнью. После смерти отца власть сохранилась в руках его сыновей — Луиса и Анастасио (младшего).

В ходе второй мировой войны правительство Никарагуа не скрывало своих профашистских симпатий. До момента вступления США в войну в кабинете у диктатора Сомосы висел портрет, где методом фотомонтажа он был изображен вместе с Гитлером. Правительство Никарагуа оказывало содействие немецким кораблям, попадавшим в трудное положение из-за преследований их флотом союзников. Когда же один из фашистских транспортов «Стелла» зашел в порт Сан-Хуан-дель-Норте и был там блокирован британскими военными судами, Сомоса распорядился купить корабль и выплатить немцам его полную стоимость. Такие же дружественные отношения связывали диктаторское правительство Никарагуа с режимом Франко и с правительством милитаристской Японии. Только неизбежность крушения фашистского блока вынудили Сомосу формально объявить войну державам оси и присоединиться к Объединенным нациям. Никакого практического участия в войне Никарагуа не принимала.

Династия Сомоса — верные, преданные прислужники США, они сыграли активную роль в свержении прогрессивного правительства Арбенса в Гватемале в 1954 г. При их прямом участии ЦРУ готовило на территории

Никарагуа позорно провалившуюся десантную операцию на Кубу в апреле 1961 г. Корабли доставили наемников в бухту Кочинос из печально известного никарагуанского порта Блюфилдс. Крайний антикоммунизм, преследования всех честных патриотов, борьба против каких-либо попыток демократизации — таковы характерные черты политики братьев Сомоса.

Никарагуа долгое время имела серьезные проблемы в определении и демаркации своих государственных границ. Наиболее серьезная проблема заключалась в определении границы с Гондурасом, поскольку обе страны претендовали на владение северной частью Москитового Берега и большим участком земли, между реками Патука и Коко. Пока англичане владели Москитовым Берегом или контролировали его, Никарагуа и Гондурас вместе отстаивали центральноамериканский суверенитет на эту территорию. Однако, когда в 1894 г. решительными действиями Хосе Сантоса Селайи удалось полностью ликвидировать автономию проанглийски настроенных марионеточных властей и присоединить территорию «королевства» к Никарагуа, вспыхнул спор между Гондурасом и Никарагуа.

Гондурас, ссылаясь на королевское распоряжение от 23 августа 1745 г., доказывал, что ему принадлежит все атлантическое побережье вплоть до мыса Кабо-Грасьяс-а-Дьос, в то время как реальная никарагуанская граница после присоединения Москитового Берега отодвинулась на север на много десятков километров и проходила по реке Патука.

Вопрос был вынесен после долгих препирательств на арбитражное решение испанского короля Альфонса XIII, который в 1906 г. высказался в пользу Гондураса. Никарагуанцы не согласились с решением и в течение полувека не уходили из занятых районов, пытаясь добиться, чтобы США своим авторитетом помогли Никарагуа укрепить господство на всей площади Москитового Берега. Отношения между Никарагуа и Гондурасом много раз стояли на грани войны, пока, наконец, вопрос не был вынесен на решение Международного суда в Гааге, который 18 ноября 1960 г. также высказался в пользу Гондураса и подтвердил арбитражное решение 1906 г. В начале 60-х годов Никарагуа эвакуировала спорные территории, и граница с Гондурасом была, наконец, определена.

Не менее остро стоял вопрос о границе с Коста-Рикой. Принципом для определения межгосударственных границ в Центральной Америке было положение — «владей, чем владел на 15 сентября 1821 г.», т. е. на день провозглашения независимости. Однако поскольку в Никарагуа внутренний мир был серьезно нарушен в момент провозглашения независимости: то население и власти провинции Никойя (на юге страны) решили присоединиться к Коста-Рике, т. е. к стране с большей политической стабильностью. Это решение жителей Никойи было санкционировано в 1825 г. конгрессом существовавшей тогда единой центральноамериканской республики. Аналогично сложилась судьба провинции Гуанакасте. Более трех десятилетий вопрос о принадлежности этих провинций был причиной разногласий между двумя соседними странами, пока, наконец, договор между ними в 1858 г. не положил конец ссоре: провинция осталась в составе Коста-Рики.

С Сальвадором возник конфликт, когда в 1914 г. по договору Вейцель-Чаморро Никарагуа согласилась уступить США территорию для строительства военно-морской базы в заливе Фонсека на тихоокеанском побережье. Поскольку место для такой базы не определено, а воды залива омывают территории Сальвадора и Гондураса (наряду с Никарагуа), то обе страны заявили категорический протест против такой сделки. До сих пор общественность Центральной Америки ведет борьбу против этого договора.

Затяжные периоды полного господства США в Никарагуа привели к некоторым нетипичным для остальных центральноамериканских стран ситуациям. Например, отмечается более заметная роль протестантов среди населения. По переписи 1950 г., в стране 4% протестантов, причем все они сосредоточены в западных областях, там, где одно время доминировали англичане, а затем хозяйничали американцы. В департаменте Селайи протестанты составляют 36,8% населения, а в провинциях Кабо-Грасьяс-а-Дьос даже — 63,6%.

Никарагуанский народ не смирился с нынешним тяжелым положением полуколонии, в которое его родина поставлена династией Сомоса. Наиболее последовательно ведет борьбу за освобождение Никарагуа от иностранного ига Никарагуанская социалистическая партия. Делегат

этой партии Роберто Сантос, выступая на Международном совещании коммунистических и рабочих партий в Москве, сказал: «Мы отдаем себе отчет в том, что в настоящий момент в нашей стране не существует политической силы, способной в одиночку взять на себя весь груз борьбы и последовательно довести ее до конца. Поэтому мы с пониманием относимся к достижению единства всех антидиктаторских, антиолигархических и антиимпериалистических сил Никарагуа»³¹.

В том, что такие силы в Никарагуа есть, убеждают приходящие из этой далекой страны сообщения о вспышках партизанского движения, о действиях групп городских повстанцев, о росте политической активности профсоюзов, интеллигенции. В сопредельных странах численно растут контингенты политической эмиграции, которые готовы к решительной борьбе за освобождение родины.

- ¹ G. J. Dolores. Historia de la Costa de Mosquitos. Managua, 1939, p. 9.
- ² H. A. Castellón. Historia patria elemental. Managua, 1940, p. 14.
- ³ B. A. Thiel. Viajes a varias partes de la República de Costa Rica. San José, 1896, p. 85.
- ⁴ G. J. Dolores. Historia de la Costa de Mosquitos, p. 45.
- ⁵ H. A. Castellón. Op. cit., p. 41—42.
- ⁶ F. D. Parker. The Central American republics. London — New York, Toronto, 1964, p. 219.
- ⁷ F. D. Parker. Ibid., p. 219.
- ⁸ И. Ф. Хорошаева. Население Центральной Америки в колониальный период. «Нации Латинской Америки». М., 1964, стр. 302.
- ⁹ H. A. Castellón. Op. cit., p. 51.
- ¹⁰ «Новая и новейшая история», 1970, № 1, стр. 77.
- ¹¹ M. Vidal. Nociones de Historia de Centro América. San Salvador, 1961, p. 197.
- ¹² «Gaceta Oficial», San José, 19 julio de 1861.
- ¹³ G. J. Dolores. Historia de Nicaragua. Managua, 1888, p. 599—600.
- ¹⁴ W. Walker. La guerra de Nicaragua. San José, 1924, p. 138.
- ¹⁵ N. Junsto. La invasión filibustera de Nicaragua y la guerra nacional. San José, 1958.
- ¹⁶ «Anales de la sociedad de Geografía e Historia de Guatemala», t. XXX. Guatemala (s. f.), N 1—4, p. 55.
- ¹⁷ M. Vidal. Op. cit.
- ¹⁸ «Handbook of Middle American Indians», t. 6. Austin, 1967, p. 471.
- ¹⁹ А. Б. Томас. История Латинской Америки. М., 1960, стр. 546.
- ²⁰ Archivo General de la Secretaría de Relaciones Exteriores de México. Libro empastado 1011, hoja 66.
- ²¹ Ibid. Libro empastado 1016, hojas 72—91.

- ²² *Fombona H. Blanco*. Crímenes del imperialismo norteamericano. México, 1927, p. 5—6.
- ²³ *I. Fabela*. Los Estados Unidos contra la libertad. Barcelona (s. b.), p. 171—175.
- ²⁴ «El Impercial», México, 17.I 1912.
- ²⁵ *A. Legarza*. Las Constituciones de Nicaragua. Madrid. 1958, p. 981—983.
- ²⁶ Archivo de la Secretaría de Relaciones Exteriores de México, sección 17, caja 18, expediente 31.
- ²⁷ «Вопросы истории», 1961, № 8, стр. 90.
- ²⁸ *G. Selser*. El pequeño ejército loco. Ia Habana, 1960, p. 158.
- ²⁹ «Вопросы истории», 1961, № 8, стр. 92.
- ³⁰ «Repertorio americano». San José, Costa Rica, 1955, N 2.
- ³¹ «Международное совещание коммунистических и рабочих партий». М., 1969, стр. 723.

Коста-Рика.

Очерк истории национального развития

С. Я. Серов

Коста-Рика, одна из самых малых центральноамериканских республик (50900 кв. км), занимает особое место среди своих соседей и по географическим условиям, и по составу населения (общее число жителей — около 1,5 млн. человек).

Большую часть территории страны занимают горные цепи — Центральная Кордильера, Вулканическая Кордильера и Кордильера-де-Таламанка, окаймленные у берегов Атлантического и Тихого океанов низменностями с тропическим климатом. На небольшом по площади Центральном плато (около 4000 кв. км) живет 60% населения¹. На побережье заселены главным образом районы плантаций и портов.

В отличие от других стран Центральной Америки, подавляющее большинство населения Коста-Рики составляют креолы — потомки белых поселенцев (около 80%). Правда, как будет показано ниже, они имеют некоторую примесь индейской крови, но в культуре их не сохранилось никаких следов индейского наследия. 10—12% населения составляют метисы или индейцы, частично воспринявшие испанскую культуру и называемые, как и в некоторых других странах, ладино; остальные — мулаты и негры, а также индейцы, живущие в труднодоступных местностях².

Первые свидетельства об аборигенах Коста-Рики относятся к началу нашей эры (находки керамики на юго-западе страны, в бассейне реки Дикис и в северо-западном районе)³. Ко времени посещения страны Колумбом в 1502 г. общая численность местного населения достигала 27—30 тыс. человек⁴.

Юго-восточную часть современной Коста-Рики заселяли индейцы, названные завоевателями таламанка (языковой группы чибча). Собственно, термин «таламанка» не

индейский: в 1603 г. испанец Диего де Сохо основал здесь поселение Сантьяго-де-Таламанка, назвав его так по месту своего рождения. Название было перенесено на индейцев, населявших этот район⁵. Под наименованием таламанка объединяются две группы — брибри и кабекар. В группу брибри входили племена ара, бисейта, абисетаба, корруэ, укабаруа и др. Самоназвание «брибри» происходит от «деридери» — сильный.

Основным занятием брибри и кабекар было подсечно-огневое земледелие, сочетавшееся с охотой на мелких животных, собирательством и рыболовством (до наших дней здесь сохранился традиционный способ лужения рыбы). Единственным орудием земледелия была палка-копалка из твердого пальмового дерева. Разводились юкка разных видов и какао, маис играл лишь подсобную роль. С приходом испанцев значительное место в хозяйстве таламанка заняли бананы. Домашнее животноводство ограничивалось разведением свиней-пекари⁶.

И у брибри, и у кабекар основной формой социальной организации был род с матрилинейным счетом родства. Каждое селение состояло из 2—3 больших домов. Всего в поселке жило обычно не больше 80 индейцев⁷. Каждый род, по сообщениям хронистов, имел свою хозяйственную территорию, которая носила то же имя, что и род. В сознании этих оседлых индейцев право владения всей округой неразрывно связывалось с проживанием их рода на этой земле. Один из первых конкистадоров Коста-Рики, Хоан Давила сообщал: «Сообщество родных, отцов и детей и внуков зовут они деревней и также провинцией, в зависимости от того, много родичей или мало»⁸. Тем самым, по мнению Дорис Стоун, Давила указывает, сам того не сознавая, на родовой характер общества; это, говорит она, дает нам также ключ к пониманию многочисленности местных топонимов⁹.

Прибрежные группы брибри и кабекар, вероятно, незадолго до испанского завоевания смешались с пришельцами-карибами, культурное влияние которых сказывалось, по археологическим материалам, и на горных племенах¹⁰.

Южную часть тихоокеанского побережья сегодняшней Коста-Рики занимали индейцы борука или брунка, также дожившие (в малом числе) до наших дней. Насколько можно судить по археологическим находкам, по культурному уровню борука стояли несколько ниже индейцев

таламанкских групп. Сейчас уже нельзя установить точное место обитания и облик собственно племени борука, о котором известно только мнение испанцев, как о народе «неверном и воинственном». Благодаря последней их черте, испанцы долго не могли утвердиться в этой области и только в 1608 г. священник Альфонсо де ла Калье, повторив опыт Лас-Касаса и его учеников в Тусулутлане (Вера Пас), замирил борука, обратил их в католичество и основал поселок, наименованный по названию племени — Борука. После включения этого района в колониальную административную систему термин «борука» был перенесен и на соседние племена — кото, а в XVIII в. и на кепо. В 1666 г. живущие здесь индейцы — кото, туррурака, бурукак, кепо и абубае — были объединены в редукцию Нуэстра-Сеньора-де-ла-Консепсьон-де-Борука. В начале XVIII в. сюда же были переселены из Таламанки индейцы терраба. В настоящее время группа борука включает в себя все вышеназванные племена¹¹.

Основой хозяйства борука, если судить по их современному состоянию, было, вероятно, примитивное подсечно-огневое земледелие; занимались они также охотой, собирательством и рыболовством.

Центральная часть страны — нагорье, — имеющая в наши дни наибольшую плотность населения, была до конкисты заселена менее всего. Здесь жили индейцы гуэтар, сведения о которых скудны и обрывочны. Р. Фернандес Гуардия считает, что язык гуэтар был господствующим и на западе, и на востоке Коста-Рики и что именно от него происходят современные диалекты индейцев таламанка и терраба¹², но он не приводит никаких данных в подтверждение своего взгляда, кроме упоминания о некоем документе от 1617 г., повествующем о том, что гуэтар был «главным и родным» языком в Таламанке. Сравнить диалекты невозможно, так как, по словам того же Фернандеса Гуардия, крайне малочисленные представители племени гуэтар не сохранили воспоминаний о языке своих предков. Замечание о родстве языка гуэтар с языками таламанкских индейцев позволяет лишь предположить, что он относился к группе чибча.

Чоротеги (или манге) — племена языковой группы отоми — ко времени конкисты вытеснили гуатусские племена с полуострова Никойя. Они населяли всю северо-западную область Коста-Рики и значительную часть Ни-

карагуа. По полуострову Никойя, некоторые хронисты называли их «никойяно». Это была наиболее развитая из всех костариканских индейцев группа, имевшая более совершенные орудия земледелия, развитое керамическое производство, довольно сложную общественную организацию, с обособленным жречеством и племенными вождями. Чоротегам было известно рабовладение: в рабов обращали не только пленных, но и соплеменников-должников (до выплаты долга)¹³.

Подводя итог краткому обзору автохтонного населения Коста-Рики, необходимо выделить наиболее существенные моменты, имевшие значение для дальнейшей этнической истории страны.

Индейцы Коста-Рики находились на различных ступенях развития — от родоплеменного строя с дисперсными поселениями, основанного на примитивном земледелии в сочетании с собирательством, охотой и рыболовством, до обществ с относительно развитой общественной стратификацией. Индейские группы не были объединены в сколько-нибудь значительный союз, способный противостоять вторжению, — напротив, они вели между собой постоянные войны.

Индейские общества Коста-Рики, как и Антиль, не были подготовлены к тому, чтобы выдержать переход к тем социально-экономическим нормам, которые им навязали испанцы. Их культура была стадияльно настолько ниже испанской, что индейские общества Коста-Рики не смогли выстоять в борьбе с новой культурой и были почти полностью уничтожены. Различие в типах хозяйства доколумбовой Коста-Рики и колонии определило противоположную расселенность индейцев и колонистов: туземцы занимали атлантические и тихоокеанские склоны гор, области с тропическим климатом, позволявшим продержаться при их хозяйственном типе, а испанские поселенцы постепенно плотно заселили Центральное плато, более благоприятное по климату и с достаточно плодородной для европейской системы земледелия почвой. Индейцы либо были истреблены при сопротивлении конкистадорам, либо вымерли в результате чрезмерной эксплуатации испанскими хозяевами.

Полное освоение и завоевание Коста-Рики испанцами завершилось, как это ни парадоксально, позднее, чем завоевание таких больших и открытых позже стран, как

Мексика и Перу. Первая волна конкистадоров хлынула на перешеек из Испании и с Антильских островов, привлеченная описаниями богатств этой земли, названной Колумбом — Верагуа. «Коста-Рика» («богатым берегом») называлась лишь часть побережья. «В Верагуа, — писал Колумб, — я увидел в первые два дня больше золота, чем за четыре года на Эспаньоле, и... не может быть ничего прекрасней земель этого края, и полей, возделанных лучше, и людей более робких, чем местные жители»¹⁴.

Однако Колумб обманулся и обманул других. Золота, которое намывали в реках или обменивали местные жители, явно не хватало, чтобы удовлетворить пришельцев. Первые завоеватели, как правило, искали случая быстро обогатиться и вернуться в Испанию. Америка еще долго рассматривалась только как место, где можно разбогатеть быстрее, чем в Испании, но, разбогатеv, следовало жить и пользоваться соответствующим престижем у себя на родине. Такое отношение к Новому Свету сохранялось у испанцев вплоть до конца колониального периода.

На большую часть страны первоначально распространялось название «Никарагуа». Этим именем была окрещена область вокруг большого озера к северу от полуострова Никойя, куда испанцы пришли в 1523 г. из Панамы. Атлантический берег Коста-Рики, как было сказано выше, делился на две части: Верагуас и собственно Коста-Рика. Большая часть Верагуас подчинялась юрисдикции Золотой Кастилии (Панамы), и здесь, на побережье индейцы карибы были довольно быстро обращены в рабство, чтобы удовлетворить спрос панамского рынка. Военственные же племена таламанка оказывали упорное сопротивление испанцам и не допускали их в свои леса. Районы между хребтом Таламанка и Атлантическим океаном не были известны белым до XIX в. включительно.

Завоевание других районов страны происходило медленно и с большим трудом, главным образом из-за того, что не многие испанцы стремились принять участие в походах, не обещавших большого богатства. Города, закладывавшиеся во время отдельных экспедиций, быстро оставлялись испанскими поселенцами, когда те убеждались, что единственный способ прожить здесь — обработка полей своими руками. Так происходило с городами Бруселас, Картаго, Аранхуэс, Артеда и др.¹⁵

Из сыгравших роль в дальнейшей истории Коста-Рики походов можно назвать поход 1561 г. под командованием Хуана де Кавальона, когда испанцы проникли в долину Гуарко, между хребтами Таламанка и Северным. Это было первое проникновение европейцев туда, где сосредоточилась впоследствии большая часть населения Коста-Рики. Долина была заселена индейцами племени гуэтар, которых пришельцы заставили на себя трудиться. Здесь был основан город Картаго. Угнетенные испанцами местные жители восстали в 1568 г. под руководством касика Туричики и, осадив Картаго, взяли его, но испанцы укрылись в церкви и оборонялись до тех пор, пока на помощь не подоспел губернатор Перафан де Рибера. Однако из-за непрекращающегося сопротивления индейцев и неудобства местности испанцы оставили это поселение около 1572 г. (в 1569 г. здесь насчитывалось не больше 80 жителей) и переехали на новое место, основав второй город Картаго, который и стал столицей Коста-Рики до конца колониального периода ¹⁶.

Участники завоевания Коста-Рики, отобрав накопленные веками у индейцев золото, не могли удовлетвориться тем небольшим количеством его, которое теперь намывалось в реках, и следовали в новосткрытые земли или возвращались в Испанию. Оставшиеся в Коста-Рике и приехавшие позже постепенно превращались в мелких земледельцев, обрабатывавших земельные наделы сначала с помощью принудительного труда индейцев, а затем, по мере уменьшения числа индейцев, и своими руками. Численность же индейцев, втянутых в сферу колониальной эксплуатации, падала с чрезвычайной быстротой.

В 1522 г. в Коста-Рике насчитывалось 23 тыс. индейцев, в 1569 г. — 13 880 ¹⁷. Около 10 тыс. индейцев погибли в войнах, бежали от испанцев в леса или были обращены в рабство и вывезены в Панаму и Перу. После 1569 г., когда индейцы были розданы в энкомьенду завоевателям, их численность продолжала падать, хотя хозяева теперь, казалось бы, должны были заботиться о своих подопечных. Но первые конкистадоры получали в энкомьенду только по 150—200 человек, прибывавшие позднее колонисты — и того меньше ¹⁸.

Поэтому в погоне за прибылью они подвергали индейцев усиленной эксплуатации. В результате в 1644 г. в Коста-Рике было не более 1000 индейцев, подконтрольных

испанской власти, в 1651 г.— около 800, в 1655 г.— 620, в 1665 г.— всего 400 индейцев¹⁹.

Немедленно после прихода испанцев начался процесс метисации. Правда, здесь, в отличие от Мексики, сама по себе физическая метисация еще не означала широкой аккультурации. Метис обычно оставался среди своих соплеменников, чему способствовали как внутриобщинный фактор — наличие экзогамии у гуэтаров, таламанка и бо-рука, матрилинейный счет родства облегчали принятие метисов в группу их матерей,— так и внешний фактор: кроме сельского хозяйства, которым занимались даже жители немногочисленных городов, колониальное общество Коста-Рики ничего не могло предложить выходцу из общины. Подобное положение подтверждается следующим эпизодом. После того как в начале XVII в. власти генерал-капитанства Гватемала, куда входила и провинция Коста-Рика, учредили налог на всех индейцев от 18 до 60 лет (с 1642 г.— до 55 лет), индейцы долины Сан-Хосе-де-Эррера подали прошение об освобождении их от налога на том основании, что все они имеют предков испанцев, а испанцы и метисы этой подати не платили²⁰.

Таким образом, даже осознавая свою генетическую связь с испанцами, с точки зрения колониальной администрации, они оставались индейцами.

Процессу восприятия индейцами норм испанской культуры, «культурной метисации» или «ладинизации» способствовала не столько мисцегенация (метисация), сколько социально-экономические условия в провинции Коста-Рика. Из них важное значение имело то, что в стране не существовало больших энкомьенд — для удовлетворения возможно большего числа претендентов индейские общины разбивались на части и раздавались нескольким испанцам. Для распределения на общественные работы, постройку домов горожанам, церквей и т. д. индейцы переселялись ближе к городам, как было, например, с племенами вото и тариака, которых в конце XVII в. расселили вокруг г. Эспарты²¹. При подобных переселениях, как и в частных случаях перемещения индейцев Таламанки (после восстаний) в другие районы, поселки и жилища планировались испанцами, индейцы попадали под более жесткий контроль светской и церковной администрации. Если при этом в один поселок попадали индейцы,

говорившие на разных языках, то тем скорее для всех них языком общения становился испанский.

Быстрой ассимиляции костариканских индейцев способствовала деятельность францисканского ордена, францисканских миссий. Первая группа францисканских миссионеров прибыла в Коста-Рику в 1565 г., и с тех пор орден занял монопольное положение в стране. В миссиях индейцы обучались нормам католической религии и испанской цивилизации под постоянным надзором священников, пользовавшихся результатами их труда²². Аккультуративные процессы при этом происходили обычно в одной из двух форм: или индейцы теряли своеобразие своей духовной и материальной культуры под влиянием направленной воспитательной политики францисканцев, или, бежав от непосильной эксплуатации и осев на свободных землях среди европейских колонистов-земледельцев, они перенимали методы обработки земли и ведения хозяйства, нормы быта, и т. п. Восприняв испанский язык, они через несколько поколений практически не отличались уже от окружающего населения, особенно если совместному проживанию сопутствовала метисация.

В угнетении индейцев наиболее видную роль играли коррехидоры — королевские чиновники. Губернатор Грегорио де Сандоваль писал в 1637 г.: «Коррехидоры этой провинции присылаются для соблюдения справедливости, а делаются тиранами, которые под сенью своего звания разрушают то, для сохранения чего им это звание дали; они держат индейцев на своих полях целый год, не позволяя им ни отдохнуть хотя бы день, ни пойти в праздник к обедне, не платят им за тот чрезмерный труд, к которому их принуждают, и обращаются с ними столь жестоко, что у каждого, кто этих индейцев видит, вызывают они сочувствие»²³. В сообщении от 1659 г. говорится, что поселок Кепо, в котором жило прежде 300 индейцев, опустел, так как из страха перед коррехидорами почти все жители разбежались и в поселке осталось только 23 человека²⁴.

Обилие неосвоенных земель на плато приводило к тому, что долгое время население Коста-Рики состояло из обособленно живущих хуторами или небольшими поселками испанцев и более или менее «ладинизированных», т. е. воспринявших элементы испанской культуры индейцев. На побережье было больше негров и мулатов, и асси-

миляция индейцев здесь шла скорее. В лесных районах, особенно на северо-востоке, оставались индейцы, избегавшие всяких контактов с остальным населением.

Плантационное хозяйство, получившее было развитие на тихоокеанском и особенно на атлантическом побережье, пришло в упадок из-за набегов английских, французских и голландских пиратов. В течение всего XVIII в. по нескольку раз в год карибские селения Коста-Рики подвергались нападениям пиратов с Москитового Берега. Налетчики грабили плантации, захватывали жителей и продавали их в рабство в Вест-Индию. Иногда они проникали даже в глубь Таламанки и похищали индейцев. В конце XVIII — начале XIX в. пираты фактически получали дань с губернаторов Коста-Рики за обязательство не разорять порты и поселки.

К началу XVIII в. большинство населения страны группируется на Центральном плато. На побережье преобладают завезенные с Антиль негры, мулаты и в значительной мере — латинизированные индейцы. Мелкие, разбросанные по плато хозяйства, в которых основой был личный труд колониста, не могли обеспечить сколько-нибудь существенного прибавочного продукта. Земледелец мог с трудом прокормить свою семью. Культура Коста-Рики в этот период, почти до периода независимости носит исключительно сельский характер. Даже в единственном городе Картаго — столице провинции — жили, если не считать немногочисленных представителей королевской администрации, исключительно земледельцы, имевшие участки вокруг города. Торговля и ремесла при столь низком уровне развития сельского хозяйства практически отсутствовали, в стране не было даже рынков. Внешняя торговля сводилась к продаже какао в Никарагуа и говяжьего жира в Панаму, в небольшом количестве, но из-за плохих дорог торговля эта не могла принять сколько-нибудь значительных размеров. Немаловажную роль играло также географическое и политическое положение страны. Аудиенсия Гватемалы, которой подчинялся губернатор Коста-Рики, не была заинтересована в развитии не обещающего больших и немедленных выгод хозяйства провинции. Природная обособленность затрудняла связь с Никарагуа и Гватемалой, с которыми можно было бы торговать без таможенных пошлин. «Скудные экономические условия страны, — отмечает Эстебан Варона, —

сделали Коста-Рику чем-то вроде американской Золушки, отгороженной от своих сестер, более богатых и процветающих; отдаленная от остального мира, не принимавшая участия ни в чем, что происходило вне ее Центрального нагорья, она пребывала на краю цивилизации, неподвижная, бесчувственная годами»²⁵.

Дошло до того, что хунта горожан столицы Картаго во главе с губернатором приняла в 1709 г. решение — в связи с нехваткой монеты в провинции объявить всеобщим эквивалентом бобы какао (возродив тем самым древний индейский обычай)²⁶.

При таких условиях сколько-нибудь устойчивых товарных отношений в Коста-Рике сложиться не могло. Каждая семья еще могла обеспечить себя пропитанием, но даже покупка одежды была чрезвычайным событием.

Епископ Гаррет-и-Арлови (1711) пишет о крестьянских семьях Коста-Рики, живших в «состоянии такой нищеты, что многие из них пользуются дерюгой, чтобы одеваться, и стыдятся в таком виде появиться в церкви»²⁷.

Сохранению некоторого внутреннего единства костариканцев в этот период способствовала прежде всего однородность экономического статуса. Господство мелко-товарного земледельческого уклада проявилось в том, что отмирание энкомьенды привело на Центральном плато к возникновению сельских соседских общин — эхидо, развивавшихся в русле испанских традиций. Эхидальные земли были неотчуждаемы; часть из них при регулярном перераспределении выделялась в индивидуальное пользование, а часть отводилась под общинные пастбища. Затем сознанию причастности к более широкой, чем общинная, группе способствовали, кроме географического фактора (Центральное плоскогорье имеет небольшую площадь), более или менее действенная королевская администрация и церковь, позволявшие населению воспринять себя как некое единство — подданных испанской империи, живущих в провинции Коста-Рика, исповедующих единую католическую веру. Церковь, к тому же, как сила, часто более осязаемая, чем королевская власть, брала на себя иногда и функции светской организации. Так, с середины XVIII в. священники фактически способствовали ускорению процесса концентрации населения в поселках, выдвигнув требование, поддержанное администрацией, о том, чтобы крестьяне селились около церквей. В 1748 г. свя-

щенник поселка Кубухика (с 1763 г.— Эредия) обратился к губернатору с просьбой обязать прихожан, живущих особняком на своих хуторах и не посещающих из-за этого церковь, переселиться в окрестности поселка. Солдаты, посланные губернатором, разрушили и сожгли 21 хутор, переселив крестьян в Кубухику. В 1751 г. в этом поселке было уже 93 дома, а в его окрестностях — 94. В 1755 г. таким же образом, по просьбе местного приходского священника, губернатор переселил в поселок Вилья-Нуэва (Сан-Хосе), основанный в 1747 г., жителей селения Экасу. Постепенно новые поселки выросли в города, соперничающие со столицей Картаго²⁸.

Но и жители новых городов продолжали оставаться в основном земледельцами. Главным социальным слоем были мелкие производители, выращивающие пшеницу, маис, сахарный тростник, табак, фасоль, лук, анис и некоторые другие культуры. Более или менее крупные плантации, обрабатываемые рабами-неграми, существовали только на побережье, в тропическом климате. На большей же части страны латифундий, предполагавших резкое разделение на эксплуатируемых и эксплуататоров, не было, главным образом, как указывалось выше, из-за отсутствия достаточного индейского населения. Это отличие Коста-Рики от таких ее соседей, как Гватемала, Никарагуа или Гондурас, оказало значительное влияние и на судьбы костариканской республики. «Отсутствие индейской рабочей силы,— отмечает американский историк А. Б. Томас,— не благоприятствовало развитию крупной земельной собственности. Как раз наоборот, Коста-Рика притягивала тех испанцев, которые располагали небольшими капиталами; они обрабатывали землю для самих себя»²⁹.

Постепенно, к концу XVIII — началу XIX в. в Коста-Рике, особенно в новых ее городах, усилилось влияние торговцев. В 1762 г., например, в долине Барва обосновалось уже 864 семьи, из них более 150 испанцев (остальные — метисы и мулаты). 200 семей жили в поселке Кубухика, остальные — в окрестностях; отсюда экспортировались в Никарагуа сахар, табак и пшеничная мука. В Барве имелось в это время свыше 100 прессов для сахарного тростника (трапиче) и 2 мельницы³⁰. Надо сказать, что в 1632 г. во всей Коста-Рике не было ни одного трапиче,

Сложение социальных групп, связанных с интересами местного производства и торговли, групп, чьи запросы неизбежно ущемлялись существовавшими колониальными порядками, предоставлявшими первенство испанским требованиям, знаменовало собой новый этап в сложении костариканского общества. Разумеется, эти слои были не так сильны, как в других областях Испанской Америки (что и проявилось в момент провозглашения независимости), но постепенно они становятся все более активными.

Активность зарождающейся торговой буржуазии и крестьян, производящих продукты на продажу, проявилась особенно ярко в борьбе против государственной монополии на табак. Выращивание табака получило большое распространение во вторую половину XVIII в. на Центральном плато; основным источником дохода был экспорт табака в Гватемалу и Никарагуа. Ни на сахар, ни на какао (производство которого к тому же сильно сократилось из-за набегов пиратов с Москитового Берега) не было такого спроса. Кофе, ставший впоследствии главным предметом торговли, был впервые завезен на плантации Коста-Рики лишь в 1808 г. Поэтому введенная в конце XVIII в. государственная монополия на табак наносила сильнейший удар по мелким торговцам, интересы которых уже в значительной степени совпадали с интересами всей провинции. В 1808 г. в Сан-Хосе вспыхнул бунт против испанской монополии, была уничтожена часть государственных запасов табака. Важность свободной торговли для развития Коста-Рики понимали и ее местные колониальные администраторы, стремившиеся в этот период действовать в духе либеральных реформ Карла III. Губернатор Томас де Акоста в сообщении от 19 апреля 1809 г. о бедственном положении провинции предлагал отменить монополию на табак и позволить поставку табака из Коста-Рики в Гватемалу, Мексику и Перу.

Его предложения не были приняты, и следующий губернатор Хуан де Дьос де Айяла 5 мая 1811 г. докладывал, что за весь 1810 г. в городах Сан-Хосе, Эредии, Алахуэле было продано табака на 62 песо 5 реалов, а на охрану плантаций и борьбу с контрабандой потрачено 7 тысяч 631 песо³¹. Такое бессмысленное положение способствовало дальнейшему разорению страны. Все настойчивее раздавались требования свободы внешней торговли,

в том числе с иностранцами. Но только после очередного восстания в 1812 г. в Сан-Хосе, затронувшего и Картаго, губернатор своей властью отменил государственную монополию.

Центром новых, только складывающихся социальных отношений стали возникшие в XVIII в. и быстро выросшие города Сан-Хосе, Эредия, Алахуэла, расположенные недалеко друг от друга на Центральном плато. Их население быстро росло. В 1775 г. в Эредии было уже 6572 жителя (из них 1427 — «испанцы», т. е. креолы и те метисы, что претендовали на «чистоту испанской крови», 4592 — метисы, 553 — мулаты и негры). В Сан-Хосе в 1778 г. насчитывалось 4911 чел. (561 — «испанцы», 3586 — метисы, 764 — мулаты и негры), а в 1820 г. — уже 14 444 чел. (в Картаго в это время было 8945 чел.). В Эредии, основанной позже других, в 1802 г. было около 800 семей³².

Население всей Коста-Рики в течение XVIII в. также быстро возрастало, как видно из следующих цифр: если в 1626 г. во всей провинции проживало не больше 50 испанцев, в 1644 г. — около 200, а в 1675 г. — 100, то в 1741 г. их было уже 9045 человек (с этой переписи учитываются и метисы, и мулаты), в 1778 г. — 24 536 человек, в 1801 г. — 52 591 человек, а к 1818 г. — 60 000 человек. Об использовании индейской рабочей силы в XVIII в. уже нельзя и говорить — к 1741 г. в Коста-Рике насчитывалось 444 индейца, платящих подать, а в 1803 г. — только 328³³.

Несмотря на значительное число метисов, население Коста-Рики в этот период продолжало сохранять испанский, преимущественно галисийский (большинство поселенцев — выходцы из Галисии) этнический облик. Метисы — ладино Коста-Рики не могли противопоставить испанской культуре сколько-нибудь равнозначные индейские ценности; к тому же, из-за господствующего положения «белых» креолов в обществе, живущие совместно с ними ладино стремились идентифицировать себя с «белыми». Исключение составляли только ладино полуострова Никойя, где земледельцы и торговцы-ладино были обособленной группкой, противостоящей как испанцам и креолам, так и индейцам. На Центральном плато, однако, испано-индейская проблема не приобрела сколько-нибудь значительной остроты.

Состояние культуры в Коста-Рике к концу колониального периода мало чем отличалось от того, каким оно было в начале XVII в. Неграмотность была практически общей. Кроме профессиональных чиновников и некоторых торговцев, мало кто умел читать и писать. В общественной психологии преобладали ценности, сохранившиеся без изменений со времен позднего средневековья. Как испанская администрация сдерживала робкие попытки проявления местной инициативы в экономике, так католическая церковь монополизировала духовную жизнь.

Лишь с началом XIX в. первые идеи буржуазной демократии, первоначально просветительские идеи в духе французских энциклопедистов, начали проникать в провинцию. Этот процесс и в других местах Испанской Америки и в самой Испании неизбежно сопровождался выражением сочувствия к Великой французской революции, сделавшей своим лозунгом реализацию учения просветителей. Тем самым распространение просветительской доктрины способствовало как утверждению буржуазного индивидуализма, так и восприятию идей политической независимости.

В 1814 г. в Сан-Хосе был открыт Дом просвещения имени св. Фомы, где преподавались грамматика, философия, латынь и теология. Хотя программа обучения оставляла желать лучшего, все же сам факт работы Дома просвещения означал первый шаг в развитии образования в стране: до того в Коста-Рике вообще не было никаких школ и желавшие учиться вынуждены были ехать в Гватемалу или Никарагуа. Директор Дома просвещения, никарагуанец, бакалавр Рафаэль Франсиско Осехо активно способствовал распространению идей Великой французской революции.

Все эти факты, если и знаменовали появление каких-то отличных от прежних сил, но они никак не позволяют утверждать, что Коста-Рика была готова сбросить иго испанского колониального режима и пойти по пути буржуазного развития. Отдаленность от остальных центральноамериканских стран, экономическая стагнация, приглушенность социальных и отсутствие расовых противоречий замедлили сложение революционной ситуации в Коста-Рике.

Независимость стран Центральной Америки была провозглашена в Гватемале 15 сентября 1821 г. Только через

месяц, 13 октября, известие об этом было получено в Картаго.

После того как провинция получила независимость, немедленно разгорелась борьба между консерваторами и либералами по вопросу о будущем страны. Имущественное и классовое расслоение в Коста-Рике не было в этот период выражено с большой четкостью. Практически и либералы, и консерваторы были земледельцами, владевшими более или менее крупными участками. Гораздо более значительную роль, чем в последующие годы, играли идейные, личностные моменты, дружеские или семейные связи. Консерваторы, имевшие наибольшее влияние в Картаго и Эредии, надеялись на присылку войск из Испании и тянули время с созданием первых республиканских учреждений. Тем не менее либералам (их центром был г. Сан-Хосе), поддержанным либералами Алахуэлы и Картаго, удалось в ноябре создать первую Правительственную хунту и утвердить конституцию. Однако в декабре 1821 г. консерваторы объявили о вхождении провинции Коста-Рика в состав мексиканской империи Итурбиде. Жители же Эредии предпочли перейти в управление к епископу Никарагуа³⁴.

Развернулась борьба, вылившаяся в первую гражданскую войну. В марте 1823 г., когда Коста-Рика узнала о том, что Итурбиде послал сюда для окончательного покорения войска, жители Сан-Хосе собрали отряд, наделили диктаторскими полномочиями Грегорио Хосе Рамиреса — одного из пропагандистов республиканских идей еще до периода независимости, вдохновлявшегося идеями Симона Боливара, — и разбили силы консерваторов при Очомого, в пяти километрах от Картаго. Тем временем в Мексике был свергнут Итурбиде, что заставило присланные войска уйти из Коста-Рики. Столицей страны с этих пор стал г. Сан-Хосе. В том же, 1823 г. Коста-Рика вошла в Центральноамериканскую федерацию вместе с Гватемалой, Сальвадором, Гондурасом и Никарагуа.

Говоря о результате завоевания костариканцами независимости и полуторагодовой борьбы за нее, костариканский публицист Франсиско Гамбоа заявляет: «Главным было пробуждение крестьянской массы страны, ожесточенные, длившиеся полтора года споры о наиболее подходящей форме социальной организации. Эта была борьба между остатками феодальной идеологии, господ-

ствовавшей в колонии, вернес в Картаго и в других городах, таких, как Эредия, и либеральными идеями, выражавшими чаяния крестьян Центрального плоскогорья, привыкших жить без больших ограничений, нуждавшихся более всего в свободе торговли и быстром независимом развитии»³⁵.

Территория, на которой складывалась буржуазная нация Коста-Рики, не менялась сколько-нибудь существенно с колониальных времен. Только полуостров Никойя принадлежал некоторое время Никарагуа. Но никойянцы, составляющие малую часть населения страны, до сих пор этнически отличаются от большинства жителей Коста-Рики. Ядро нации составили поселенцы Центрального плато — самая крупная группа с однородными этническими чертами.

В сентябре 1824 г. был созван Конгресс Коста-Рики, избравший президентом страны представителя одного из богатейших семейств Коста-Рики, либерала Хуана Мора Фернандеса. В том же, 1824 г. в Коста-Рике было отменено рабство; любой беглый раб, вступивший на землю Коста-Рики, объявлялся свободным. Конституция республики была составлена по образцу конституций Франции и США. Провозглашались свобода печати и просвещения, право владения собственностью и другие буржуазно-демократические свободы³⁶. Правительство, имевшее благоприятную почву для своих мероприятий в свободном мелком крестьянстве, довольно быстро и без сколько-нибудь сильного — на первых порах — сопротивления реализовало либеральские идеи.

Постоянной заботой правительства Мора, как и следующих правительств, стало стремление освоить обширные пустоши, имевшиеся на Центральном плато даже в непосредственной близости от городов. Декрет от 29 ноября обязывал владельцев хозяйств, насчитывающих не менее 50 голов скота, покупать пустоши, необходимые для пастбищ³⁷. В это же время распределялись земли муниципалитетам, мелким собственникам, поощрялось выращивание кофе и других культур для продажи. Еще в 1823 г. всем жителям был определен правительством минимум посадок маиса, пшеницы, фасоли, бананов и сахарного тростника. Государственные уполномоченные следили за неукоснительным выполнением этого указа. Наказание нарушителям было различное — вплоть до

принуждения к разным женским работам, например плетению пляп³⁸. Либеральное правительство всеми способами переводило Коста-Рику на путь товарного мелкого сельского хозяйства. Основными двигателями силами этого процесса, отмечает А. Монтеро Вега, были стремление стимулировать разведение культур на экспорт и заинтересованность в получении платы за почти насильно распределяемую землю³⁹.

Уже в 1824 г. была налажена продажа табака в Колумбию. Костариканские порты посещались торговыми кораблями из Перу, Эквадора, Колумбии⁴⁰. С 1825 г. в стране чеканилась собственная монета, оживились денежные операции и внутри страны.

Распад Центральноамериканской федерации не привел ни к гражданской войне в Коста-Рике, ни к вторжению каких-либо вражеских войск на ее территорию. Отделенная от остальных стран Центральной Америки труднопроходимыми лесами, чуждая многим заботам, волновавшим ее соседей, Коста-Рика пребывала до XIX в. в состоянии своего рода культурной изоляции. Стремление самоутвердиться нашло свое выражение в рассматриваемый период в достаточно сильном сепаратизме. Как только правительство Коста-Рики, вплотную занялось нуждами страны, стало ясно, что этот район имеет свои, отличные от других проблемы. Поэтому решение правительства Браулио Каррильо о выходе в 1838 г. Коста-Рики из федерации было воспринято без ощутимого сопротивления.

За то время, пока у власти находился Каррильо (1835—1842), были осуществлены многие мероприятия, которые ускорили процесс национальной консолидации костариканцев. Каррильо активно содействовал развитию частнособственнических крестьянских хозяйств. В 1835 г. необрабатываемые эхидальные земли, наравне с прочими пустошами, были отчуждены и распроданы; при продаже отдавалось предпочтение мелким собственникам. Видимо, еще некоторое время после продажи эти земли традиционно рассматривались как общественные, лишь обрабатываемые теми, кто их купил, так как резолюция 1839 г. предписывала всем владельцам участков выделить их межами⁴¹. В 1841 г. Каррильо подписал закон о передаче эхидальных земель тем, кто их обрабатывал в то время. Земельная община была уничтожена, и юридически ничто

не препятствовало развитию капиталистических отношений в деревне. (Закон этот после падения Каррильо был отменен, но в 1848 г. утвержден вновь).

Упразднение земельной общины ускорило расслоение костариканского крестьянства. Новые обрабатываемые земли в значительном количестве попадали в руки кофейных плантаторов, расширявших свои владения. Разведение кофе пользовалось особым покровительством правительства Каррильо, и уже в 1832 г. в Европу была экспортирована первая партия костариканского кофе. С 30-х годов XIX в. экспорт кофе постепенно становится определяющим фактором в экономике страны. Для развития торговли правительством выплачивались премии тем, кто проводил и благоустраивал дороги, ведущие с Центрального плато к океанским портам. Централизация управления особенно усилилась в период диктаторской власти Браулио Каррильо. Столицей окончательно был провозглашен Сан-Хосе, после сопротивления других городов, желавших, чтобы правительство, как было ранее, находилось по году поочередно в каждом из четырех главных городов государства. Администрация была упорядочена и по мере возможности избавлена от наследства испанского бюрократического аппарата. Был разработан уголовный кодекс. Особенно упорное сопротивление встретили мероприятия Каррильо, ущемлявшие интересы католической церкви. Предыдущие президенты также проводили антицерковную политику, но открытые столкновения начались, когда Каррильо отменил право церкви на десятину. Вспыхнула гражданская война, в которой против правительства выступили и некоторые крупные землевладельцы, недовольные новым законом о государственном налоге на хозяйства свыше 10 мансан (одна мансана равна 69,89 а)⁴². Однако Каррильо удалось удержаться у власти, и свергнут он был только в 1842 г. Морасаном, прибывшим из изгнания в Коста-Рику в надежде восстановить Центральноамериканскую федерацию. Судьба этой попытки может служить новым подтверждением правильности тезиса о сознании народом Коста-Рики своей обособленности от всех остальных стран Центральной Америки.

В 1848 г., во время президентства Хосе Мариа Кастро Коста-Рика была окончательно объявлена независимой республикой.

Последующие десятилетия Коста-Рика шла по пути развития монокультурного производства кофе и все большего экономического обособления от своих соседей. Постоянное соблюдение принципа невмешательства не помешало костариканскому народу сыграть решающую роль в разгроме авантюры Уокера в 1855—1856 гг. Костариканский народ разгромил вторгшиеся на территорию его страны войска флибустьеров, завершив войну затем в захваченной Уокером Никарагуа⁴³. Эта война стала в аспекте национального развития важным фактором для процесса сложения национального самосознания. Народ противопоставил себя иностранной интервенции, во-первых, как нечто этнически цельное; во-вторых, как политически целое, с собственными, достойными защиты институтами (одним из лозунгов, например, была отмена восстановленного Уокером рабства)⁴⁴. В этой же войне Коста-Рика обрела своего народного героя — символ самоутверждения нации. Молодой солдат из Алахуэлы — Хуан Сантамария — во время взятия города Ривас поджег вражеский форт, погибнув при этом, — и тем обеспечил победу. Ему ставят памятники, ему посвящают стихи, он служит примером патриотизма⁴⁵.

Начиная с середины прошлого века, кофе играет все большую роль в экономике страны, влияя и на политику — внутреннюю и внешнюю. В стране выделяется прослойка владельцев кофейных плантаций и, хотя мелкие собственники составляли основную массу производителей кофе, группа кофейных плантаторов ощутимо влияет на жизнь страны, вступив в соперничество с прежними немногочисленными влиятельными семействами плантаторов, таких, как Мора, Монтеалегре, Тиноко и др.

На больших плантациях стал уже применяться труд пеонов, которыми становились разорившиеся мелкие хозяева. Дальнейшему расслоению крестьянства сопутствовало появление так называемых «обработчиков» — собственников машин для обработки кофе-сырца. Эта группа быстро богатела; обработчики становились экспортерами кофе, плантаторами. Ссужая деньги крестьянам, они принуждали попавших в долговую кабалу трудиться на их плантациях.

В стране шла непрерывная борьба между мелкими земельными собственниками и крепнущей сельскохозяйст-

венной буржуазией — борьба без вооруженных столкновений, проявлявшаяся в соперничестве политиков. Поводом для свержения в 1860 г. президента Хуана Рафаэля Моры была высылка им из страны епископа Льюренте-и-ла-Фуэнте, но причиной раздора между светским и церковным вождями была политика Моры, отменившего церковную десятину и собиравшегося распределить между бедняками в окрестностях Сан-Хосе земли, розданные еще Браулио Каррильо, но захваченные плантаторами.

В этот период, примерно до конца 1870-х годов правительства Коста-Рики в основном стараются сдерживать рост земельных владений и поощряют мелкое хозяйство. Демократическая традиция правления, сложившаяся в Коста-Рике вследствие сравнительно слабого социального расслоения, проявлялась, в частности, в том, что даже в периоды наибольшего усиления личной власти президента распределение государственного земельного фонда шло через муниципалитеты, и те уже в соответствии с местными нуждами продавали поля и пастбища частным владельцам. Дифференциация крестьянства в это время еще не достигает столь значительных размеров, как в конце XIX — начале XX в. Лишь в исключительных случаях владения достигали 100 га; обычно они не превышали 20—50 га⁴⁶ (при минимальной площади в 4 га). Экстенсивные формы хозяйствования тем самым ограничивались, расслоение класса земледельцев происходило главным образом за счет введения капиталистических методов ведения хозяйства.

Иностранное участие в земледелии страны в середине XIX в. ограничивалось отдельными попытками организации небольших немецких и французских колоний в необжитых местах. Правительство, поощрявшее освоение «диких земель», сдавало в аренду за небольшую плату землю в окраинных районах⁴⁷.

В 1860-х годах правительство постепенно переходит к политике протекционизма в интересах крупных производителей кофе и маиса. Кофе вывозился через тихоокеанский порт Пунтаренас и далее вокруг мыса Горн или через Панаму, что было одинаково неудобно и дорого. Правительство Коста-Рики отдало английским компаниям подряд на постройку железной дороги от Сан-Хосе до атлантического порта Лимон. Английский капитал в Коста-Рике, как и в некоторых других странах Америки, имел

в это время более прочные позиции, нежели североамериканский. Однако, потерпев финансовый крах в результате спекуляций английских кредиторов, правительство Томаса Гуардии отдало подряд на постройку, вернее на окончание постройки железной дороги американскому предпринимателю Майнору Кейту. Дорога строилась с 1871 по 1890 г. Компания, возглавлявшаяся Кейтом, получила во время постройки концессию на 324 тыс. гектаров земли (около 8% всей территории страны) и привилегии беспошлинного импорта оборудования⁴⁸. Эта концессия, известная как «договор Сото-Кейт», была подготовлена переориентацией правительства Коста-Рики на поощрение немногих крупных национальных хозяйств плантационного типа и иностранных компаний с большим капиталом, которые помогли бы ускоренному экономическому развитию страны. В 1880 г. было принято дополнение к Хозяйственному регламенту 1858 г., согласно которому единоличные владения не должны были превышать 10 кабальерий (одна кабальерия равна 44,73 га). Но в дополнении 1880 г. оговаривалось, что площадь участков, хотя и принадлежащих одному владельцу, но купленных в разное время и в разных районах, может превышать указанную норму. В 1884 г. правительственный декрет установил наибольшую площадь одного хозяйства уже в 600 га (при этом делалась оговорка, что в «особых случаях» эта цифра может быть превышена)⁴⁹. Хозяйства с такой площадью уже можно относить к лати-фундиям. Они, несомненно, требовали наемного труда, и их появление свидетельствовало об увеличении численности сельского пролетариата и укреплении крупных землевладельцев.

«Договор Сото-Кейт» был первым контрактом о передаче столь больших национальных участков иностранцам. Железнодорожная компания получила эти земли на 99 лет с освобождением от налога на 20 лет. Если либеральные правительства первых лет независимости обязывали крестьян разводить необходимые стране культуры, то Железнодорожная компания не только была освобождена от таких требований, но и могла полностью распоряжаться всеми природными богатствами приобретенных земель. Здесь и возникли банановые плантации, принесшие богатство созданной в 1899 г. Кейтом в Коста-Рике, а затем распространившей свою власть и на другие страны

«Юнайтед фрут компани». Из-под контроля государства вышли не только территория и население, находившиеся формально в ведении компании. Ее служащие в первые десятилетия XX в. исполняли функции правительственных чиновников на территории атлантического побережья Коста-Рики, не принадлежащей «Юнайтед фрут компани».

Население Коста-Рики в течение XIX в. быстро увеличивается, как видно из следующих данных ⁵⁰:

Годы		Численность	Годы		Численность
1821	около	60 000	1864	около	120 499
1824	»	65 393	1875	»	156 063
1836	»	78 365	1883	»	182 073
1844	»	93 871	1892	»	243 205

Этот скачок в численности населения происходил исключительно за счет естественного прироста. Иммиграция в страну вплоть до конца XIX в. была незначительной. Часть жителей полуострова Никойя, отошедшего к Коста-Рике в 1824 г., продолжала считать себя никарагуанцами; в конце века были завезены американцами для строительства железной дороги негры из Вест-Индии. Некоторое представление об иммиграции в Коста-Рику во второй половине XIX в. дает табл. 1 ⁵¹.

Таким образом, видно, что население Коста-Рики и в XIX в. оставалось этнически однородным. Процесс ассимиляции тех ладино, что жили на Центральном плато, за этот период завершился окончательно. Этническое своеобразие сохранили лишь ладино на полуострове Никойя, происходившие от смешения с чоротегами, и на юго-западном побережье, предками которых были индейцы борука. И те и другие были, как правило, объединены в сельскую общину. Потомки колониальных негров и мулатов, жившие не на побережье, а в центральных районах, постепенно смешивались с белым населением.

Сознание этнического единства тем самым способствовало формированию сознания единства политического. Общественное самосознание в стране пережило новый подъем после реформ 80-х годов, в период президентств Просперо Фернандеса и Бернардо Сото, и прежде всего — реформы образования, осуществленной министром просвещения Мауро Фернандесом. Было открыто много государственных школ и колледжей, готовились учителя.

Таблица 1

Страны	Число иммигрантов в годы			
	1864	1883	1888	1892
Испания	—	460	648	831
Германия	164	240	298	342
Франция	64	198	233	189
Англия	54	175	247	246
Италия	—	58	1317	622
Другие страны Европы	—	1190	3005	2339
США	48	130	250	204
Ямайка	—	902	839	734
Никарагуа	1196	1014	1208	1302
Колумбия	676	530	665	812
Всего	2102	4897	8710	7621

В 1886 г. был принят закон о бесплатном и обязательном начальном образовании. Именно с этих пор вошло в поговорку, что в Коста-Рике больше школ, чем казарм, и больше учителей, чем солдат. «Бесплатная светская государственная школа, — отмечает Франсиско Гамбоа, — утверждала демократию в национальном сознании»⁵².

К началу XX в. можно считать законченным сложение костариканской народности. Костариканский диалект испанского языка имел черты, отличавшие его от языков соседних центральноамериканских народов (особенности произношения, частое употребление уменьшительного суффикса «тико», по которому костариканцы получили кличку «тикос». Это прозвище употребляется не только другими латиноамериканцами, но и в самой Коста-Рике). Творчество писателей-костумбристов конца XIX в., передававших в своих рассказах местный говор и лексику (М. Хименес, М. Гонсалес Селедон, К. Гахيني, Л. Чаваррия и др.), служит тому свидетельством. В стране сложились более или менее развитые торговые отношения, шло расслоение общества на классы. Процесс этот не был завершен. «Годы, прошедшие между 1824 и 1900 г., —

справедливо отмечает Эстебан де Варона, — были решающими для будущности этого народа, сформировали и определили костариканца»⁵³.

На формирование национального самосознания, оказывала сильнейшее влияние эксплуатация страны североамериканским капиталом, вызывавшая активное возмущение костариканских патриотов.

Медленно, но неуклонно идущее формирование общественных классов и групп сопровождалось созданием политических партий и общественных организаций. Первоначально это были только буржуазные партии — ни крестьяне, ни рабочие еще не имели своих объединений. В течение XIX в. народные массы Коста-Рики действовали с достаточным влиянием лишь тогда, когда вставал вопрос об отражении вражеского вторжения, решения внешнеполитических проблем. Во внутриполитической сфере вопросы ставились и решались только довольно ограниченным количеством лиц, влиятельных представителей социальной элиты, выступавших от имени народа. Массы время от времени вмешивались в события по призыву того или иного деятеля. Например, в 1884 г., во время проведения либеральных, антиклерикальных реформ, изгнания из страны епископа Б. А. Тилиа и иезуитов, по призыву священников против правительства поднялись наиболее темные слои крестьянства⁵⁴. Но в первые десятилетия XX в. классовое расслоение достигло уже достаточной степени и общественные группы могли осознать свои интересы. Примером тому могут служить демонстрации учителей в 1918 г., поддержанные другими социальными группами; это движение перешло в восстание, кончившееся свержением диктатуры братьев Тиноко.

Новый этап в формировании самосознания костариканских трудящихся знаменует создание в 1930 г. Коммунистической партии. В течение нескольких лет коммунисты смогли стать во главе борьбы трудящихся страны за свои права, завоевали авторитет среди сельскохозяйственного пролетариата и передовой интеллигенции. Популярность компартии среди значительной части костариканского народа показательна и в том аспекте, что отныне буржуазные партии не могли претендовать на представительство интересов всей страны; идеи капиталистического развития Коста-Рики, пропагандировавшейся с

тем или иным оттенком этими партиями, была противопоставлена идея о возможности социалистического пути.

К концу 30-х годов Коммунистическая партия становится самой активной политической силой Коста-Рики, она пользуется симпатией и поддержкой не только членов партии, но и значительного числа беспартийных трудящихся, прогрессивных интеллигентов.

Особенно сильны были позиции компартии среди рабочих на банановых плантациях, подавляющее большинство которых принадлежало «Юнайтед фрут компани». Территория, занятая этой компанией в Коста-Рике, признает американский исследователь Дж. Белл, «была в любом смысле, за исключением разве формального определения, колонией, где проявлялись многие характерные черты империализма Соединенных Штатов»⁵⁵. Полное отсутствие каких-либо прав, разжигание администрацией расовой вражды между белыми и неграми, несоблюдение элементарных норм санитарии были обычным явлением на плантациях.

Компартия совместно с Конфедерацией трудящихся Коста-Рики возглавила борьбу рабочих — «бананерос». До этого разрозненные забастовки на отдельных плантациях не имели успеха. В 1934 г. 16 000 рабочих банановых плантаций «Юнайтед фрут компани» на атлантическом побережье провели общенациональную забастовку, добившись увеличения заработной платы и уменьшения рабочего дня⁵⁶.

Если в дискуссии 1907 г. в Законодательном собрании нужды «бананерос» не привлекали особого интереса, а главным было ущемление претензий буржуазии, то забастовка 1934 г. стала общенациональным событием.

Особенно большую роль в жизни страны играла компартия в 1942—1948 гг. (в 1943 г. переименована в партию Народный авангард). В этот период в блоке с правительствами Кальдерона Гуардия и Пикадо Михальского она имела возможность влиять на национальное законодательство, выступать с защитой интересов трудящихся, требовать соблюдения демократических норм через своих депутатов в Конгрессе.

В результате переворота 1948 г.⁵⁷ партия Народный авангард была объявлена вне закона, но и в нелегальных условиях, существовавших до недавнего времени, она продолжала вести работу в массах.

Национальное развитие Коста-Рики за последние 20 лет вступило в новую фазу. В стране постепенно усиливается национальная буржуазия, связанная с новыми отраслями хозяйства. Возрастает численность и значение в общественной жизни рабочего класса (если в 1925 г. в Коста-Рике было всего 13,6 тыс. промышленных рабочих, то в 1960 г. — 43 тыс.)⁵⁸.

Преобладающим и численно, и по роли в экономике страны все же остается крестьянство. Ускоренными темпами идет процесс пролетаризации мелких хозяйств (минифундий) с площадью от 1 до 2,9 мансан (0,7—2 га), которых насчитывалось в 1963 г. 11 тыс. Не в состоянии выдержать конкуренции не только с латифундистами, но и со средними фермерами, эти крестьяне вынуждены сочетать обработку собственного участка с сезонной работой в близлежащей латифундии. Не имеется сведений о доле того и другого вида работ в крестьянском хозяйстве, но в социально-политическом аспекте, считает Ч. Дентон, можно предположить, что зависимость от латифундиста невольно приводит крестьянина к представлению о патроне как о политическом лидере данной округи⁵⁹. Влияние латифундистов как на экономическую, так и на политическую жизнь страны за последние 30—40 лет значительно возросло. В том же, 1963 г. 34% обрабатываемых земель относились к хозяйствам площадью свыше 700 га (0,6% всех хозяйств страны)⁶⁰. Новые латифундии образовались как за счет захвата обрабатывавшихся ранее мелких и средних хозяйств, так и за счет освоения земель на атлантическом берегу, прежде принадлежавших «Юнайтед фрут компани» и заброшенных ею после гибели банановых плантаций в конце 30-х годов. Площади второго вида отводятся преимущественно под пастбища и под посадки сахарного тростника, который после отказа США от кубинского сахара стал играть все большую роль в экспорте наряду с бананами и кофе. Политически же латифундисты, заинтересованные в сохранении эксплуатации мелких собственников полуфеодальными методами, все более становятся, замечает Дж. Белл, тормозом в развитии страны; они противодействуют демократической традиции, открывающей путь в более высокие сферы представителям «средних слоев», они не способствуют введению новых методов хозяйства, да и редко кто из них сам видел свои земли⁶¹.

Промежуточное положение между латифундистами и минифундистами занимают крестьяне с наделом около 7 га. Таких хозяйств было 43% в 1963 г. американский социолог Д. Голдрич видит именно в этих мелких (в условиях Коста-Рики их, вероятно, правильно было бы считать средними) земельных собственниках опору демократической традиции общественной жизни⁶². Однако ряд исследователей считает, что мелкие хозяева не удовлетворяют запросам современной экономики, так как они не в состоянии модернизировать хозяйство и в значительной мере зависят от латифундистов⁶³. С конца 40-х годов правительство стимулирует создание сельскохозяйственных кооперативов. В 1963 г. в стране было около 50 кооперативов разного типа, объединяющих более 10 тыс. крестьян⁶⁴.

Об укреплении позиций национальной буржуазии, а тем самым и о наступлении нового этапа в формировании буржуазной костариканской нации свидетельствует значительное укрепление государственного сектора за послевоенный период.

Начиная с национализации в 1948 г. Х. Фигересом всех банков и создания Национального банка, правительства Коста-Рики, особенно в периоды президентства представителей Партии национального освобождения (Х. Фигерес — 1953—1958, Ф. Орлич — 1962—1966), делают шаг за шагом в этом направлении. Но в то же время развитые связи с высокоразвитыми империалистическими государствами, известная экономическая и политическая зависимость от них приводят к тому, что либеральные правительства не в состоянии провести единовременную национализацию, а пользуются тактикой так называемого «десаррольизма». Вновь создаваемые компании пользуются смешанным капиталом — национальным и иностранным. По прошествии определенного срока, когда позиции компании укрепляются, она полностью переходит в ведение государства. Таким же образом происходит постепенная национализация иностранных компаний. Тем самым явная зависимость от империалистических держав и компаний сменяется слиянием интересов государства и тех же иностранных инвесторов. Происходит переход к по-вой, менее явной и менее грубой форме зависимости при попытках государства регулировать отношения. Одним из примеров такой политики может служить тактика Фиге-

реса по отношению к «Юнайтед фрут компани» во время первого его президентства. В 1954 г. был заключен новый контракт с компанией, согласно которому «Юнайтед фрут компани» вместо прежних 15% обязалась выплачивать Коста-Рике 35% прибылей; вместе с другими налогами выплата составила даже 42%⁶⁵. С другой стороны, он предоставил этой компании концессии на плантации по всему атлантическому побережью⁶⁶. Рост антиимпериалистического движения в Латинской Америке дает возможность в последние годы предпринять и более решительные шаги. Однако правительства Коста-Рики лавируют, предоставляя, например, при Х. Трехосе в 1968 г. американской компании АЛЖОА право на добычу бокситов в Сан-Исидро⁶⁷, а в 1972 г. во время правления Х. Фигереса — национализируя англо-американскую компанию «Норзерн Рейлуэйс». Конечно, такие отношения могут приносить государству больше выгоды, чем прежняя односторонняя зависимость, но тем не менее эта политика справедливо характеризуется как политика союза крупной буржуазии с иностранным капиталом⁶⁸.

Однако правительство Коста-Рики стремится сохранить за собой возможно большее число альтернатив развития. Торговые соглашения, заключенные с рядом социалистических стран, установление 9 января 1972 г. дипломатических отношений с Советским Союзом свидетельствуют о том, что некоторые круги костариканской буржуазии не отказываются от возможности развивать государственные отношения иного вида, не связанные с системой империализма.

К настоящему времени уже ясно выделяются черты костариканской буржуазной нации, чему в значительной степени способствовала этническая однородность населения. Ядро нации составляют белые потомки галисийских колонистов, в чьей среде ассимилируются продолжающие прибывать иммигранты. Основная их часть сосредоточена на Центральном плато, в городах и поселках. Убыстрившееся за последние десятилетия расслоение крестьянства способствует росту миграции сельских жителей в города и более активному их включению в жизнь страны. Испаноязычное население смешанного индейско-испанского происхождения живет главным образом на тихоокеанском побережье. Его относительная численность по сравнению с другими центральноамериканскими странами, такими,

как Гватемала, Гондурас и др., невелика, и оно постепенно ассимилируется, переходя к работе на плантациях. Расселенные в резервациях индейцы⁶⁹ не смогут из-за своей малочисленности оказать заметного влияния на этнический облик костариканцев. Возможно, какое-то воздействие на него окажут живущие на атлантическом берегу вест-индские негры, завезенные для работы на банановых плантациях. Часть их эмигрировала в Панаму после депрессии конца 30-х годов, но многие остались; к тому же не изжитый плантационный тип хозяйства способствует прибытию новых негритянских групп. Они говорят на диалекте английского, а не испанского языка, физически и культурно резко отличаются от остального населения страны. Сейчас они уже не являются полностью оторванными от костариканской экономики и культуры, как в годы работы на плантациях «Юнайтед Фрут компани», и разбавляются костариканцами, работающими рядом с ними⁷⁰, но о полном вхождении их в нацию еще говорить рано.

Социальное расслоение внутри костариканской общности соответствует уровню капиталистического развития страны. В Коста-Рике имеется разделенное на классы общество с буржуазной олигархией, эксплуатирующей трудящиеся массы. Сравнительно высокий уровень демократии в Коста-Рике не противодействует, например, элитарности высшего образования. Выпускники университета в Сан-Хосе, как правило, принадлежат к имущим классам. Буржуазия все больше связывает свои интересы с интересами государства и иностранных монополий.

Процесс сложения костариканской нации продолжается. В стране существует значительный резерв мелких земельных собственников, которым еще предстоит более активное участие в общенациональной жизни. От того, каким путем пойдет развитие Коста-Рики в ближайшие годы, зависят и формы этого участия, пополнение того или иного класса.

¹ *Ch. F. Denton. Patterns of Costa Rican politics.* Boston, 1971, p. 3.

² «Народы Америки», т. II, М., 1959, стр. 180.

³ «Aboriginal cultural development in Latin America: An Interpretative Review». Washington, 1963, p. 46.

⁴ *Ch. L. Jones. Costa Rica and civilization in the Caribbean.* New York, 1967, p. 34; *Ф. Гамбоа.* Коста-Рика. Историко-публицистический очерк. М., 1966, стр. 15.

- ⁵ D. Stone. The Talamankan tribes of Costa Rica. Cambridge, Mass., 1962, p. 3.
- ⁶ Ibid., p. 6—7.
- ⁷ C. Meléndez Chávez. Tipos de población en Costa Rica a mediados del siglo XVI. «Actas del XXXIII Congreso Internacional de Americanistas, San José, 20—27 julio 1958», t. II. San José, 1959, p. 487.
- ⁸ «Colección de documentos inéditos relativos al descubrimiento, conquista y organización de las antiguas posesiones españolas de América y Oceanía», t. XVI. Madrid, 1871, p. 339.
- ⁹ D. Stone. The Talamancan tribes..., p. 5.
- ¹⁰ C. H. Aguilar. Religión y magia entre los indios de Costa Rica de origen sureño. San José, 1965, p. 40.
- ¹¹ D. Stone. The Boruca of Costa Rica. Cambridge, Mass., 1949, p. 3—6.
- ¹² R. Fernández Guardia. Historia de Costa Rica: El Descubrimiento y la Conquista. San José, 1941, p. 12.
- ¹³ Ф. Гамбоа. Указ. соч., стр. 15—16.
- ¹⁴ «Путешествия Христофора Колумба». Москва, 1961, стр. 457.
- ¹⁵ L. Fernández. Historia de Costa Rica durante la dominación española. 1502—1821. Madrid, 1889, p. 117, 118, 121.
- ¹⁶ C. Meléndez Chávez. La Ciudad del Lodo (1564—1572). San José, 1962, p. 25—26.
- ¹⁷ Ch. L. Jones. Op. cit., p. 34—35.
- ¹⁸ «Los Conquistadores». San José, 1940, p. 189—196.
- ¹⁹ L. Fernández. Op. cit., p. 203, 208, 211, 237.
- ²⁰ Ibid., p. 151, 189.
- ²¹ Ibid., p. 244.
- ²² Ф. Гамбоа. Указ. соч., стр. 19—20.
- ²³ L. Fernández. Op. cit., p. 191.
- ²⁴ Ibid., p. 216.
- ²⁵ E. A. de Varona. Costa Rica. México, 1957, p. 17.
- ²⁶ L. Fernández. Op. cit., p. 293; Ф. Гамбоа. Указ. соч., стр. 21.
- ²⁷ Цит. по: R. H. Valle. Centroamérica en la historia. «Ensayos sobre la historia del Nuevo Mundo». México, 1951, p. 243.
- ²⁸ L. Fernández. Op. cit., p. 380, 387, 605.
- ²⁹ А. Б. Томас. История Латинской Америки. М., 1960, стр. 539.
- ³⁰ L. Fernández. Op. cit., p. 393.
- ³¹ Ibid., p. 467, 474—475.
- ³² Ibid., p. 414, 456, 494—495.
- ³³ A. Rosenblat. La población indígena y el mestizaje en América, t. I. Buenos Aires, 1954, p. 191, 222; L. Fernández. Op. cit., p. 175, 203, 365, 457.
- ³⁴ H. G. Peralta. Agustín de Iturbide y Costa Rica. San José, 1968, p. 147—149; *ejusd.* El derecho constitucional en la Independencia de Costa Rica. San José, 1965, p. 31—32.
- ³⁵ Ф. Гамбоа. Указ. соч., стр. 29—30.
- ³⁶ R. Fernández Guardia. Historia de Costa Rica. Independencia. San José, 1941, p. 129; N. de Mora. Obra de Juan Mora Fernández y alcances de la Tertulia Patriótica. San José, 1970, p. 63—67.
- ³⁷ A. Montero Vega. Necesidad de una verdadera Reforma Agraria en Costa Rica. San José, 1961, p. 22.
- ³⁸ N. de Mora. Manifestaciones de progreso. San José, 1970, p. 35.
- ³⁹ A. Montero Vega. Op. cit., p. 25.

- ⁴⁰ *N. de Mora*. Manifestaciones..., p. 41, 45.
- ⁴¹ *A. Montero Vega*. Op. cit., p. 24.
- ⁴² *R. Obregón Loria*. Conflictos militares y políticos de Costa Rica. San José, 1951, p. 7—8.
- ⁴³ «Documentos relativos a la Guerra contra los filibusteros». San José, 1956, p. 362—363.
- ⁴⁴ «Crónicas y comentarios». San José, 1956, p. 229—230, 343; *R. Obregón Loria*. La Campaña del Tránsito. San José, 1956, p. 120—122.
- ⁴⁵ «Libro del Centenario de Juan Santamaría (1831—29 de agosto — 1931)». San José, 1934, p. 10.
- ⁴⁶ *A. Montero Vega*. Op. cit., p. 28.
- ⁴⁷ *M. Wagner* und *C. Scherzer*. Die Republik Costa Rica in Central-Amerika. Leipzig, 1856, S. 331—358; *G. Niederlein*. The Republic of Costa Rica. Philadelphia, 1898, p. 75—76.
- ⁴⁸ *T. Martíen*. Costa Rica. La Habana, 1966, p. 38.
- ⁴⁹ *A. Montero Vega*. Op. cit., p. 30—31.
- ⁵⁰ *Ch. L. Jones*. Op. cit., p. 35; *A. Rosenblat*. Op. cit., p. 191.
- ⁵¹ *Ch. L. Jones*. Op. cit., p. 36.
- ⁵² *Ф. Гамбоа*. Указ. соч., стр. 63.
- ⁵³ *E. A. de Varona*. Op. cit., p. 27.
- ⁵⁴ *H. Peralta*. Don Rafael Yglesias. San José, 1968, p. 76—77.
- ⁵⁵ *J. P. Bell*. Crisis in Costa Rica. The 1948 Revolution. Austin, 1971, p. 24.
- ⁵⁶ «Vida y lucha de los trabajadores bananeros (Relato de un viejo liniero del Atlántico)». San José (s. a.), p. 6—7.
- ⁵⁷ См.: *С. А. Гонионский*. Латинская Америка и США. 1939—1959 гг. М., 1960, стр. 200; *J. P. Bell*. Op. cit., p. 124—150.
- ⁵⁸ *З. Романова*. Коста-Рика. М., 1968, стр. 110.
- ⁵⁹ *Ch. F. Denton*. Op. cit., p. 10.
- ⁶⁰ *З. Романова*. Указ. соч., стр. 62.
- ⁶¹ *J. P. Bell*. Op. cit., p. 7—8.
- ⁶² *D. Goldrich*. Sons of the establishment. Elite youth in Panama and Costa Rica. Chicago, 1966, p. 27.
- ⁶³ *Ch. F. Denton*. Op. cit., p. 10; *L. Barahona*. El gran incógnito. Visión interna del campesino costarricense. San José, 1953, p. 148.
- ⁶⁴ *O. Ch. Esquivel*. Land reform in Costa Rica. «Américas», 1963, N 2, p. 14.
- ⁶⁵ *J. Martz*. Central America. The crisis and the challenge. 1959, p. 247—248.
- ⁶⁶ *J. Gerassi*. The great fear. The reconquest of Latin America by Latin Americans. New York, 1963, p. 191.
- ⁶⁷ «Libertad», 29.XI 1968.
- ⁶⁸ «Проблемы мира и социализма», 1971, № 11, стр. 36.
- ⁶⁹ *C. Meléndez*. Legislación indigenista de Costa Rica. México, 1957, p. 41—50.
- ⁷⁰ *И. Ф. Хорощаева*. Население Центральной Америки в колониальный период. «Нации Латинской Америки». М., 1964, стр. 303.

Панама.

Внешнеполитические факторы в национальном развитии

С. А. Гонионский

О Панаме, небольшой стране (территория — 76 тыс. кв. км, население — 1,5 млн. человек) Центральной Америки много говорят и пишут. Причин этому несколько. Во-первых, в Панаме, как в фокусе, сосредоточены главные противоречия, разделяющие США и страны Латинской Америки. Характер отношений между США и Панамой может служить примером политического, военного и экономического вмешательства империалистов США во внутренние дела латиноамериканских стран. «Панама, — с раздражением писала газета «Нью-Йорк Таймс», — маленькая страна, стала одним из самых больших препятствий, осложняющих отношения Соединенных Штатов с Латинской Америкой»¹.

Во-вторых, американская зона канала разрезает территорию Панамы на две части. Правительство США создало в зоне канала колониальное государство, само существование которого лишает Панаму атрибутов национального суверенитета. Зона канала со всех точек зрения — исторической, правовой и экономической — является неотъемлемой частью Панамы.

11 октября 1968 г. вооруженные силы Панамы — национальная гвардия — совершили переворот. Пришедшая к власти хунта отстранила олигархию от управления государством. Начался новый этап в истории Панамы. Особенность современной обстановки в Панаме состоит в том, что империализм США уже не в состоянии подавить с помощью местной олигархии неудержимое стремление панамского народа к свободе. Военный переворот был направлен против крупной буржуазии, против империалистического грабежа и угнетения, иными словами, совпал с главным направлением все возраставшей борьбы народных масс. В панамском обществе начался процесс

радикальных изменений, началась перегруппировка сил. Панамские демократы добиваются объединения всех антиимпериалистических сил, требуют ликвидации унижительного договора 1903 г., возвращения народу территории канала.

Жизнь и борьба панамского народа протекают в исключительно сложных условиях. В самом сердце страны, в двух шагах от ее столицы и важнейших жизненных центров постоянно находятся крупные соединения вооруженных сил США, которые в любой момент могут быть введены на территорию Панама. В портах зоны Панамского канала стоят наготове американские военные корабли. Тем не менее, народ Панама не сломлен, он упорно ведет борьбу за самостоятельное существование и развитие, за национальный суверенитет. «Панама, — говорит генеральный секретарь Народной партии Панама Рубен Дарио Соуса Батиста, — это подлинная нация, история которой восходит к испанской колониальной эпохе. Несмотря на извилистый путь, по которому мы прошли, одержали верх принципы, свойственные исторически сложившейся нации. К сожалению, в ходе нашего развития были разрешены не все проблемы, поставленные нашей историей»².

Географическое положение Панама выигрышно. Омываемая двумя океанами — Тихим и Атлантическим — она занимает центральное место в Западном полушарии. На востоке Панама граничит с Колумбией, а на западе — с Коста-Рикой. Два залива — Москитовый и Панамский — как бы сжимают страну с двух сторон. Панама — самая узкая часть Центральной Америки: ширина ее колеблется от 190 до 51 км. Длина сухопутных границ всего около 500 км, длина береговой линии по Тихому океану — 1418 км, а по Атлантическому — 788 км. Береговая линия сильно изрезана. На побережье Тихого океана и Карибского моря множество живописных заливов и удобных бухт. В Панамском заливе находится знаменитый архипелаг Жемчужные острова — в давние времена излюбленное прибежище пиратов. Со стороны Атлантического океана протянулся нескончаемый архипелаг Бокас-дель-Торо. А об архипелаге Сан-Блас, который 150-километровой лентой тянется параллельно центральной части Панама, говорят, что в нем больше островов, чем дней в году. Панаме принадлежит также около 1600 мелких и почти

необитаемых островков, разбросанных в прибрежных водах.

Рельеф местности в Панаме преимущественно гористый. Самая высокая точка — вулкан Бару — 3475 м. Наиболее возвышенная часть — северо-восток, около границы с Коста-Рикой. Выше, чем на высоте 1500 м, в Панаме поселений нет, там слишком холодно. Буйные заросли вечнозеленых тропических лесов покрывают Панаму. В непроходимых джунглях растут красное, розовое, черное дерево и каучуконосы. Деревья эти нередко достигают шестидесятиметровой высоты. Несметные полчища ядовитых москитов охотятся за животными и человеком. В Панаме множество горных рек с быстрым течением, но они непригодны для судоходства.

Климат Панамы тропический. Лета и зимы в нашем понимании в Панаме нет. Панамская «зима», т. е. сухая свежая погода длится с декабря по апрель. Панамское «лето» — дождливые, жаркие, влажные дни — тянется с мая по декабрь. Средняя годовая температура плюс 25,9.

Особое, «перешеечное» географическое положение сыграло важную роль в истории Панамы: здесь пролегал самый оживленный и короткий транзитный путь между двумя океанами. Благодаря своему положению, Панама очень рано привлекла внимание колонизаторов. Географическое положение — главное богатство Панамы как в прошлом, так и в настоящем.

Когда испанские конкистадоры начали завоевание Панамы, там жили несколько десятков индейских племен. Точных сведений о количестве индейцев, проживавших в Панаме к приходу испанцев, нет, оценки ученых колеблются от 300 тыс. до 2 млн. человек. Большинство современных историков и этнографов определяет число населявших перешеек индейцев в 500 тыс. человек. Часть индейцев вела полуседлый образ жизни и занималась в основном охотой и рыболовством. У других существовало примитивное земледелие: мужчины расчищали участок для посевов, прочие работы выполняли женщины. Сеяли в апреле, урожай собирали в сентябре-октябре.

Время освоения территории Панамы человеком не установлено. Археологически Панама еще мало изучена. Среди ряда ученых, таких, как Анхель Рубио, Герберт Спинден и др., распространено мнение, согласно которому заселение перешейка происходило в основном в XII в.

н. э., когда волна миграций шла из Мексики в Центральную Америку. Однако лишь совместные усилия археологов, историков, этнографов и антропологов и, по-видимому, не только панамских, смогут дать определенный ответ на этот вопрос, представляющий огромный научный интерес.

Основываясь на данных первооткрывателей, хронистов и современных исследователей, сравнивая эти материалы с данными раскопок, можно составить представление о положении индейцев и состоянии культуры в доколумбов период. Многие племена, некогда населявшие Панаму, были полностью истреблены или в силу различных причин давно вымерли. Сведения, имеющиеся о них, скудны, а порой и противоречивы. Так, немецкий ученый Г. Вассен, много лет занимавшийся изучением индейских культур Панамы, на основании документов утверждал, например, что в районе Дарьена жило племя индейцев папаро, по мнению Вассена, полностью вымершее. Но известный лингвист и специалист по индейским культурам В. Лемар считал, что папаро составляют часть индейцев чоко, живущих в Панаме по сей день.

Индийское население Панамы доколумбова и колониального периода состояло из множества мелких племен, говоривших каждое на своем языке. Большая часть этих языков относится к языковой группе чибча. На границе с Колумбией, в районе Дарьена жили несколько карибских племен. Данных о физическом облике доколумбовых обитателей Панамы очень мало.

Основным занятием большинства племен было примитивное земледелие, охота и собирательство.

Жилища свои индейцы перешейка строили в виде круглых хижин с конусообразной крышей. Селились компактно, часто — в глубине сельвы; средняя численность обитателей селения обычно не превышала 1500 человек. Спали индейцы в гамаках, укрываясь расшитыми покрывалами. Им была известна керамическая посуда.

Пища была довольно разнообразной: маис, овощи, фрукты, рыба, мясо, крабы, устрицы, мед. Основу питания составляло копченое или свежее мясо (индейцы умели сохранять мясо и рыбу в течение 4—7 дней). Главный напиток — чича — представлял собой перебродивший отвар зерен маиса. Из маиса пекли пресные лепешки и даже делали нечто похожее на уксус. Выращи-

вали и охотно курили табак — как мужчины, так и женщины.

Мужчины, как правило, ходили почти обнаженными, женщины, носили рубашку до колен. В районе Эрреры индейские женщины носили фартуки, украшенные перьями птиц. В склепах и захоронениях, вскрытых в последние годы, обнаружено множество венских золотых украшений, браслетов, бус, колец, фигурок, изображающих животных и зверей — крокодилов, обезьян и т. д. Панамские индейцы любили раскрашивать тело и лицо, в большой чести была также татуировка.

Главным транспортным средством служило каное. Индейцы умело ориентировались по солнцу и направлению ветра. Они были хорошими воинами, в совершенстве владели искусством выслеживания врага. Оружием — тяжелым копьем и луком со стрелами, длина которых достигала 1,8 м, — они владели виртуозно.

Во главе каждого племени стоял вождь («сако» — на языке куна и «кеви» — на языке гуайми), пользовавшийся большой властью. У вождя был заместитель — «кабра» или «эспеви». Влиятельным лицом также был главный жрец племени — «текина», он и его помощники предсказывали будущее и занимались врачеванием. Эта верхушка, вождь племени и его окружение с семьями и родичами, составляла родовую знать. У некоторых племен были рабы — пленные индейцы (их метили особым тавром). Индейцы поклонялись солнцу и луне, великому божеству Туире, высшим божествам Чикуна и Чипирипа, свято верили в то, что сын Чипирипа регулировал выпадение осадков.

О достаточно далеко зашедшей имущественной дифференциации у некоторых племен свидетельствуют три обнаруженных типа могильников: огромные, где были захоронены от 3 до 32 человек, с массой украшений и дорогой посуды (до 200 предметов), средние (останки 1—2 человека и до 40 предметов) и небольшие (останки одного человека и несколько предметов керамики). Умершего вождя завертывали в дорогие покрывала; с ним, по видимому заживо хоронили его жен и слуг.

После смерти вождя собирались старейшие люди племени и избирали нового вождя. Затем вновь избранного вождя в красивом гамаке проносили через селение и

преподносили ему различные дары. Празднество длилось много дней.

Все знаменательные события в жизни племени сопровождались танцами и пением. В длинных тягучих песнях индейцы отдавали дань уважения своим предкам. Пение и танцы шли под аккомпанемент барабанов, подчас достигавших таких размеров, что их несли 5—6 человек.

Воровство считалось тягчайшим преступлением; вора так же, как и убийцу, карали смертной казнью. Если преступником оказывался человек, принадлежавший к родовой знати, вождь лишал его почетных званий, затем давал знак казнить, тело преступника бросали диким зверям на растерзание.

Индейцы перешейка были большими умельцами. Они обрабатывали камень, кость, умели плавить золото и медь, плели прекрасные гамаки и прочные сети, изготавливали музыкальные инструменты из костей, керамики и кожи, выделанной из звериных шкур. Последние раскопки обнаружили отлично отшлифованные каменные колонны высотой 5,5 м и диаметром 76 см. Трудолюбие прививалось детям с малых лет. Мальчиков уже с десятилетнего возраста приучали к охоте, девочек — к домашнему хозяйству и ремеслам.

Реакция панамских индейцев на вторжение испанских завоевателей была различной. Индейцы чоко более или менее смирились. Индейцы куна покинули провинцию Дарьен, где они жили, и переселились на острова архипелага Сау-Блас. Индейцы гуайми оказали длительное и упорное сопротивление.

Первым европейцем, увидевшим Панамский перешеек, был Родриго де Бастидас. В 1501 г. он совершил путешествие вдоль атлантического побережья и вошел в залив Ураба. В следующем году, во время своего четвертого и последнего путешествия, достиг перешейка Христофор Колумб. 2 ноября 1502 г. корабли Колумба бросили якоря в очень живописном месте, затем, чтобы укрыться от шторма, Колумб ввел свои корабли в устье панамской реки Белен и основал здесь небольшую колонию — Санта-Мария-де-Белен. Индейцы гуайми, населявшие этот район, не оказали чужеземцам сопротивления, но пришельцы, жадно искавшие золото, сразу же восста-

новили индейцев против себя: они захватили главного вождя Кибяну и вождей других племен. Возмущенные индейцы напали на колонию и сожгли ее. Колумб был вынужден незамедлительно покинуть этот негостеприимный берег. Это было первое выступление панамских индейцев против захватчиков.

В течение шести лет испанские завоеватели не рисковали более появляться в Панаме. Но в 1509 г. Испания направила экспедицию для колонизации Панамы. Губернатором будущих владений был назначен Диего де Никуэса.

Прибыв в залив Ураба, Диего де Никуэса начал осваивать панамское побережье. В 1509 г. он основал колонию Номбре-де-Дьос — «Имя божье». В 1510 г. экспедиция под руководством Фернандеса де Энсисо, в которой участвовал Васко Нуньес де Бальбоа, основала колонию Санта-Марта-Антигуа. Ловкий интриган, Бальбоа вскоре избавился и от Энсисо, и от Никуэсы и стал полновластным губернатором всей Панамы. Задавшись целью проникнуть в глубь перешейка, он подкупил вождя индейцев Карету. С его помощью, где силой, а где подкупом и обманом Бальбоа покорил соседние индейские племена. Сын касика юный Панкиако рассказал Бальбоа, что если пересечь перешеек, то можно выйти к другому морю. И вот 1 сентября 1513 г. экспедиция Бальбоа в составе 190 человек на бригантине и нескольких каноэ отплыла из Санта-Марта-Антигуа. В пути к экспедиции присоединились индейцы Кареты.

25 сентября Бальбоа увидел Тихий океан, который он назвал Южным морем. Это открытие вызвало большую сенсацию в Испании и во всей Европе. Тот факт, что Панама оказалась стокилометровым перешейком, сыграл в ее судьбе огромную роль. Испанский король назначил новым губернатором перешейка Педрариаса Давилу, который прибыл на семнадцати кораблях с полторатысячной армией и многочисленной свитой. Это был самый тупой и жестокий из испанских правителей Панамы. Он сравнивал с землей многие поселения индейцев. Именно ему принадлежит чудовищная фраза: «Лучший индеец — это мертвый индеец».

В 1515 г. Педрариас основал на атлантическом побережье колонию Акла. «Акла поднялась на человеческих костях,— пишет панамский историк Болифасио Пе-

рейра Хименес. — Там было совершено самое ужасное, самое подлое преступление из всех, какие знал колониальный период»³.

Прибывший вместе с Педрариасом испанский епископ Хуан де Кеведо в письме королю сообщал: «Касики и индейцы в районах Тубанама и Панама были убиты, а их собственность уничтожена. Индейцы, которые раньше были безобидными овцами, теперь так ожесточились, что перобили всех христиан колонии Санта-Крус». Примечательно, что сам губернатор Педрариас не вдавался в излишние подробности и свел это событие к тому, что «Только де Гусман со 110 солдатами изъял у трех касиков провинции Панама двадцать тысяч песо»⁴.

Между тем, губернатор Педрариас решил основать новую колонию на тихоокеанском побережье. 15 августа 1519 г. был заложен город Панама. 15 сентября 1521 г. создание нового города было санкционировано королевским указом. Был утвержден герб города.

Относительно происхождения названия города, провинции и страны — Панама — существует несколько версий. Самая распространенная гласит, что «панама» означает изобилие рыбы и что на месте, где вырос город Панама, некогда находилось одноименное селение индейцев-рыболовов. Вновь основанному городу Панаме не везло: много раз пожары уничтожали его до тла. Так было в 1538, 1575, 1643, 1644 и 1671 гг. Еще и сегодня недалеко от нынешней столицы Панамы сохранились руины старого города.

Колонизация перешейка продолжалась. 20 мая 1522 г. на землях касика Ната, расположенных на берегах реки Чико, была основана новая испанская колония, чтобы оттуда начать борьбу против пока еще не покоренного вождя индейцев гуайми Уррака. Последнего поддерживали касики Булаба и Муса. Сельва района Верагас принадлежала Урраке. Индейский вождь отправил в горы стариков, женщин и детей, а мужчины решили сражаться. Губернатор Педрариас решил расправиться с непокорным. 1500 солдат, пушки, кавалерия, все, чем была богата в то время военная техника Испании, все было брошено против индейцев. После первых сражений индейцы стали отступать в горы, и когда испанцы, преследуя их, вошли далеко в лес, Уррака начал контрнаступление. Испанцы в панике бежали. Чудом спасся сам Педрариас.

Захватчики поняли, что силой разбить Урраку не удастся. Тогда представитель губернатора Франсиско Компаньон пригласил Урраку на дружескую встречу. Индеец поверил и дорого заплатился за это. Он был схвачен, но сумел бежать. Девять долгих лет вел Уррака борьбу против завоевателей. Теперь панамцы чтут его как национального героя страны, оказавшего стойкое сопротивление захватчикам.

Значительно позже был заложен порт Портобельо. По одним данным, это было в 1584 г., по другим — в 1597. Город-порт быстро разрастался и вскоре стал важнейшим портом Испании на атлантическом побережье Западного полушария. В Портобельо были воздвигнуты каменные дома и укрепления. Здание таможни считалось чудом архитектурного искусства. Появилась острая необходимость соединить Портобельо с побережьем Тихого океана — с г. Панамой, поэтому было построено несколько дорог, в частности, «королевская» мощеная дорога. В начале XVII в. Портобельо превратился в крупнейший торговый центр, где проводились грандиозные ярмарки. Обычно ярмарки длились более двух месяцев. Улицы и площади превращались в торговые ряды. Флаги всех стран мира развевались на кораблях, стоявших в гавани Портобельо. Первая ярмарка в Портобельо была организована в 1606 г., последняя — в 1738 г.

Расположенная в самом сердце колониальных владений Испании в Америке, Панама приобрела для Испании важное стратегическое значение. Через город по «королевской дороге» переправлялись золото, жемчуг и пр. из Южной, Центральной и Северной Америки. И одновременно город служил портом распределения товаров, прибывавших из Европы, для всего тихоокеанского побережья, принадлежавшего Испании.

Именно поэтому испанские владения на перешейке многократно подвергались нападениям морских разбойников. Частым гостем здесь был английский корсар Дрейк. Набеги пиратов вынуждали Испанию возводить в городах перешейка военные укрепления и держать большие гарнизоны. В Панаме оседали тысячи иностранцев, либо прибывших на ярмарку в Портобельо, либо просто проезжавших через перешеек. В ущерб внутренним районам страны происходило бурное развитие городов на транзитной артерии перешейка.

Наибольшего расцвета Панама достигла во второй половине XVII в. Затем начался упадок, а к концу XVIII в. экономика Панама переживала глубокий кризис. Главная причина состояла в том, что был изменен маршрут движения испанских кораблей: теперь они огибали мыс Горн. Поскольку вся экономика Панама основывалась на транзите, то наступил период экономического краха. В новых условиях большее значение приобрели внутренние районы Панама, однако г. Панама по-прежнему оставался столицей и политическим центром страны.

Ущерб, нанесенный изменением маршрута и прекращением ярмарок в Портобельо, был огромен. В то время население Панама не превышало 80 тыс. человек и третья его часть экономически полностью зависела от использования перешейка в качестве транзитного пути. Все это так. И тем не менее, нельзя утверждать, как это делает панамский ученый Эрнан Поррас в статье «Этнический состав Панама», что набеги пиратов (а они в XVI—XVII вв. происходили в среднем каждые 15 лет) привели к тому, что «два важных элемента Панама — лесные индейцы и беглые негры объединились с пиратами и чуть было не ликвидировали эмбрион зарождавшейся панамской нации»⁵.

Здесь следует отметить, что вскоре после завоевания Америки испанцы начали в большом количестве ввозить в Новый Свет черных невольников из Африки. Спасаясь от бесчеловечного обращения, тысячи негров бежали в леса. Особенно много их оседало на перешейке, через который рабов везли в андские колонии Испании.

По мнению Порраса, в тот период интересы зарождающейся нации защищали белые, жившие в зоне транзита, и их негритянская прислуга. Именно эти две группы будто бы и спасли будущую панамскую нацию. Эрнан Поррас заблуждается или сознательно игнорирует факты. Именно в XVI—XVIII вв. складывались те основные группы населения, главным образом, смешанного происхождения, которые стали впоследствии ядром формирующейся нации. Необходимо также сказать о том, что как раз в то время особенно ощутимо было влияние индейцев Панама на формирование внешнего и внутреннего облика будущего «панамца». Со второй половины XVII в. начала интенсивно развиваться экономика внутренних

районов страны, и некоторые города по населению превзошли столицу.

В колониальный период в Панаме, как и повсюду в Испанской Америке, существовала этно-социальная иерархия. Самый высокий социальный статус был у испанцев, прибывших из метрополии и занимавших высшие посты в колониальной администрации. Наиболее привилегированная социальная группа была неоднородна по составу. В этой высшей категории можно выделить три подгруппы: латифундисты, мелкие землевладельцы, жители столицы г. Панамы. На территории современных панамских провинций Кокле, Эррера, Верагуас и Чирики возникли кланы земельной аристократии, потомки которых до недавнего времени играли ведущую роль в политической жизни страны. Наибольшего расцвета латифундизм достиг в XVIII и первой части XIX в. Кроме того, в районе панамских саванн селились и мелкие испанские колонисты. Во время освоения новых земель в этих районах уже почти не осталось индейцев, а работорговля еще не началась, и белые поселенцы вынуждены были работать сами.

Третьей весьма важной подгруппой являлись те, кто основался в городах, главным образом в г. Панаме. В колониальные времена эти люди были заняты на административной работе и служили в армии. Частично они смешивались с латифундистами соседних со столицей районов. Эта сравнительно небольшая подгруппа белых зависела от рабов. Когда в 1673 г. был заложен новый город Панамы, то его сразу же обнесли широкой и высокой стеной. В 6 часов вечера городские ворота наглухо закрывались. Те, кто жил внутри города (*de adentro*) в основном принадлежали к верхушке общества. Те же, кто жил за стеной (*de afuera*), составляли как бы низшие классы. Интересно, что в народе и в литературе осталось и сегодня это деление на «*los de adentro*» и «*los de afuera*».

Вторая группа населения — это индейцы, о которых мы уже рассказали. Испанские завоеватели жестоко эксплуатировали коренное индейское население. Панамский историк Р. Д. Карлес в интересной работе «220 лет колониальной истории Панамы», посвященной колониальному периоду развития Панамы, пишет: «... индеец представлял собою коммерческую ценность и рассматривался

как разменная монета или животное, от которого ожидали больших доходов»⁶.

Третьей группой были негры-рабы, завезенные из Африки. Ввоз негров в Панаму начался в 1518 г. В 1575 г. в Панаме жили около 9 тыс. негров, из которых свыше 3 тыс. проживали в г. Панаме, 1570 — в г. Верагуа, 1000 — в Номбре-де-Дьос и т. д. Кроме того, в глухой сельве жили еще не менее 2500 беглых негров, негров-мятежников. Так что в Панаме в конце XVI в. было более 10 тыс. негров. С точки зрения социальной, негритянское население Панамы можно разделить на три подгруппы: пеоны, симарроны (беглые рабы) и домашняя прислуга. Пеоны работали в поместьях белых латифундистов, а домашняя прислуга обслуживала чиновников и военных, живших в г. Панаме.

Но вернемся к концепции Э. Порраса. Он считает, что серьезное воздействие на формирование населения Панамы и, следовательно, на сложение ядра будущей панамской нации могли оказать беглые рабы. «Их альянс, — пишет Поррас, — с пиратами угрожал испанской колонизации и мог привести к превращению Панамы в колонию типа Белиза или Москитового Берега⁷. Во взглядах Эрнана Порраса много ошибочного: так, например, он не понимает роли симарронов в национальном развитии панамцев. Революционизирующее влияние симарронов в незначительной степени содействовало формированию национального сознания и образованию нации. Но, несомненно, интересны его соображения о роли ударов извне («травм») в этнической истории. «Травма, — пишет Поррас, — есть результат удара извне, обрушивающегося на данную социальную структуру, нарушающего ее бывшее равновесие и стимулирующего создание нового внутреннего равновесия; это развязывает великую энергию, которая и обеспечивает жизнеспособность нации»⁸.

Однако в конечном счете Эрнан Поррас приходит к таким выводам: «Нация — это результат не статичной интеграции или синтеза, а динамического равновесия. Когда сложившееся равновесие нарушается, то группа, существование которой находится под угрозой, зачастую ищет себе союзников за рубежом»⁹. Здесь уже содержится оправдание предательства правящих кругов Панамы, заключивших в 1903 г. колонизаторский, унижительный договор с Соединенными Штатами. Здесь уже как бы подразуме-

ваются необходимость и неизбежность вмешательства извне.

В течение столетий колониального периода складывались основные элементы и черты панамской нации. Это в равной мере относится к территории, населению, экономике и социальным отношениям. Взаимодействие многочисленных факторов и обстоятельств медленно влияло на создание определенных черт панамского народа. В колониальное время складывание ядра будущей панамской нации происходило почти, как и в других латиноамериканских странах. Однако существовал ряд специфических моментов, присущих истории формирования только панамской нации. Система энкомьенды, характерная для всей Испанской Америки, не сыграла значительной роли в истории Панамы. Характер деятельности населения диктовал формы, отличные от укоренившихся в других частях Испанской Америки. Дело в том, что в колониальный период феодальные институты не очень глубоко вошли в жизнь Панамы. Это обстоятельство содействовало переходу к современности без глубоких социальных преобразований и взрывов, а также способствовало тому, что влияние консерваторов-помещиков и церкви, столь типичное для других стран Латинской Америки, в Панаме было незначительным. В то же время, как пишут руководители компартии Панамы в книге «Панама 1903—1970 гг.», «Главной чертой Панамы, отличающей ее от остальной Америки, является ее географическое положение и рельеф местности, превращающий ее в идеальное место для установления связей между Атлантическим и Тихим океанами. Этим объясняется тот факт, что в течение почти всего периода колониального господства Испании перешепек был прежде всего «страной-дорогой»... По этой причине в Панаме уже с колониальных времен начал складываться торговый капитализм»¹⁰.

Большой интерес представляет вопрос об административном управлении колониальной Панамы. В начале XVI в. испанский монарх для лучшего управления новыми колониями, а также для того, чтобы поставить под контроль своих представителей и ликвидировать междуусобицы конкистадоров, учредил королевские аудиенсии — высшие административно-судебные органы. Юрисдикция аудиенсии Панамы охватывала район от Магелланова пролива до залива Фонсека в Никарагуа. Из этого видна

главенствующая роль Панама в период завоевания и начального этапа колониального владычества Испании. Интриги и политические комбинации привели к тому, что в 1543 г. аудиенсия Панама была расформирована. Однако двадцать лет спустя, в 1563 г. аудиенсия была воссоздана. Но теперь уже район ее юрисдикции был резко сокращен. В 1718 г. аудиенсия Панама снова была ликвидирована, и судебные дела в Панаме были переданы вице-королю Перу. Однако практика показала, что из Перу управлять Панамой трудно, и в 1722 г. в Панаме в третий раз была создана королевская аудиенсия. Но в 1751 г. аудиенсия Панама была снова ликвидирована и на этот раз навсегда. С тех пор Панама подчинялась сначала вице-королевству Новой Гранады (Колумбия), а затем аудиенсии Санта-Фе де Богота (Колумбия). Панама превратилась в генерал-губернаторство, граничившее с Колумбией по реке Аtrato и генерал-капитанством Гватемала. Если, несколько забегаю вперед, напомнить, что в течение XIX в. Панама неоднократно входила в состав Колумбии или отделялась от нее, то становится очевидным, что Панама чаще, чем любая другая страна Латинской Америки, меняла свой административный статус. Это обстоятельство весьма примечательно и свидетельствует о двух особенностях: во-первых, о том, что вначале королевские власти, а затем правительство Колумбии придавали огромное значение контролю над перешейком, а во-вторых, о том, что процессы брожения внутри Панама, стремление к административному обособлению, что было, по-видимому, внешним проявлением процессов внутренней консолидации, вынуждали власти постоянно искать приемлемые формы управления Панамой. Географическое положение и политико-административные факторы обусловили то, что Панама фактически была самостоятельной, а ее административное объединение с другими владениями Испании в Америке всегда носило временный характер.

Для истории Панама периода испанского владычества характерны многочисленные массовые восстания индейцев и негров, но, к сожалению, они мало изучены даже в самой Панаме. Между тем отрывочные сведения, собранные по крупицам из разных источников, свидетельствуют о большом размахе восстаний и постоянном недовольстве населения. В 1549 г. подняли восстание негры-

рабы, и беглый раб Байано был избран королем. Важная межконтинентальная дорога г. Панама — порт Номбре-де-Дьос в течение нескольких лет контролировалась восставшими. В 1581 г. 300 рабов провозгласили первую независимую «республику». В течение двадцати лет — с 1617 по 1637 г. — продолжалось восстание индейцев племени буге-буге в районе Дарьена. Индейцы этого района восставали в 1719, 1750 и 1775 гг. Особенно мощным было восстание 1778 г.: вождь индейцев Этол признал себя побежденным лишь в 1787 г.

Трудно складывалась культура панамского народа. О достижениях панамских индейцев можно судить по богатым коллекциям, хранящимся в Национальном музее. Изделия из золота, серебра, камня и глины дают представление о древней культуре аборигенов Панамы: это разнообразные фигурки зверей, диски, прямоугольники, человеческие фигуры, различные украшения. Золотые пояса, серьги, браслеты, носовые кольца, маски, колокольчики, бусы и многие другие предметы поражают совершенством исполнения, и надо сказать, что еще до сих пор не раскрыта до конца местная техника изготовления этих предметов.

С началом испанской колонизации на перешейке стала насаждаться культура завоевателей. По мере того как захватчики обосновывались в Панаме, возникала необходимость обучения их детей. К началу XVII в. в г. Панаме действовали четыре мужских и один женский монастырь. В одном из этих монастырей и была создана первая начальная школа. Первый профессиональный учитель появился в Панаме в 1607 г. Городские власти предоставили ему жилье, а ученики платили за уроки. Обучал он чтению и письму. Год спустя, в 1608 г. епископ Панамы Агустин де Карвахаль создал первую духовную семинарию, в которой в 1612 г. обучалось всего двенадцать учеников. После разграбления и фактического уничтожения Панамы пиратом Дрейком в 1671 г. все незначительные успехи в области просвещения были сведены на нет.

Позднее, в начале XVIII в. активную деятельность в области просвещения развернули иезуиты. Первый панамский университет, в соответствии с королевским указом, был открыт 24 января 1750 г. и разместился в здании, специально построенном Орденом иезуитов. После

изгнания в 1767 г. иезуитов из всей Испанской Америки система образования в Панаме почти целиком перешла в руки приходских священников. Уровень преподавания также был крайне низок.

Образование в колониальный период было роскошью, доступной незначительному меньшинству испанцев и богатых креолов. Более того — в течение столетий оно было привилегией лишь самых верхов общества. Дети панамской знати получали образование преимущественно в Европе, или, в крайнем случае, в Лиме, Кито или Боготе. Кроме того, следует иметь в виду, что в наиболее населенной зоне «королевской дороги» постоянный контингент жителей был лишь в г. Панаме, причем там было много негров-рабов, которые «не нуждались» в образовании.

К концу колониального периода относится возникновение национальной литературы. Основателем панамской литературы, по-видимому, следует считать Виктора де ла Гуардиа-и-Айалу (1772—1824). Перу этого выдающегося литератора и эрудита принадлежит трехактная трагедия «Политика мира» («La Política del Mundo»), написанная в стихах и поставленная в 1809 г. К выдающимся писателям и поэтам XVIII в. следует отнести юриста Мануэля Хосе де Айалу (1728—1823), Хусто Аросемени (1817—1896), Хиль Колунхе, Томаса Мартина Фейллет, Мануэля Хосе Переса, Хосе Марию Алемана и др.

Панамский народ принял активное участие в освободительной борьбе испанских колоний, развернувшейся в начале XIX в. В течение первых двух десятилетий XIX в. в Панаме произошло несколько крупных народных восстаний против испанского ига. Стоявший во главе национально-освободительной борьбы соседних с Панамой районов Новой Гранады, Венесуэлы и Эквадора крупнейший политический деятель Латинской Америки Симон Боливар систематически оказывал поддержку повстанцам Панамы. Боливар придавал их борьбе особое значение, так как считал, что благодаря своему «прекрасному положению между двумя океанами, Панама с течением времени могла бы стать центром торговли всего земного шара»¹¹.

Панамские патриоты также внимательно следили за ходом борьбы за независимость в Латинской Америке. Ежедневная газета «Ла Мисселанеа», издававшаяся с 1820 г., проповедовала идеи свободы. Выдающийся деятель панам-

ского освобождения Франсиско Гомес Миро направил в районы Ната, Сантьяго-де-Верагуа и Вилья-де-Лос-Сантос письма с призывом избавиться от господства Испании. Жители города Вилья-де-Лос-Сантос под руководством Сегундо де Вильареа создали батальон добровольцев. Палки и мачете были основным оружием повстанцев. Народ освободил политических заключенных и потребовал созвать открытое заседание городского совета (кабильдо). Такое заседание состоялось, и 10 ноября 1821 г. был принят акт, провозгласивший отделение от Испании. В акте содержалось обращение ко всем провинциям Панамамы с призывом присоединиться к решению жителей Вилья-де-Лос-Сантос. Ряд провинций поддержал «Клич народа Вилья-де-Лос-Сантос».

В г. Панаме, где находились испанские войска, обстановка была очень сложной. Офицеры и солдаты не могли не видеть, что стремление к свободе охватило население перешейка, что помешать этому невозможно. Открыто шли разговоры, что, если войскам оплатят проезд, они готовы покинуть Панаму и отправиться на Кубу. В г. Панаме были собраны деньги. Ночью 27 ноября 1821 г. народ подошел к казармам и потребовал созыва заседания городского совета. На следующий день, после длительного обсуждения военные, гражданские и церковные власти решили провозгласить независимость; акт об этом был принят 28 ноября 1821 г. Главой государства был назначен полковник Хосе де Фабрега, панамец, командовавший испанскими частями. Страна получила название «Департамент перешейка», в составе которого были две провинции — Панама и Верагуас.

Панама оказала помощь Симону Боливару в освобождении Перу. Был сформирован «батальон перешейка» из семисот человек, 1 ноября 1823 г. он отправился на юг. Этот батальон участвовал в знаменитых сражениях у Хунина, Айякучо и др.

Из освобожденных государств (Новая Гранада, Венесуэла, Эквадор) Симон Боливар создал конфедерацию Великая Колумбия, в которую вступила и Панама. После распада Великой Колумбии в 1830 г. Панама потеряла независимость и вошла на правах департамента в состав республики Новая Гранада, которая с 1886 г. стала называться Колумбией, и до 1903 г. история Панамамы была связана с историей Колумбии.

Что заставило панамских руководителей вступить в Великую Колумбию? Дело в том, что в тот период Панама легко могла стать добычей любой великой державы. Между тем, казалось, что федерация, образованная Симоном Боливаром, сможет оградить от захватчиков небольшую страну. Правящие круги Панама побоялись взять на себя ответственность за самостоятельное развитие страны.

Но уже в течение XIX в. Панама предприняла несколько попыток отделиться от Новой Гранады. Первая имела место в 1830 г., ее организатором был Хосе Доминго Эспинар, выдающийся панамский врач, писатель и военный деятель. В составе панамского батальона он принимал активное участие в освобождении Перу. Он был личным секретарем Симона Боливара и служил военным врачом. В 1827 г. Эспинар был назначен военным губернатором Панама. Великая Колумбия распадалась, и Хосе Доминго Эспинар решил, что в наступившем хаосе будет лучше, если Панама выйдет из состава Великой Колумбии. Под его влиянием на расширенном заседании кабильдо Панама 26 сентября 1830 г. было принято решение, в котором говорилось: «Перешеек не имеет торговых связей с центральными департаментами Колумбии; южные же департаменты относятся к торговле с перешейком, как с иностранной державой». Представитель Панама отправился к Симону Боливару, чтобы пригласить его на пост президента новой республики. Однако Боливар считал, что Панаме лучше вернуться в состав Великой Колумбии. И 11 декабря 1830 г. Эспинар выполнил указание Боливара, влияние которого в Панаме было огромным.

Но положение в самой Новой Гранаде было крайне напряженным. В 1840 г. вспыхнула гражданская война между консерваторами и либералами. В связи с серьезными беспорядками в Новой Гранаде в Панаме вновь усилились сепаратистские настроения. 18 ноября 1840 г. была созвана народная ассамблея. Всем движением руководил заслуженный воин и выдающийся государственный деятель — полковник Томас Эррера. Ассамблея провозгласила независимость Панама, новая страна получила название «Государство перешейка». Томас Эррера стал его главой.

В период наступившего в Новой Гранаде временного

затишья в связи с окончанием гражданской войны повогранадское правительство предприняло несколько попыток убедить панамцев вернуться в состав Новой Гранады, обещая всевозможные льготы. Назревал вооруженный конфликт между «Государством перешейка» и Новой Гранадой. В сложившейся ситуации Панама не смогла бы отстоять своего суверенитета. Чтобы избежать кровопролития, Томас Эррера декретировал 31 декабря 1841 г. вступление Папамы в состав Новой Гранады. Независимое существование Панама продолжалось всего тринадцать месяцев. После подписания Эррерой мирного договора его самого лишили всех званий и выслали из Панама. Реабилитация Эрреры, пользовавшегося большой популярностью, произошла лишь в 1845 г., когда он был назначен губернатором перешейка.

Освободительная борьба 1830 и 1840 г. заложила основу сепаратистского движения. Одна из основных причин сепаратистских устремлений панамцев, их постоянной борьбы за независимость или автономию состояла в том, что в силу особенностей исторического развития и географического положения Панама была связана с мировой экономикой и торговлей в гораздо большей степени, чем другие районы и провинции Новой Гранады. В 1855 г. Панама добилась статуса федерального штата в рамках колумбийского государства.

Исключительно выгодное географическое положение было постоянной причиной заинтересованности наиболее могущественных и развитых государств в любой форме контроля над перешейком.

Именно этим были обусловлены наиболее трагические страницы в истории народа Панама во второй половине XIX и XX в.

По договору с Новой Гранадой в 1846 г. США получили право беспешинного транзита через Панамский перешеек и в 1850 г. начали строить железную дорогу. Еще до окончания строительства дороги поток авантюристов, в основном американцев, ринулся за золотом в Калифорнию, используя Панаму, чтобы пешком пересечь континент. В 1852 г. на атлантическом побережье Панама был основан небольшой порт Колон. С окончанием строительства железной дороги в 1855 г. роль г. Колон стала расти: в нем высаживались нетерпеливые пассажиры. Проехав по железной дороге из г. Колон в г. Панаму на

Тихом океане, они на пароходе отправлялись в Калифорнию.

Панамская железная дорога, приносящая американским капиталистам большие прибыли, в значительной мере способствовала укреплению влияния США на Панамском перешейке. Но в то же время тогда впервые, по словам американского историка Герстла Мака, панамцы столкнулись с высокомерием янки. С момента открытия железной дороги прошел год, а взаимоотношения между американцами и местным панамским населением приняли такой характер, что вылились в вооруженное столкновение.

В результате перестрелки в г. Панаме 15 апреля 1856 г. было убито 2 панамца и 15 американцев и ранено 13 панамцев и 16 американцев.

Для расследования инцидента США назначили специального уполномоченного, который пришел к следующему выводу: «Если Новая Гранада не способна или не намерена предоставить нам соответствующую защиту и если она откажется произвести быстрое и полное возмещение, то я рекомендую Соединенным Штатам немедленно оккупировать перешеек от океана до океана»¹².

Большинство источников, в том числе и ряд американских, неоспоримо свидетельствуют о том, что в кровавой перестрелке 15 апреля виноваты были американцы. Об этом же говорили и официальные показания консулов Великобритании, Франции и Эквадора в Панаме.

Тем не менее в июле 1856 г. США послали в Панаму два военных корабля, а 19 сентября 160 американских солдат под командованием В. Мервина высадились в Панаме и установили контроль над железнодорожной станцией. Лишь через несколько дней и по настойчивому требованию Новой Гранады американские войска покинули перешеек.

В поисках новых рынков, дополнительных источников сырья и сфер выгодного приложения капитала во второй половине XIX в. США стремились как можно скорее построить канал, открытие которого значительно сократило бы расстояние между портами восточного побережья США и Дальнего Востока.

Со стратегической точки зрения постройка канала также представляла для США огромный интерес, ибо его сооружение означало установление контроля США над странами Карибского бассейна.

США были не единственной империалистической державой, стремившейся «прикарманить» Панамский перешеек. Строительством Панамского канала весьма активно интересовалась Великобритания. Франция также в течение многих лет стремилась закрепить за собой право на строительство канала через Панамский перешеек. Созданная в 1879 г. французская «Всеобщая компания по строительству Панамского канала», во главе которой стояла кучка политических авантюристов, дававших баснословные взятки членам правительства и депутатам французского парламента, 10 лет спустя потерпела крах. В 1902 г. собственность французской компании по строительству канала перешла в руки США. В 1903 г. началась форсированная подготовка захвата панамской земли для строительства канала.

В последние десятилетия XIX в. в Панаме резко усилилось сепаратистское движение. Консул США в Панаме Томас Адамсон доносил своему правительству: «Три четверти населения перешейка выступают за отделение от Колумбии... Они, несомненно, поднимут восстание, если достанут оружие и будут уверены в том, что не вмешаются Соединенные Штаты»¹³.

Экономическое положение Панамы было ужасным. Колумбийский деятель Руфино Куэрво произнес в те годы знаменитую фразу: «Кто хочет убедиться воочию, что представляет собой Панама, пусть поторопится, так как она сходит на нет»¹⁴.

Между тем, и в Колумбии в конце XIX в. положение резко обострилось. Вся история Колумбии в XIX в. была заполнена восстаниями, гражданскими войнами, переворотами. Но самой ужасной и разрушительной была трехлетняя война — гражданская война между консерваторами и либералами, вошедшая в историю под названием «войны тысячи дней» (29 марта 1900 г. — 21 ноября 1902 г.). Эта война безусловно отразилась и на положении Панамы.

Вашингтон внимательно следил за развитием событий в Панаме. У панамских берегов непрерывно курсировали военные корабли. 17 сентября 1902 г. американский адмирал Поттер высадил войска и фактически оккупировал Панаму. Американские авторы и даже некоторые панамские исследователи теперь, задним числом, утверждают, что высадка американских войск была сделана по просьбе

правительства Колумбии, чтобы «избежать кровопролития». В действительности дело обстояло так: США оккупировали Панаму 17 сентября, а колумбийское правительство обратилось к США с просьбой о помощи в подавлении восстания лишь 20 сентября¹⁵.

21 ноября 1902 г. на борту американского крейсера «Висконсин» было подписано перемирие между воюющими сторонами. После подписания мирного договора партизанскую борьбу продолжала лишь небольшая группа индейцев под руководством Викторнано Лоренсо. Когда его отряд был разгромлен, то хотя в мирном договоре предусматривалось освобождение пленных и политических заключенных, Лоренсо был схвачен и расстрелян. Либеральная буржуазия Панамы испугалась подъема народного партизанского движения. Семена, брошенные Лоренсо и его товарищами, не пропали даром: после «войны тысячи дней» стало ясно, что завоевание независимости Панамы уже не за горами.

Теперь, когда американские войска находились в Панаме, связи между Колумбией и Панамой почти прервались, а отношения обострились до крайности, США оказали нажим на колумбийское правительство и добились подписания 12 января 1903 г. американо-колумбийского договора (договор Хэя-Эррана). За 10 миллионов долларов Колумбия отдавала США в аренду на 100 лет часть панамской территории для строительства межокеанского канала. 12 августа 1903 г. колумбийский конгресс отказался ратифицировать договор Хэя-Эррана. Решение конгресса Колумбии усилило сепаратистское движение в Панаме. Верхушка панамской олигархии, напуганная усилившимися революционными настроениями в стране, вступила в тайные переговоры с Соединенными Штатами. И уже вечером 2 ноября в порт Колон вошел американский крейсер «Нэшвил». Американские империалисты поддержали панамских сепаратистов, но не для того, чтобы помочь им добиться независимости, а для того, чтобы вооруженным путем захватить часть территории Панамского перешейка.

3 ноября 1903 г. была провозглашена независимость Панамской республики.

Каковы же причины отделения Панамы от Колумбии и каковы факторы, способствовавшие провозглашению независимости Панамы?

Прежде всего, это давние освободительные стремления панамского народа, мечтавшего об образовании независимого государства, о которых мы уже писали.

В начале мы подчеркивали своеобразность, уникальность географического положения Панамы. Из-за отсутствия коммуникаций колумбийско-панамские связи были затруднены. С точки зрения географической, Панама всегда являлась самостоятельной единицей. Правительство же Колумбии по существу лишало Панаму элементарной самостоятельности. Централизация душила развитие перешейка, и экономика Панамы переживала глубокий кризис. Центральные власти Колумбии мало интересовались положением дел на перешейке.

Постоянные гражданские войны и перевороты, естественно, отрицательно сказывались на положении Панамы. Особенно тяжелыми были последствия «войны тысячи дней». Жизнь на перешейке замерла, перестали действовать даже те несколько школ, которые существовали в Панаме.

Провал строительства межконтинентального канала, предпринятого французской компанией, тяжело отразился на положении трудящихся и вызвал мощную волну недовольства. В сооружении канала панамцы видели возможность экономического развития перешейка и получения автономии хотя бы в границах Колумбии. Поэтому отказ конгресса Колумбии утвердить договор Хэя-Эррана, по словам панамского историка Бонифасио Перейры Хименеса, «убедил панамцев в том, что только завоевание независимости может спасти перешеек от экономической разрухи, в которой он прозябал»¹⁶.

Интересно остановиться на взглядах различных авторов на причины, определившие отделение Панамы от Колумбии и провозглашение независимости. Официальные историографы Панамы, выполняя социальный заказ местной олигархии, прославляют события 1903 г. и организаторов отделения Панамы от Колумбии объявляют подлинными патриотами. При этом они исходят из того, что в создавшихся условиях правящие круги Панамы не могли избежать сотрудничества с США. Другие авторы, являющиеся выходцами из мелкой панамской буржуазии, целиком осуждают события 1903 г. Они считают, что Панама не должна была отделяться от Колумбии и соглашаться на вмешательство США. По их мнению, инициа-

горы отделения Панамы от Колумбии — предатели, а так называемая революция 1903 г. — позорная страница в истории панамской нации. Наконец, те северо-американские историки, которые так или иначе отражают интересы империалистических кругов США, утверждают, что панамское государство было искусственно создано Соединенными Штатами и что военное вмешательство США было оправдано стремлением к... прогрессу.

Среди множества работ о Панаме, написанных в последние годы, выделяется книга «Панама 1903—1970». Ее написали четыре члена политбюро Народной партии Панамы — Рубен Дарио Соуса (генеральный секретарь), Сесар А. де Леон, Уго В. Виктор и Карлос Ф. Чангмарин. Это серьезное марксистское исследование, посвященное борьбе панамского народа за независимость, истории, экономике, внешней политике Панамы, представляет большой научный и политический интерес.

Заслуга авторов исследования состоит в том, что они впервые всесторонне проанализировали все факторы, предопределившие отделение Панамы от Колумбии и образование Панамской республики, подвергли аргументированной критике существующие на этот счет теории. Авторы книги «Панама 1903—1970» убедительно показали, что законное стремление панамцев к независимости империалисты США использовали в своих корыстных целях. «Не империализм США создал Панаму, — пишут авторы книги, — не он вселил в панамцев желание отделиться от Колумбии. В действительности империализм США воспользовался и тем, и другим в корыстных целях, деформируя развитие панамского общества, попирая интересы Панамы»¹⁷.

Молодая Панамская республика, родившаяся 3 ноября 1903 г., была по существу беззащитна: ни органов власти на местах, ни армии, ни отрядов добровольцев у нее не имелось. Центральная хунта, возглавлявшаяся представителями панамской олигархии и оторванная от народа, вела тайные переговоры с правительством США. При этом фактически переговоры от имени Панамы вел французский авантюрист Бюно-Варилья, подвизавшийся ранее на строительстве межокеанского канала французской компанией. Вашингтон спешил урегулировать свои отношения с новой республикой, и 18 ноября 1903 г. Бюно-Варилья, назначенный правительственной хунтой посланником Панамы

в США, подписал договор, подготовленный госдепартаментом. По этому колонизаторскому договору, основные положения которого действуют и поныне, Панама разрешила Соединенным Штатам в так называемой зоне канала — полосе земли шириной в 16,1 км, проходящей через территорию Центральной Панамы, — строить, а затем эксплуатировать межокеанский канал, содержать вооруженные силы и т. д.

Видный мексиканский общественный деятель Висенте Саенс следующим образом оценивает договор 1903 г.: «Договор состоит из 26 статей, которые нельзя читать без боли и негодования. На каждой фразе договора лежит печать безудержной алчности и стремления поработить народы Карибского бассейна. Заключение этого договора означало крушение идеи Боливара, означало удар в самое сердце Америки»¹⁸.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть коренное различие между давним стремлением панамского народа к независимости и поведением правящих кругов Панамы в ноябре 1903 г. Подписав договор 1903 г., панамская олигархия предала интересы народа.

Панама оказалась разрезанной на две части. Единство культуры, территории и экономики оказалось нарушенным. В зоне канала появились люди со своими обычаями, другим психическим складом, говорящие на другом языке. Главное богатство Панамы — межокеанский путь — оказалось в руках США.

На только что появившуюся республику из-за предательства правящей клики обрушились беды и несчастья. «Объективно, — пишет видный панамский ученый Сесар де Леон, — наша страна превратилась в протекторат, в полуколонию. Уныние, бесперспективность и отчаяние охватили панамский народ. Договор 1903 г., известный под именем договора Хэя-Бьюно-Варильи, является самым диким, абсурдным и постыдным договором, какой когда-либо был подписан между двумя странами»¹⁹. Но история не могла остановить свой бег: длительный процесс образования национальной общности продолжался.

Как мы отмечали, независимость Панамы была провозглашена 3 ноября, а уже 5 ноября США признали новое правительство. Затем оно было признано большинством правительств Европы, Азии и Латинской Америки.

Заключив неравноправный договор, США немедленно приступили к строительству межокееанского канала. Строительство было поручено военному министерству. Все руководящие и технические посты на строительстве занимали американцы, основная же масса рабочих состояла из панамцев. Условия работы для американцев и неамериканцев были совершенно различны. Панамцы, вынесшие на своих плечах основные тяготы строительства, подвергались особенно жестокой эксплуатации. Осенью 1914 г. американцам удалось ценой тысяч человеческих жизней завершить постройку Панамского канала. За время строительства погибло более 60 тыс. рабочих.

16 августа 1914 г. по каналу прошло первое судно, но происшедшие затем оползни задержали открытие канала еще на несколько лет. Официальное открытие его состоялось лишь 12 июня 1920 г.

С открытием Панамского канала путь от Нью-Йорка в Гонолулу сократился на 8 тыс. миль. Панамский канал также приблизил и европейское побережье к портам США на Тихом океане. Все это содействовало расширению и укреплению торговых связей. В то же время канал сблизил американское побережье обоих океанов и еще более укрепил за Соединенными Штатами господствующее положение в Карибском бассейне, усилив их военную мощь.

Сразу же началось форсированное проникновение американского капитала в экономику страны. Представитель крупной американской компании Морган предоставил панамскому правительству «заем». Банановая «Юнайтед фрут компани» приобрела в Панаме многочисленные плантации. Правительство США беспощадно ввозило в зону канала почти все товары и продавало их, подрывая торговлю и развитие промышленного производства Панамы. Даже американские марионетки, заседавшие в правительстве Панамы, вынуждены были обратиться к правительству США с нотой, в которой говорилось, что в результате деятельности американских бизнесменов торговля, земледелие и скотоводство приходят в упадок.

Американское засилье вызывало возмущение широких слоев населения Панамы; чтобы окончательно обезоружить панамцев, Соединенные Штаты вынудили правительство Панамы распустить панамскую армию, причем все ее оружие было вывезено в зону канала.

В наше рассмотрение не входит зона Панамского канала. Хотя эта территория принадлежит Панаме, но это другой мир. Там большинство населения составляют американцы со своими обычаями, образом жизни, там действуют законы и нормы Соединенных Штатов.

Панамский канал мог бы явиться могучим средством укрепления связей между народами всего мира, стимулом для экономического развития многих стран и в первую очередь самой Панамы. Но этого не случилось. Зона Панамского канала фактически стала государством в государстве.

Десятилетиями американские монополисты пытались приспособить экономическую жизнь всей Панамы к нуждам канала, превратить всю страну в его придаток. В то же время Панамский канал, играя решающую роль в жизни страны, не содействовал решению ни одной серьезной внутренней проблемы.

До 11 октября 1968 г., когда в Панаме к власти пришли патриотически настроенные военные (об этом периоде будет рассказано позже), страна представляла собой ярчайший пример того, как губительны последствия империалистического господства США. 70-летнее хозяйничанье Уолл-стрита принесло Панаме нищету, безработицу, экономическую и социальную отсталость. Ключевые позиции в экономике занимали американские монополии. Капиталовложения американских компаний в Панаме составляют 700 миллионов долларов. Американский капитал господствует в сельском хозяйстве, промышленности, банковской системе. «Юнайтед фрут компани», «Тексако», «Стандард ойл оф Калифорния», «Чейз Манхэттен бэнк», «Ферст нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк» и др. держат в своих руках основные рычаги панамской экономики.

Панама — аграрная страна как по числу занятых в сельском хозяйстве (750 тыс. человек), так и по доле национального валового дохода. В земледелии все еще преобладает допотопная техника, широко используется ручной труд. Большая и лучшая часть земель сконцентрирована в руках иностранных компаний и местных латифундистов. Основные сельскохозяйственные культуры: рис, кукуруза, фасоль, кофе, табак. Ведущая культура Панамы — бананы, но их выращивает американская компания. В последние годы широкое распространение получило животноводство.

Промышленность развита слабо. 1/4 национального производства приходится на обрабатывающую промышленность, производство электроэнергии и строительство. Растет значение рыболовной промышленности. Основные экспортные продукты Панамы — нефть, бананы и креветки. Но нефть и бананы производятся на иностранных предприятиях.

Грабительская деятельность американских монополий постоянно вызывала негодование панамцев — как трудящихся, так и растущей национальной буржуазии, что вело к росту национального самосознания и антиимпериалистических настроений в панамском народе. Это же обстоятельство стало важным фактором, способствовавшим развертыванию антиимпериалистической борьбы панамского народа против монополий Соединенных Штатов.

Формирование нации происходило в Панаме в особых условиях. Территория республики оказалась разрезанной на две части зоной, захваченной империалистами США. Общность государственной территории Панамы с самого начала оказалась нарушенной, неполной, страна была расчленена, суверенитет ее был ущемлен. Это обстоятельство наряду с экономической дискриминацией панамцев в зоне канала и внедрением американского капитала, насаждавшего монокультурное хозяйство, затрудняло и уродовало экономическое развитие, тормозило складывание экономических связей внутри страны.

Панамская нация сейчас в достаточной степени едина. Основная масса панамцев — метисы — лица смешанного испано-индейского, испано-негритянского, индейско-негритянского происхождения. Причем негритянский компонент был в колониальное время в основном африканского происхождения, а в новое время — антильского. Существуют некоторые иммигрантские группы сравнительно недавнего происхождения. Среди них самая старая и большая по численности — китайская. Китайцы играют заметную роль в торговле и промышленности и делают первые шаги в политической жизни Панамы.

В настоящее время в Панаме сохранилось не очень большое по численности, но этнически обособленное индейское население. Это индейцы куна, чоко, гуайми, бокота и терибе. Они говорят в основном по-испански. К сожалению, еще нет необходимого археологического и этнографического материала для выяснения вопроса о связи

этих индейских групп с археологическими культурами перешейка. Возможно, что остатки индейцев перешейка после завоевания были поглощены другими группами индейцев, пришедшими из Колумбии или Коста-Рики. К этому надо добавить, что колонизаторы завезли в Панаму индейцев других языковых групп.

Анализ различных источников дает приблизительно такую картину численности современного индейского населения Панама: гуайми — около 36 тыс., куна — около 22 тыс. (из них 20 тыс. живут на архипелаге Сан-Блас, остальные — в континентальной части Панама), чоко — около 6 тыс., терибс — около 400, боготá — около 200. Всего индейцев — около 64 тыс. человек.

Приведенные данные в какой-то мере соответствуют материалу переписи 1960 г., согласно которой индейское население составляло 62 187 чел. Следует, однако, заметить, что данные переписей об индейцах вызывают большие сомнения. Чем объяснить, например, падение их численности в 1940—1950 гг. и резкий прирост индейского населения в 1950—1960 гг.? Большинство панамских специалистов считает, что главная причина — в плохой организации переписи: учет индейцев часто носил «глобальный, а в отдельных районах просто оценочный характер»²⁰. По оценке авторов книги «Панама 1903—1970 гг.», в 1968 г. в Панаме насчитывалось 66 200 индейцев²¹.

Рассмотрим три основные индейские группы Панама: гуайми, куна, чоко.

Индейцы гуайми в доколумбовы времена жили на территории современных провинций Кокле, Лос-Сантос, Верагуас, Чирики, Бокас-дель-Торо и в западной части Панама. Сегодня они живут в основном в трех провинциях: 19 046 человек — в Чирики (горные районы), 16 629 человек — в Бокас-дель-Торо (на побережье океана и реки Крикамола) и 3292 человек — в Верагуас (на засушливых землях, граничащих с провинцией Бокас-дель-Торо).

Существует несколько различных диалектов языка гуайми. Испанский язык среди них достаточно широко распространен.

Многие же племена возглавляются вождями, называемыми «сукиа». Это — и вождь племени, и знахарь, и жрец. Должность «сукиа» не выборная и не переходит по наследству. «Сукиа» готовят из «выдающегося» ребенка. За новорожденными внимательно следят и ищут в них что-

нибудь необыкновенное. Ребенок, который стал ходить раньше положенного времени или наоборот пошел очень поздно, считается необычным и его начинают готовить в «сукиа». Он растет, окруженный ореолом превосходства. «Сукиа» не работает, за него и его семью трудятся остальные соплеменники, а он «думает», занимается вопросами «мира и войны» и т. п.

Гуайми, живущие в трех разных провинциях, не имеют общего управления. Правда, до тридцатых годов был «главный касик», затем эта должность исчезла, хотя в настоящее время тенденция к объединению усилилась.

Интересно, что у гуайми до наших дней сохранились и инициальные обряды. Когда юноша достигает зрелости, он покидает родителей и уходит в горы, где живет отдельно, подвергаясь всем превратностям судьбы, чтобы закалиться и стать сильным, выносливым и мужественным. Только пройдя это испытание, он возвращается в селение, и за ним закрепляется его окончательное имя.

Гуайми любят праздники. В эти дни они разрисовывают лицо и все тело. Любимые их цвета — черный, красный и белый. Они надевают большие шляпы из пальмового волокна, украшенные перьями. Часто надевают деревянные маски — «ньюма», изображающие, как правило, головы зверей. Женщины сохранили свои традиционные наряды: платье-рубашку до пят, с красивыми разноцветными аппликациями. И мужчины и женщины курят длинные трубки.

Среди любимых игр и церемоний выделяется «агуито» — молитва, обращенная к небу с просьбой избавить от напастей посевы и животных. Название идет от напитка агуито, приготовляемого из бобов какао, вскипяченных в воде. Во время церемонии агуито гуайми не танцуют и не пьют алкогольных напитков. Продолжительность церемонии определяет сукиа.

Сейчас для гуайми характерно смешение древних индейских культов с католической религией.

Положение гуайми до недавнего прошлого мало заботило панамские власти. В 1947—1953 гг. сотни гуайми погибли от чумы. Не осталось людей, способных похоронить умерших. Правительство Панамы не оказало гуайми помощи. С каждым годом у гуайми уменьшалась отведенная для них земля.

Индейцы куна жили и живут на островах красивейшего архипелага Сан-Блас (19 343 индейца). Небольшие группы (всего 1200 человек) разбросаны в провинциях Панама и Дарьен²². Эти маленькие группы живут изолированно и не поддерживают почти никаких контактов с внешним миром. Они продают в ближайших городишках бананы, кофе и какао, покупают соль и кое-какие продукты и товары.

Совершенно иначе сложилась судьба индейцев куна архипелага Сан-Блас. В 1903 г., когда Панама отделилась от Колумбии, индейцы куна хотели присоединиться к Колумбии, которая гарантировала им автономию. Для ведения переговоров в Боготу направился касик Иньяпакинья. В дороге он умер. Его сын хотел завершить миссию отца. Но власти Панама игнорировали желание куна и сами назначили касика — некоего Чарли Робинсона, жившего в местечке Наргана. Это вызвало возмущение и раскол среди индейцев, которые многие годы до 1968 г. по существу не признавали панамских властей.

В феврале 1925 г., воспользовавшись недовольством индейцев куна — жителей архипелага Сан-Блас, — поверенный в делах США в Панаме Ричард Марш организовал восстание. На острове Алиганди собрался совет куна, где 12 февраля был принят акт независимости и провозглашена «Республика Туле». (Название «Туле» было объяснено следующим образом. Индейцы куна считают себя прямыми потомками индейцев майя, их предки пришли на архипелаг Сан-Блас за 6 тысяч лет до н. э. из Туле, из тех же мест, откуда двинулись на юг и предки майя). Одновременно совет обратился к правительству США с просьбой превратить «Республику Туле» в протекторат США. Североамериканские агенты снабдили население островов оружием, и началась кровопролитная война между панамской полицией и обманутыми индейцами. «Республика Туле» просуществовала 20 дней. Когда в Сан-Блас прибыли панамские воинские части, то очень быстро повстанцы сложили оружие, и 3 марта 1925 г. был подписан мирный договор. А в водах у архипелага Сан-Блас появился американский военный крейсер «Кливленд». Забрав «дипломата» Марша, крейсер отбыл в Соединенные Штаты. Требования панамского правительства наказать Марша госдепартамент оставил без последствий.

В результате куна стали единственной группой индейцев Панамы, у которой существует собственная администрация. Во главе каждого острова или населенного пункта стоит руководитель, называемый «саила». Каждый три саила подчинены генеральному саиле — «саила тумади». Власть саила тумади регулировалась в соответствии с «Основным законом», принятым 19 февраля 1953 г. Генеральным советом куна. Однако не следует преувеличивать степень самоуправления индейцев — саила назначаются часто «сверху».

Одновременно с органами местного самоуправления куна во главе индейского края (интендантства) стоит представитель правительства Панамы — интендант, являющийся связующим звеном между органами самоуправления куна и центральным правительством. Кроме того, интендант имеет право наложить вето на любое решение Генерального совета, а в каждом районе есть представитель министерства внутренних дел и юстиции.

На всем архипелаге Сан-Блас нет острова, где не было бы общинного дома — «онмакет нега». Мужчины, женщины и даже дети часто встречаются в общинных домах, чтобы обсудить общие проблемы во всех деталях. Любые вопросы данной группы индейцев решаются именно в общинных домах. Обычно это происходит следующим образом: глава острова — саила — излагает перед собравшимися вопрос, подлежащий обсуждению. За ним выступает народный глашатай, который доступно интерпретирует торжественную и слегка напыщенную речь главы острова. Затем выступают старейшие люди племени и все желающие. Решение считается принятым, если оно одобрено единогласно. Для решения вопроса о строительстве общественного здания, о приглашении на работу учителя или распределении семян, для наказания человека, нарушившего постановление, для чествования отличившегося — для всего этого в общинном доме собирается совет острова. По некоторым вопросам собираются советы двух или трех островов, а бывает и Генеральный совет представителей всего архипелага.

Основа экономики современных куна Сан-Бласа — сельское хозяйство. Они выращивают маис, рис, бананы и другие фрукты. Сбор кокосовых орехов и производство копры также играют в жизни куна важную роль. Копра производится в основном на продажу. Куна сами при-

митивным способом сушат копру. Но на некоторых островах Сан-Блас есть уже промышленные сушилки. Куна собирают и продают ежегодно несколько миллионов кокосовых орехов (кстати, кокосовый орех является мериллом стоимости).

Для собственных нужд разводят свиней и редко — кур. Животных содержат вдали от жилья — куна удивительно чистоплотны сами и в большом порядке содержат дома и улицы своих деревень. Земля принадлежит общине, а все личное имущество и фруктовые деревья передаются наследникам по материнской линии. Если эта линия исчезает, то наследство поступает в общину.

Большим подспорьем у куна являются рыболовство и охота. Мужчины плетут отличные сети и считаются прекрасными рыбаками. Вылавливают много крабов и омаров. Для рыбной ловли используются лодки-долбленки. На каждом острове строительство лодок идет под руководством «эксперта» — улу-саилы, руководителя лодки. При выходе в море используют паруса. На охоту мужчины отправляются обычно по двое на несколько дней и добытое мясо приносят домой уже копченым. Пользуются ружьями, лук и стрелы полностью исчезли.

Живут куна в больших и очень высоких домах. Нередко высота их доходит до 20 м, а длина — до 50 м. В плане дома квадратные, крыша их — из тростника. В середине строения — длинные деревянные столбы. Стены — из жердей. Кухня всегда отдельно. Дома стоят рядом и образуют прямые улицы. Все родственники живут в одном доме, спят в гамаках. Чуть свет уходят работать на плантации и возвращаются лишь к вечеру. Почти ежедневно отправляются на охоту и рыбную ловлю. Индейцев куна уже издали можно узнать по одежде: у мужчин цветные брюки, цветные рубахи и черные шляпы. Ходят они почти всегда босиком, даже в городе. Очень своеобразна одежда девушек и женщин: на голове косынка «тенуе», как правило, красная, с желтыми разводами (это, между прочим, были цвета флага индейской «Республики Туле»). Затем блузка «мола» с замысловатой вышивкой (в столице Панамы и за границей эти блузки ценятся весьма высоко). Часто на блузках изображены геометрические фигуры, животные, мифологические сюжеты. Юбка «сабуреди» — до пят и шьется из готовой фабричной ткани, но при этом выбирается такая,

на которой изображены фрукты, дикie и домашние звери. Девушки и женщины носят золотые серьги, бусы из золотых или серебряных монет. Кольца и браслеты — постоянные украшения женщин. Дорогие украшения — признак богатства родителей и мужа. Часто украшения носят мужчины.

Для индейцев куна характерно очень высокое положение женщины в семье, ее уважают, она не выполняет тяжелых работ. Брак считается удачным, если родилось несколько девочек. Рождение девочки отмечается пышным праздником. Это весьма важная традиция, и она оговорена в «Основном законе» индейцев Сан-Бласа. У куна торжественно отмечают физическое созревание девушки. В зависимости от экономических возможностей семьи праздник длится от одного до четырех дней. Община строит специальное помещение, предназначенное для инициального ритуала, после совершения которого начинают танцы и песни. Чича и бананы — главное угощение гостей.

Религиозные представления куна сложны. Хотя формально почти все они считаются католиками, на деле куна сохранили и широко практикуют древние культы. Главный бог куна — Олоку-пилеле. Чтобы наказать людей, он обрушил на них потоп, но затем с неба сошел герой Ибеоргун, который научил индейцев куна всем премудростям земной жизни. Индейцы верят, что среди них живут «пеле» — ведуньи и пророки, которые являются посланцами этого божества. Кроме «пеле», у куна пользуются влиянием «абсогеди» — человек, умеющий изгонять злых духов и знающий ритуал похорон, и «кантуле» — певец на торжественных церемониях. Абсогеди и кантуле могут быть и женщины.

Куна более других индейских групп страны связаны с экономической и политической жизнью страны. Распространение образования, расширение торговых связей привели к тому, что индейцы ряда островов архипелага Сан-Блас уже неразрывными узами связаны с панамским народом в целом, сохраняя при этом много национальных особенностей. Правящие круги Панамы любили рассказывать о том, что в трех созывах Национальной ассамблеи был представитель индейцев куна. Но условия жизни куна все же тяжелы, и они подчас вынуждены в поисках лучшей доли мигрировать в другие районы страны,

выполнять самую низкооплачиваемую и изнурительную работу.

В мировой литературе много различных точек зрения относительно происхождения индейцев племени чоко. Известный французский ученый Поль Риве считал, что индейцы чоко пришли в Паамаму из Колумбии. По мнению других ученых, чоко — потомки бразильского племени бари. Лингвисты относят язык чоко (нома или эмпара) к той же языковой семье чибча, что и языки большинства индейцев Колумбии²³. По имени индейцев чоко названа и провинция в Панаме. Большинство ученых полагает, что этих индейцев стали называть чоко по названию одной из рек, на которой они обитали²⁴.

Сегодня индейцы чоко живут в провинции Дарьен, в селениях Япе, Туписа, Хаке, Пирре, Марea, Чукунаке, Могe и Тукесе.

Чоко — широкоплечие, мускулистые, рослые люди с правильными чертами лица. Особенно красивы женщины чоко. Как писал хронист Сьеса де Леон, «они — самые красивые женщины Нового Света»²⁵.

Экономическая основа их хозяйства — земледелие, рыбная ловля и охота. Выращивают главным образом бананы, даже на экспорт. У некоторых чоко большие банановые плантации, и на уборку они иногда приглашают негров. Чоко выращивают также маис и юкку, рис, агуакате, ананасы. Индейцы чоко — отличные охотники, добытое мясо они частично продают.

Хижины индейцев чоко расположены на некотором расстоянии друг от друга. Возможно, это предосторожность против распространения эпидемий. Свои дома чоко, как правило, строят на берегу рек или в долинах. Они строятся без стен. Пол несколько возвышается над землей. Для строительства используют пальму. Вокруг каждой хижины размещаются плантации бананов, сахарного тростника, маиса. Чоко называют свои хижины «тамбо». В отличие от куна, чоко значительно реже пользуются гамаками, а спят на циновках. Чоко очень чистоплотны: моются по несколько раз в день, дома также содержат в чистоте.

Пища чоко довольно разнообразна: маис, бананы, сахарный тростник, мясо животных и птиц. С удовольствием едят рыбу. Любимые блюда: посо — из спелых бананов и особого масла; чукула — индейский шоколад, смесь

меда, бананов, манса и поджаренных и смолотых бобов какао, это блюдо обязательно предлагают гостям; матум — мелко нарезанные бананы, смешанные с порошком какао. Основа питания — бананы. Они являются составной частью почти всех блюд.

Мужчины чоко обычно ходят почти обнаженными и надевают на себя что-либо лишь, когда направляются в города (шапочку и набедренную повязку). В руках они носят небольшую сумочку — печто вроде нашего кисета. Во время празднеств мужчины украшают себя бусами из монет и колец. Вообще в праздники мужчины одеваются ярко и броско, а женщины надевают лишь юбку, доходящую до пят, остальная часть их тела не прикрыта. Правда, в последние годы, появляясь в населенных пунктах, они набрасывают блузку. Любимые цвета одежды — зеленый, голубой, красный и желтый. Женщины носят длинные волосы, а мужчины стригутся коротко. Весьма распространена привычка раскрашивать лицо и тело причудливыми рисунками. Делают это обычно женщины, разрисовывая себя и мужчин, особенно перед праздниками.

Чоко сами изготавливают музыкальные инструменты: «флейту пана», разнообразные барабаны и бубны. Особой популярностью пользуются флейты и свистульки, сделанные из костей птиц. Эти инструменты издают нежные и тонкие звуки.

Индейцы чоко очень горды, независимы. С официальными властями у них мало контактов. Подлинными руководителями групп чоко являются старейшины — «хай» или «леле». Их слушаются и боятся.

Важные вопросы у чоко решаются сообща. Во время таких собраний в специальных помещениях на трех «центральных» гамаках размещаются леле и его заместители. Мужчины садятся на скамьи, а женщины окружают хижину. Собрание начинается с сообщения заместителей леле. Потом начинается общая «дискуссия». Чоко любят говорить долго. В конце дискуссии леле встает с гамака и объявляет окончательное решение. В отличие от куна, женщины чоко не пользуются особым почетом, не участвуют в общественной жизни. Они не имеют даже права есть вместе с мужем. Когда юноша решает жениться, он надевает лучшие одежды, разрисовывает тело и с наступлением сумерек пробирается в хижину, где спит его избранница. Если она не кричит, значит согласна на брак.

Практически брак состоялся. На следующий день юноша загружает провизией предварительно построенную им лодку и увозит свою жену.

С юных лет девочка-чоко готовится к своим будущим обязанностям матери и жены. Ее учат ткать, плести гамаки, вязать корзины, разрисовывать себя и других. А мальчиков учат ловить рыбу, охотиться, совершать длительные походы, строить лодки — одним словом, готовят к опасной жизни в сельве.

До сего дня чоко сохранили древние культы, хотя становится заметным и влияние католицизма. Иногда они даже крестят своих детей в католических церквях. Когда чоко умирает в своем доме, то, как правило, родственники покидают этот дом со всеми посевами и уходят на другое место. Поэтому заболевшего чоко стараются унести куда-нибудь подальше от дома, чтобы, когда он умрет, не надо было покидать обжитую хижину.

Среди индейцев чоко распространено шаманство. Известный панамский антрополог и этнограф профессор Национального университета Рейна Торре де Араус специально занималась этим вопросом и пришла к выводу, что шаманство у чоко более или менее соответствует подобной практике в Азии и в других частях света. Шаман — «хаибана» — у чоко очень влиятельный человек.

В настоящее время почти все чоко знают испанский язык, но пользуются им лишь, общаясь с белыми и неграми. Между собой они говорят на родном языке.

Положение подавляющего большинства индейцев чоко — очень тяжелое. С каждым годом уменьшались участки земли, отведенные им, сокращались земли под посевами и охотничьи угодья. Чоко оказываются вынужденными мигрировать и покидать исконные места обитания.

Следует сказать несколько слов еще о двух фактически ассимилированных индейских группах: терибе и богота, которые часто упоминались в работах конца прошлого — начала нашего века.

Индейцы терибе живут на берегу реки Терибе (приток р. Чангинолы) в провинции Бокас-дель-Торо. Эти индейцы в настоящее время почти ничем не отличаются от окружающего испаноязычного населения. Существование индейцев богота открыл шведский ученый Норденшельд в 1927 г. По целому ряду признаков индейцы терибе

очень близки индейцам гуайми. До сих пор остается спорным вопрос, самостоятельная ли это этническая группа или одно из подразделений гуайми. Сейчас как богота, так и терибе практически слились с испаноязычным населением Панама.

До 1969 г. индейцы фактически являлись гражданами второго сорта. Правящие круги время от времени принимали решения об «упорядочении» индейского вопроса, но они отнюдь не стремились к его решению. Первый закон в «защиту» индейцев был принят в 1873 г., и главная его задача состояла в том, чтобы «уменьшить число диких индейцев». В разные годы было принято несколько решений, направленных на приобщение индейцев к экономической и культурной жизни страны, но на практике они не реализовывались.

В 1934 г. панамское правительство создало индейские резервации в Бокас-дель-Торо и Байано, в 1938 г. — в Сан-Блас и Бару. Конституция 1946 г. специально выделила вопрос об индейцах. Статья 94 конституции гласила: «Государство оказывает специальную защиту крестьянским общинам коренных жителей с тем, чтобы эффективным образом приобщить их к национальному обществу в том, что касается их норм жизни, экономического, политического и культурного положения. Мероприятия в отношении коренных жителей проводятся с сохранением и развитием в то же время ценностей самобытной культуры»²⁶. Но эта статья конституции осталась на бумаге.

14 февраля 1952 г. на основании закона № 18 были созданы «Департамент по делам индейцев» и «Национальный институт по делам индейцев», вошедший в состав министерства внутренних дел. В 1953 г. был создан индейский район Сан-Блас.

В 1958 г. были установлены четыре индейских района Панама и образован «Национальный институт по изучению индейцев и социальной антропологии». Формально этот институт существует уже много лет, но практически он бездействовал, ибо правительство не выделяло ему средств. В таком же положении находилась постоянная комиссия советов панамских индейцев. Вот, собственно, вся «забота» панамских правительств об индейцах до 1969 г.

Правящие круги Панама вспоминали о существовании индейского населения, лишь когда приближались выборы. Тогда правительственные чиновники приезжали в

индейские провинции и не скупилась на обещания. А выборы происходили так: индейцам выдавали лишь один бюллетень — бюллетень правительственных кандидатов. Интендант собирал каски и объявлял им, что они должны голосовать за кандидатов правительства. Каски следили за тем, чтобы индейцы «правильно» проголосовали.

В некоторых районах с более или менее значительным индейским населением существуют так называемые «генеральные советы» индейцев. Их деятельность контролировалась правительством, а права были невелики. Следует однако, отметить, что, несмотря на урезанные права, эти советы индейцев пытались добиться решения некоторых вопросов, в которых были заинтересованы индейцы тех или иных районов страны. Так на заседаниях советов принимались решения, осуждался детский труд, запрещалась продажа спиртных напитков индейцам, делались попытки защитить ценности культуры индейцев и др. Но все эти попытки не дали ощутимых результатов.

Американские компании и панамские помещики до недавнего времени отнимали земли у индейцев, так как определение границ индейских земель не было проведено. Агенты компаний пробирались в индейские селения и лживыми рассказами о хорошей зарплате уговаривали индейцев поступать на работу в представляемые этими агентами фирмы. Там их нещадно эксплуатировали.

На плантациях американской компании «Чирики лэнд» большинство рабочих — индейцы. Это наиболее угнетаемая часть сельскохозяйственных рабочих. Индейцев используют на вредных работах по приготовлению смеси, применяемой для борьбы с болезнью сигаток, часто поражающей банановые плантации. Эта смесь губительна для здоровья, и сотни рабочих умирают в 25—30 лет.

Большая группа индейцев работает в зоне Панамского канала. Индейцы и здесь используются на самых изнурительных и низкооплачиваемых работах. Когда, например, американские солдаты из лагеря в Рио-Ата проводили маневры, то они использовали индейцев в качестве грузчиков.

подавляющее число индейцев Панамы до недавнего времени было неграмотно. При этом, если индейцы купали медленно, но хоть как-то приобщались к цивилизации, чоко и гуайми были забыты и заброшены. Государство

почти не заботилось о них. В большинстве селений не было ни школ, ни больниц. В табл. 1 приведены данные о постановке школьного образования среди индейцев до 1968 г.²⁷

Таблица 1

Индейские районы, провинции	Число		
	школ 1-й ступени	учителей	учащихся
Сан-Блас	16	43	1575
Чирики	13	15	616
Бокас-дель-Торо	12	13	501
Дарьен	10	13	378
Верагуас	8	8	313

Таблица свидетельствует о том, что несколько лучшим являлось положение на архипелаге Сан-Блас у индейцев куна. Там есть несколько учителей-индейцев и в некоторых школах 1-й ступени не 4, а 6 классов. На острове Наргана даже создана школа 2-й ступени. В остальных же районах у индейцев гуайми и чоко учителей не хватает, школ мало. Кроме того, надо иметь в виду, что многие школы являются смешанными, т. е. там учатся не только индейцы. А это значит, что общее число учащихся индейцев еще меньше. Лишь один индеец чоко стал учителем.

Еще хуже обстоит дело с медицинским обслуживанием. Среди индейцев распространено много болезней, и особенно туберкулез, малярия, желудочно-кишечные заболевания. Постоянной медицинской помощи не было, индейцев лечили кочующие фельдшера-инспекторы. Правда, в Дарьене специально для индейцев чоко имелись две больницы, но, чтобы к ним добраться, надо было проделать небезопасный, многодневный путь на лодках. Поэтому индейцы предпочитали пользоваться услугами знахарей.

В 1961 г. Институт жилищного строительства Панамы построил в г. Давиде (столица провинции Чирики) «Дом индейца» — общежитие для индейцев гуайми, приезжающих на базар.

Организация американских государств в 1963 г. издала небольшую пропагандистскую книжку «Панама». В ней безмянные авторы утверждают: «В панамцах очень много индейской крови, и индейцы могут быть равноправными членами общества. Но многие из них предпочитают жить изолированно, кастовыми группами, сохраняя свои обычаи и политическую организацию»²⁸. На деле же эта изоляция вынужденная и порождалась полным безразличием правящих кругов страны к судьбам индейского меньшинства.

В Панаме широко распространена легенда о том, что там нет и никогда не было расовой дискриминации. При этом в качестве главного аргумента ссылаются на то, что перешеек, являющийся перекрестком международных путей, был и остается многонациональным. В действительности расовые противоречия, часто переплетающиеся с классовыми, возникли сразу же после появления испанских завоевателей. Белый — хозяин и господин, покоренный индеец и завезенный из Африки негр — рабы. Вплоть до второй половины XIX в. расовая дискриминация в Панаме носила несколько приглушенный характер. Но как только янки захватили зону для строительства канала и установили там свои порядки, расовая дискриминация в Панаме стала серьезным социальным злом. Эта американизированная часть панамской земли является рассадником расовой и национальной дискриминации. Американцы Джон и Дэвис Биесанс, авторы книги «Панама и ее народ», вынуждены были признать, что в зоне канала не может быть нормальных отношений между американцами и панамцами, поскольку первые считают себя «высшей расой». Джон и Дэвис Биесанс пишут: «К этому надо добавить, что они говорят на разных языках, у них разные обычаи и разные экономические интересы. Они привыкли к разным политическим системам и к различной экономической структуре. В этих группах разный расовый состав и у них не похожий уровень жизни. Все это говорит о том, что недовольство, трения и конфликты в зоне канала — неизбежны»²⁹.

За всю историю Панамы ни индейцы, ни негры не занимали высших государственных постов. Ключевые позиции как в обществе, так и в правительстве занимали «белые». Уже с детских лет член аристократической семьи Панамы воспитывается в особых условиях. Ему

внушают мысль, что он и его семья отличаются от народа, от тех, кто «внизу». Его учат употреблять обращение «дон» и «донья» только в отношении определенного, весьма ограниченного круга лиц. Он общается только с детьми «своего круга». У этой элиты свои клубы, свои рестораны, куда цветным вход запрещен.

«Белая» верхушка современной Панама составляет около 10% населения страны. До октября 1968 г. она играла ведущую роль в политической жизни страны, занимала все высшие должности государства, ей принадлежали основные экономические рычаги Панама.

Обособленной группой в Панаме являются и в наши дни потомки антильских негров, которых в настоящее время 20 тыс. человек. Они появились в Панаме в 1850 г., когда началось строительство Панамской железной дороги. Их использовали также и американские фруктовые компании, обосновавшиеся в провинции Чирики и Бокас-дель-Торо. Сейчас они работают и в зоне Панамского канала, в городах Панаме, Колоне, Бокас-дель-Торо и в порту Армуэльяс. Они резко отличаются от негров — потомков рабов, ибо жили в английских и французских колониях. У них другой язык, другая история, другая культура и религия. Поэтому, приехав в Панаму, они держались обособленно. Интеграция этой этнической группы началась лишь в последние годы. Только теперь молодежь пошла в панамские школы, и взрослые начали принимать участие в политической жизни страны.

Потомки негритянского населения колониального периода разбросаны по всей стране и составляют около 15% населения. В районе сельвы (восточная часть Панама), на границе с Колумбией живут потомки беглых негров. Они живут обособленной группой, занимаются сельским хозяйством, выращивают бананы. Негры, как и индейцы, являлись самой бесправной частью панамского народа.

Основная масса панамцев — люди смешанного испано-индейского и испано-негритянского происхождения — составляет 65—67% населения страны. Это сложный конгломерат смешения испанской, индейской и негритянской крови, а также взаимного переплетения этих смешений.

В Панаме каждые 10 лет, начиная с 1911 г., проводились переписи населения. В 1960—1970 гг. население

увеличивалось в среднем на 3% в год и в 1972 г. составило 1,5 млн. человек.

В соответствии с материалами шестой национальной переписи население Панама в 1960 г. составило 1 075 541 человек (см. табл. 2), т. е. увеличилось почти вдвое за двадцатилетний период, 1940—1960 гг.³⁰ (в 1940 г. население Панама составляло — 622 576 человек). Этот скачкообразный рост объясняется в основном двумя факторами: высокой рождаемостью и низкой смертностью.

В рассматриваемые годы иммиграция в Панама была незначительной.

Для Панама характерна высокая рождаемость. С 1959 по 1963 г. ежегодно рождалось 41 человек на 1000 жителей. При этом в сельских районах рождаемость выше, чем в городских. В эти же годы смертность составляла 8 человек на тысячу.

За двадцатилетие — 1940—1960 гг. — средний размер панамской семьи увеличился с 3,9 человека в 1940 г. до 4,7 человека в 1960 г. Количество семей, имеющих менее четырех человек, уменьшилось с 51 до 40%. А количество семей в 8 и более человек возросло с 11 до 16%.

Обращает на себя внимание неординарный рост населения по провинциям (см. таблицу), вызванный неравномерностью внутренних миграций и незначительным ростом индейского населения. Между тем, индейское население, как видно из таблицы, в ряде провинций (Бокадель-Торо, Колон, Чирики) составляет большой процент.

Рост населения Панама (по провинциям), согласно переписям 1940, 1950 и 1960 гг., показан в табл. 2.

Строительство Панамского канала и создание промышленных предприятий привели к ставшей традиционной концентрации панамского населения в двух городах: Панама и Колоне. Городское население Панама в 1940 г. составляло 33,8% от общей численности; в 1950 — 36,0%; в 1960 — 41,5%; в 1968 — 46,8%³¹. 9/10 населения страны сосредоточено в узкой полосе от границы с Коста-Рикой до залива Сан-Блас. В 1960 г. 10% населения проживало в 5669 населенных пунктах численностью не более 50 человек (66% всех населенных пунктов Панама) и 31% населения было сосредоточено в двух городах, население которых превышало 25 тыс. человек.

По сравнению с предыдущими переписями перепись 1960 г. дает кое-какие сведения о внутренних миграциях

Таблица 2

Провинции	По переписи					
	1940 г.		1950 г.		1960 г.	
	всего	из них индей- цев	всего	из них индей- цев	всего	из них индей- цев
Бокас-дель-Торо	16 523	6 574	22 392	9 147	32 600	12 629
Кокле	55 737	—	73 103	—	93 156	—
Колон	78 119	20 822	90 144	17 350	105 416	19 343
Чирики	111 206	19 135	138 136	14 288	188 350	19 946
Дарьен	14 930	6 651	14 660	4 180	19 715	5 777
Эррера	38 118	—	50 095	—	61 672	—
Лос-Сантос	49 621	—	61 422	—	70 554	—
Панама	173 328	1 329	248 335	1 691	372 393	1 200
Верагуас	84 994	1 476	106 998	1 998	131 685	3 292
Итого:	622 576	55 987	805 285	48 654	1 075 541	62 187

населения Панама, поскольку в опросных листах впервые были соответствующие пункты. Из этих данных видно, что население главных городов Панама и Колон — заметно увеличилось за счет притока жителей из внутренних районов страны. С другой стороны, в 1960 г. из провинции Лос-Сантос выехало на 26 008 человек больше, чем туда приехало; для провинций Кокле и Верагуас эти цифры соответственно составили 17 099 и 16 811 человек.

Не считая индейского населения, в 1960 г. 26% (263 833 человека) всех жителей Панама участвовали во внутренних миграциях, т. е. меняли место жительства.

Экономически активное население в 1950 г. составило 264 619 человек, в 1960 г. оно выросло до 336 969 человек, т. е. за 10 лет произошло увеличение на 27%. Однако рост экономически активного населения отстает от роста населения вообще, что свидетельствует об ухудшении экономического положения в стране. За это же время число безработных в стране увеличилось с 9 до 11%. А в городах Панама и Колон — с 20% до 17% соответственно. В 1968 г. экономически активное население достигло 409 000 человек,

В 1960 г. из каждых десяти работающих панамцев двое — женщины; причем в такой провинции, как Панама, из каждых трех занятых панамцев одна — женщина, а в провинции Дарьен, на сто занятых панамцев приходилось лишь восемь женщин.

Занятость самодеятельного населения выглядит следующим образом: рабочие и служащие составляют 37%; 37% — хозяева предприятий, не имеющих наемного труда, мелкие торговцы и крестьяне-середняки; 15% — лица, работающие бесплатно в хозяйстве главы семьи, в основном женщины и дети. Хозяева предприятий с наемным трудом и крупных плантаций составляют 2% населения. 35% экономически активного населения занято в промышленности; 46% — в торговле (в городах и на селе) и 19% — в сфере обслуживания. Работников частных предприятий — 40 200 человек, государственных служащих — 25 тыс., сотрудников автономных учреждений — 5 тыс. человек³². В сельском хозяйстве занята почти половина экономически активного населения.

Страшным бедствием для трудящихся всегда была безработица: до 1969 г. почти 12% самодеятельного населения не имели работы. Особенно велика безработица в Колоне — втором по величине городе Панамы. Колон стал городом безработных, и этим он обязан исключительно империализму янки.

Другие города Панамы, в том числе и ее столица — город Панама, не составляли исключения на пасмурном фоне экономического неблагополучия. Даже такой пропагандистский орган Соединенных Штатов, как журнал «Висьон», издаваемый специально для Латинской Америки, вынужден признать, что «нищета некоторых кварталов панамской столицы наводит ужас на иностранцев, панамцы же к этому привыкли. Многие живут во «временных» бараках, построенных более пятидесяти лет тому назад для рабочих, соорудивших канал». Население живет в беспросветной нужде.

Трагично было положение панамских детей, лишенных радостей детства. По переписи 1960 г., в Панаме насчитывалось всего 5 тыс. учителей, а детей школьного возраста — 130 тыс. Почти половина детей школьного возраста не посещала школу. Свыше 30% населения неграмотно. Особенно велик процент неграмотных крестьян.

Не лучше было положение и в здравоохранении.

В 1963 г. в Панаме насчитывалось 22 больницы, 6 клиник и 43 медпункта. В том же году в стране имелось 492 врача, что составляло 4,4 врача на 10 тыс. жителей. При этом надо иметь в виду, что большинство врачей сосредоточено в городах Панаме и Колоне.

Основным языком в Панаме является испанский. На английском языке говорят живущие в стране североамериканцы, а также потомки антильских негров. Однако в городах Колоне и Бокас-дель-Торо практически английский язык — основной. У подавляющего большинства панамцев с английским языком ассоциируется расовая и национальная дискриминация их со стороны обосновавшихся в зоне канала американцев. Некоторые индейские группы сохранили до сих пор свои языки.

Панамский народ создал свою литературу и искусство, но утверждение и развитие национальной культуры происходит в обстановке постоянной борьбы с влиянием худших образцов насаждающейся извне североамериканской культуры.

Вторжение североамериканского капитала в экономику страны, постоянная дискриминация панамцев и отказ правительства США признать полный суверенитет Панамы над зоной канала давно служат источником возмущения. Об этом свидетельствует вся история национально-освободительной борьбы панамского народа и особенно в последние два десятилетия. Показательно, что до недавнего времени ни один государственный деятель Панамы не мог прийти к власти, не пообещав добиться пересмотра ненавистного американско-панамского договора. Эту идею весьма четко сформулировали американцы — авторы книги «Народ Панамы» Джон и Дэвис Биесансы: «Панамцу ни за что не сделать политической карьеры, если он будет занимать открыто проамериканскую позицию»³³.

В 1926 г. после длительных переговоров был подписан договор, который по существу закреплял за США позиции, захваченные ими в течение двух предыдущих десятилетий. Когда этот договор был передан на рассмотрение Национальной ассамблеи Панамы, он вызвал решительную оппозицию. По договору, подписанному 2.III 1936 г., США более не выступали в качестве гаранта «независимости и свободы» Панамы. В связи с обесценением доллара ежегодная рента, выплачиваемая США Панаме, была увеличена с 250 тыс. до 430 тыс. дол-

ларов. Но в договор была включена специальная статья, которая в завуалированной форме вновь давала США возможность в любой момент ввести свои войска на территорию Панама для «предупредительных и защитных мер».

США заставили Панаму предоставить им в аренду территорию для сооружения военных баз. Правительство Панама возражало, тогда 9.IX 1941 г. США организовали государственный переворот. Вскоре вслед за тем было подписано соглашение, по которому Панама передала в аренду США 15 тыс. га для строительства военно-стратегических баз. США обязались возвратить Панаме арендованную территорию через год после окончания войны, однако нарушили свое обещание.

По окончании второй мировой войны в 1946—1947 гг. по стране прокатилась волна массовых демонстраций. Панамский народ требовал, чтобы США покинули военные базы, оккупированные ими на время войны. Но панамская олигархия опять пошла на сделку с североамериканскими милитаристами. 10 декабря 1947 г. было подписано позорное соглашение (соглашение Филоса-Хайнса), на основе которого США получили 103 участка для военных баз и право контроля над всеми дорогами Панама.

Это соглашение вызвало глубокое возмущение панамского народа. Федерация студентов Панама организовала массовые демонстрации; тысячи панамцев направились с протестом в Национальную ассамблею. Полиция расстреливала демонстрантов, десятки людей были ранены. 12 декабря был смертельно ранен 17-летний студент Себастьян Тапиа. Это переполнило чашу терпения. Народ вышел на улицу. Перепугавшиеся законодатели вынуждены были 22.XII 1947 г. отвергнуть соглашение Филоса-Хайнса. Панамцы одержали большую победу.

На президентских выборах 1952 г. президентом был избран командующий национальной гвардией полковник Ремон. В свое время полковник Ремон «делал» президентов и убирал их с согласия Вашингтона. Победе Ремона на выборах способствовало то, что, учитывая настроения народных масс, Ремон потребовал пересмотра ненавистного договора с США. Следует отметить, что, став президентом, он действительно сразу же начал переговоры с США, но накануне подписания новых соглашений его убили. Организаторами убийства были американские империалисты и панамская олигархия.

На выборах 1956 г. победил Эрнесто де ла Гуардиа, выдвинувший лозунг: «Хлеб, свобода и возвращение канала Панамской республике!». Антиамериканские настроения в стране резко усилились.

Усилению национально-освободительной борьбы в Панаме содействовала кубинская революция. Весь 1959 год Панама буквально бурлила. Наибольшего подъема борьба народа достигла в ноябре 1959 г., когда ярко проявилась сплоченность панамского народа в борьбе за национальный суверенитет. В день годовщины отделения Панамы от Колумбии близ зоны Панамского канала состоялась мощная народная демонстрация, требовавшая возвращения канала. Празднование 3 ноября 56-й годовщины независимости Панамы превратилось в антиамериканскую демонстрацию. Панамские патриоты подняли в зоне канала панамский флаг. Увидев, что американцы надругались над этим флагом, панамцы разорвали звездно-полосатый флаг, развевавшийся над посольством США. Расстрел мирных демонстрантов войсками США вызвал взрыв возмущения во всех странах Латинской Америки.

8.V 1960 г. в Панаме состоялись очередные президентские выборы. Около 60% избирателей не участвовало в голосовании. На выборах 1960 г. президентом стал Роберто Чиари — мультимиллионер, сахаропромышленник и скотовод, владелец газет и радиостанций. В качестве важнейшего пункта избирательной программы Чиари выдвинул требование о пересмотре договора с США.

9 января 1964 г. панамские студенты, рабочие и школьники вышли на одну из центральных площадей столицы. Это была мирная демонстрация безоружных людей. Тем не менее в ночь на 10 января командование войск США объявило в зоне Панамского канала осадное положение и бросило против панамцев подразделения своей армии и полиции, танки и артиллерию. В результате вооруженной агрессии крупнейшей империалистической державы против небольшого беззащитного государства 500 панамцев было ранено и 21 человек убит. Похороны жертв расстрела вылились в мощную демонстрацию единства панамского народа. В похоронах приняло участие более 200 000 человек.

По единодушному требованию панамского народа правительство Панамы разорвало дипломатические отношения с США и обратилось в Совет Безопасности с тре-

бованием оградить страну от агрессора. Маленькой зависимая Панама отважилась вступить в единоборство с великой державой.

Вот как объясняет этот «парадокс» профессор Сесар де Леон: «Дело в том, что Панама объективно стала вполне сложившейся нацией. Субъективно выкристаллизовалось национальное сознание. Вот что произошло. Соединенным Штатам не дано повернуть историю вспять... Панама вступила в новый исторический этап своего развития. Эксплуатация, империалистические оковы, договор Хэя-Бюно-Варильи — все это рано или поздно окажется в музее»³⁴.

Январские события 1964 г. вынудили Вашингтон перейти к тактике мапеврирования. Панамская соглашательская буржуазия, напуганная размахом народного движения протеста, пошла на сговор с империалистами. Уже в апреле 1964 г. были восстановлены дипломатические отношения с Соединенными Штатами. Но теперь было очевидно, что панамский народ превратился в силу, с которой уже нельзя не считаться. Именно это заставило Вашингтон начать переговоры с Панамой о пересмотре договора 1903 г.

Однако переговоры начались далеко не сразу после возобновления дипломатических отношений: Панаме предстояли очередные президентские выборы и Вашингтон решил подождать исхода выборов. На выборах в мае 1964 г. победил Марко Аурелио Роблес — типичный представитель панамской олигархии.

В соответствии с панамской конституцией новый президент приступил к исполнению обязанностей 1 октября 1964 г., а 18 декабря 1964 г. президент Джонсон заявил, что Соединенные Штаты готовы начать переговоры.

Почти три года тянулись секретные американо-панамские переговоры. Когда в 1967 г. стало известно содержание новых договоров, которые США решили навязать Панаме, то в стране снова поднялась буря протеста. Ситуация сложилась так, что президент Панамы Роблес побоялся направить проекты договоров в Национальное законодательное собрание, правительство и конгресс Панамы побоялись подписать новые американо-панамские договоры. В весьма острой и накаленной обстановке 12 мая 1968 г. в Панаме состоялись выборы президента. Борьба за президентское кресло развернулась между двумя кла-

нами панамской олигархии и приняла буквально скандальный характер. Победил Арнульфо Ариас.

Но через десять дней после вступления в должность президента, 11 октября 1968 г. Арнульфо Ариас был свергнут национальной гвардией Папанмы. Власть перешла к военной хунте. Армии, как таковой, в Панаме нет; в 1936 г. США помогли панамской олигархии создать национальную гвардию (жандармерию), в течение многих лет служившую основной опорой господства США в Панаме. В национальной гвардии в последнее время все более крепились антиимпериалистические настроения, ее офицерский состав укомплектован за счет выходцев из средних слоев. Объясняя мотивы захвата власти, глава хунты, генерал Торрихос говорил: «Это движение возникло не стихийно, ибо ни в одной стране революционное пламя не возгорается само собой. Оно явилось результатом того, что сознание народа созрело, народ накопил опыт борьбы, после чего уже не мог допустить, чтобы им правили по-старому. Мы, военные, сделали лишь одно: почуствовав, что чаша народного терпения переполнена, поставили оружие национальной гвардии на службу народу». Военный переворот был направлен против крупной буржуазии, против империалистического грабежа и угнетения, иными словами, совпадал с главным направлением усиливающейся борьбы народных масс. Политика империализма США и панамской олигархии потерпела крах, в панамском обществе начался процесс радикальных изменений, началась перегруппировка сил. Стало ясно: хунта не подпишет подготовленные в Вашингтоне проекты новых договоров о Панамском канале. Поначалу Вашингтон не хотел форсировать события. Когда же выяснилось, что генерал Омар Торрихос занял самостоятельную позицию и что ему дороги интересы родины, была сделана попытка избавиться от Торрихоса. 15 декабря 1969 г. четыре полковника, входивших в хунту, воспользовались поездкой Торрихоса в Мексику и объявили генерала низложенным, обвинив его в том, что он «коммунист» и якобы «содействовал проникновению в правительство левых элементов». Но этот заговор провалился: Торрихоса поддерживали националистически настроенные военные и народные массы.

Годы, прошедшие с момента прихода к власти правительства генерала Торрихоса, характеризуются глубокими изменениями в жизни панамского народа. Отстранив от

власти олигархию, правительство предпринимает шаги, направленные на укрепление национального суверенитета и проведение позитивных социально-экономических преобразований. Широкую поддержку народных масс получили такие мероприятия правительства, как налоговая реформа, перестройка системы образования, аграрная реформа. На экспроприированных у крупных латифундистов землях создано более 100 кооперативов. Принят новый кодекс о труде, явившийся результатом многолетней борьбы трудящихся. С 1968 г. в Панаме построено больше школ, чем за все время существования республики, в них учится свыше 90% детей. Демократизирована система высшего образования, резко снижена плата за обучение в университете и увеличено число мест в нем: в университетские аудитории получили доступ многие выходцы из рабочих и крестьянских семей. Правительство осуществляет программу «медицинское обслуживание для всех».

«Нам больно видеть родину, разделенную границей на две части,— заявил Торрихос, выступая летом 1972 г. перед журналистами.— Нам больно просыпаться и видеть над страной иностранный флаг, на улицах — иностранную полицию, в обращении — иностранные деньги. Мы не хотим, чтобы на территории нашей страны действовали законы американского штата Луизиана. Зона Панамского канала, находящаяся в руках американцев, является колониалистским клином в сердце родины. Панамский народ сражается не за пересмотр существующего соглашения с США, а за его отмену. Канал будет нашим!»³⁵.

Борьба панамского народа за полную независимость усиливается с каждым днем. Одним из важнейших этапов этой борьбы в последние годы, как мы указывали, были январские события 1964 г. В беседе с советскими журналистами, посетившими Панаму в 1965 г., бывший представитель Панамы в Организации Объединенных Наций, видный деятель этой страны Хорхе Ильюэка, сказал: «Панама все больше начинает осознавать себя нацией. И катализатором этого процесса были события 9 января».

Чтобы подорвать единство панамского народа и тем самым сохранить господство американского империализма в Панаме и за ее пределами (особенно в США), распространяются утверждения и теории, искажающие подлинную историю Панамы, отрицающие существование панамской нации и сеющие неверие в силы и возможности

панамского народа. Распространена теория о том, что судьба панамской нации всегда определялась и определяется лишь ее географическим положением (это транзитный перевалочный пункт), и потому жизнь панамского народа всегда должна быть подчинена интересам великих держав. Эта «теория» имеет широкое хождение и сегодня³⁶.

На предыдущих страницах мы много раз отмечали роль географического фактора в жизни Паанамы и ее народа, но в XX в., особенно в семидесятые годы, сложившаяся панамская нация не может мириться с насильственным разрывом ее национальной территории, с вмешательством в ее внутренние дела под искусственным предлогом географической исключительности.

Неверие в возможность самостоятельного развития панамской нации было характерно даже для взглядов многих политических деятелей самой Паанамы. В первой четверти нынешнего века один из государственных и общественных деятелей, доктор Эусебио А. Моралес, утверждал, что для панамцев характерны: «недостаточно сильное чувство восприятия собственной национальности, неверие в возможность суверенного существования Паанамы, отсутствие уверенности в собственных силах, как независимого государства, и глубокий пессимизм в отношении будущего Паанамы. Паанамы добилась независимости без борьбы, не пролив за нее кровь, не проявив героизма и не принеся в жертву своих сынов. Она вдруг оказалась владелицей огромного богатства, которое не завоевала... Даже среди организаторов сепаратистского движения были люди, не верившие в то, что Паанамская республика будет существовать. Главное для этих людей состояло в том, чтобы разрешить ближайшие экономические задачи личного порядка, а не добиваться укрепления новой нации»³⁷.

Следует признать, что выводы Моралеса в некоторой степени отражали положение вещей в первые годы после завоевания независимости. Но Моралес не там искал причины такого положения. Оно определялось политикой американского империализма и прислуживающей ей олигархии.

Последние события в Паанаме убедительно говорят о том, что народ этой маленькой страны твердо намерен вернуть себе свою исконную территорию, украденную американскими империалистами. Движение за завоевание

подлинной национальной независимости пирится в Пана-ме. 6 августа 1972 г. в Панамае состоялись выборы в национальное народное собрание представителей общин. Это были самые массовые парламентские выборы в истории страны, выборы без подлогов и подкупа, без обмана и насилия. Впервые олигархия Панамамы была лишена контроля над избирательным процессом. Единодушным голосованием за кандидатов «Нового панамского движения» избиратели решительно поддержали политику правительства Омара Торрихоса. В течение августа 1972 г. происходило торжественное вручение мандатов 505 депутатам национального собрания. Для новых депутатов, членов правительства и многочисленной публики старое здание парламента оказалось тесным, и народная ассамблея работала в спортивном дворце, который носит символическое название «Новая Панама».

Национальная ассамблея приняла новую конституцию и одобрила политику правительства Омара Торрихоса.

Народная (коммунистическая) партия Панамамы «определяет нынешнее правительство как мелкобуржуазное по своему составу и националистическое по своей сущности, ставшее на антиимпериалистические позиции под влиянием демократических сил, действующих как вне, так и внутри самого правительства, способное на определенных этапах развития страны играть объективно прогрессивную роль. Его первым результатом уже стало принятие некоторых мер, хотя и не изменивших в целом социальную структуру страны, но предоставивших народным массам, безусловно, большие возможности для защиты своих экономических интересов, для включения в активную политическую жизнь»³⁸.

Основная проблема, объединяющая ныне всех панамцев,— это восстановление суверенитета над зоной Панамского канала.

Военное патриотическое правительство Панамамы настойчиво добивается пересмотра кабального договора 1903 г. с Соединенными Штатами, признания последними национального суверенитета Панамамы над зоной канала, ликвидации американских военных баз и «Южного командования Соединенных Штатов», размещенного в зоне канала. В 1970 г. панамское правительство отказалось продлить унижительное соглашение с США о предоставлении 19 тыс. акров для военных учений, тренировки и пере-

подготовки офицерского состава армий латиноамериканских стран. Затем из Панамы были высланы все сотрудники пресловутого «Корпуса мира» и выдворены два американских дипломата за вмешательство во внутренние дела страны, за организацию клеветнической кампании против членов панамского правительства. В 1972 г. правительство национализировало североамериканскую электроэнергетическую компанию «Фуэрс и Лус», капитал которой составлял в Панаме 70 млн. долларов.

Летом 1971 г. начался новый тур американско-панамских переговоров, продолжающийся и в настоящее время. Американская сторона надеялась сохранить свое господство в зоне канала и поэтому всячески затягивала переговоры. Панамское правительство, поддерживаемое народом, исходит из принципа: территория страны не может быть временно или частично передана иностранному государству. Панама требует полного суверенитета на всей своей территории в качестве основы любого нового соглашения о Панамском канале. Соединенные Штаты длительное время настаивали на сохранении своих колониальных привилегий и военных баз, присутствие которых, по мнению панамского правительства, не может быть оправдано целями «защиты» канала, учитывая современные средства и методы ведения войны. Панамское правительство считает, что канал должен служить всем странам мира и, следовательно, находиться в зоне постоянного нейтралитета.

Провал американско-панамских переговоров вынудил Панаму обратиться в ООН с просьбой созвать специальное заседание Совета Безопасности. Соединенные Штаты делали все, чтобы не допустить обсуждения панамского вопроса в Совете Безопасности или, во всяком случае, «обезвредить панамскую бомбу». Но специальная сессия Совета Безопасности все же состоялась.

Созванная по инициативе Панамы выездная сессия Совета Безопасности ООН в марте 1973 г. нанесла ощутимый удар американскому империализму. Выступая на открытии сессии, глава панамского правительства генерал Торрихос обратил внимание участников заседания на продолжающуюся оккупацию Соединенными Штатами зоны Панамского канала. На протяжении многих десятилетий, заявил он, панамский народ ведет борьбу за отмену кабального договора, навязанного Панаме. Сегодня панамцы

решительно выступают против любых форм неокolonизма. Они заявляют всему миру: «Мы никогда не были и не будем государством-придатком, колонией или протекторатом. Мы никогда не станем еще одной звездочкой на флаге Соединенных Штатов»³⁹. Народ Панама, сказал генерал Торрихос, разделяет чувства народов тех стран, которые ведут борьбу за свободу и независимость против колониального гнета и рабства, против господства сильного над слабым.

Выездная сессия Совета Безопасности показала, что мировая прогрессивная общественность полностью на стороне справедливых требований панамцев. Она показала, что особенность происходящих ныне американо-панамских переговоров заключается в том, что империализм США уже не в состоянии подавить стремление панамского народа к свободе: соотношение сил в мире изменилось в пользу социализма.

Солидарность латиноамериканских государств, а также большинства стран других континентов с делом Панама, последовательность и настойчивость руководителей и народа этой страны, которые с позиций патриотизма и политического реализма добиваются признания законных прав панамцев, несомненно, дают свои плоды. В январе 1974 г. в Вашингтоне было объявлено, что в результате переговоров с представителями Панама достигнуто соглашение о принципах, на основе которых обе стороны продолжают поиски взаимоприемлемого решения проблемы. В феврале этого же года состоялся визит государственного секретаря США в Панама. В ходе этого визита он подписал «Декларацию принципов», на основе которой будет разработан новый договор о канале взамен старого (от 1903 г.). Вашингтон обязуется признать суверенитет Панама над каналом и прилегающей к нему зоной.

Разработка окончательного варианта договора, за который так долго боролись панамцы, а затем процесс его ратификации займут, по мнению специалистов, еще немало времени.

В Панама создалась новая политическая атмосфера: патриотические левые силы действуют свободно, поддерживают прогрессивные начинания правительства. Решимость нынешних руководителей Панама добиться возвращения незаконно удерживаемой национальной территории встречает поддержку панамского народа.

Солидарность латиноамериканских государств, а также большинства стран других континентов с делом Панамы, последовательность и настойчивость руководителей и народа этой страны, которые с позиций патриотизма и политического реализма добиваются признания законных прав панамцев, несомненно дадут и уже дают свои плоды.

Процессы, развивающиеся в Панаме, являются свидетельством новой расстановки классовых сил во всем мире, при которой агрессивные империалистические круги уже не могут, как раньше, безнаказанно вмешиваться во внутренние дела даже небольших и зависимых от них в экономическом отношении государств, с другой стороны, события в Панаме — проявление растущей революционно-демократической борьбы во многих странах Латинской Америки.

Пример Панамы наглядно показывает, что в результате активной, инициативной внешней политики СССР и других социалистических стран, в ходе претворения в жизнь выдвинутой XXIV съездом КПСС Программы мира агрессивные империалистические круги оказываются во все большей изоляции во всем мире.

¹ «New York Times», 14.IX 1967.

² «France Nouvelle». Paris, Dec. 1970, p. 12.

³ В. Р. Jiménez. Historia de Panamá. Panamá, 1963, p. 104—105.

⁴ Ibid., p. 108.

⁵ Н. Porras. Grupos Humanos de Panamá. Panamá, 1967, p. 11.

⁶ R. D. Carles. 220 años del periodo colonial en Panamá. Panamá, 1949, p. 27.

⁷ Н. Porras. Op. cit., p. 5.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibid., p. 1.

¹⁰ Рубен Д. Соуса, Сесар А. де Леон, Уго А. Виктор, Карлос Ф. Чангарин. Панама 1903—1970 гг. Нация — империализм. Народные силы — олигархия. Кризис и революционный путь. М., 1974, стр. 32 (далее — Рубен Д. Соуса и др. Панама 1903—1970...).

¹¹ Bolívar. Obras completas, t. 1. Caracas, 1947, p. 115.

¹² G. Mack. The land divided. New York, 1944, p. 161.

¹³ А. Вауо. Panamá. La Habana, 1967, p. 35.

¹⁴ В. Р. Jiménez. Op. cit., 261.

¹⁵ С. А. Гонионский. История панамской революции. М., 1958, стр. 71.

¹⁶ В. Р. Jiménez. Op. cit., p. 277.

¹⁷ Рубен Д. Соуса и др. Панама 1903—1970..., стр. 30.

¹⁸ В. Саенс. Проблемы межконтинентальных путей Американского континента. М., 1959, стр. 49—50.

- ¹⁹ César A. De León. Significado histórico de la actual crisis entre Panamá y los Estados Unidos. Panamá, 1964, p. 14.
- ²⁰ «Panamá en cifras». Panamá, 1964, p. 1.
- ²¹ Рубен Д. Соуса и др. Панама 1903—1970..., стр. 58.
- ²² O. Lutz. Los indígenas del Istmo de Panamá. «Estudios», N 3. Julio de 1964, p. 61.
- ²³ Ibid., p. 62.
- ²⁴ S. H. Wassen. Apuntes Etnohistóricos Chocoanos. «Homme y cultura», t. 1. Panamá, 1963, N 2, p. 5—21.
- ²⁵ Цит. по: В. Р. Jiménez. Op. cit., p. 33.
- ²⁶ «Конституции государств Американского континента», т. III. М., 1959, стр. 30.
- ²⁷ R. Torres de Araúz. Anuario indigenista del Instituto Indigenista Internacional. México, 1962, p. 6—7.
- ²⁸ «Panama». Washington, 1963, p. 21.
- ²⁹ J. and D. Biesans. The People of Panama. New York, 1955, p. 141.
- ³⁰ «Panama en cifras», p. 16.
- ³¹ Рубен Д. Соуса и др. Панама 1903—1970..., стр. 58.
- ³² E. I. Castillero. Historia de Panama. Panama, 1967, p. 138.
- ³³ J. and D. Biesans. Op. cit., p. 151.
- ³⁴ César A. De León. Op. cit., p. 18—19.
- ³⁵ «Siempre», Mexico, 26.VI 1972, p. 19.
- ³⁶ «Economist», London, 25.III 1968, p. 19.
- ³⁷ Цит. по: D. de la Rosa. Eusebio A. Morales, conciencia crítica de la República. Panamá, 1960, p. 17—18.
- ³⁸ Рубен Д. Соуса. Панама: новые перспективы борьбы. «Латино-ская Америка», 1973, № 1, стр. 17.
- ³⁹ «Newsweek», 26.III 1973, p. 13.

Содержание

Введение	3
<i>С. А. Гонионский</i>	
Мексика. Этническая история и национальные отношения	48
<i>И. Ф. Хорошаева</i>	
Гватемала. Этническая история древней Гватемалы	87
<i>Р. В. Кинжалов</i>	
Основные направления этнического развития в колониальной и независимой Гватемале	98
<i>И. Ф. Хорошаева</i>	
Сальвадор. Становление нации	122
<i>Э. Л. Нитобург</i>	
Гондурас. Формирование этнической общности	180
<i>А. Д. Дридзо</i>	
Никарагуа. К вопросу о национальной независимости	240
<i>Н. С. Леонов</i>	
Коста-Рика. Очерк истории национального развития	262
<i>С. Я. Серов</i>	
Панама. Внешнеполитические факторы в национальном развитии	293
<i>С. А. Гонионский</i>	

**Национальные процессы
в Центральной Америке и Мексике**

Утверждено к печати
Институтом им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР

Редактор издательства *Л. И. Тормозова*
Художник *Л. Ф. Шканов*
Художественный редактор *В. Н. Тихунов*
Технические редакторы *Ф. М. Хенух* и *Т. А. Прусакова*

Сдано в набор 19/III 1974 г.
Подпис. к печ. 9/VII 1974 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2
Усл. печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 19,9. Тираж 1500.
Т-12230. Тип. зак. 300.
Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Опечатки и исправления

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
42	24 св.	демокритический	демократический
47	3 сн.	Амери-	Аляс-
72	21—22 сн.	из-	переиз-
77	13 св.	3305	3305 тыс.
100	19 сн.	нагорье	нагорье,
119	7—8 сн.	Как уже указывалось выше, языки гватемальских индейцев относятся к лингвистической семье сокемайя. Толь-	Толь-
225	16 сн.	пайн	пайя
296	20 св.	В. Лемар	В. Лсман

«Национальные процессы в Центральной Америке и Мексике»